

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Главная тайна Библии. Том Райт.

Предисловие.

На что мы надеемся? И что будем делать с нашей надеждой сегодня?

Два этих вопроса лежат в основе моей книги. Во-первых, в ней говорится о конечной надежде, которую нам предлагает христианство. Эта грядущая надежда включает в себя «спасение», «воскресение», «вечную жизнь» и некоторые другие сопутствующие им события. Во-вторых, говорится о надежде для нынешнего мира, о том, как группы и отдельные люди могут обрести реальную надежду, которой им по каким-то причинам не хватает. И наконец, эта книга о том, как грядущая надежда порождает и питает надежду в настоящем.

По моим впечатлениям, большинство людей – в том числе многие христиане – не знают, в чем заключается конечная христианская надежда. Большинство людей – опять-таки, к сожалению, включая многих христиан, – не ожидают, что современные последователи Христа могут сказать решительное слово о надежде в нынешнем мире. Большинство людей просто не могут себе представить, как эти две надежды связаны друг с другом. Вот почему книга получила такое название: надежда рождается неожиданно, причем одновременно на разных уровнях.

Что касается первого уровня, в книге безусловно говорится о смерти и о том, что с христианской точки зрения стоит за смертью. Я не буду разбирать физический или медицинский аспект смерти и ее последствий и говорить о психологической или антропологической стороне связанных со смертью ритуалов и представлений. Обо всем этом написано множество книг. Я буду рассматривать этот вопрос как библеист и богослов, используя данные из других областей, и таким образом попытаюсь восполнить то, чего в них обычно не хватает. Я также намерен говорить о том, что снова, как я полагаю, должна понять церковь, – о классическом ответе христиан на вопрос о смерти и посмертии. Нельзя сказать, что этот ответ не принимают (как мир, так и церковь), скорее о его существовании просто никто не подозревает. В 1995 году в Великобритании провели исследование представлений о загробной жизни. Оказалось, что большинство людей верит в продолжение жизни после смерти, но из них лишь ничтожное меньшинство, включая практикующих христиан, придерживается традиционного христианского представления – веры в будущее телесное воскресение. Я нередко наблюдаю, что христиане, все еще толкующие о «воскресении», понимают под этим словом «жизнь после смерти» или «небесное блаженство», но при более тесном общении можно увидеть, что они так же смутно представляют себе то, о чем говорят, как и все, кто далек от религии. А некоторые христианские авторы, которые пишут о смерти, сознательно не касаются воскресения и всего, что с ним связано, не задумываясь о том, какой ущерб наносят их книги.

Я должен предупредить, что в каком-то смысле не слишком компетентен в вопросе смерти. Мне скоро шестьдесят, и для человека моего возраста я пережил на удивление мало потерь. В моей жизни почти не было трагедий, все мои родные, за редким исключением, дожили до глубокой старости. Это вызывает у меня удивление и благодарность, хотя, разумеется, я понимаю, что все может измениться. Кроме того, хотя с момента моего рукоположения прошло более тридцати лет, я, с одной стороны, работал в университетах, с другой – участвовал в работе диоцезии, и поэтому провел меньше погребений и поминальных служб, чем большинство священников совершает за два-три года. Нечасто мне приходилось быть рядом с умирающими людьми. Конечно, мне здесь не хватает непосредственного опыта, но зато, полагаю, я это мог компенсировать тем, что впитал в себя жизнь и мысли первых христиан, – многие не имеют такой счастливой возможности[1]. Изучая первых христиан, я снова и снова сталкивался с одним и тем же ощущением: нельзя сказать, что им не поверили, скорее их просто не расслышали. В книге я хотел снова показать, в чем заключалась их вера, – более того, я надеялся показать, насколько она жива. Я убежден, что эта вера дарит не только самую прекрасную надежду, но и самую укорененную на земле надежду из всех, что мы имеем, причем эта надежда соединяется с иной надеждой, которая питает деяния Бога в этом мире.

На втором уровне излагаются основы прикладного и даже политического богословия – то есть размышления христианина о природе той задачи, с которой он сталкивается, пытаясь привнести царство Божье в реальный страдающий мир, где мы живем. [Приношу свои извинения библиотекарям, понимая, что это может создать для них проблему: к какой категории отнести книгу? Это «эсхатология» (смерть, суд, небо и ад) или «политика»?] И здесь также мне необходимо сделать предупреждение. Я не политик, хотя, в силу

моего положения, член палаты лордов Великобритании. Я никогда не пытался занять какой-либо политический пост и не принимал активного участия в предвыборных кампаниях – я мало знаком с публичными выступлениями, заявлениями, с искусством оказывать давление и что-то демонстрировать, чтобы отстоять те принципы, в которые я верю. Если я и участвую в такой борьбе, то – иными средствами. Однако во мне крепнет убеждение, что изучаемые мной проблемы, а также ситуации, с которыми я как пастырь ежедневно сталкиваюсь в своей практике (на жизнь моей диоцезии разрушительно повлияла безликая жестокость последних пятидесяти лет), вынуждают думать, что мы как христиане должны размышлять и обращаться к миру, чтобы помочь ему обрести надежду в социальной и политической сферах. И я все больше замечаю, насколько эти две надежды снова и снова пересекаются. Я добровольно дарю моим потенциальным критикам два этих предупреждения: мой опыт относительно скорби по умершим и политики ограничен, но я, тем не менее, верю, что удивительная христианская надежда может пролить свет на обе эти сферы и дать новые силы тем, кто работает чаще, чем я, как с умирающими, так и с бедными.

И еще одно вводное замечание общего характера. Любые слова, которыми описывают будущее, – просто знаки на столбе, которые указывают в даль, скрытую туманом, – это прекрасно понимает любой экономист или политик. Мы смотрим сквозь тусклое стекло, как говорил апостол Павел, вглядываясь в грядущее. Все наши слова о состоянии мира и людей в будущем – сложные образы, которые могут соответствовать или не соответствовать грядущей реальности. Но это не означает, что перед нами только чьи-то вымыслы или что каждое мнение по-своему не хуже любого другого. Кроме того – представьте, что из этого тумана нам навстречу выходит некто. Именно в этом и заключается суть веры христиан, хотя о том часто забывают.

Эта книга основана на материале лекций, прочитанных в 2001 году в Вестминстерском аббатстве. Часть материала затем была переработана на Стивенсонских лекциях в Шеффилде весной 2003 года; часть – на лекциях Церкви Святой Троицы в Гилфорде, также прочитанных весной 2003 года; часть – на Дидсбэрских лекциях, прочитанных в октябре 2005 года в Нэзерин-Колледже в Манчестере; кроме того, многое было использовано в учебных лекциях в Церкви св. Андрея (Чарльстон, Южная Калифорния) в январе 2005 года; в Епископальной церкви св. Марка (Джексонвилль, Флорида) в марте 2005 года; в Церкви Сити (Ньюкасл) также в 2005 году; в Богословском центре св. Марка (Канберра) в апреле 2006 года; для консорциума церквей в Роаноке (Виржиния) в марте 2007 года и (в виде Фарадеевской лекции) в Кембридже в мае 2007 года. Я от всей души благодарю тех, кто меня приглашал и принимал во всех этих случаях, а особенно тех, чьи вопросы и острые замечания заставили меня продумать затронутые темы полнее и помогли избежать хотя бы некоторых ошибок. Я благодарен редакции сайта Ship of Fools за публикацию отрывка, который я включил в книгу в качестве заключения, и за то, что они позволили мне напечатать здесь слегка измененную версию этого текста. Я также благодарю доктора Ника Перрина, который в Вестминстерском аббатстве работал над рукописью и дал мне массу ценных рекомендаций. И я никогда не перестану благодарить Саймона Кингстона, Джоанну Мориарти и всю энергичную и бдительную команду издательства SPCK.

Том Райт Оклендский замок
Часть I Создание контекста

1. Уже принарядились, но куда пойти?

1. Введение

Начнем с пяти зарисовок: они подготовят почву для двух вопросов, которым посвящена эта книга.

Осенью 1997 года Великобритания погрузилась в национальный траур по случаю смерти принцессы Дианы. Кульминацией скорбных дней стала необыкновенная погребальная служба в Вестминстерском аббатстве. По всей стране, а также во многих других частях света люди приносили цветы, плюшевых мишек и другие предметы в церкви и соборы, они часами стояли в очередях, чтобы написать трогательные, хотя порой и бесхитростные, слова соболезнования в специальных книгах. Подобные случаи всеобщего траура, хотя и в меньших масштабах, происходили и раньше, например после трагедии в Хиллсборо 1989 года (когда в результате давки на стадионе погибло множество болельщиков)

или после взрыва в Оклахома-Сити в 1995 году. Эти события обнаружили пестрое смешение верований, чувств и предрассудков людей относительно участи умерших. Реакция церквей на смерть принцессы Дианы показала, как далеки они от некогда традиционного христианского учения по данному вопросу.

Вторая история больше похожа на фарс, но имеет серьезную подоплеку. Проснувшись рано в один из дней 1999 года, я услышал по радио сообщение, что некий общественный деятель был снят со своего поста из-за еретических высказываний о жизни после смерти. Я стал слушать особенно внимательно. Неужели это разоблачение какого-нибудь епископа или радикального богослова? Но потом я понял, что, как это ни удивительно, речь идет о футбольном тренере. Гленн Ходдл, руководитель английской сборной, заявил, что верит в реинкарнацию. По его словам, за грехи, совершенные в одном воплощении, человек в следующей жизни становится инвалидом. Группы, отстаивающие права инвалидов, выразили свое возмущение, в результате чего Ходдл потерял свой пост. Но в те же дни комментаторы сообщали, что идеи реинкарнации пользуются в обществе огромной популярностью, и было бы очень странно запретить, скажем, индуистам (многие из которых придерживаются того же мнения, что и Ходдл) быть тренерами национальных спортивных команд.

Третья сценка – повторяемое событие, которое всем знакомо. Группа из двадцати-тридцати человек медленно подъезжает на машинах к невзрачному зданию на окраине города. Электроорган с металлическим звуком играет музыку, которую можно услышать и в супермаркетах. Звучит короткая речь, затем – нажатие кнопки, скорбные взгляды работников службы ритуальных услуг – и люди шеренгой покидают здание, садятся в машины и едут домой пить чай, удивленно спрашивая себя: что все это значило? Кремация, о которой в Великобритании никто и не слыхивал сто лет назад, стала самым распространенным видом похорон – во всяком случае, так нам говорят. Это – и следствие, и причина неприметных, но значимых перемен в понимании смерти и надежды, которая стоит за ней.

Я сделал эти зарисовки в начале 2001 года. Но к концу того же года мы стали свидетелями четвертого события, которое всем известно, но слишком ужасно, чтобы его подробно описывать или обсуждать. Теракт 11 сентября 2001 года оставил глубокий шрам на памяти человечества; тысячи убитых и десятки тысяч скорбящих призывают нас к молитве и пробуждают наше сочувствие. Я не буду больше говорить об этом событии, но для многих людей оно снова неотвратимо поставило тот самый вопрос, которому посвящена моя книга. К столь же страшным результатам, хотя иным образом, привели три масштабных «природных катастрофы» (как их принято называть) 2004 и 2005 года: цунами в Азии на Рождество 2004 года; ураганы на побережье Америки в августе 2005 года, которые, в частности, опустошили Новый Орлеан; и страшное землетрясение в Пакистане и Кашмире в октябре того же года.

Пятая зарисовка также касается могилы, но иного рода. Если вы посетите историческое местечко Изингтон в графстве Дарем и спуститесь с холма к морю, то увидите маленький городок под названием Изингтонская Шахта. Шахты там уже давно нет, а название осталось. Когда-то там стояло надшахтное здание, а под ним трудились тысячи людей, добывая тонны угля. Они работали быстрее и гораздо эффективнее, чем их коллеги из многих других шахт. А теперь здесь ничего нет, кроме чахлой травы, она не радует глаз, но пробуждает скорбь утраты. В окрестностях, несмотря на героические усилия местных властей, все говорит о загрязнении местности, что губительно отразилось на растительности, – так местные жители страдают из-за борьбы за власть других людей. И этот пейзаж для меня – символ, точнее – символический вопрос: На что надеяться людям в таких заброшенных местах, потерявшим смысл существования, утратившим былой образ жизни и свою общность, в чем заключается их надежда?[2]

Эта книга посвящена вопросам, которые часто изолированы друг от друга, но которые, я горячо в это верю, тесно связаны. Во-первых, в чем состоит конечная христианская надежда? Во-вторых, на что может надеяться нынешний мир, на какие изменения, освобождение, преобразования? Какие новые возможности он может найти? В целом ответ может звучать так: пока «христианская надежда» для нас означает «попасть на небо» и «спастись», по сути, от здешнего мира, эти два вопроса непременно будут нам казаться не связанными между собой. И некоторые люди упорно утверждают, что, задавая второй вопрос, мы пренебрегаем первым, а только он действительно важен. В то же время такая позиция вызывает гнев других людей, когда они слышат о

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
воскресении; им кажется, что это пренебрежение важными и неотложными проблемами современного общества. Но если «христианская надежда» – новое творение, «новое небо и новая земля», которые создаст Бог, к тому же эта надежда уже получила жизнь в Иисусе из Назарета, – тогда у нас есть все основания связать два этих вопроса. И в таком случае мы поймем, что, отвечая на один из них, мы отвечаем также и на другой. Я видел, что для многих людей – и среди них немало христиан – все это кажется чем-то странным и неожиданным: и то, что подлинная христианская надежда удивительно непохожа на их привычные представления, и то, что она дает основания для вдохновенной работы в нынешнем мире.

В этой главе я хочу создать контекст для обсуждения наших вопросов, рассмотрев то замешательство, которое сегодня царит в представлениях мира – всего большого мира, а не церкви, – относительно жизни после смерти. Затем, во второй главе, я поговорю о церквях, где, по моему мнению, господствует подобная неопределенность, внушающая беспокойство. Это позволит нам выделить главный вопрос и создаст рамки для поиска ответа на него.

Я пришел к убеждению, что многие люди, в том числе большинство практикующих христиан, туманно или неверно представляют данную тему, и это непонимание порождает серьезные ошибки в наших мыслях, молитве, богослужении и в наших поступках, и особенно сильно оно вредит нашей миссии в мире. Примеры, приведенные в начале главы, показывают, что сегодня нехристиане не просто путаются в вопросе жизни после смерти, – но и не знают, что об этом думают сами христиане. Часто они считают, что христиане верят в «жизнь после смерти» в самом широком смысле, но не понимают, как с этим соотносятся более специфические представления о воскресении, суде, втором пришествии. И им уже совсем неясно, как подобные взгляды связаны с острыми, мучительными проблемами современности.

Этот вопрос не сводится к представлениям о том, что происходит с отдельным умершим, или даже к представлениям о собственной посмертной судьбе, как бы ни были важны эти вещи сами по себе. Этот вопрос прямо касается представлений о Боге и его замысле о вселенной, а также о том, что Бог делает уже сейчас для исполнения этого замысла. От Платона до Гегеля и далее многие величайшие философы утверждали, что представления о смерти и существовании за ее пределами определяют то, как мы думаем обо всем остальном, – в самом деле, они же дают повод задуматься о чем-либо всерьез. Это положение должен горячо отстаивать любой христианский богослов.

Итак, мы уже не будем отвлекаться, но погрузимся в противоречивые представления об этом предмете, царящие в большом мире, который лежит за дверями церкви.

2. Надежда: сумятица представлений в большом мире

Мы можем увидеть самые разные «по форме, цвету и размерам» представления о жизни после смерти. Если мы даже поверхностно рассмотрим классические учения важнейших мировых религий, мы увидим, что старое утверждение «все религии по своей сути одинаковы», – глубоко ложно. Представления мусульманина, который верит, что палестинский юноша, убитый израильскими солдатами, сразу попадает на небеса, резко отличаются от представлений индуса о том, что в силу жестких законов кармы судьба умершего – это возвращение в новом теле. Вера ортодоксального иудея в то, что все праведники после воскресения восстанут к новой телесной жизни, сильно отличается от представлений буддиста, который надеется, что смерть подобна растворению капли воды в океане, при котором человек теряет свою идентичность в безымянном и бесформенном посмертии.^[3] При этом в каждой из этих религий существует множество направлений мышления с разными вариантами представлений о загробной жизни.

Кроме того, существует великое множество самых разных идей о том, что умершие делают сейчас. Во многих районах Африки предки продолжают играть важную роль в жизни общины или семьи, там существуют сложные системы действий, которые позволяют заручиться поддержкой умерших или хотя бы защититься от их злой воли. Западные секуляристы заявят, что это характерно для так называемых примитивных народов, но они неправы. Антрополог Нигель Барли описывает встречу со своим высокообразованным японским коллегой в Республике Чад, куда они приехали работать. Барли выразил удивление по поводу «сложного культа предков, в котором используют кости и разбитые

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
череп и где происходит всесторонний обмен между умершими и живыми». Но его японскому другу все эти вещи казались банальностью. Барли пишет:

Он был, разумеется, буддистом, в его комнате стоял алтарь, посвященный умершим родителям, и на этом алтаре постоянно совершались приношения... Он привез в Африку кость ноги своего отца, бережно завернутую в белую ткань, чтобы получить защиту на время своей полевой работы. Для меня [поясняет Барли] культ предков – это предмет описания и анализа. Но для него отсутствие подобных связей между живыми и умершими стало бы загадкой, которую необходимо объяснить. [4]

Если мы теперь обратим внимание на наш дом, то увидим, что и у нас существует не только множество представлений, но и множество обычаев, связанных со смертью и загробной жизнью. Я склонен думать, что в истории Британии не было ни одного такого момента, когда большинство людей придерживалось бы ортодоксальной христианской точки зрения на вопрос о посмертной жизни. Можно определенно утверждать, что многие различные представления существовали и в викторианскую эпоху, поскольку уже тогда мучили самые разные вопросы веры и неверия. Знаменитое полотно Генри Александра Баулера «Сомнение: оживут ли кости сии?», созданное в 1855–1856 годах, ярко отражает эту ситуацию. На картине изображена молодая женщина, опирающаяся на камень над могилой, где покоится некто Джон Верный. На надгробии начертаны слова «Я есмь воскресение и жизнь». На соседнем камне написано RESURGAM – «Я воскресну», – такую надпись можно встретить на многих могилах того времени. Из могилы растет конский каштан, на поверхности ее лежит череп, а на нем сидит бабочка – символ души. Эта картина отражает мучительный вопрос и половинчатый ответ, и о том же говорит нам великая поэма Теннисона «In Memoriam». Одно из стихотворений Теннисона, которое стоит последним в собрании его сочинений, было написано в 1889 году, за три года до смерти поэта. Иногда мне кажется, что тут Теннисон приближается к буддийским представлениям о растворении капли в океане, но в итоге возвращается к христианской надежде:

Закат вдали и первая звезда,
И ясный дальний зов! И пусть теперь у скал замрет вода;
К отплытью я готов.
Пусть медленно, как сон, растет прилив,
От полноты немой, чтобы безбрежность, берег затопив,
Отхлынула домой.
Пусть колокол вечерний мерно бьет,
И мирно дышит бриз, когда пройду последний поворот,
Миную темный мыс.
Развеется за мной, как морок дня, Береговой туман,
Когда мой Лоцман выведет меня В открытый океан. [5]

От этого представления заметно отличаются куда более ортодоксальные и простые образы стихотворения Редьярда Киплинга, написанного в 1892 году. Не могу судить, в какой мере сам поэт в это верил, и, разумеется, это скорее стихотворение об искусстве, нежели о загробной жизни, но он, несомненно, опирается на христианскую веру в то, что после какого-то периода покоя умерших ожидает новая жизнь в теле:

Когда уже ни капли краски Земля не выжмет на холсты,
Когда цвета веков поблекнут и наших дней сойдут цветы,
Мы – без особых сожалений – пропустим Вечность или две,
Пока умелых Подмастерьев не кликнет Мастер к синеве.
И будут счастливы умельцы, рассевшись в креслах золотых,
Писать кометами портреты – в десяток лиг длиной – святых,
В натурщики Петра, и Павла, и Магдалину призовут,
И просидят не меньше эры, пока не кончат славный труд!
И только Мастер их похвалит, и только Мастер попрекнет –
Работников не ради славы, не ради денежных щедрот,
Но ради радости работы, но ради радости раскрыть,
Какой ты видишь эту Землю, – Ему, велевшему ей – быть! [6]

Это многообразие представлений конца XIX века отражают, как мы увидим, церковные гимны и молитвы. [7]

Но снова вернемся в прошлое, на этот раз еще более далекое, и обратимся к творчеству Шекспира. В комедии «Мера за меру» герцог обращается к осужденному Клавдио с ободрением, чтобы тот достойно встретил смерть. Сама жизнь, говорит герцог, не такая уж великая ценность, и, возможно, смерть ничуть не хуже:

Твой лучший отдых – сон.
Его ты вызываешь и дрожишь
Пред смертью, тем же сном. Ты не цельна,
А состоишь из тысячи частиц,
Рожденных прахом. Ты не знаешь счастья,
Все гонишься за тем, что не имеешь,
Не ценишь то, что есть. Ты переменна
И настроения свои меняешь
Вслед за луной. В богатстве ты бедна
И, как осел, под слитками сгибаясь,
Несешь свой груз, богатый лишь в пути,
А смерть его снимает. Ты – без близких,
Ведь даже плоть, которой ты отец,
И порожденье чресл твоих клянут
Паршу, подагру, ревматизм за то,
Что не прикончен ты. И, возрастов не зная,
О них ты только гредишь, как во сне:
Ведь молодость цветущая твоя
Как немощная о поддержке просит
У старости разбитой; старику ж
Без красоты, без страсти и без сил
Не нужно и богатство. Что ж еще
Зовется жизнью? И хоть в жизни скрыто
Смертей без счета, мы страшимся смерти,
Что исправляет все.

На какое-то время эти размышления утешают Клавдио. Он отвечает:

Благодарю.
В стремленье к жизни нахожу я смерть,
В стремленье к смерти – жизнь. Так пусть приходит.

Но вскоре после этого Клавдио говорит с Изабеллой, которая готова пожертвовать своей честью ради его спасения. И тогда он оказывается перед дилеммой: смерть, говорит он, – страшная вещь:

Но умереть и сгинуть в неизвестность,
Лежать в оцепенении и тлеть,
Чтоб тело теплое, живое стало
Землистым месивом, а светлый дух
Купался в пламени иль обитал
В пустынях толстореберного льда;
Быть заключенным среди ветров незримых
И в буйстве их носиться все вокруг
Земли висящей; худшим стать среди худших,
Кого себе мы смутно представляем
Ревущими от мук, – вот что ужасно.
Тягчайшая, несчастнейшая жизнь,
Болезни, старость, нищета, тюрьма,
Все бедствия покажутся нам раем
Пред тем, чем смерть грозит. [8]

Это утешение не несет тепла; беспощадная реальность сохраняется и после смерти.

Теперь вернемся в нашу эпоху. Первая мировая война не только унесла множество жизней, но и заставила людей размышлять о смысле смерти. Некоторые историки думают, что вера в ад, на которую уже начали нападать отдельные богословы XIX столетия, пошатнулась из-за этой войны. Сама земля в огромной степени превратилась в ад, и людям стало трудно верить, что Бог намерен создать нечто подобное и в будущей жизни. Но это не означает, что они начали верить в христианский универсализм, в небеса или воскресение для

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
всех или хотя бы для большинства людей. Скорее многие стали склоняться к тому, на что уже указал Шелли в стихотворении, посвященном памяти Китса:

Не умер он; он только перевозмог
Сон жизни, сон, в котором истязаем
Мы все самих себя среди тревог;
Сражаться с привиденьями дерзаем...
Не умер он; теперь он весь в природе;
Он голосам небесным и земным
Сегодня вторит, гений всех мелодий,
Присущ траве, камням, ручьям лесным,
Тьме, свету и грозе, мирам иным,
Где в таинствах стихийных та же сила,
Которая, совпав отныне с ним,
И всех и вся любовью охватила...
Прекрасное украсивший сперва,
В прекрасном весь, в духовном напряженье,
Которое сильнее вещества,
Так что громоздкий мир в изнеможенье,
И в косной толще, в мертвом протяженье,
Упорно затрудняющем полет,
Возможны образ и преображенье,
Когда, перевозмогая плотский гнет,
В зверях и в людях дух лучей своих глотнет...
Дыханье Адонаиса во мне.
Отвергнутый другими голосами,
Отплыл я вдаль один в своем челне.
В толпе пугливой понимают сами:
Не плыть им под моими парусами.
Для них земля достаточно тверда,
Тогда как мой приют за небесами,
И, словно путеводная звезда,
Дух Адонаиса влечет меня туда. [9]

Атеист Шелли вполне отдавал себе отчет в том, что неоплатонические представления о превращении души в часть красоты вселенной сильно отличаются от традиционного христианского учения. По иронии судьбы сегодня многие люди, испытывая подобные чувства, думают, что это христианство, и хотят, чтобы церковь провозглашала нечто подобное на погребальных службах. За Шелли последовали многие другие. Подобные мысли выразил Руперт Брук, который в 1914 году написал такие слова, обращенные к друзьям:

Лишь это вспомните, узнав, что я убит:
стал некий уголок, средь поля, на чужбине
навек Англией. Подумайте: отныне
та нежная земля нежнейший прах таит.
А был он Англией взлелеян; облик стройный
и чувства тонкие она дала ему,
дала цветы полей и воздух свой незнойный,
прохладу рек своих, тропинок полутьму.
Душа же, ставшая крупницей чистой света,
частицей Разума Божественного, где-то
отчизной данные излучивает сны:
напевы и цвета, рой мыслей золотистый
и смех, усвоенный от дружбы и весны
под небом Англии, в тиши её душистой. [10]

Это – небо Англии, но вряд ли – небеса христианской традиции или Нового Завета. Подобные взгляды выражал и Джордж Элиот, писавший о «бессмертных умерших, что вновь живут в уме, который становится прекраснее от их присутствия». [11]

В ноябре 1920 года состоялись похороны неизвестного Солдата, и можно сказать, что это событие уже предвещало всенародное оплакивание погибшей принцессы Дианы. Тогда миллионы потеряли своих близких, часто взрывы разрывали солдат на части или люди пропадали без вести. И участвуя в похоронах неизвестного, скорбящие могли думать, что хоронят своих сыновей или мужей. Эти смерти, а затем, меньше чем одно поколение спустя, смерти во Второй мировой войне сильно повлияли на людей, и, как я думаю,

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
представления о смерти в Англии XX века объясняются тем, что смертей было слишком много, чтобы можно было это осмыслить. Я вырос в такой среде, где о смерти почти не говорили; детей 1950–х берегли от соприкосновения с этой темой. Так, я впервые в жизни оказался на похоронах уже тогда, когда мне исполнилось почти двадцать лет. Возможно, это было реакцией на мелодраматизм викторианства с его смертным одром и похоронными обрядами. Быть может, этим взрослые защищали себя, потому что тайно носили в себе великую скорбь об ушедших, которую снова могла оживить непосредственная реакция ребенка.

Таким образом, смерть и жизнь за ее пределами в 1950–х были запретной темой, но сегодня ситуация изменилась. Появились кинофильмы, пьесы и романы, которые исследуют эту тему со всех возможных точек зрения. Такие фильмы, как «Четыре свадьбы и одни похороны» или «И видеть сны» (Perchance to Dream), отражают горячий интерес нового поколения к вопросу, который раньше не задавали и на который люди не знают удовлетворительного ответа. «Мрачный» сегмент рынка переполнен темой смерти, и это не только сцены насилия, но и «ужастики», в которых смерть становится главным источником тревоги. Нигилизм, порожденный секуляризмом, отнял у многих людей смысл жизни, и это опять-таки заставляет думать о смерти. Один из самых блестящих спектаклей, которые мне удалось увидеть, когда мы жили в Лондоне, – это завоевавшая Пулитцеровскую премию пьеса «Wit», написанная школьной учительницей из Атланты (штат Джорджия) Маргарет Эдсон. [12] Её героиня Вивиан Биринг – известный специалист по «Священным сонетам» Джона Донна, а все действие разыгрывается в большой палате, где Вивиан умирает от рака, размышляя над великим сонетом Донна «Смерть, не тщеславься...». О нем нам еще предстоит поговорить. Эта пьеса пользовалась большим успехом в Нью-Йорке, чем в Лондоне; возможно, готовность всестороннее обдумать вопрос смерти зрелого человека в США выше, чем в Великобритании. Но подобные вопросы окружают нас со всех сторон. Когда я готовил лекции, положенные в основу данной книги, вся страна говорила о Джоне Даймонде. Этот журналист, обладавший лаконичным стилем и стоическим мышлением, умер от рака гортани. Убеденный атеист, он писал о том, что отвергает любые утешения и мысли о спасении в загробной жизни. Этот человек уже умер. Интерес к его колонке и обмен мнениями читателей свидетельствуют о том, что в нашем мире тема смерти и того, что лежит (или не лежит) за ее пределами, крайне притягательна.

Куда же это нас ведет? Не так давно Рут Гледхилл, которая освещает религиозную тему в газете The Times, утверждала в своей статье, что сейчас образовалась пропасть между представлениями основных церквей и «волшебством» всевозможных взглядов, культов и верований движения New Age. Один из читателей ответил на это, что для него как для постороннего наблюдателя представления церквей также кажутся верой в волшебство. «С точки зрения нехристиан, – писал он, – члены Церкви Англии, без сомнения, верят в возвращение трупов к жизни». Косвенно он хотел сказать примерно следующее: если это не волшебство, то что же вообще можно назвать волшебством?

Так что же это на самом деле? И во что люди действительно верят, когда говорят о Пасхе? И как их вера связана с тем, что утверждают важнейшие Символы веры, в которых будущая надежда описывается так: «Чаю воскресения мертвых»? Что значили эти слова для первых христиан и что они значат сегодня? В чем заключается наша надежда на жизнь после смерти? Что мы услышим в ответ, если станем опрашивать случайных прохожих на улицах наших городов и селений? А поскольку здоровое богословие никоим образом не зависит от мнения большинства – что нам говорит об этом вопросе Библия? Что говорят Иисус или апостолы?

3. Многообразии представлений

На мой взгляд, среди основных представлений, господствующих в умах сегодня, можно выделить три главных типа – причем ни один из них не соответствует ортодоксальному христианскому учению. Встречаются отдельные попытки заново утвердить более традиционные представления; здесь мне приходится в голову, например, мрачный, но великолепный роман Уильяма Голдинга «Воришка Мартин». Однако в целом общественное мнение склоняется к тому, что традиционные представления, куда входят, с одной стороны, суд и ад, а с другой – воскресение, неприемлемы и оскорбительны для современного человека. [13]

Во-первых, некоторые люди верят в полное уничтожение. Это, по крайней мере,

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
честное убеждение в подобной судьбе человека, хотя оно и не приносит удовлетворения. Возможно, именно этим объясняются гневные строки Дилана Томаса, написанные в связи со смертью его отца:

Но не иди смиренно в добрый путь.
Бунтуй, бушуй, что умирает свет.[14]

Однако немногие способны вынести подобное радикальное отрицание будущей жизни. Если вы окажетесь в отделе «Религия» любого книжного магазина, вы легко убедитесь в том, что сегодня все больше и больше людей верят в реинкарнацию того или иного рода. И эти люди не убежденные индуисты или последователи определенных философских систем вроде уже упоминавшегося Гленна Ходдла. Главная героиня ужасающего, но блестящего романа Уилла Селфа «Как живут мертвецы» – постоянно недовольная всем жительница Лондона, которая недавно умерла. Она попадает в призрачную пародию на Лондон, где узнает, что обречена воплощаться снова и снова до того момента, пока не постигнет, что такое (как это называет их проводник в загробном мире) «зацепки благодати» (the hooks and eyes of grace); только последние освободят ее от непрестанного цикла перевоплощений:

Девочка, есть один-единственный шанс вырваться из этого круговорота... У тебя есть шанс прикрепиться к зацепкам благодати. Если ты сама того хочешь. Если ты сможешь – хотя бы на мгновение – сжать свой ум в одну точку.[15]

Но у героини ничего не получается – и она рождается снова как несчастный ребенок, которого ждет короткая и полная жестокости жизнь. Похоже, что Уилл Селф говорит о чем-то подобном индуизму, где способность сконцентрировать мысль, отказавшись от блужданий отвлекающегося ума или души, представляет собой ключ к выходу из этого бесконечного цикла – из колеса смертей и рождений. Существуют и другие вариации на тему перевоплощения, как я могу судить по доступной литературе: многие пытаются с помощью реинкарнации достичь тех же целей, которых достигали с помощью психоанализа, но иным путем. Эти люди исследуют аспекты своей личности, связанные с событиями предшествовавшего воплощения. Все это вбирает в себя культура New Age, которую образуют фрагменты эзотерических знаний, смешанные с мечтами о работе над собой и самореализации.

Среди разнообразных представлений New Age мы встречаем и возрождение того, о чем писал Шелли; это вторичная популярная природная религия с элементами буддизма. Человек после смерти возвращается в большой мир, где дует ветер и растут деревья. Один солдат, имя которого неизвестно, отправляясь в Северную Ирландию, оставил на случай своей смерти такое стихотворение:

Не плачьте над моей могилой;
Меня там нет. Я не уснул.
Я – это тысячи дующих ветров;
Я – мерцание бриллиантов снега;
Я – свет солнца на зреющем зерне;
Я – нежный осенний дождь...
Не плачьте над моей могилой;
Меня там нет. Я не умираю.[16]

После смерти принцессы Дианы кто-то оставил в Лондоне как бы послание от ее имени: «Я вас не покинула. Я остаюсь с вами. Я в солнце, и в ветре – и даже в дожде. Я не умирала, я осталась со всеми вами».[17] Похороны, дни памяти умерших и даже надписи на могилах сегодня отражают подобные представления. Многие люди, считающие себя христианами, стараются убедить самих себя и других в том, что именно такова идея непрерывности жизни традиционного учения о бессмертии души и воскресении мертвых. Хотя многие другие – среди них, например, чрезвычайно популярный детский писатель Филип Пуллмен, который склоняется к подобному пониманию бессмертия, – ясно понимают, что таким образом они нападают на традиционные христианские верования, пытаются их разрушить и предложить вместо них нечто иное.[18]

Удивительный и яркий пример последнего я случайно открыл в книге Ника Хорби «Футбольная горячка». Это страстный и забавный рассказ о любви автора к футболу (в ее английском варианте), и особенно – к команде Arsenal. Однажды он видит на улице тело погибшего футбольного болельщика, и это порождает у

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
него размышления о смерти и футболе. Разве это не ужасно, – думает он, – умереть в середине сезона, так и не узнав, кому досталась победа. И продолжает:

Не исключено, что мы умрем накануне дня, когда наша команда будет бороться за победу на «Уэмбли», или после первого тура Европейского кубка, или когда решается, в каком дивизионе нам играть. И несмотря на все теории жизни после смерти, может статься, что мы не узнаем о результате. Выражаясь метафорически, смерть – такая вещь, которая наступает перед главными призами. [19]

Но это не дает удовлетворения Хорнби, и он начинает размышлять о жизни после смерти – и конечно, футбол занимает в той жизни важнейшее место. Какие-то возможности несет в себе кремация:

Я из тех, кто не отказался бы, чтобы его прах развеяли над стадионом, хотя понимаю, что это запрещено: слишком много вдов обращаются в клуб с подобными просьбами и есть опасение, что такое количество праха из урн повредит дерну... Лучше уж разлететься над восточной трибуной, чем быть утопленным в Атлантике или похороненным на какой-нибудь горе.

А это наводит его на иные мысли о своей «дальнейшей жизни»:

Но как славно было бы думать, что в некоей ипостаси я останусь на стадионе – по субботам буду смотреть первые составы, по другим дням – резерв. И чтобы дети и внуки стали болельщиками «Арсенала» и смотрели игры вместе со мной. Это не такой уж плохой способ провести вечность... Я мечтаю весь остаток времени носиться привидением над «Хайбери», наблюдая за играми резерва. [20]

Тут мы видим полную сумятицу представлений о жизни после смерти на фоне навязчивой одержимости (так характеризует свое состояние сам Хорнби) одним-единственным предметом в жизни.

Похоронные ритуалы, которые появились или возродились в наши дни, отражают такую же сумятицу. До недавнего времени только антропологи описывали древние и забытые в современном мире обычаи класть в гроб рядом с мертвым предметы, которые могут понадобиться покойному в будущей жизни; но теперь эти практики возродились, так что умершие получают в дар фотографии, плюшевых мишек и другие вещи, которые кладут в гроб. [21] Нигель Барли приводит рассказы служащих крематория о том, как вдовы кладут в гроб с телами мужей пакет печенья от запоров, запасные очки покойного или его вставную челюсть. Одна вдова положила в гроб две банки аэрозоля, которым покойный обрабатывал свой парик, – в результате взрыв повредил дверцу печи. [22] Какие представления (если они вообще за этим стоят) отражают подобные обычаи?

И наконец, популярная вера в духов и в возможность спиритического контакта с умершими выстояла перед всеми нападками секуляризма последнего столетия. Когда я читал лекции, из которых родилась эта книга, в Вестминстерском аббатстве, еженедельная газета, которая приглашала на первую мою лекцию, объявила также о том, что примерно в то же время можно ожидать ежегодного явления одного из призраков, который завелся в аббатстве еще в XVII веке. Кроме того, по обе стороны Атлантического океана существует множество распространенных феноменов, подобных культу Элвиса в США; чтобы как-то классифицировать эти явления, для них пришлось бы создавать отдельную категорию.

Я думаю, что читателю знакомо все то, что я описал. Я не стремился создать полный каталог явлений, но лишь обратил внимание на некоторые их особенности. Кроме того, я хотел подчеркнуть одну поразительную вещь: мало того, что все описанные представления никак не назовешь ортодоксальными христианскими, более того – насколько могу судить, – большинство людей не имеют никакого понятия о том, в чем заключаются ортодоксальные христианские представления. Многие думают, что христиане просто верят в жизнь после смерти, в чем они противостоят прямому отрицанию «продолжения жизни», и что поэтому любые представления о «жизни после смерти» более-менее подходят на веру христиан. Мысль о том, что в рамках широкой идеи «жизни после смерти»

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
могут существовать самые разные представления, отражающие самые разные представления о Боге и мире, из которых следуют самые разные типы поведения сегодня, просто никогда не приходила в голову современному человеку. В частности, большинство людей практически не имеют представления о том, что означает слово «воскресение» и почему христиане в него верят.

И что внушает сильное беспокойство, в подобное глубокое неведение часто погружены и сами христиане. И об этом нам предстоит поговорить в следующей главе.

2. Рай – загадка для христиан

1. Надежда христиан: сумятица в умах

Одну проповедь, прозвучавшую в Англиканской церкви в XX веке, цитируют чаще всех прочих. К сожалению, именно эта проповедь порождает совершенно неверные представления о надежде. В широко распространенном руководстве по организации светских похорон в качестве предисловия приводят слова Генри Скотта Холленда, каноника Собора св. Павла, и тысячи людей желают, чтобы эти слова звучали на погребениях и в дни памяти:

Смерть – ничто. Она ничего не значит. Я просто перехожу в другую комнату. Ничего особенного не произошло. Все остается точно таким же, как было. Я – это я, а ты – это ты, и прежняя жизнь, прожитая нами в любви, ни капли не изменилась. Чем мы были друг для друга, тем и остаемся. Называйте меня так, как обычно меня называли. Говорите обо мне спокойно, как всегда говорили. Пусть ваши интонации останутся прежними. Не впадайте в состояние траура и скорби... Жизнь имеет то же значение, что и прежде. Она осталась все той же, как всегда. Это полнота ненарушаемой преемственности. И что тут значит такая ничтожная случайность, как смерть? Если я для вас исчезаю из вида, нужно ли из-за того выбрасывать меня из сердца? Я жду вас где-то рядом, почти что за углом. Все прекрасно. Это не крушение, это не потеря. Пройдет одно мгновение, и все станет таким же, как прежде. И мы еще посмеемся над неприятностями разлуки, когда встретимся снова! [23]

И никто обычно не упоминает о том, что эти слова ни в коей мере не отражают взглядов самого Скотта Холленда. Он лишь сказал, что это приходит на ум, когда мы «глядим на спокойное лицо» человека, который «был нам близок и очень дорог». В другом месте той же проповеди, произнесенной по случаю смерти короля Эдуарда VII, он описывает другие чувства, которые также вызывает смерть. По его словам, смерть:

...Кажется столь необъяснимой, столь беспощадной, столь нелепой... Это коварная западня, в которую мы попадаем... Она беззаботно и бесчеловечно разбивает наше счастье, не обращая на нас никакого внимания... Ее непостижимая тайна закрыта мраком... Это ужасающее молчание, немое как ночь!

Скотт Холленд пытался примирить эти два представления о смерти. Как говорит Новый Завет, христианин «уже перешел от смерти к жизни», поэтому переход к физической смерти для него не столь ужасен, как может показаться. Кроме того, продолжает каноник, мы должны думать о жизни после смерти как о продолжении роста в познании Бога и в личной святости, уже начавшегося на земле. Это ставит перед нами вопрос, на который в данной главе отвечать было бы преждевременно, но уже ясно одно: извлечь один столь популярный абзац из контекста проповеди, в которой он прозвучал, означает грубо исказить мысли автора. И можно только удивляться слепоте людей, так поступающих с этой цитатой. Это равносильно сознательному отказу произнести правду об этом воистину жестоком разрушении, о смерти, которая грубо отрицает благо человеческой жизни. Был бы рад думать, что моя книга, среди прочего, вынудит кого-то поставить под сомнение использование знаменитой цитаты из Скотта Холленда на христианских похоронах. Эти слова несут утешение, но такое утешение недорого стоит. Сами по себе, без объяснения, они обманывают. Это и близко не напоминает христианскую надежду, вместо которой там звучит отрицание проблемы смерти, а тогда отпадает и сама потребность в надежде.

Резко контрастируют со знаменитой цитатой стихи, отражающие твердую позицию классического христианского богословия, которые принадлежат бывшему настоятелю Собора св. Павла Джону Донну:

Смерть, не тщеславься: се людская ложь,
Что, мол, твоя неодолима сила...
Ты не убила тех, кого убила,
Да и меня, бедняжка, не убьешь.
Как сон ночной – а он твой образ все ж –
Нам радости приносит в изобилье,
Так лучшие из живших рады были,
Что ты успокоенье им несешь...
О ты – рабыня рока и разбоя,
В твоих руках – война, недуг и яд.
Но и от чар и мака крепко спят:
Так отчего ж ты так горда собою?..
Всех нас от сна пробудят навсегда,
И ты, о смерть, сама умрешь тогда! [24]

На первый взгляд может показаться, что Донн близок к Скотту Холленду. Смерть – ничто? Смерть в конечном счете не всемогуща и не ужасна? Но это не так, все самое главное тут сказано в двух последних строках. Смерть – наш великий враг, но она была повержена, в конце над ней будет одержана полная победа. «Всех нас от сна пробудят навсегда, / И ты, о смерть, сама умрешь тогда!» В отрывке из проповеди Скотта Холленда вроде бы не с чем бороться. А для Джона Донна смерть важна, она – враг; но поскольку он – христианин, смерть для него – поверженный враг. В согласии с традиционными христианскими представлениями и, как мы могли видеть, со стихотворением Киплинга Донн считает, что жизнь после смерти проходит два этапа: сначала это кратковременный сон, а затем вечное пробуждение. [25] И ты, о смерть, сама умрешь тогда! Донн верно уловил саму суть (как мы увидим) веры Нового Завета: в конечном итоге смерть не просто приобретает иной смысл, но будет сокрушена. По замыслу Бога мы должны навсегда расстаться со смертью. Если бы обещанное будущее сводилось только к тому, что бессмертные души покинут свои смертные тела, это означало бы, что смерть продолжает господствовать – это говорило бы не о победе над смертью, но о той же смерти, рассматриваемой с иной точки зрения. [26]

Но здесь я слишком спешу. Классические представления христиан отражают древние Символы веры, которые опираются на Новый Завет, и об этом мы еще поговорим позже. В моей церкви мы каждую неделю или каждый день утверждаем веру в «воскресение тела». Но так ли это? На протяжении нескольких последних десятилетий многие христианские учителя и богословы ставили под сомнение верность этих слов. В одной недавно вышедшей толстой и богато иллюстрированной книге на тему смерти и загробной жизни всего лишь четыре страницы посвящены «причудливым» представлениям о воскресении. Как утверждает в этой книге, «современное ортодоксальное христианство уже отказалось от веры в физическое воскресение, оно отдает предпочтение концепции вечного существования души, хотя некоторые Символы веры все еще утверждают эти устаревшие идеи». [27] Тут нам опять-таки нужна полная ясность. Если это правда, значит, смерть не упразднена, а только изменился ее смысл: она уже не враг, но средство, с помощью которого, как о том говорится и в «Гамлете» Шекспира, бессмертная душа покидает этот бранный мир. [28]

2. Прояснение ситуации

Фактически сегодня наблюдается постоянное колебание между двумя полюсами. Если вы, оказавшись около любой старинной церкви, почитаете надписи на надгробиях, вы сможете в этом убедиться.

Одни надписи изображают смерть как ужасающего врага, который преследует свою добычу. Часто рядом мы также найдем выражение веры в то, что в конечном счете этот враг будет повержен: традиционная надпись RESURGAM, «я воскресну», о которой мы говорили в прошлой главе, означает, в согласии с Киплингом и Донном, что умершего ждет период сна, после которого в какой-то момент он вернется к новой телесной жизни. Вот почему иногда хоронили лицом на восток, чтобы, восстав, люди могли встретить Господа в момент Его пришествия, – хотя Стенли Спенсер, один из самых знаменитых художников, писавших картины на тему воскресения, отвергает этот момент ради подобия реализма: на кладбище при церкви в Кукхеме трупы выходят из могил и разбредаются в разные стороны. Мы еще вернемся к этому вопросу, в частности, в десятой главе.

Другой полюс отражен в строках знаменитого гимна Франциска Ассизского «Всякая тварь нашего Бога и Царя...», где святой обращается к смерти: «И ты, дорогая и благая смерть, ожидающая, когда затихнет наш последний вздох». Во многих гимнах, молитвах и проповедях видна попытка смягчить удар, представив смерть другом, который приходит, чтобы перенести человека в лучшее место; эта тема постоянно звучала в XIX веке, и ее отражает секулярное эхо – сегодняшнее движение сторонников добровольной эвтаназии. Таким образом, христианская мысль колебалась между двумя образами смерти: подлого врага и гостеприимного друга.

Принято думать, что христианство учит о небе вверху, куда отправляются спасенные или блаженные, и об аде внизу для нечестивых и нераскаявшихся. Многие люди, как вне, так и внутри церкви, все еще считают, что такова официальная позиция христианства, которую можно принять или отвергнуть.

Яркий пример подтверждения такого взгляда прислали мне недавно по почте – это, без сомнения, бестселлер, написанный Марией Шрайвер, женой Арнольда Шварценеггера и племянницей Джона Кеннеди, под названием «Что такое небеса?» [29] Это книга для детей, и в ней множество выразительных картинок с уютными облаками на голубом небе. На каждой странице одно предложение напечатано огромными буквами, что позволяет быстро уловить основную суть сказанного. Шрайвер пишет:

Небеса – место, в которое ты веришь... прекрасное место, где можно сидеть на мягких облачках и разговаривать с людьми, которые тут оказались. Ночью можно сидеть прямо около звезд, которые тут светят ярче, чем в любом другом месте вселенной... Если ты делал добро в своей жизни, ты попадешь на небо... Когда закончится твоя жизнь тут, на земле, Бог пошлет ангелов, чтобы они отнесли тебя на небеса, чтобы ты был рядом с ним... [И моя бабушка] живет во мне... Очень важно, что бабушка научила меня верить в свои силы... Она в хорошем месте, там, где звезды, Бог и ангелы... Оттуда она смотрит на нас... «Я хочу тебе сказать [сообщает героиня своей прабабушке], что хотя ты уже не с нами, твой дух всегда будет жить во мне». [30]

Без сомнения, миллионы людей верят примерно в то же самое, видят здесь истину и учат этому своих детей. Книгу Шрайвер прислал мне друг, который работает с детьми, пережившими трагедию. Он назвал ее «одной из худших детских книг» и отметил: «Надеюсь, эта кошмарная книжка научит вас лучше понимать, как не надо говорить». Действительно, это яркий пример подобного жанра. Истина, заложенная в Библии, во многих аспектах разительно отличается от этого.

Люди, как правило, изумляются, когда им сообщают о фактическом положении вещей: что в Библии крайне мало говорится о том, что «мы умрем и пойдем на небеса», в равной степени там почти ничего нет об аде для умерших. Средневековые образы неба и ада, которые популяризировал Данте, хотя не он их придумал, оказали огромное влияние на представления западного человека. Многие христиане просто уверены, что, когда в Новом Завете упоминается о «небесах», речь идет о том месте, куда спасенные попадают после смерти. В Евангелии от Матфея Иисус говорит о «Царстве Небесном», хотя в параллельных местах других Евангелий речь идет о «Царстве Божьем». Многие сначала читают Матфея, поэтому, когда они встречаются со словами Иисуса «войти в Царство Небесное», это соответствует их заранее сложившимся ожиданиям, и им кажется, что здесь говорится о том, «как отправиться на небеса после смерти». Но можно определенно утверждать, что именно такого смысла ни Иисус, ни Матфей в эти слова не вкладывали. Однако вокруг них выросло множество образов и представлений, которые якобы объясняют, «чему учит Библия» или «во что верят христиане». [31]

Слова о небесах в Новом Завете имеют совершенно иное значение. «Царство Бога», о котором говорил Иисус, указывает не на посмертную участь человека и не на побег из этого мира в другой, но этим выражением обозначается верховная власть Бога «и на земле, как на небе». [32] Такое неверное понимание имеет глубокие корни, не в последнюю очередь – это последствия платонизма, заразившего многие христианские умы. В результате верующие начали думать, будто христиане должны презирать нынешний мир и видеть в своем теле нечто низкое и постыдное.

Образ небес в Откровении также слишком часто понимают неверно.

Поразительная картина в главах 4 и 5, где двадцать четыре старца повергают свои золотые венцы перед престолом Бога и Агнца, находящимся за стеклянным морем, изображает (вопреки словам знаменитого гимна Чарльза Уэсли) отнюдь не последний день, когда все искупленные наконец оказались на небесах. [33] Это образ нынешней реальности, небесное измерение теперешней жизни. Небеса в Библии – это, как правило, не будущее нашей надежды, но скрытое измерение обычной жизни – можно сказать, Божье измерение. Бог создал небо и землю; в конечном счете Он их воссоздаст и соединит навсегда. И когда в Откровении, в главах 21–22, действительно говорится о конце, мы видим иную картину: это не искупленные души, восходящие на бесплотные небеса, но новый Иерусалим, спускающийся с небес на землю, так что небо и земля сливаются в вечном объятии. [34]

Боюсь, большинство современных христиан даже никогда не задумываются об этом. Они довольствуются обедненной и искаженной (если не сказать хуже) версией великой надежды Библии. Расхожие неверные представления постоянно поддерживают гимны, тексты молитв, надписи на надгробиях и даже достаточно солидные труды богословов и историков. Они просто молчаливо предполагают, что слово «небеса» указывает на наше окончательное предназначение, наш последний «дом», а слова о «воскресении», а также о новой земле и новом небе каким-то образом должны вписываться в общую картину. [35]

И сегодня в церкви мы наблюдаем путаницу, когда смешиваются несколько разных понятий. С одной стороны, старинные представления о небесах и аде начали вызывать недоверие. Многие люди полностью отказываются верить в ад; но в течение прошлого столетия, когда крепло такое отрицание, можно было наблюдать одну парадоксальную вещь: параллельно с этим слабела и вера в блаженство на небесах, поскольку, если все люди идут одной и той же дорогой, было бы несправедливо думать, что одни моментально попадают в место назначения, тогда как другие вынуждены совершать после смерти долгое путешествие. Представление же о таком загробном «путешествии» сегодня встречается все чаще, хотя опять-таки ни Библия, ни труды первых христиан не дают для нее буквально ни единого основания. Мы можем также видеть сегодня возрождение старой идеи чистилища в подправленной версии: поскольку на момент смерти мы все еще не готовы встретиться с нашим Создателем, необходим (как полагают) период совершенствования, период роста, когда мы открываемся для света. (Современные люди, верящие в чистилище, предпочитают именно такие выражения, чтобы не говорить об «очищении от греха» и тому подобных неприятных вещах. [36]) Многие горячо принимают универсализм – мысль, что Бог будет непрестанно предлагать нераскаившимся возможность уверовать, так что в итоге Божественная любовь притянет к себе всех. [37] Некоторые утверждают, что традиционный образ небес – люди, сидящие на облаках и вечно играющие на арфах, – выглядит невыносимо скучным, а потому они не хотят в это верить или не хотят оказаться в таком месте. Иные же довольно пренебрежительно заявляют, что Бог, который ждет от людей непрестанного поклонения, просто не заслуживает уважения. А когда кто-то из нас возражает, говоря, что по ортодоксальным представлениям на новом небе и новой земле нас ждет полнокровная и активная человеческая жизнь, которая отражает образ Божий, нас нередко обвиняют в том, что мы просто проецируем современную жизнь на экран будущего.

3. К чему приводит подобная сумятица представлений

Эту сумятицу разнообразных представлений отражают гимны, которые мы поем, то, как мы проживаем церковный год, а также наши похоронные обычаи (в том числе кремация). Кратко объясню, что я имею в виду.

Во-первых, наши песнопения. Если быстро проглядеть обычный сборник гимнов, можно найти там немало представлений о загробной жизни, которые ближе к Теннисону или даже к Шелли, чем к ортодоксальному христианству.

Доколе мы не потеряем себя в небесах
В океане Твоей любви, –

эти слова написал благочестивый христианин Джон Кибл, но тут он теряется – причем теряется не в христианстве, а подобно капле в океане, о которой говорит буддийская эсхатология. [38] А вот его соратник по оксфордскому движению, Джон Генри Ньюман, который пишет почти гностические строки:

Доселе Твоя сила благословляла меня,
И да ведет она меня и впредь
По утесам, через болота и потоки,
Пока не кончится ночь.
И в это утро улыбнутся ангелы,
Которых я уже давно любил,
Но с которыми на краткое время расстался.

Думал ли Ньюман на самом деле, что в какой-то прежней жизни – будь то до зачатия или в раннем детстве – общался с ангелами, а затем должен возвратиться к такому состоянию? И затем – хотя образ одинокого странника, которого «благий свет» ведет через болота и по утесам, крайне романтичен, – неужели он действительно думал, что этот мир и нынешнюю жизнь можно назвать всего-навсего словом «ночь»? [39]

Или как мы должны отнестись к яркому платонизму гимна «Пребудь со Мной», который кое-где все еще пользуется популярностью:

Наступает утро небес, и тени земной суеты убегают.

Есть множество гимнов и песнопений, которые выражают эту же идею; можно вспомнить, например, «Душа моя, там есть страна...» Возна или «О, Земля чистого наслаждения...» Исаака Уотса. Для меня Уотс предпочтительнее: в конце концов, он опирается на библейскую типологию – на пересечение Иордана и вход в Землю обетованную, – в то время как Возн представляет нам откровенно платонический мир с его верхом и низом, и, как мне кажется, христианское содержание там носит лишь косметический характер. Быстро просмотрев сборник гимнов, я нашел и десятки других примеров, и не все тут можно объяснить только отбором текстов в тот исторический момент, когда богословы увлеклись такими представлениями.

Или вот рождественский гимн «Ясной ночью...», последние строки которого звучат так:

Но вот! Приближается время,
Как предсказывали пророки,
Когда круговращение лет
Приведет нас в золотой век.
И мир воцарится по всей земле,
Которая обретет былое величие,
И весь мир снова воспет ту песнь,
Которую сейчас поют ангелы.

Это популярное рождественское песнопение, однако идея цикличной истории, которая в конечном счете вернется в золотой век, незнакома ни христианам, ни иудеям. Она явно языческого происхождения. Коль скоро мы заговорили о рождественских гимнах, то вспомним «В яслях», где поющие молятся: «И подготовь нас для небес, чтобы мы там жили с Тобою». Никакого воскресения, никакого нового творения, никакого брака неба и земли. И когда мы видим в сборнике гимнов откровенную романтическую естественную религию и универсализм Пола Герхардта («Закончен день тяжелый»), мы можем подумать, что составитель сборника, кто бы он ни был, прочел только первую строчку и не стал вникать в богословское содержание всего остального. Ведь иначе кто-то должен был бы удивленно поморщиться, узнав, что жизнь без веры в нынешнем тварном мире ведет к спасению, которое заключается в платоническом бегстве от творения:

Недолгое время слепота смертных
Мешает видеть Божью доброту
И погружает в неверие;
Но когда день жизни завершится,
Чистая ночь смерти поможет открыть
Место, где царит вечная жизнь.

Смерть в Новом Завете никогда не была «чистой ночью». Это – враг, которого преодолел Иисус, хотя окончательное поражение смерти еще впереди.

Некоторые гимны представителей «возрождения» и харизматиков отражают

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
склонность к ошибочному предположению, что Иисус придет, чтобы забрать с земли своих людей и вернуть их «домой», на небеса; как мы увидим, это – неверное понимание смысла «второго пришествия». Так, удивительный гимн «Как Ты велик...» завершается следующими строками:

Когда Христос придет в звуках ликования
И возьмет меня домой, какая радость наполнит мое сердце.

Лучше бы последняя строка начиналась словами (о чем нам еще предстоит поговорить): «И исцелит этот мир...». И действительно, в оригинальной шведской версии гимна нет слов о том, что Христос придет «взять меня домой», это уже работа переводчика на английский. Там говорится, что падает завеса времени, вера становится ясным видением и колокола вечности призывают нас войти в субботний покой, и все эти образы куда более надежны. [40]

Разумеется, некоторые гимны противостоят этому потоку представлений. Так, «Золотой Иерусалим» основан на важнейших последних главах Откровения Иоанна Богослова. Отдельные гимны говорят о «пробуждении при звуках последнего страшного зова» или о том, что мы «восстанем во славе в последний день». Одно песнопение повествует, как Бог осуществляет Свой замысел, чтобы «земля наполнилась славой Божьей, как вода покрывает моря». И среди таких исключений выделяется великий гимн ко Дню всех святых, который во всем точно отражает представления Нового Завета. В первых строках там прославляется жизнь всех святых, в четвертой строке – наше общение с ними, в пятой – то, что они поддерживают нас, шестая строка говорит о том, что мы войдем в их обитель, и это не конечное место пребывания умерших, но скорее промежуточное место покоя, радости и отдохновения, которое называется раем:

Золотой вечер сияет на западе,
Скоро, скоро верный воин обретет отдых
В сладостном спокойствии благословенного рая. Аллилуйя!
Аллилуйя!

И лишь после этого наступает момент воскресения:

Но вот! Приходит еще более славный день,
Святые торжественно проходят в сиянии:
Царь славы идет им навстречу. Аллилуйя! Аллилуйя!

Далее следуют заключительные строки, исполненные торжества, когда шествие входит в Новый Иерусалим. [41]

Итак, гимны отражают сумятицу наших представлений, и об этом же свидетельствует и то, как мы проживаем церковный год. В другом месте я уже писал о путанице, которая возникает из-за того, что в последнее время мы стали праздновать двухдневный праздник, если его так можно назвать, – День всех святых и День поминовения усопших (в довершение ко всему, этому предшествует Хэллоуин). Немногие из тех, кто празднует этот двойной (или тройной) праздник, стоят на позициях средневекового богословия, которое хотя бы придавало этим дням какой-то смысл. Скорее это отражает замешательство церкви, которая уже не так глубоко верит в небеса и, вероятно, не верит в ад, предпочитая тому и другому веру в не слишком суровое чистилище. Однако тут нет места для воскресения тела, для нового творения, Нового Иерусалима, сходящего с небес на землю. [42]

Но проявления замешательства в наших представлениях этим не ограничиваются. Оно отразилось на самой структуре англиканского литургического года. Раньше Адвент – четыре воскресения перед Рождеством – был посвящен таким темам, как второе пришествие, Божий суд и окончательная участь человека. Сегодня круг чтений Адвента изменили, теперь он посвящен, скорее, разным аспектам подготовки к Рождеству. Период за месяц до Адвента – приблизительно весь ноябрь – на какое-то время (в 1990-х) стали называть «временем Царства», что отражает многообразные причудливые и непоследовательные представления о смерти и загробной жизни. Хотя это название уже вышло из употребления, сумятица сохранилась; ее отражают различные литургические молитвы, где говорится о «свете Царства, которым наслаждаются святые», как будто – вопреки тому, что говорит Новый Завет, – «царство» Бога тождественно месту

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
под названием «небеса», где уже пребывают некоторые, хотя не все, умершие христиане.

Само Рождество как реальный центр литургического года сегодня стало куда веселее Пасхи – и это противоречит тем акцентам, которые расставляет Новый Завет. Иногда гимны, молитвы и проповеди отражают попытку выстроить все здание богословия на основе Рождества, но такое здание не слишком устойчиво. Кроме того, мы проживаем Великий пост, Страстную неделю, особенно пятницу, с таким великим усердием, что энергии на празднование Пасхи у нас почти не остается, а хватает разве что на одну ночь и один день. На самом же деле Пасха должна быть центром всего. Если ее нет, у нас не остается – в буквальном смысле – практически ничего.

Ту же сумятицу представлений отражает проведение похорон. За последние годы было разработано и опубликовано – часто после продолжительных споров – немало описаний новых погребальных служб. Но прежде чем мы к ним перейдем, кратко рассмотрим другой вопрос: когда люди предпочитают кремацию погребению в земле, какое богословие за этим стоит? Конечно, здесь есть проблемы гигиены и перенаселения, из-за чего к концу прошлого века получила поддержку кремация – многие западные христиане не знают, что православные (хотя, скажем, в Греции также мало земли), как и ортодоксальные иудеи или мусульмане, остаются ее решительными противниками. В прошлом кремация принадлежала скорее к мировосприятию индуизма и буддизма; как мы уже видели, современный мир стремительно движется к популярной и вторичной версии подобного богословия. Иногда люди просят развеять их прах над любимым холмом, рекой или над берегом моря, и можно с симпатией отнестись к их чувствам (хотя не стоит забывать, что они тем самым лишают близких конкретной точки, где можно собраться, чтобы выразить свою скорбь). Однако за этим стоит желание как бы вернуться в тварный мир, лишенное веры в будущую телесную жизнь, и это противоречит классическому христианскому богословию.

Разумеется, я не хотел сказать, что кремация – еретическая практика. Позже нам еще предстоит рассмотреть, как она соотносится с воскресением тела, а пока я просто хочу сказать, что ее возросшая популярность отчасти отражает ту же самую сумятицу представлений – и в церкви, и за ее пределами, – о которой мы говорили. Замечу также, что траурная церемония в здании, которое используется для одной-единственной цели, разительно отличается от обряда (за которым, конечно, также может следовать кремация) в здании, которое используется каждую неделю или каждый день для молитвы, Евхаристии, богослужения, для крещения и свадьбы, для всей жизни общины, собирающейся здесь для поклонения Богу. Или, с другой стороны, есть нечто прекрасное и глубокое в том, что мы входим в церковь через двор, где похоронены люди, молившиеся в том же храме в прошлых веках. Но это уже другой разговор.

Если мы вернемся к самим обрядам похорон, то они очень верно (не знаю, подходящее ли это слово) отражают ту же самую сумятицу представлений. В различных церквях в этой сфере произошла масса изменений, так что я могу говорить лишь о том, что происходит в моей церкви (Церкви Англии). Насколько могу судить по отдельным фактам, эти изменения довольно типичны для всех церквей. В конце XX века в Церкви Англии появились новые погребальные службы, а параллельно были опубликованы разные пособия, которые должны помочь священникам как можно лучше использовать эту пастырскую возможность. Здесь приходится быть осторожным, чтобы никого не обидеть, а порой даже прибегать к хитрости. Одно из таких пособий, опубликованное официальным издательством Церкви Англии и одобренное ее высшим руководством, содержит подробное описание всего, что только может понадобиться, за исключением одного: во всей книге воскресение не упомянуто ни разу. [43] Если мы познакомимся с самой службой, может быть, мы перестанем этому удивляться. К счастью, воскресение в ней осталось, но оно почти не заметно, а в основном там господствует представление о единой стадии загробной жизни («Обрати мрак смерти в зарю новой жизни, претвори горечь разлуки в небесную радость», – как говорится в одной из молитв службы [44]). Предположим, на такую службу попал человек, не имеющий понятия о классических представлениях иудеев и христиан об этом предмете. Погребение ему ничего не объяснит, а может увести его мысль в ложном направлении или подтвердить его неверные представления.

Молитвы, в которых мы вверяем судьбу усопшего Богу, тут мало помогут:

...Мы передаем N в Твои милостивые руки,
веря, что Ты простишь его (ее) грехи,
и он (она) окажется в месте счастья, света и мира
в Царстве Твоей славы вовеки.

...И ныне Бог приглашает его (ее) за Свой стол на небесах
для соучастия в вечной жизни со всеми святыми.

Мы вверяем N Твоей милости
и просим, чтобы Ты взял его (ее) к Себе,
а нам дал Твое благословение мира...
Мы вверяем его (ее) Твоей милости
и просим, чтобы Ты показал нам путь жизни
и полноту радости Твоего присутствия
в вечности. [45]

Среди этих молитв выделяется одна: она утверждает ту же самую веру, которую разделяли все христиане первых веков:

Доверяя Твоей верности,
мы поручаем N Твоей милости
в ожидании великого дня,
когда Ты воздвигнешь его (ее) к жизни в славе
и мы предстанем пред Тобю,
когда все Твое творение через Него станет новым,
в славе Твоего небесного Царства, –

хотя можно думать, что последняя строчка перечеркивает все то, что было сказано в предыдущих, потому что окончательное новое творение и само воскресение относятся к тому самому моменту, когда «небесное царство» во всей его полноте и навсегда сходит на землю.

Таким образом, самый распространенный новый вариант погребальной службы Церкви Англии крайне мало отражает классические христианские представления. Как и обряд «погребения пепла», который завершают три следующие молитвы:

Небесный Отец,
благодарим Тебя за всех, кого мы любим, но кого уже не видим.
Когда мы вспоминаем N,
дай нам помнить про наше начало и наш конец,
помнить о прахе, из которого мы вышли,
и о смерти, к которой мы приближаемся,
с твердой надеждой на Твою вечную любовь
и на Твой замысел о нас

[в этом месте в старом варианте говорится: «в твердой и непреложной надежде воскресения» или нечто подобное],

во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.
Бог всякой надежды,
даруй нам, верующим в Тебя,
соединиться в полном познании Твоей любви
и в беспрепятственном созерцании Твоей славы,
через Христа Иисуса, Господа нашего. Аминь.
Бесконечная и славная Троица, Отец, Сын и Святой Дух,
да направит нашу жизнь, чтобы мы творили добро,
а когда наше странствие в этом мире закончится,
да даст нам вечный покой со всеми святыми. Аминь. [46]

Это трогательные и смиренные молитвы. Но в них нет ни слова о самой важной особенности христианской надежды. Я надеюсь, что люди, которые примут всерьез высказанные в этой книге доводы, задумаются о современной церковной практике – начиная от официальных литургических текстов и кончая неофициальными мелочами, которые окружают богослужения, – и будут искать новые пути, чтобы богослужение выражало, воплощало, возвещало то, чему действительно учит Новый Завет, а не просто какие-то убогие, не очень понятные и расплывчатые теории и мнения, о которых мы говорили в двух первых разделах. Надо честно признать, что сегодня у нас царит вовсе не

«твердая и непреложная надежда на воскресение умерших», как о том говорили старые богослужебные тексты, но туманный оптимизм, вера в то, что каким-то образом все кончится хорошо.

Сегодня также идут дискуссии о современных обрядах погребения. [47] Я не буду высказывать своего мнения о них из-за недостатка места. Я лишь хочу отметить, что и в них мы снова и снова видим то же самое болото, в которое попадают люди, не продумавшие до конца, что означает слово «воскресение». В результате они постоянно смешивают слова о воскресении со словами о небесах. Например, Пол Шеппи называет «Словом воскресения» такой текст:

Господи, Ты обновляешь лицо земли.
Возьми к Себе Н, которого мы любили,
и даруй ему то,
чего не видело око и не слышало ухо
и о чем сердце человека не помышляло. [48]

И снова можно сказать: это не есть «твердая и непреложная надежда воскресения тела», укорененная в воскресении Иисуса и входящая в обетование о новом небе и новой земле; здесь мы скорее видим смутную благочестивую надежду на блаженство бессмертия, которое наступает сразу после смерти и неизменно продолжается в будущем. И что хуже всего, эта неспособность отличить блаженное, но временное состояние члена народа Божьего после смерти от окончательного воскресения, которого все еще жаждет все творение, окрашивает собой коллекты, евхаристические молитвы и другие тексты богослужения. Далее в этой книге я хочу показать, что это не такая проблема, услышав о которой, можно просто пожать плечами и сказать: «Что же делать? Сколько людей, столько и мнений». То, что мы думаем о смерти и воскресении, формирует и окрашивает собой все остальное. Если мы легкомысленно относимся к этому вопросу, мы будем предлагать просто «надежду», которая не удивляет и не поражает, а тогда она не может преобразовать сегодняшнюю жизнь отдельных людей и общины, тогда она уже не связана с воскресением Иисуса и не направлена на обетование о новом небе и новой земле.

Итак, рассмотрение гимнов, церковного года и похоронных обрядов свидетельствует об одном и том же. В не менее важных богословских взглядах и мировоззрении христиан также царит сумятица.

4. Более широкие последствия сумятицы

Какую роль представления о загробной жизни играют в повседневной жизни христианина, как они отражаются на его мышлении?

Всем известны слова Карла Маркса, что религия – опиум народа. Этот мыслитель полагал, что угнетатели используют веру в радостное будущее за гробом для того, чтобы народные массы не оказывали им сопротивления. Часто именно так и происходило. Однако мне кажется, что такое бывает в тех случаях, когда «религия», которую используют власти, предполагает платоническое презрение к телу и ко всему творению вообще. Тогда нас окружают просто «тени земной суеты», от которых мы с радостью освободимся в момент смерти. Стоит ли заниматься улучшением этого мира, когда избавление столь близко? Стоит ли заполнять топливный бак машины, которая вот-вот упадет в пропасть? Именно такое воздействие по сей день оказывает вера благочестивых христиан, которые на самом деле считают, что «спасение» никак не связано с тем, что происходит в нынешнем мире.

Напротив, многие факты свидетельствуют о том, что здравые представления иудеев и христиан о воскресении, которое входит в замысел Бога о новом творении, заставляют больше – а не меньше – ценить нынешний мир и наши нынешние тела. И в классическом иудаизме, и в классическом христианстве эта вера говорит как о преемственности между нынешним миром (и его состоянием) и миром будущим, так и об их радикальных отличиях; отсюда следует вывод: то, что мы делаем здесь и сейчас, бесконечно важно. Для апостола Павла будущее воскресение – главное основание для правильного обращения со своим телом в нынешней жизни (1 Кор 6:14–15), для него это причина не сидеть сложа руки, ожидая, когда же наступит такое будущее, но усиленно работать сейчас, и он знает, что ни одно дело, сделанное в Господе и силою Духа сейчас, не пропадет в Божьем будущем (1 Кор 15:58). К этому вопросу мы еще вернемся.

Таким образом, классическое христианское учение куда более действенно и революционно, нежели вера на основе платонизма. Именно те люди, которые крепко верили в воскресение, а не те, что вследствие компромисса с другими теориями верили просто в бесконечную жизнь духа, в первые века христианства противостояли кесарю. Благочестие людей, для которых смерть есть «возвращение домой», когда их «зовут войти в вечный покой Бога», не мешало властителям, разрушавшим мир ради своих корыстных целей. Вера же в воскресение, напротив, всегда идет рука об руку с крепкой верой в справедливость Бога и в то, что Бог создал хороший мир. Такие представления не позволяют тихо терпеть несправедливость в мире, но вынуждают ей решительно противостоять.

Показательно, что английские евангелические движения отказались от мысли о срочном переустройстве общества (к чему призывал, скажем, Вильберфорс в конце XVIII столетия и другие деятели начала XIX века) в тот самый момент, когда они оставили здравую веру в воскресение и стали думать о бесплотном блаженстве на небесах. Мы вернемся к этой чрезвычайно важной теме в конце книги.

5. Ключевые вопросы

Я надеюсь, что наш краткий обзор в первых двух главах дает хотя бы набросок той сумятицы представлений, с которой мы сталкиваемся на каждом углу в мире и в церкви. Настала пора сформулировать ключевые вопросы, на которых построена вся эта книга, и дать представление о том, что мы будем рассматривать и какие решения искать в последующих главах.

Первые два вопроса невольно напоминают о себе, хотя им не посвящена особая глава. Во-первых, откуда мы черпаем знания обо всем этом? Я принадлежу Церкви Англии, которая входит в состав Всемирного сообщества англиканских церквей, и моя церковь утверждает, что ее учение основано на Писании, традиции и разуме, смешанных в нужной пропорции.[49] Я подозреваю, что во многом наши нынешние представления о смерти и загробной жизни никак не связаны с этими тремя составляющими, но их корни – в окружающей культуре, и это породило полухристианские (в лучшем случае) неформальные традиции, которые необходимо пересмотреть в свете библейского учения. Фактически Писание говорит о будущей жизни такие истины, о которых большинство христиан и почти все нехристиане ничего не знают. Разумеется, любые свидетельства парапсихологии и подобных знаний или так называемых переживаний смерти могут иметь определенное значение, но их часто смешивают с накопленной народной мудростью. Нам же заботит то, что лежит дальше этих знаний, а потому нам предстоит обратиться к забытым богатствам самой христианской традиции, в центре которой стоит Писание.

Во-вторых, есть ли у нас бессмертные души, и если есть, то каковы они? И опять многие христиане и приверженцы околехристианских традиций считают, что у нас есть «души», которые надо «спасать», и что «душа», обретшая «спасение», – эта та «часть» человека, которая «идет на небо после нашей смерти». Однако все эти мнения почти никак не подтверждает Новый Завет, и в частности – учение Христа. Иисус изредка мог употребить слово «душа», но вкладывал в него смысл еврейских и арамейских слов, которые указывают не на бесплотную часть, скрытую под внешней оболочкой временного тела, но скорее на то, что мы назвали бы всем «человеком» или «личностью» – тем, кто встречается с Богом. Что же касается бессмертия, в 1 Тим 6:16 утверждается, что бессмертен только Бог, а в 2 Тим 1:10 сказано, что оно возникло совсем недавно и потому доступ к нему дает преимущественно Евангелие. Другими словами, представление о том, что каждый человек имеет бессмертную душу, которая составляет самую существенную его часть, не находит поддержки в Библии.

В-третьих, отправной точкой для размышления христианина по всем этим вопросам должно стать воскресение Иисуса. Но чтобы понять, каков смысл этого события, что оно значило для первых учеников и почему они сделали из него именно такие выводы, нам нужно рассмотреть представления о жизни после смерти в среде Иисуса, то есть представления иудаизма I века, с его ветхозаветными корнями и на фоне окружающей его римской и греческой культуры. Поэтому в третьей главе мы рассмотрим представления античного мира о жизни после смерти, а в частности, радикальную и революционную природу иудейской веры в воскресение, которая была широко распространена во дни жизни Иисуса; этот контекст позволит нам в четвертой главе обратиться к

Это подведет нас ко второй, и центральной, части книги, где я буду рассматривать вопрос, в чем же состоит окончательная христианская надежда – как для всего мира, так и для нас. В этом вопросе три отдельные темы, внутри которых также существуют собственные подразделы: во-первых, что мы можем сказать о будущем всей вселенной; во-вторых, что мы имеем в виду, когда говорим, что Иисус «снова придет судить живых и умерших»; и в-третьих, что для нас означает вера в «воскресение тела и вечную жизнь». С этим связан еще один вопрос, но он показался мне столь важным, что я посвятил ему отдельную маленькую книжку: [50] где находятся умершие сейчас, особенно умершие христиане? Что можно сказать о них теперь? Надо ли молиться за них или, вероятно, даже молиться им? Можно ли установить с ними контакт? Что такое «сообщество святых»? И наконец, еще один немаловажный вопрос: как христиане должны оплакивать умерших? В данной книге я посвятил всем этим темам главу, куда также входит раздел о вечной гибели.

Затем в третьей, и последней, части книги мы вернемся от прошлого (Часть I) и будущего (Часть II) к настоящему, чтобы задать вопросом: как нам прославлять эту весьма конкретную надежду и как жить ею сегодня в нашей культуре? Что она означает, в частности, для миссии церкви и ее труда в мире? На что похожа эта «надежда», если мы увидим ее не в будущем, но в настоящем? Какие сюрпризы она в себе таит?

Таким образом, вся эта книга представляет собой размышление над молитвой Отче наш, где говорится: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Это одно из самых мощных и радикальных утверждений из всех, что мы знаем. Как я понимаю, великим ответом на эту молитву был день воскресения Христа, а еще один полный и окончательный ответ прозвучит тогда, когда в Новом Иерусалиме небеса соединятся с землей. В день воскресения Христа сама Надежда, в буквальном смысле обретшая человеческое лицо, потрясла весь мир, потому что она явилась из будущего в настоящее. Окончательная надежда не перестает нас удивлять отчасти потому, что мы не знаем сроков ее осуществления, а отчасти потому, что у нас есть для нее только образы и метафоры, но мы полагаем, что эта реальность превзойдет наши ожидания и будет еще удивительнее. Есть надежда и в промежуточном периоде – то, что происходит сегодня как осуществление воскресения Христа и предвкушение последнего дня; она также удивительна, потому что без нее мы остаемся в царстве энтропии и молчаливо соглашаемся с настроением большинства, глядя, как многое меняется к худшему, а мы ничего не можем с этим поделать. Но мы ошибаемся. Наша задача в теперешнее время – и я надеюсь, если это угодно Богу, данная книга тоже способствует ее осуществлению – стать людьми воскресения между первой Пасхой и последним днем, чтобы наша христианская жизнь, как общественная, так и личная, наше поклонение Богу и наша миссия стали знаком первого события и предвкушением второго.

3. Надежда первых христиан в историческом контексте

1. Введение

В пятницу 25 октября 1946 года в 20:30 в большом зале Королевского колледжа в Кембридже состоялась первая – и последняя – встреча двух величайших философов XX века. Эту встречу нельзя назвать теплой. Через какое-то время люди, присутствовавшие на встрече, стали сравнивать свои отчеты о ней и так и не смогли прийти к согласию относительно того, что же именно там происходило.

Философов звали Людвиг Витгенштейн и Карл Поппер. Витгенштейн уже был окружен атмосферой почитания, многие поддались чарам его революционных идей. Он был председателем кембриджского клуба моральных наук (в Кембридже под «моральной наукой» понимали философию). Однако многие философы, включая Поппера, относились к нему с большой подозрительностью. Поппер только начал свое восхождение к славе и недавно опубликовал английский перевод своего шедевра «Открытое общество и его враги». [51] Оба философа были ассимилированными евреями, оба выросли в довоенной Вене: Витгенштейн рос в богатой семье, так что весь мир лежал у его ног, Поппер – в куда более скромной обстановке. Поппер желал продемонстрировать несостоятельность методов Витгенштейна и получил такой шанс. Он приехал в Кембридж сделать доклад, в котором мог непосредственно напасть на великого коллегу. Вечер был холодным, в камине горел огонь, Витгенштейн сидел возле камина. Многие из присутствовавших уже были на тот момент или стали позже знаменитыми

философами: Бертран Рассел, Питер Гич, Стивен Тулмин, Ричард Брэйтвэйт. Иные же потом выбрали другие профессии, например стали юристами. Многие из присутствовавших на встрече двух философов еще живы и прекрасно помнят об этом событии. По крайней мере, они так утверждают.

Поппер мог не подозревать о том, что не в обычае Витгенштейна выслушивать весь доклад целиком, или что тот славится грубостью и высокомерием, или что он нередко покидает такие встречи, не дожидаясь их завершения. Как бы там ни было, в тот вечер – и здесь начинаются расхождения в показаниях очевидцев – Витгенштейн прервал Поппера, и философы начали обмениваться язвительными репликами. В какой-то момент Витгенштейн взял кочергу из камина и помахал ею. Вскоре он покинул комнату и не возвращался на это собрание.

Очень быстро мир наполнился слухами о том, что же там случилось. Поппер получил письмо из Новой Зеландии, где его спрашивали, правда ли, что Витгенштейн угрожал ему раскаленной кочергой. Великие умы, присутствовавшие на той встрече, до нынешнего дня так и не могут определить, что же там произошло. Одни говорят о раскаленной кочерге, другие уверяют, что она была холодной. Одни утверждают, что Витгенштейн махал кочергой, чтобы подчеркнуть значимость своих слов (и это вполне в его стиле); другие, включая самого Поппера, – что тот таким образом угрожал оппоненту. Одни говорят, что Витгенштейн ушел после гневного спора с Расселом и что, когда тот вышел из комнаты, Поппер предложил как пример очевидного морального принципа такой: «Не следует угрожать приглашенным докладчикам кочергой». Другие же, включая Поппера, уверяют, что Витгенштейн вышел, когда услышал эти слова. Одни говорят, что он хлопнул дверью, другие утверждают, что он вышел тихонько. Это удивительная история, и недавно она стала основой для популярной книги. [52] Главный вывод ее авторов сводится к тому, что, вероятнее всего, Витгенштейн вышел прежде, чем Поппер сделал свое замечание. Возможно, Поппера подвела память: для него ставка была слишком велика – как на личном, так и на профессиональном уровне, – и ему уж очень хотелось, чтобы эта история закончилась блестящей победой над Витгенштейном. Вскоре он действительно одержал такую победу, а потом стал верить в собственную версию событий.

Многие люди не могут прийти к согласию относительно простых и ясных мелочей. Однако никто не сомневается в том, что данная встреча действительно состоялась. Никто не сомневается в том, что Витгенштейн и Поппер были там главными противниками, а Рассел играл роль главного судьи. Никто не сомневается в том, что Витгенштейн действительно размахивал кочергой и что он внезапно покинул встречу.

Я привел эту историю с очевидной целью. Среди юристов принято говорить, что, хотя свидетели представляют различные версии события, это не значит, будто события не было. И особенно интересно такое расхождение показаний, когда все свидетели – высокообразованные люди, профессионально занимающиеся такими предметами, как познание и истина. Но в данном случае это им не помогло. Новый Завет говорит о важнейшем событии, без которого не был бы возможен сам Новый Завет, и это событие произошло где-то за пятьдесят лет до того, как о нем появились первые подробные рассказы, причем их детали не полностью совпадают. Некоторые люди говорят, что это заставляет усомниться в том, что то событие в первый день Пасхи вообще произошло. Четыре евангелия, а также письма апостола Павла и Деяния – это свидетели, правда древние, так же, как и свидетели события с Витгенштейном и кочергой. И тогда перед нами встает очевидный вопрос: что же там произошло? И насколько пустой оказалась гробница тем пасхальным утром?

И тут мы ввязываемся в дискуссию, которая в церквях на Западе ведется уже более столетия. Архиепископ Кентерберийский Вильям Темпл откладывал свое рукоположение до момента, пока не разобрался со своими представлениями и не пришел к выводу, что верит в телесное воскресение Иисуса. Позже священники и даже епископы не всегда следовали его примеру: так, Дэвид Дженкинс породил бурные споры, высказавшись о пустой гробнице, костях Иисуса и хитрых обманщиках – хотя, как и встреча Поппера с Витгенштейном, эти слова получили интересную иную жизнь в устной и письменной традиции. Что мы должны думать о воскресении Иисуса и почему?

Этот вопрос часто смешивали с некоторыми родственными, но совершенно другими вопросами, так что сегодня бывает трудно очистить сознание людей, чтобы сосредоточить внимание на главной теме. Это не вопрос, все ли, что

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
написано в Библии, правда. Это не вопрос, существуют ли чудеса. Это не вопрос, верим ли мы в то, что называем «сверхъестественным». Это не вопрос, жив ли Иисус сегодня и можем ли мы Его познать. Если мы будем рассматривать событие Пасхи просто как показательный пример для одного из перечисленных вопросов, то мы рискуем потерять направление.

И мы не вправе утверждать, хотя многие пытались это сделать, что поскольку нам известны законы природы, а в I веке люди о них мало что знали, то, значит, Иисус не мог воскреснуть из мертвых. В другой книге я подробно рассматривал этот вопрос и мог показать, что в Древнем мире совершенно никто – за исключением евреев – не верил в то, что умершие возвращаются к жизни, а евреи не верили, что кто-либо уже воскрес или что кто-либо может воскреснуть в одиночку, опережая всеобщее воскресение.[53] Но даже если мы разобрались бы с этим, перед нами остается множество других серьезных вопросов. Во что именно верили первые христиане? Почему, говоря о своей вере, они упоминали воскресение? Можно ли рассматривать вопрос о пустой гробнице и телесном воскресении исторически – или же тут можно либо верить, либо не верить? Чем в этом нам поможет история, какую роль здесь играет вера и как эти две вещи сочетаются между собой? Это не просто вопрос, что мы можем знать, но и как мы получаем такое знание; и тогда – это вопрос о самом процессе познания.

Эдмондс и Айдинау, авторы книги о встрече Поппера с Витгенштейном, пользовались в своем исследовании двумя основными методами. Во-первых, они опросили очевидцев, чтобы убедиться, что в их распоряжении свидетельства из первых рук. Во-вторых, авторы реконструировали контекст этой встречи – образ жизни и планы двух ее основных героев. А затем они постарались создать связное историческое повествование, не утверждая, что оно абсолютно верно, но что это наиболее правдоподобная версия, которая позволяет объяснить расхождения в показаниях.

Нам предстоит сделать нечто подобное в вопросе о пустой гробнице и самом событии Пасхи. Свидетели – если они таковыми были – перед нами. Их представляет нам Новый Завет. Мы можем достаточно полно восстановить контекст: представления и ожидания иудеев той эпохи, общественную жизнь Иисуса, верования и надежды его первых последователей. Правда, тут есть третий элемент, который отличает событие I века от встречи, произошедшей в 1946 году в Кембридже. Философские вопросы, которые там обсуждались и которые вызвали горячий интерес, принадлежали тому времени и потеряли свою остроту. Поппер все больше «устаревает»; блестящее наследие Витгенштейна глубоко неоднозначно. Мы не можем сказать, изучая труды последующих философов, кто же «одержал победу» в том споре, да и можно ли вообще говорить о победе. Даже если сегодня кто-то утверждает, что один из соперников превосходит другого, это не проливает свет на десятиминутный горячий спор в Кембридже. Но с пасхальным событием все обстоит иначе. Что бы там ни произошло, оно породило нечто совершенно новое, и это новое всегда указывает на данное событие как на момент своего рождения. Поэтому нам придется рассмотреть процесс зарождения христианства и подумать, что же послужило для него толчком. Пусть версии наших свидетелей расходятся в деталях, но все равно – что-то ведь там должно было произойти.

Поскольку я подробно уже рассматривал все эти вопросы, мы можем сразу перейти к основной теме. В данной главе я хочу найти место представлений первых христиан о жизни после смерти на карте представлений античного мира – как язычников, так и иудеев. Мы получим удивительные результаты, которые позволят нам в следующей главе вернуться к самим повествованиям о воскресении, и мы сможем свежими глазами взглянуть на их характер и происхождение, а также задуматься о том, какие возможности это открывает перед историком.

2. Воскресение и жизнь после смерти в античном язычестве и в иудаизме

Итак, начнем с вопроса: как Древний мир представлял себе загробную жизнь? Тут я кратко суммирую массу свидетельств, которые подробно описаны в другой работе.

Согласно представлениям древних язычников, по дороге в подземный мир можно было двигаться лишь в одном направлении. Смерть всеильна, от встречи с ней невозможно уйти, а попав в ее царство, оттуда не выбраться. Каждый понимал, что это – неразрешимая проблема. В общем можно сказать, что в античном язычестве было два направления: одни, подобно теням у Гомера, хотели бы

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
получить новое тело, но знали, что это невозможно; другие же, например последователи Платона, не хотели снова жить в теле, потому что быть бесплотной душой намного лучше.

В этом мире слово «воскресение» – звучало ли оно на греческом, латинском или еще каком-то языке – никогда не обозначало «жизнь после смерти». «Воскресение» всегда указывало на новую жизнь в теле после «жизни после смерти» любого рода. Когда древние люди говорили о воскресении – неважно, отрицали они его (как все язычники) или утверждали (как многие иудеи), – они говорили о двухэтапном событии, где собственно воскресению, то есть новой телесной жизни, предшествовал промежуточный период, когда тело было мертво. Таким образом, «воскресение» для них не было красивым и полным драматизма выражением, каким можно было бы обозначить то, что происходит с человеком сразу после смерти. Оно описывало то, что может произойти (хотя большинство людей отрицало такую возможность) через какое-то время после этого. Именно такой смысл имело слово «воскресение» в античном мире, пока, уже после появления христианства, не было переименовано гностиками во II веке. Большинство древних людей верили в загробную жизнь; у многих существовали на этот счет сложные и четкие представления, о чем тут нет возможности говорить; однако за пределами иудаизма и христианства (возможно, также зороастризма, хотя датировка этого явления вызывает споры) никто из них не верил в воскресение.

По сути слово «воскресение» относилось именно к тому, что происходит с телом; отсюда позднейшие споры о том, как Бог совершит это: начнет ли Он с сохранившихся костей или создаст новые, и тому подобное. Такие разговоры могли вести только те, кто верил, что в итоге получится нечто, как бы мы сказали, осязаемое и физическое. Древние люди верили в существование призраков, духов, видений, галлюцинаций и тому подобного. Большинство древних в это верили. Но они ясно осознавали, что такие феномены не имеют отношения к «воскресению». Когда говорится, что Ирод думал, будто Иисус – Иоанн Креститель, восставший из мертвых, он не представлял его в виде призрака. [54] Слова о воскресении – слова о теле. Это чрезвычайно важно понять, учитывая, что многие современные авторы продолжают ошибочно использовать слово «воскресение» как точный синоним для «жизни после смерти» в популярном значении данного выражения.

Из этого можно сделать один важный вывод. Когда первые христиане говорили, что Иисус воскрес из мертвых, они понимали, что говорят о событии, которое никогда ни с кем иным не происходило и которого никто не мог ожидать. Они вовсе не утверждали, что душа Иисуса отправилась вкушать блаженство на небесах. Они также не говорили, что Иисус стал божеством. Это просто не входит в значение слова «воскресение»: ни в иудейском, ни в языческом мире не существовало представлений о том, что воскресение как-либо связано с обожествлением. Когда древние римляне провозглашали, что недавно умерший император взшел на небеса и стал божеством, никому в голову не приходило, что кесарь восстал из мертвых. Исключение подтверждает правило: люди, которые верили, что Нерон вернулся к жизни (можно думать, что это в чем-то близко к вере в возвращение Элвиса к жизни, несмотря на то, что его могила всем известна и привлекает к себе почитателей), не думали, что он сейчас обитает на небесах.

Что же происходило в иудейском мире? Одни евреи думали так же, как те язычники, которые отрицали будущую жизнь вообще, особенно жизнь в теле. Всем известно, что такого убеждения придерживались саддукеи. Некоторые евреи соглашались с теми язычниками, которые говорили о прекрасном, хотя и бесплотном, состоянии душ после смерти. Ярким примером такого направления был философ Филон Александрийский. Но большинство иудеев того времени верили в будущее воскресение: Бог будет заботиться о душе умершего до последнего дня, когда даст своему народу новые тела и когда Он будет судить и преобразовывать весь мир. Именно в этом смысле Марфа поняла слова Иисуса по поводу смерти Лазаря, потому что она отвечает: «Знаю, что [Лазарь] воскреснет в воскресение, в последний день». [55] Вот что означало тогда слово «воскресение». [56]

В короткий период своего общественного служения Иисус просто подтверждал, что согласен с представлениями иудеев о воскресении. Он придал новый смысл многим понятиям того времени – не в последнюю очередь это касается идеи «царства Божьего». С помощью многочисленных загадочных притч и символических действий Иисус хотел сказать, что верховное правление Бога уже устанавливается в мире, хотя не так, как себе представляли или как того

желали его современники. Но непохоже, чтобы он пытался придать новый смысл воскресению. А когда Иисус вскользь упоминал о воскресении, его ближайшие последователи, как мы вскоре увидим, не понимали, о чем он говорит.

В одном споре о воскресении, когда саддукеи задали ему хитроумный вопрос, который должен был выставить эту идею на посмешище, Иисус отвечает в самой традиционной манере. Возможно, он ответил более удачно, чем это сделали бы фарисеи, но в целом его слова не выходят за рамки обычных иудейских представлений. [57] Иисус говорил о «воскресении» как об определенном событии в будущем, когда все праведники восстанут к жизни; он также дал понять, что после воскресения некоторые вещи изменятся, так что там не будет иметь никакого значения, кто с кем состоял в браке в земной жизни, – именно последним вопросом хотели поставить его в тупик саддукеи. [Замечу попутно, что, вопреки распространенному толкованию слов Иисуса, Он не говорил, что после воскресения праведники станут ангелами, но лишь то, что в некотором смысле они будут подобны ангелам (Матфей, Марк) или равны ангелам (Лука).] В евангелиях, если не считать этого спора, практически единственное указание на «воскресение» есть у Матфея (13:43), где Иисус утверждает, что в последний день праведные воссияют подобно солнцу в Царстве Отца.

Это место перекликается с книгой пророка Даниила (12:3), а потому можно предполагать, что речь тут идет о воскресении. Когда Иисус говорит о награде, ожидающей народ Божий, он просто упоминает «воскресение праведных» в обычном для иудеев смысле (Лк 14:14). Одно речение, приведенное в Евангелии от Иоанна (5:29), посвящено грядущему воскресению как праведных, так и нечестивых. Это полностью соответствует представлениям иудеев I века. Иисус придал новый смысл представлениям о Царстве и мессиианстве, но как будто ничего принципиально нового о воскресении не говорит.

Однако здесь есть одно исключение: когда Иисус говорит ученикам, что ему надлежит умереть, а через три дня воскреснуть. Конечно, многие ученые утверждают, что это «поддельное» пророчество, вложенное в уста Иисуса церковью позднее, задним числом. Я подробно разобрал этот вопрос и объяснял, почему придерживаюсь противоположного мнения: человек, который делал то, что делал Иисус, и мысливший так, как Он мыслил, вероятнее всего должен был предвидеть свою смерть, говорить о ней языком апокалиптических образов и метафор и придавать ей, как то раньше делали маккавейские мученики, какой-то важный с точки зрения спасения смысл. В том мире любой человек, размышляющий о подобных вещах, просто не мог не сказать в конце: «И Бог оправдает меня после смерти». И оправдание, на которое там надеялись, безусловно заключалось в воскресении – об этом опять же нам говорит Вторая книга Маккавейская.

Но ученики, как это описано в евангелии, просто не могли понять, о чем говорит Иисус. Его загадочные слова, опирающиеся на апокалиптическую метафору о Сыне Человеческом, явно содержали какой-то смысл, и ученики старались его расшифровать, но у них ничего не получалось. Менее всего они были готовы поверить в то, что возвестивший наступление царства Иисус, в котором они уже готовы были увидеть Мессию от Бога, будет казнен руками оккупантов-язычников.

Абсолютно никому не приходит в голову мысль: «Ну да, все нормально – Он должен пойти на смерть, чтобы нас спасти, а вскоре затем снова воскреснет». Поэтому когда Иисус, похоже, действительно пытается придать новый смысл иудейским представлениям о воскресении, намекая на то, что это событие произойдет с ним одним, ученики совершенно не понимают, о чем идет речь. Когда Он просит их никому ничего не рассказывать о преображении, «пока сын человеческий не будет воздвигнут из мертвых», озадаченные ученики начинают размышлять между собой о том, что это значит – «будет воздвигнут из мертвых». [58] Нельзя сказать, что они ничего не знают о воскресении. Но им не могло прийти в голову, – несмотря на то, что Ирод мог подумать подобное относительно Иоанна Крестителя, – чтобы, как на то намекали слова Иисуса, подобное могло произойти с отдельным человеком прежде всеобщего воскресения. Это наиболее правдоподобное объяснение поведения как Иисуса, так и учеников. Оно прекрасно вписывается во все, что мы знаем о культурном контексте, об их мышлении и мотивациях.

И тогда становится очевидным, что распятие Иисуса разрушало все их надежды. Никто из них не мог бы сказать: «Все в порядке – Он вернется к нам через пару дней». [59] Равным образом никто не мог бы сказать: «Что же, зато Он

теперь на небесах у Бога». Их не интересовало «царство» такого рода. Прежде всего, сам Иисус учил их молиться о том, чтобы это царство наступило «и на земле, как на небесах». Они должны были говорить (и эти слова также точно соответствуют тому, что мы знаем о I веке) примерно так: «А мы надеялись, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля» (Лк 24:21), – и должны были сделать вывод: «Но они Его распяли, значит, наши надежды были ошибкой». Надо заметить, что крест уже тогда имел определенное символическое значение в Римской империи, и лишь потом христианство наделило его новым смыслом. Крест как бы говорил: мы, римляне, распоряжаемся в этой стране, и, если вы окажетесь на нашем пути, мы вас уничтожим, причем самым ужасным образом. Распятие означало, что царство Бога не пришло. Распятие того, кто претендовал на роль Мессии, означало, что Он вовсе не Мессия. И когда Иисуса распяли, каждый ученик понимал это однозначно: мы надеялись на него напрасно. Мы проиграли. Каковы бы ни были их ожидания и что бы ни говорил им Иисус, для них надежда обернулась прахом. Они были рады уже тому, что им удалось скрыться, спасая свою жизнь.

Вот в каком мире на сцену неожиданно выходит христианство – нечто новое и в то же время не совсем новое. Что же мы увидим, если попытаемся найти место для этого внезапно возникшего движения на карте представлений тогдашнего иудаизма в более широком контексте язычества?

3. Поразительные особенности надежды первых христиан

Если говорить просто, вера первых христиан относительно посмертной участи человека, несомненно находится на иудейской, а не на языческой части карты идей. Однако можно насчитать семь важных пунктов, в которых вера иудеев претерпела значительные изменения, причем эти новые особенности с удивительным постоянством повторяют разные авторы: Павел – в середине I века, Тертуллиан и Ориген – в конце второго, и далее.

Необходимо сразу отметить, что воскресение было главной основой надежды ранней церкви. Первые христиане верили не просто в некую форму «жизни после смерти»; они практически никогда не говорили о том, что «мы умрем и попадем на небо» (как я часто повторяю, используя название одной популярной книги на эту тему, небеса важны, но это еще не конец света[60]); если же они и говорили о посмертном пребывании на небе, они видели в такой «небесной жизни» временную стадию, предшествующую окончательному воскресению тела. Когда Иисус говорит разбойнику, что тот ныне же будет с ним в раю, этот «рай» не является местом их окончательного предназначения, как ясно показывает следующая глава Евангелия от Луки. Скорее «рай» – это прекрасный сад, где верный может отдохнуть до воскресения. Когда Иисус говорит, что в доме его Отца много «обителей», он использует слово топе, которое указывает на временное пристанище. Когда Павел говорит, что он желал бы «уйти и быть со Христом, ибо это гораздо лучше», он и в самом деле думает о блаженной жизни с Господом сразу после смерти, но это только прелюдия к воскресению.[61] Если вспомнить о различных представлениях, описанных в предыдущей главе, то нужно сказать, что первые христиане строго придерживались идеи двухэтапной будущей жизни: сначала – смерть и то, что начинается непосредственно после нее; потом же – новое телесное существование в заново воссозданном мире.

В язычестве нет ничего, что хотя бы отдаленно напоминало такие же представления. Это в чистом виде вера иудеев. Но в рамках иудейских представлений первые христиане создали семь модификаций, которые воспроизводят разные авторы: Павел и автор Откровения, Лука и Иустин Мученик, Матфей и Ириней Лионский. И это очень важный факт, поскольку обычно в своих представлениях о жизни после смерти люди крайне консервативны. Сталкиваясь со смертью близких, они цепляются за безопасные представления, которые усвоили раньше. Но все идеи христиан первых веков, по данным семи пунктам, поражают своей новизной. И историк должен задать себе вопрос: чем это можно объяснить?

(1) Первая отличительная особенность заключается в том, что у первых христиан мы не видим разнообразия представлений о жизни после смерти. Верования в загробную жизнь, а также социальные и культурные формы их выражения удивительно консервативны в любой культуре. Но хотя первые христиане происходят из различных групп иудеев, придерживающихся совершенно разных языческих традиций, то есть из кругов, имеющих самые разные представления о жизни после смерти, они все пришли к четкой вере, которая занимает одну точку в широком спектре. Христианство на фоне других течений

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
выглядит как разновидность иудаизма фарисеев. В их представлениях нет никаких следов влияния саддукеев или Филона Александрийского.

В Коринфе, где христиане происходили из различных языческих групп, некоторые люди отрицали воскресение – такое могло быть, хотя это продолжалось недолго. [62] Два учителя, упомянутые в Пастырских посланиях, уверяли, что воскресение уже наступило. [63] Возможно, что эти учителя предвосхищают позднейших гностиков, которые толковали воскресение иначе: их непонимание закономерно, но это не нарушает общего впечатления единодушия. И не стоит думать, как некоторые утверждают в наши дни, что такое явное единодушие объясняется тем, что деспотичные ортодоксы уничтожили все следы более пестрой картины начального периода христианства. Мы знаем массу примеров споров по самым разным вопросам, но на этом фоне резко выделяется полное единодушие относительно воскресения. И только в конце II века, когда прошло уже 150 лет со дня смерти Иисуса, появились люди, которые использовали слово «воскресение», чтобы указать на иной смысл, неведомый ни иудаизму, ни христианству, – на «духовные переживания» в настоящем, которые связаны с надеждой на бесплотное существование в будущем. [64] На протяжении почти двух первых столетий существования христианства воскресение, в традиционном смысле слова занимало в нем не только центральное место, но им буквально было пронизано все вероучение.

(2) Это подводит нас ко второй особенности. В иудаизме эпохи Второго Храма* воскресение играет достаточно важную, но не самую важную, роль. Существует масса обширных трудов, которые полностью игнорируют этот вопрос, не говоря уже об ответе. Нам пока еще довольно трудно понять, что думали об этой теме авторы Рукописей Мертвого моря. За несколькими исключениями, такими как глава 7 Второй книги Маккавейской, воскресение остается второстепенной темой. Но у первых христиан оно было на первом плане. Совершенно невозможно представить себе посланий Павла без темы воскресения. Или Иоанна без этой темы, хотя некоторые пытались это сделать. Воскресение безмерно важно для Климента Римского или Игнатия Антиохийского, Иустина Мученика или Иринея Лионского. Именно эта вера вызвала ярость язычников Лиона в 177 году н.э. и побудила их растерзать некоторых христиан, в том числе их епископа – предшественника Иринея. Врач-язычник Гален отметил две основные черты учения христиан, и одной из них была вера в телесное воскресение (а другой – строгость сексуальной жизни). Если исключить повествования о рождении Иисуса, мы потеряем две главы Евангелия от Матфея и две главы Евангелия от Луки. Но если устранить тему воскресения, мы утратим весь Новый Завет, да и большинство христианских авторов II века.

(3) Первые две особенности показывают, что воскресение заняло в христианстве совершенно иное место, нежели в породившем эту веру иудаизме. Следующая же особенность касается самого смысла воскресения. В иудаизме господствовали достаточно неясные представления о том, какое тело обретут воскресшие. Маккавейские мученики считали, что оно более или менее подобно нынешнему. Большинство иудейских текстов, посвященных этому вопросу, почти не развивают данную тему, за исключением редких указаний на «славу», быть может, в виде света. Вера же христиан в воскресение с самого начала включала идею, что это новое тело, хотя оно определенно остается телом – физическим объектом, обитающим во времени и пространстве, – будет преобразованным телом, материал которого, воссозданный из старого материала, приобретет новые свойства. Другими словами, христиане с поразительной точностью восприняли смысл воскресения.

Конечно, яснее всего это выразил апостол Павел в главе 15 Первого послания к Коринфянам, так что на этот знаменитый отрывок оглядывались многие, если не все, авторы, писавшие позже (при том, что это место слишком часто понимают неверно). Он говорит о двух видах тела: о нынешнем и будущем. Чтобы описать их, он использует два ключевых прилагательных. К сожалению, многие переводчики передают его мысль абсолютно неверно, и их ошибка поддерживает убеждение, будто Павел понимал под новым телом «духовное» – то есть нематериальное – тело; если бы Иисус воскрес в таком смысле, он бы не оставил гробницу пустой. Филология и экзегетика позволяют в данном случае показать, что именно этого Павел никоим образом не имел в виду. Он не противопоставляет то, что мы назвали бы нынешним «физическим» и будущим «духовным» телом, но проводит границу между нынешним телом, которое оживляет обычная человеческая душа, и будущим телом, которое оживляет Дух Божий. [65]

И это новое тело неподвластно разложению. Нынешние плоть и кровь тленны,

они обречены на разрушение и смерть. Вот почему Павел говорит, что «плоть и кровь Царствия Божия не наследуют». Новое тело свободно от тления. Вся эта глава – одно из самых подробных обсуждений одного предмета у Павла, а также живая кульминация всего Послания – говорит о новом творении. Бог Творец воссоздает творение, Он не отвергает его и не покидает, как того не хотели бы платоники разного рода, включая гностиков.

Но такая преобразенная материя (в книге «Воскресение Сына Божьего» я назвал ее «трансфизической») не превращается в сияние. Тут опять же многие совершают ошибку, думая, что слово «слава» предполагает сияние видимого света, а не статус в Божьем мире. К тому же в одном из самых известных ветхозаветных текстов посвященных воскресению, в главе 12 книги пророка Даниила, говорится, что воскресшие праведники сияют, подобно звездам. Удивительно, что Новый Завет никогда не упоминает об этом отрывке в связи с телом воскресения, разве что в одной притче. [66] Этот отрывок используется как метафора, изображающая свидетельство христиан в мире. [67] Таким образом, мы видим, что первые христиане представляли себе преобразенное физическое тело, но его новые свойства не соответствуют тому, о чем говорит один из важнейших для данной темы текстов Библии.

(4) четвертая поразительная особенность веры первых христиан в воскресение заключается в том, что само событие под названием «воскресение» разделено на две части. Об этом опять же наиболее ярче свидетельствует глава 15 Первого послания к Коринфянам, но эту веру разделяют все авторы первых двух веков. Любой иудей I века до момента воскресения Христа представлял себе воскресение только одним образом: как масштабное событие для всего народа Божьего или даже для всего человечества в тот неожиданный момент, когда Бог окончательно утвердит Свое царство и на земле, как на небесах. Никто не мог подумать, что отдельный человек может восстать из мертвых раньше всех остальных. Иногда говорят об «исключениях» (Енох и Илия), но их можно не принимать во внимание, потому что: (а) все знали, что эти люди не умирали, а потому нельзя говорить об их «воскресении» (новой жизни после смерти тела); (б) они обитали на небесах, а не в новом теле на земле. [68] Нам необходимо постоянно напоминать самим себе, что «воскреснуть» никогда не означало «пойти на небо», или «избежать смерти», или «обитать в славе и чести после смерти», но всегда – «снова вернуться к телесной жизни после телесной смерти». Вот почему, когда после преобразования Иисус велит ученикам не упоминать о том, что они видели, до того момента, пока Сын Человеческий не будет воздвигнут из мертвых, ученики (как мы уже видели) недоумевают и размышляют о том, что бы такое «восстание из мертвых» могло означать: что это за событие, которое даст им право разглашать подробности жизни Иисуса? Чем оно отличается от того дня, когда Бог заново воссоздаст и обновит весь мир?

Существовали, разумеется, и другие течения в иудаизме, хронологически близкие к моменту возникновения христианства, которые также придерживались эсхатологии инаугурации (т.е. веры в то, что «конец» в каком-то смысле уже начался). Так, ессеи, что подтверждают Рукописи Мертвого моря, верили, что с ними тайно был заново заключен завет и их жизнь как бы опережает окончательную развязку истории. Но вне христианства мы нигде не найдем его главного обличия: веры в то, что такая инаугурация заключалась в воскресении одного человека прежде великого окончательного восстановления всего и это событие предвещает и обеспечивает последнее воскресение народа Божьего в конце истории.

(5) На пятую особенность представлений христиан о воскресении на фоне представлений иудеев указал мне Доминик Кроссан. В марте 2005 года в Новом Орлеане проходили открытые дискуссии, где Кроссан назвал эту особенность «эсхатологией сотрудничества». Думаю, я понимаю ее примерно так же, как понимал он, и могу сформулировать ее следующим образом. Поскольку первые христиане верили, что «воскресение» началось с Иисуса и завершится великим окончательным воскресением в последний день, они верили также и в то, что Бог призвал их сотрудничать с ним силою Духа, чтобы осуществлять начатое Иисусом и таким образом предвосхищать последнее воскресение в личной и общественной жизни, в своей миссии и в святости. Недостаточно сказать, что Бог просто объявил о приближении «конца»; Иисус, Мессия, сам был таким концом, будущим Бога, ворвавшимся в настоящее, а потому те, кто принадлежат Иисусу и следуют за ним, исполненные силой его Духа, ответственны за преобразование нынешней жизни, насколько это в их силах, в свете такого будущего.

(6) Шестое значимое изменение иудейских представлений касается совершенно иного использования «воскресения» в метафорическом смысле. В рамках иудаизма воскресение могло служить как метафорой, так и метонимией для возвращения из изгнания. Сам Иезекииль в главе 37 явно пользуется им как метафорой; со временем раввины стали понимать воскресение иначе, и это видно уже во Второй книге Маккавейской, Четвертой книге Ездры и в других текстах, а также в Евангелиях, [69] где это – метонимия, то есть одна часть великого эсхатологического будущего обозначает такое будущее в целом. И эта иудейская метафора указывает на конкретные вещи: на национальное, этническое и географическое восстановление Израиля. Таким образом, если «воскресение» используется в иудаизме метафорически, оно указывает на восстановление Израиля; но с первых же дней христианства (и это еще удивительнее в силу того, что христианство началось как иудейское мессианское движение) такое значение исчезает – разве что однажды мелькает в вопросе озадаченных учеников в начале Деяний («Господи, не в это ли время восстанавливаешь Ты Царство Израилю?») [70]

Вместо этого появилось также важное новое метафорическое значение воскресения, которое уже ко временам Павла пустило глубокие корни: это воскресение как метафора крещения – смерти и восстания со Христом, – а также как метафора новой жизни в ревностном нравственном послушании, рожденной Святым Духом, к которой призван каждый верующий. Надо заметить, что нередко в одном и том же тексте, скажем в Послании к Римлянам, метафорическое использование «воскресения» соседствует с буквальным – с указанием на грядущее телесное воскресение; иными словами, никак нельзя сказать, что тут слово начинает все больше и больше обретать переносный смысл. Обратим внимание также на то, что этот метафорический смысл указывает на конкретные вещи – крещение и нравственность, – а не на абстрактные или «духовные», столь любезные сердцам появившихся позднее гностиков.

Такова шестая модификация иудейских представлений: слово «воскресение» продолжает в буквальном смысле обозначать будущее существование в теле, а в то же время теряет прежнее метафорическое значение как яркий образ обновления этнического Израиля и обретает новое – становится образом обновления жизни человечества в целом. Фактически у первых поколений христиан мы видим образы возвращения из изгнания, а также этнического и территориального восстановления Израиля, которые используются уже метафорически, чтобы указать как на нынешнее обновление человека, так и на его последующее телесное воскресение. И снова мы видим удивительную вещь: все эти значения имеют смысл только в рамках иудейского мышления, однако до появления христианства ни один иудей не пользовался ими таким образом. Следовательно, перед нами еще одна яркая модификация внутри иудаизма.

(7) Седьмая, и последняя, особенность состоит в том, что вера иудеев в воскресение переплелась с представлениями о Мессии. В рамках иудаизма никто не думал, что Мессии предстоит смерть, а потому, естественно, никто не мог вообразить себе воскресение Мессии из мертвых. Это – значимая модификация не только представлений о воскресении, но и представлений о мессианстве. Когда иудеи размышляли о мессианстве (и снова нужно сказать, что этому посвящены далеко не все тексты, но в христианстве данная тема сразу заняла центральное место), они думали, что Мессия одержит победу в битве Бога против нечестивых язычников, восстановит или очистит Храм и принесет в мир Божью справедливость. Оказалось, Иисус не выполнил ни одной из этих задач. Он перенес на себе последствия банальной несправедливости, царящей в мире; Он устроил странную и явно неэффективную акцию в Храме и был убит руками язычников, вместо того чтобы одержать над ними славную победу. Ни одному иудею того времени, знакомому с представлениями о мессианстве, не могло после распятия прийти в голову, что Иисус из Назарета – настоящий Помазанный от Господа. Но очень скоро, о чем свидетельствуют исповедания веры, вероятно, созданные еще до появления посланий Павла, христиане начали утверждать, что Иисус есть Мессия. И главным основанием для такого утверждения было его воскресение.

Тут нужно сделать одно важное отступление: практически невозможно объяснить веру первых христиан в то, что Иисус есть Мессия, без воскресения. Мы знаем о некоторых других движениях в иудаизме, мессианских или пророческих, зародившихся на одно-два столетия раньше или позже времени общественного служения Иисуса. Как правило, они кончались насильственной смертью лидера. После этого члены движения (если им удалось спасти свою жизнь) стояли перед выбором: отказаться от своих планов либо найти нового Мессию. Если бы

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
христиане выбрали второе, у них был очевидный кандидат на пост Мессии – Иаков, брат Господень, знаменитый и ревностный учитель, один из высочайших авторитетов среди первых христиан Иерусалима. Но никому в голову не приходило думать об Иакове как о Мессии. Иосиф Флавий – хотя и не без высокомерия отзываясь о нем, но, по-видимому, это отражает тогдашние разговоры – именуется Иакова «братом так называемого Мессии». [71]

Это позволяет нам не принимать во внимание мнений многочисленных авторов, которые в последние годы утверждают, что воскресение Иисуса было выдуманно задним числом. Многие говорили, что после смерти Учителя его ученики, дескать, были в такой глубокой скорби, что жадно ухватились за идею воскресения, позаимствовав ее из окружающей культуры, и начали убеждать себя, что Иисус восстал из мертвых, хотя они, конечно, знали, что это не так. Некоторые высказали мнение, что первые христиане верили в восхождение Иисуса на небеса либо пережили ощущение, что призваны распространять весть о Божьем царстве, и из-за этого начали говорить, что Иисус был воздвигнут из мертвых.

Но имеют ли эти рассуждения какую-либо основу? Чтобы в этом разобраться, сделаем мысленно эксперимент. В 70 году н.э. римляне покорили Иерусалим и взяли в плен человека, которого считали предводителем еврейских повстанцев, «царя иудейского» – Симона бар Гиору. Он вступил в Рим в конце триумфальной процессии, а после торжества Симона бичевали и затем казнили. [72]

Теперь давайте представим себе кучку еврейских мятежников три дня или три недели спустя. Один из них заявляет: «Знаете, я думаю, Симон действительно был Мессией – и остается Мессией!»

Прочие озадачены. Этого не может быть; римляне одолели его, они всегда побеждают. Если нам нужен Мессия, лучше поискать кого-то еще.

– Но послушайте, – отвечает первый, – я верю, что он восстал из мертвых.

– О чем ты говоришь? – удивляется его товарищ. – Он умер, и его похоронили.

– Нет, я не об этом, – говорит первый. – Я верю, что он восшел на небеса.

Его слушатели пожимают плечами. Все праведные мученики пребывают с Богом, каждый это знает; их души в руке Божьей, но это ни в коей мере не значит, что кто-либо из них уже был воздвигнут из мертвых. В конце времен всем нам предстоит воскреснуть, но ни с кем этого не может произойти ранее общего срока.

– Да нет же, – говорит первый, – вы не понимаете. У меня появилось сильное чувство, что меня окружает Божья любовь. Я ощущаю, что Бог меня простил – и простил всех нас. В моем сердце появилась особая теплота. Это еще не все: прошлой ночью я видел Симона, он был со мною».

Его слушатели уже начали сердиться. У всех бывают видения. Многим людям снятся недавно умершие друзья. Иногда эти образы очень яркие. Но это не значит, что те друзья восстали из мертвых. И разумеется, это не значит, что кто-то из них Мессия. И если ты чувствуешь теплоту в сердце, читай псалмы, но не надо говорить безумные вещи о Симоне.

Подобный разговор должен был бы произойти между учениками, если бы, как считают эти критики, кто-то из них призвал других верить в воскресение Иисуса. Но такая вещь не просто маловероятна, она невозможна. Если правы критики, между учениками должны были происходить подобные разговоры. Всего одна капля трезвого исторического воображения позволяет отбросить в сторону гигантские стопки томов, созданных представителями так называемого историко-критического метода.

Более того (если вернуться к седьмой особенности христианских представлений о воскресении), именно потому, что христиане верили в Иисуса как в Мессию, мы можем видеть, как у них быстро появляются представления о том, что Иисус есть Господь, а следовательно, кесарь таковым не является. Но это отдельная серьезная тема, о которой мы еще поговорим. Однако уже у Павла воскресение – как Иисуса, так и, в будущем, его народа – основа для присяги на верность иному царю, иному Господину. [73] Смерть – последнее оружие тирана; суть же воскресения, хотя многие понимают это неверно, состоит в победе над смертью. Воскресение не есть новое понимание смерти; им смерть побеждена, а

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
вместе с нею и те, чья власть основана на смерти. Несмотря на пренебрежительные насмешки некоторых современных исследователей, именно тех, кто верил в воскресение, сжигали, привязав к столбам, и бросали львам. Воскресение никогда не помогало удобно устроиться и стать уважаемым; об этом вам могли бы многое рассказать фарисеи. Именно гностики, которые, говоря о «воскресении», имели в виду приватную духовную жизнь и дуалистическую космологию, то есть в каком-то смысле изменили смысл этого слова на прямо противоположный, могли не опасаться гонений. Какой император мог бы не спать ночью из-за беспокойства, что его подданные изучают Евангелие от Фомы? Вера в воскресение всегда была чревата неприятностями, которые часто становились реальностью. [74]

Итак, мы рассмотрели семь главных модификаций иудейских представлений о воскресении, причем христианство первых двух веков повсеместно придавало важное значение всем этим новым особенностям. На карте представлений Древнего мира вера первых христиан в воскресение, безусловно, помещается там же, где и иудаизм, но не там, где язычество, однако в рамках иудейского богословия монотеизма, избранничества и эсхатологии эта вера породила совершенно иной подход к истории, надежде и герменевтике. Историк должен найти этому какое-то объяснение. Почему первые христиане внесли в иудейские представления о воскресении семь важных изменений и почему эти изменения столь устойчивы и встречаются повсеместно? Если мы зададим историкам такой вопрос, они, разумеется, ответят: все это объясняется верой христиан в то, что произошло с Иисусом на третий день после Его смерти. Это подводит нас к следующей главе, где мы зададимся вопросом: что можно сказать об этих рассказах, посвященных чрезвычайно странным событиям угра Пасхи?

4. Странные пасхальные события

1. Беспрецедентные истории

Когда мы читаем описание пасхальных событий – этому посвящены последние главы четырех канонических Евангелий, – мы снова как бы сталкиваемся с кочергой Витгенштейна. Всем известно, что детали этих рассказов не совпадают. [75] Сколько женщин пришло к гробнице и сколько ангелов (или «мужей») они там увидели? Где ученики встретились с Иисусом: в Иерусалиме, в Галилее или в обоих этих местах? И так далее. Но и в Кембридже в 1946 году, и в Иерусалиме в 30 году н.э. (или около того) что-то должно было произойти, несмотря на поверхностные отличия в показаниях очевидцев. В самом деле, у нас есть все разумные основания думать, что в Иерусалиме случилось нечто особое, и это удивительное событие настолько поразило учеников, что они даже начали сбиваться в своих показаниях.

Я рассматривал этот вопрос в другой книге, где выделил четыре удивительные черты, которые присущи все рассказам канонических евангелий. И я полагаю, что эти черты заставляют думать, что здесь мы имеем дело с самыми ранними свидетельствами, но отнюдь не с позднейшей выдумкой, как многие считают. [76]

(1) Прежде всего бросается в глаза поразительное отсутствие ссылок на Библию. До рассказа о воскресении все четыре евангелиста активно используют цитаты, аллюзии и параллели, желая тем самым показать, что Иисус умер «по Писаниям». Даже рассказ о погребении наполнен параллелями с Библией. Но повествования о воскресении, за исключением одного-двух мест, почти начисто лишены чего-либо подобного. Это должно удивить нас еще больше, если мы вспомним, что в исповедальной формулировке, которую приводит уже Павел, говорится о том, что Иисус воскрес также «по Писаниям», да и сам Павел, вместе с прочими первыми христианами, активно ищет в псалмах и у пророков слова, которые позволили бы объяснить недавнее событие воскресения и показать, что оно было кульминацией продолжительной истории отношений Бога и Израиля. Почему же мы не находим ничего подобного в евангельских рассказах о воскресении? Матфей без особого труда мог бы показать, что это событие стало воплощением одного или двух пророчеств Писания, однако он этого не делает. Иоанн говорит нам, что ученики еще не знали Писания, возвещавшего воскресение Мессии, но он не приводит соответствующей цитаты.

Разумеется, кто-то может на это возразить, сказав, что хитрые создатели данных повествований пытались придать этим текстам такой вид, чтобы они выглядели старинными, подобно человеку, который намеренно удаляет из дома электропроводку, чтобы его жилище выглядело как дом столетней давности. Большинство ученых придерживается мнения, что эти истории появились во

втором поколении христиан, не позже, скажем, 80-х или 90-х годов I века. Это плохо увязывается с одним фактом: хотя эти повествования согласуются (как мы увидим) с богословием Павла, из них как будто нарочно устранены все библейские аллюзии, которыми изобилуют такие тексты Павла, как глава 15 Первого послания к Коринфянам.

Этот довод критиков был бы несколько правдоподобнее, если бы мы имели только один рассказ о воскресении или несколько рассказов, созданных на основе одного-единственного. Но это совершенно не так. [77] Так что остается одно из двух: либо надо себе вообразить, что четверо совершенно разных авторов решили придумать рассказ о пасхальных событиях на основании богословия ранней церкви, но выкинули из него все библейские аллюзии и умудрились сделать это совершенно разными способами, не допустив богословских расхождений; либо надо признать (и, на мой взгляд, это стократ правдоподобнее), что эти истории, даже если они были записаны позднее, восходят к самой что ни есть ранней традиции, которая сформировалась (и в таком виде отложилась в умах евангелистов) еще тогда, когда у рассказчиков не было времени спокойно поразмышлять над Библией.

(2) Вторая странная черта этих повествований чаще привлекает к себе внимание. Это тот факт, что главными свидетелями события были женщины. Нравится нам это или нет, в античном мире женщины не считались надежными свидетелями. Когда у христиан появилось время создать готовую формулировку, которую приводит Павел в 1 Кор 15, они тихо исключили оттуда женщин, которые здесь совершенно невыгодны с точки зрения апологетики. Но в евангельских рассказах они играют и главные, и второстепенные роли, это – первые очевидцы, первые апостолы. Такое нельзя придумать. Если бы традиция началась со свидетелей – мужчин (что мы видим в 1 Кор 15), никто, переписывая ее, не стал бы включать туда женщин. Но все евангелия говорят именно о женщинах.

(3) Третья странность касается описания воскресшего Иисуса. Если бы евангельские повествования – как думали многие критики – строились на основе образов Писания или отражали внутренний опыт первых христиан, можно было бы ожидать, что воскресший Иисус сиял, подобно звезде. Об этом говорится в книге Даниила. Это могло быть отражением внутреннего света. Это соответствует описанию преображения. Но ни один из евангелистов не описывает воскресшего Иисуса таким образом. Он является как обычный человек с обычным телом, так что Его можно принять за садовника или за случайного попутчика на дороге. Но одновременно эти истории говорят нам – и это делает их самыми поразительными в мире, – что это было преображенное тело. Оно, вне сомнения, материально: оно обрало (если так можно сказать) материю распятого тела, так что могила осталась пустой. Но в то же время оно способно проходить сквозь закрытые двери, не всегда можно увидеть в нем знакомые черты, а в конце оно уходит в Божье пространство, то есть на небеса, через тонкую преграду, которая, как полагали большинство иудеев, отделяет место обитания Бога от места обитания человека. И эта история не похожа на что-либо известное ранее. Ни один из текстов Ветхого Завета не говорит о теле, обладающем такими свойствами. Никакие мысли богословов не могли пересказать то, что поведали евангелисты, – и снова заметим, что евангелисты рассказали нам на удивление разные истории.

В частности, это позволяет полностью опровергнуть вздорное мнение старых ученых о том, что наиболее «физические» описания у Луки и Иоанна были созданы в конце I века для борьбы с докетизмом (представлением о том, что Иисус не был реальным человеком, но лишь «казался» таковым). [78] Если бы у этих евангелистов воскресший Иисус просто ел печеную рыбу (Лука) и предлагал фоме к нему прикоснуться (Иоанн), тут еще была бы хотя бы видимость правдоподобия. Но если предположить, что Лука и Иоанн просто придумали эти истории для полемики с докетами, надо признать, что они сделали это крайне неудачно: Воскресший у этих евангелистов входит через закрытую дверь и внезапно исчезает, иногда Его узнают а иногда нет, и в конечном счете Он восходит на небеса.

(4) Четвертая загадочная особенность рассказов о воскресении состоит в том, что они буквально ни словом не упоминают о христианской надежде на будущую жизнь. Практически в любом другом месте Нового Завета, когда речь заходит о воскресении Иисуса, оно связано с последней надеждой на то, что в один день его народ восстанет, подобно Христу, и что христиане уже предчувствуют это в крещении и в своей жизни. В отличие от тысяч пасхальных песнопений и миллионов пасхальных проповедей, в евангельских рассказах о воскресении ни

разу не говорится о чем-то вроде того, что «Иисус воскрес, а значит, нас ждет новая жизнь после смерти», – и уж, разумеется, не говорят: «Иисус воскрес, а потому и мы после смерти отправимся на небеса». Они не повторяют традиционных слов первых христиан: «Иисус воскрес, а потому и мы будем воздвигнуты из мертвых после сна смерти». Ничего такого мы не находим. В описаниях евангелистов воскресение – событие в этом мире и в настоящем времени: Иисус был воздвигнут из мертвых, следовательно, Он – Мессия, а потому есть также подлинный Господин мира; Иисус воскрес, а значит, Бог уже начал дело нового творения – и у нас, последователей Иисуса, появилась новая задача! Иисус воскрес, и мы должны стать его посланцами и возвестить всему миру о его господстве, чтобы его царство осуществилось и на земле, как на небесах! Без сомнения, уже у Павла мысль о воскресении Иисуса тесно связана с мыслью о воскресении всего народа Божьего. Если бы евангельские повествования были выдуманы в конце I века, в них бы непременно упоминалось об окончательном воскресении всего народа Божьего. Но они об этом молчат, потому что были созданы раньше.

Можно еще многое сказать об этих евангельских повествованиях. Но я хочу завершить данный раздел выводом: стократ правдоподобнее мысль о том, что эти истории появились еще прежде Павла, и потом не подвергались существенной переработке в процессе передачи и редактирования, разве что разные авторы, каждый по-своему, расставляли акценты. И действительно, повествования отражают богословские особенности каждого евангелиста: скажем, у Матфея в них звучат те же темы, что и в других евангелиях, и т.д. Но то же самое происходит и тогда, когда разные художники пишут портрет одного человека. Мы видим, что вот перед нами произведение Рембрандта, а вот – Гольбейна. Можно узнать руку любого мастера, но одновременно мы распознаем и его модель. Художник не менял цвет ее волос, форму носа или особую задумчивую улыбку. И когда мы задаем себе вопрос, почему эти истории – во многом различные, но все же во многом столь удивительно сходные – были созданы так рано, первые христиане дадут нам на это простой ответ: потому что это событие произошло, хотя тогда его было крайне трудно описать, да и в нем было много загадочного. Эти рассказы, слегка отредактированные и записанные позднее, восходят к самым первым временам. И гипотеза, что это – легенды, которые были записаны намного позднее, чтобы дать историческое обоснование тому, что по существу было частным внутренним опытом, начисто лишена правдоподобия.

Об этом свидетельствуют практически все первые христиане: люди особого образа жизни, и их истории – не результат новых религиозных переживаний и прозрений, но следствие определенного события. Это событие произошло с распятым Иисусом, и оно означало, что Иисус действительно оказался Мессией и что Божий новый век уже ворвался в нынешнее время, а также, что христиане получили новое задание. Это заставило их с новой силой утверждать иудейскую веру в воскресение, они не заменили эту веру каким-либо альтернативным языческим представлением, но внесли в нее несколько значимых изменений. И теперь настало время спросить себя: что может сказать историк об этом событии? Данному вопросу посвящен второй раздел этой главы.

2. Воскресение Иисуса в свете исторической науки

Начну с того, что я считаю убедительными историческими фактами. Единственное объяснение того феномена, о котором мы говорим, дает гипотеза, состоящая из двух частей: во-первых, могила Иисуса действительно оказалась пустой; во-вторых, ученики действительно пережили встречу с ним, где могли убедиться, что перед ними не просто призрак или галлюцинация. Кратко рассмотрим обе эти части.

Если бы ученики просто увидели (или им так показалось бы) кого-то, кого они приняли за Иисуса, это само по себе не породило бы тех евангельских повествований, что дошли до нас. Античный мир не сомневался в том, что иногда люди сталкиваются с загадочными явлениями – они встречаются с умершими, особенно с умершим недавно. Они знали не хуже нас обо всем, что касается таких видений, о духах и сновидениях, и понимали, что подобное происходит со скорбящими близкими покойного. Когда говорили о подобных феноменах, никогда не употребляли слово «воскресение». Сколько люди ни сталкивались бы с подобными видениями, они никогда не сказали бы, что Иисус был воздвигнут из мертвых; это резко отличалось от их представления о воскресении.

И в любом случае – люди об этом часто забывают, быть может, потому, что так

думать удобнее, – Иисуса похоронили в соответствии с иудейской традицией, согласно которой похороны делились на две стадии. Сначала тело заботливо заворачивали в полотно, пропитанное благовониями, и помещали в одно из мест в гробнице. А затем, когда тело разлагалось (стремление избавиться от неприятного запаха и заставляло применять ароматические вещества, поскольку гробница использовалась для нескольких тел), кости собирали, с благоговением складывали в определенном порядке и помещали в специальное хранилище в виде короба – в оссуарий. Если бы Иисус не воскрес, значит, позже кто-то должен был бы прийти, взять его кости и поместить в оссуарий. И даже если бы этот человек слышал утверждения о воскресении Иисуса, Его останки свидетельствовали бы об обратном. В иудейском мире в подобном случае никто не стал бы говорить о воскресении умершего.

Поэтому, если бы не пустая гробница, сами ученики, как и современные люди, быстро пришли бы к выводу, что это была «галлюцинация». Значит, их «встречи» с Иисусом ничего не значат, они просто видели привидение.

В равной степени и сама по себе пустая могила практически ничего не доказывает. Может быть (как часто думают), они перепутали гробницу, хотя, если мы немного поразмыслим, придется отбросить эту версию. Либо кто-то – солдаты, садовник, первосвященники, другие ученики – по той или иной причине унес оттуда тело. Грабителей могил в те дни было немало. К этому заключению приходит Мария в Евангелии от Иоанна: его забрали отсюда, может быть, это сделал садовник. Это же заявили иудейские вожди: тело похитили ученики. Масса подобных гипотез выдвигалась и еще будет выдвигаться, но они мало что объясняют, поскольку, кроме пустой могилы, ученики видели Иисуса, встретились с Ним. Таким образом, если мы как историки хотим объяснить особенности веры первых христиан в воскресение Иисуса, нам придется признать, что гробница оказалась пустой, если не считать погребальных одежд, и что ученики действительно видели кого-то и говорили с кем-то, кто выглядел как живой и телесный Иисус, хотя с ним произошли некоторые поразительные изменения, которые им было трудно подробно описать.

С одной стороны, встречи с Иисусом, с другой – пустая гробница: оба эти обстоятельства стали основой возникновения веры христиан, а также дошедших до нас евангельских повествований. Как того, так и другого по отдельности недостаточно; но стоит их соединить, получаем полноценное и логичное объяснение того, как возникла вера первых христиан.

Существует ли альтернативное правдоподобное объяснение? Но здесь мы должны отказаться от привычной ловушки: дескать, древний язычник верил в возможность воскресения (это неправда) или каких-то более свежих вариаций на ту же тему. Другого объяснения просто нет. Все вопросы, рассматриваемые в данной главе, можно было бы разбирать гораздо подробнее. Но надо признать, что все главные альтернативные объяснения, гипотезы о создании историй о воскресении задним числом, просто неубедительны.

Возьмем феномен «когнитивного диссонанса», о котором так много писали на протяжении всей второй половины прошлого столетия. «Когнитивный диссонанс» означает, что человек оказался в ситуации, когда страстно желает убедиться в верности какой-либо истины, но факты убедительно говорят об обратном. Такой человек может просто отбросить неудобную для него реальность и стать еще более горячим приверженцем своего мнения. На первый взгляд эта теория не лишена правдоподобия. Описаны любопытные примеры такого поведения людей. Но эти теории никогда не смогут объяснить нам феномен появления первых христиан. И фактически даже исследования, на основе которых была создана эта теория, изначально содержали недопустимые ошибки, о чем я писал в другом месте. [79]

И если говорить конкретно, подобная ситуация просто не соответствует положению дел на момент того пасхального утра. Можно увидеть, что ученики именно не ожидали воскресения Иисуса из мертвых – одного, который опередит всех остальных людей. Говорят, что они были иудеями эпохи Второго Храма и мысль о воскресении, как кто-то сказал, там просто «висела в воздухе», но это не объясняет ни те радикальные изменения, которые христиане внесли в иудейские представления, ни удивительные особенности рассказа о событии воскресения.

Существуют также мнение, что первые ученики пережили новый опыт благодати и прощения грехов и потому обрели новую веру в Бога, новую надежду на то, что план Бога относительно Его царства продолжает осуществляться, несмотря на

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
смерть Иисуса. [80] Но и такое объяснение не работает. Как мы уже видели, новый опыт благодати или что-то подобное не ведет к следующему шагу: к убеждению, что лидер, за которым они следовали, был воздвигнут из мертвых. Да, иногда воскресение применяли как метафору, но такая метафора никогда не использовалась для описания нового духовного опыта. Иудаизм уже обладал богатым языком для разговоров о последнем. Думать, что ученики утверждали: «Он восстал из мертвых», зная, что это не так, – просто нелогично с исторической точки зрения. Здесь мне хочется вспомнить резкие слова из стихотворения Джона Апдайка:

Не будем оскорблять Бога метафорой,
аналогией, шагом в сторону, трансцендентностью;
не станем приравнивать происшедшее к притче, символу,
начертанному на выцветшей стене легковерия прежних веков;
войдем через дверь.
Не будем пытаться устранить уродство
ради собственного комфорта, ради нашего чувства прекрасного,
чтобы, проснувшись в один немыслимый час,
мы не были смущены чудом
или раздавлены протестом. [81]

Существует немало второстепенных аргументов, о которых можно было бы поговорить, но мы их просто кратко перечислим. Начнем со списка других гипотез, которыми пытаются дать альтернативное объяснение феномену возникновения христианства.

1. Иисус на самом деле не умирал; ему дали какое-то средство, из-за чего он выглядел как умерший, а затем пришел в себя в гробнице. Ответ: римские воины умели убивать, и, увидев одурманенного и избитого Иисуса, никакой ученик не пришел бы к мысли о том, что Иисус победил смерть и возвестил о приходе царства Бога.

2. У гробницы женщины встретили кого-то еще (быть может, Иакова, брата Иисуса, который напоминал его по виду) и в сумерках приняли его за Иисуса. Ответ: они очень скоро убедились бы в своей ошибке.

3. Иисус являлся только тем людям, которые верили в него. Ответ: как видно из Нового Завета, ни Фома, ни Павел к таковым не относились; более того, ни один из учеников Иисуса не верил в момент Его смерти в то, что это Мессия, не говоря уже о Его Божественной природе.

4. Мы имеем показания пристрастных свидетелей. Ответ: это касается любого исторического факта или журналистской точки зрения. И даже любая фотография сделана с какой-то определенной точки.

5. Сначала они говорили: «Он воскреснет», – как люди говорят о мучениках, а затем постепенно все заговорили о том, что «Он воскрес» в том же самом смысле. Ответ: это совершенно иной смысл. [82]

6. Многие видят своих любимых и недавно умерших близких; то же случилось и с учениками. Ответ: они прекрасно разбирались в подобных вещах, и у них были для этого готовые выражения; они бы сказали: «Это его ангел», или «Это его дух», или «Это привидение». [83] Но они не сказали бы: «Он восстал из мертвых».

7. Быть может, это наиболее популярная гипотеза: на самом деле они испытали некое значимое «духовное» переживание, которое осмыслили в рамках представлений иудаизма. В конце концов, Иисус действительно остался живым, в духовном смысле, и они сохранили с ним контакт. Ответ: это просто описание достойной смерти с последующим платоническим бессмертием. Воскресение было и остается победой над смертью, а не просто более удачным описанием смерти, и оно происходит спустя какое-то время после смерти, а не мгновенно.

Приведем три не самых значимых аргумента из тех, которые часто (и вполне разумно) выдвигают, чтобы доказать факт воскресения Иисуса.

1. Иудейские гробницы, особенно могилы мучеников, окружали поклонением, и

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
нередко на их месте появлялись святилища. Нет никаких свидетельств о том, что подобное происходило с могилой Иисуса.

2. Первые христиане начали утверждать, что первый день недели – их особый день. Этот факт трудно объяснить, если отказаться от мысли, что в этот день произошло нечто поразительное. Постепенное или даже стремительное зарождение новой веры вряд ли является тут достаточным объяснением.

3. Готовность христиан страдать и идти на смерть трудно объяснить, если их вера не основана на непреложном факте. Это важный аргумент, хотя и не лишенный своей слабой стороны – допустим, это было искренним заблуждением: они верили в факт воскресения Иисуса и вели себя соответствующим образом, но, как часто в таких случаях говорят, мы знаем, что они ошибались.

Все это подводит нас к самому главному, и последнему, вопросу. Гробница была пуста, ученики встречались с Иисусом – я приводил доводы, которые позволяют утверждать, что это – установленные факты, ничуть не хуже любого другого исторического факта. Только их сочетание позволяет объяснить евангельские повествования и столь быстро возникшие новые представления последователей Иисуса. Как же мы теперь можем их объяснить?

Если бы речь тут шла о любом другом историческом событии, ответ был бы столь очевидным, что о нем даже не стоило бы говорить. Но в данном случае этот ответ («да, оно действительно произошло») настолько очевиден и поражает, настолько колеблет основания земли, что нам лучше сделать паузу, прежде чем мы кинемся в неизвестное. И как сказал мне один мой скептически настроенный друг, всегда можно, признав убедительность всех приведенных выше аргументов, сказать:

«У меня нет удовлетворительного объяснения той причине, по какой могила оказалась пустой, а Иисус являлся ученикам, но я предпочитаю придерживаться моего убеждения в том, что умершие не воскресают, а потому делаю вывод, что тут таится какая-то иная причина, хотя мы не можем ее понять». Прекрасно, я готов уважать такую позицию, но не могу не заметить, что человек сделал выбор на основании своих представлений, и он не вправе сказать, что какая-либо «научная историография» вынуждает его предпочесть такой подход.

Но на данный момент все указывает в одном направлении. Мы с коллегами достаточно детально изучили все альтернативные гипотезы, древние и современные, происхождения христианства и его верований. [84] и наиболее правдоподобное историческое объяснение этим феноменам состоит в том, что Иисус из Назарета был действительно убит и похоронен, а затем, на третий день, действительно восстал к жизни в новом теле (и это не был просто «реанимированный труп», как иногда презрительно выражаются критики). Это было физическое тело нового типа, после которого осталась пустая гробница, потому что оно «воспользовалось» веществом из прежнего тела Иисуса, и это тело обладало новыми свойствами, чего никто не ожидал и не мог себе вообразить, но это запечатлелось в представлениях людей, которые могли его видеть. Если что-либо подобное действительно произошло, мы имеем совершенное объяснение феномену возникновения христианства с его отличительными особенностями.

Но сейчас я хочу отдать должное предупреждениям некоторых богословов, которые с опасением относятся к любой попытке стать на почву рационализма и «доказывать» (каким-то «математическим» образом) событие, которое, если оно произошло, само должно стать центром не только истории, но и эпистемологии: не только того, что мы знаем, но и того, как мы об этом узнаём. Иными словами, я не хочу утверждать, что тут «доказал» событие воскресенья, что я – на какой-то нейтральной позиции. Просто я как историк бросаю вызов альтернативным объяснениям и самому тому представлению о мире, которое придает смысл таким объяснениям. В этой точке мы оказались лицом к лицу с вопросом о мировоззрении, и потому здесь нет нейтральной почвы, в эпистемологическом океане нет островка, еще не заселенного какими-либо представителями враждующих народов с материков. Сами по себе исторические аргументы не могут вынудить кого-либо поверить в воскресение Иисуса; но такие аргументы позволяют разогнать дымку, за которой уже давно скрывались скептики разного рода. Гипотеза, что Иисус восстал из мертвых к новой телесной жизни, великолепно объясняет важнейшие исторические факты, связанные с возникновением христианства. Разумеется, это самым радикальным образом ставит под сомнение все наши представления и на личном, и на

общественном уровне, однако это не должно нам помешать отнестись к данному вопросу серьезно. В конце концов, разве мы его себе задаем лишь для развлечения ума?

Прежде всего, существуют различные типы «знания». Многие науки изучают повторяемые явления, история изучает явления неповторимые. Цезарь только однажды пересек Рубикон, а если бы это событие повторилось, оно уже имело бы иное значение. Первое приземление человека на Луну может произойти – и произошло – только один-единственный раз. Разрушение Второго Храма в Иерусалиме произошло в 70 году н.э. и уже никогда не повторится. Разумеется, для историков это не проблема – они не боятся говорить, что это событие действительно произошло, хотя его невозможно воспроизвести в лаборатории.

Но когда люди говорят: «Этого не могло быть, потому что обычно подобного быть не может», – они ссылаются на иной, не самый надежный, принцип науки истории – на принцип аналогии. Аналогия часто помогает нам слишком мало. История знает множество невероятных событий, которые случились всего один раз и к которым можно подобрать лишь частичные аналогии. Как бы там ни было, когда люди утверждают, что какое-то событие не произошло, потому что обычно «подобного быть не может», здесь напрашивается естественное возражение: «А кто сказал, что может?» В нашем случае надо указать на один очевидный факт, который часто игнорируют: первые христиане не думали, что воскресение Иисуса – событие, которое время от времени происходит с кем-то еще. Разумеется, они видели в нем первый пример того, что в итоге случится и с другими людьми. Но они не использовали надежду на будущую жизнь в качестве аналогии для того, что уже произошло в одном-единственном случае («поскольку в конечном счете это ожидает всех, это подтверждает мысль, что оно могло преждевременно произойти и в данном случае»).

Что делает историк, когда факты указывают на феномены, о существовании которых не было известно? Воскресение – столь яркий пример такой ситуации, что даже для самого этого вопроса, на мета-уровне, трудно найти аналогию. Постепенно проясняется, что все зависит от мировоззрения историка, так что признает ли он такое явление фактом, обусловлено его представлением о мире, которое определяет его жизнь. И мы снова вернемся к ученому, который, хорошо понимая, что повторяющийся опыт с мертвыми телами всегда показывал и, вероятнее всего, будет показывать один и тот же результат, заявляет: «Мы имеем столько фактов, что верить в воскресение, будучи ученым, абсолютно невозможно».

Но на что распространяется позиция «ученого»? Когда мы задаем вопрос: «Может ли ученый верить в то-то?» – это, на самом деле, вопрос с двумя уровнями. Во-первых, мы спрашиваем, какого рода явления доступны «научному методу» и как с его помощью можно удостовериться в правоте того или иного положения. Во-вторых, нам интересно, во что должен верить человек, причастный к миру науки, во всех прочих сферах своей жизни. Думаем ли мы, например, что ученый должен «научно» слушать музыку? Смотреть футбольный матч? Влюбляться? За вопросом о том, может ли ученый верить в воскресение Иисуса, стоит молчаливое предположение, что воскресение, в частности воскресение Иисуса, каким-то образом вступает в конфликт с наукой. Подобным же образом можно задать вопрос: «Может ли ученый допустить, что восход солнца наступит дважды в сутки?» или «Может ли ученый поверить в то, что мотылек способен долететь до Луны?»[85] Это отличается от других вопросов, скажем: «Может ли ученый верить, что музыка Шуберта прекрасна?» или «Может ли ученый верить, что жена его любит?» И те люди, которые придали иной смысл слову «воскресение», чтобы оно просто указывало на духовные переживания в сердцах и умах учеников, перенесли данный вопрос из первой категории во вторую. Но такой подход следует решительно отменить, потому что, как мы уже убедились, в I веке слово «воскресение» в этом смысле не использовали. Для человека того времени оно означало, что некто, пережив физическую смерть, снова вернулся к физической жизни, а не просто «продолжает жить» в ином смысле или попал в «чисто духовный» мир, каков бы тот ни был. Таким образом, событие под названием «воскресение» происходит в общественном мире.

И наконец, третий элемент «знания» – загадочная область между естественными науками (которые «знают» то, что в принципе можно воспроизвести в лаборатории) и историей, которая «знает» такие вещи, которые помогают понять аналогии из нашего опыта. Иногда люди – отдельно или в группах – сталкиваются с такими обстоятельствами, которые либо нужно сразу отбросить,

либо, если их принять, потребуется полностью пересмотреть представления о мире.

Я хочу предложить вашему воображению фантастическую ситуацию из жизни престижного колледжа. Его богатый выпускник дарит колледжу прекрасную знаменитую картину, для которой в нем просто нет достойного места. Подаренная картина столь чудесна, что в итоге руководство решает напрячь силы и перестроить все здание, ориентируясь на этот драгоценный подарок. Оно выясняет, что это позволит еще больше усовершенствовать все положительное, что было в колледже раньше, и одновременно устранить все проблемы, с которыми приходилось здесь сталкиваться. И ключевой пункт этой иллюстрации, хотя она не вполне адекватна, состоит в следующем: когда колледж получил это полотно, в определенный момент в умах произошел эпистемологический переворот, благодаря чему руководство приняло свое судьбоносное решение. Даритель не пришел к ним с картиной, чтобы, вручив свой дар, без спросу разрушить старое здание и сказать: «А теперь сделайте с ним что-нибудь». Аналогично воскресение Иисуса, которое дает очевидный ответ на проблему возникновения христианства, по праву заслуживает серьезного исторического исследования, а потому бросает вызов общему мировоззрению историка и естествоиспытателя.

Этот вызов, по сути, есть вызов нового творения. Самое главное здесь сводится к следующему: воскресение Иисуса представляет собой – и для историка или ученого в не меньшей степени, чем для христианина или богослова, – не какое-то чрезвычайно странное событие в нашем мире, каков он есть, но крайне характерное, прототипическое и основополагающее событие в новом мире, каким тот начинает становиться. [86] Христианство утверждает нечто удивительное и великое: Иисус из Назарета дал нам не просто новые духовные возможности, не просто новую этику или новый путь к спасению, но новое творение.

И тогда это выглядит как некий упреждающий удар как по эпистемологии, так и по богословию. Если в нашем мире уже началось новое творение, у историка просто не может быть никаких аналогий с этим событием, а ученый не сможет поставить его в один ряд с другими, доступными наблюдению. Что нам с этим делать?

Сама по себе история зародилась в современном западном мире, где ее уложили в прокрустово ложе точных наук, которые (справедливо) изучают тот мир, что нам доступен. А следовательно, тут она покидает нас, так что мы подобны детям Израиля, которые в страхе стоят на берегу Чермного моря. Позади нас все силы скептицизма – полчища фараона, которые издеваются над нами и обещают с нами расправиться. Перед нами море – хаос и смерть, – и кажется, что эти силы еще никому не удалось победить. Что нам делать? Обратной дороги нет. За две тысячи лет насмешек скептиков над христианством не было найдено ни одного удовлетворительного объяснения тому, как могила оказалась пустой, как ученики могли встретить Иисуса и как это преобразило их жизнь и мысли. Альтернативные объяснения на удивление слабы; я изучил большинство современных гипотез, и многие из них просто вызывают смех. История покинула нас, и мы дрожим от страха на берегу. Она может остро поставить вопрос, ответ на который – вера христиан. Но если кто-то желает остаться на берегу, между фараоном и глубоким морем, история не заставит его двигаться вперед. [87]

И здесь все зависит от контекста, в котором совершается история. Самые важные решения в жизни мы принимаем не только левым полушарием мозга – с помощью одного лишь рационализма, зародившегося после эпохи Просвещения. Я не хочу сказать, что можно убедить кого-либо в истине важнейших положений христианской веры, опираясь исключительно на человеческий разум, который основывается на наблюдении за миром. Это невозможно. Но одновременно я не хочу сказать, что подобное историческое исследование не играет здесь никакой роли и что требуется лишь прыжок в слепую веру. Бог дал нам ум, чтобы думать; вопрос был поставлен должным образом; христианство взывает о суде к истории – значит, оно туда и должно отправиться. И вопрос о воскресении Иисуса, хотя само это событие ломает рамки истории, все-таки входит в эти рамки; именно потому он столь важен, столь мучителен как вопрос жизни и смерти. Мы можем смириться – и мир может смириться – с мыслью об Иисусе, который в конечном счете остался прекрасным идеалом в умах и сердцах учеников. Но мир не может принять весть об Иисусе, который покинул гробницу и начал дело нового Божьего творения в недрах старого.

Вот почему, чтобы полноценно рассмотреть этот вопрос, нам необходимо поместить историческую науку в более широкий контекст – личный и коллективный. И, разумеется, это бросает вызов не только историкам или ученым, но и всем людям, независимо от их мировоззрения. На кон поставлены именно представления о мире, и от них нельзя отмахнуться с помощью старой доброй стратегии либерализма, заявив (как это сделали некоторые критики написанной мной раньше книги), что вера в воскресение Иисуса невозможна для любого человека, который (как сказал один автор) принял «современные парадигмы реальности». Если это равносильно капитуляции перед мнением Юма и подобных мыслителей Просвещения, я отвечу, что именно сегодня, в начале XXI века, у нас есть все основания для того, чтобы поставить под сомнение эти «современные парадигмы». В любом случае косвенно предполагается, что мы должны избрать либо парадигмы древности, либо парадигмы эпохи модерна (или даже постмодерна). Однако в античных представлениях Гомера, Платона, Цицерона также вовсе нет места идее воскресения. На самом деле это столкновение между мировоззрением, которое принимает существование Бога творения и справедливости, и мировоззрением, которое это отрицает.

Я понимаю, что и сегодня многим людям кажется, будто место веры – в частной жизни, в изоляции от истории – особенно от такой, которая совершает атаки на веру. А многие другие думают, что история – просто цепочка из наблюдаемых причинно-следственных связей, и она не может разорваться, чтобы включить в себя то, чего еще никогда не происходило. Повествования о воскресении Иисуса, а также, как я старался доказать, само существование церкви с ее первых до сегодняшних дней – ставят перед миром огромный вопрос. Мы неизбежно задаем его, когда говорим с общиной, которая верит в Евангелие и стремится жить по его истине. Мы задаем этот вопрос, читая Библию, которая, если видеть в ней цельное повествование, дает нам картину мировоззрения, в котором данный вопрос обретает смысл. Нам приходится думать об этом в контексте личной открытости тому Богу, о котором говорит Писание; Он сотворил мир, а не просто присутствует в нем, и это Бог справедливости и истины. Такие размышления не заменяют нам исторического исследования, но и не являются каким-то лишними. Это позволяет нам открыть окна ума и сердца, чтобы подумать: в конце концов, такое возможно в Божьем мире, не только в мире нынешнего творения, но и в мире творения нового. Как я полагаю, история подводит нас к рубежу, где мы просто обязаны сказать: могила оказалась пустой, они действительно видели Иисуса – такого же, но и преображенного. И здесь задает вопрос история: и как это можно объяснить?

История не позволяет нам избежать такого вопроса, она не оставляет путей бегства от него. Все эти пути уже давно были испытаны, и ни один из них не оказался надежным. История задает нам вопрос. И когда на него дает ответ христианская вера, трезвая, смиренная и вопрошающая, историческая наука (в отличие от воинствующего рационализма, который уже заготовил свой ответ заранее) может неожиданно заявить: «Звучит правдоподобно».

Рассказ о Фоме в главе 20 Евангелия от Иоанна похож на притчу, которая все это иллюстрирует. Подобно добросовестному историку, Фома желает все осмотреть и потрогать. Иисус предстает перед ним и предлагает к себе прикоснуться. Но Фома этого не делает. Он уже оставил позади тот тип познания, который намеревался использовать, и перешел к более высокому и богатому познанию. Если воспользоваться все теми же образами Израиля у Чермного моря, вот как это выглядит в «Пасхальной оратории». [88] В начале Фома полон сомнения:

Море слишком глубоко,
Небо высоко,
Плывать я не умею
И летать не могу;
Мне нужно остаться здесь,
Остаться здесь,
Тут, где я знаю,
Как я могу познать,
Тут, где я знаю,
Что я могу познать.

Вдруг является Иисус и предлагает Фоме посмотреть на Него и прикоснуться к Нему. Перед Фомой внезапно предстает новая головокругительная возможность:

Море расступилось. Хозяева фараона:
Отчаяние, сомнение, страх и гордость –
Уже не страшат нас.

Мы должны

Перейти на другую сторону.
Небеса склоняются. С пронзенными руками
Наш Бог в изгнании, наш Господь в стыде
Пред нами, живой, дышащий, стоит;
Рядом с нами Слово, что зовет нас по имени.
Новое знание в сомневающемся уме,
Новое зрение в слепоте;
Новое доверие в сердце скептика,
Новая надежда, через которую познает вера.

В этот момент Фома делает глубокий вдох – и мгновенно история и вера сливаются воедино. «Господь мой и БОГ мой», – восклицает он.

Эти слова не являются истиной за рамками истории. «Господь», о котором идет речь, – именно Тот, в ком достигла наивысшей точки история Израиля и кто начал иную историю. Как только постигаешь смысл воскресения, сразу начинаешь видеть, что история Израиля наполнена частичными и предварительными аналогиями этого момента. И эпистемологическую весомость она приобретает не только в силу обещанного окончательного воскресения, но и благодаря повествованию о великих деяниях Божьих в прошлом.

И нельзя сказать, что слова Фомы противоречат естественным наукам. Мир нового творения – все равно мир творения; как таковое, оно открыто для труда человека (и даже радуется ему); человек не должен подчинять себе творение с помощью магических ухищрений и подчиняться ему, как если бы само творение было Божественным, но он должен служить его распорядителем. А любой распорядитель должен понимать, чем он управляет, чтобы лучше служить творению и помочь ему стать таким прекрасным, каким оно было задумано.

И я полагаю, что вера в воскресшего из мертвых Иисуса превосходит так называемую историю и так называемые естественные науки, и одновременно – вбирает их в себя. Такая вера не слепое убеждение, которое напрочь отвергает историю и другие науки. И нельзя сказать – а так было бы намного «удобнее»! – что эта вера относится к совершенно иной сфере и не пересекается с обычными знаниями, как будто лежит в особом герметическом сейфе. Но, скорее, такая вера, которую, как мы видим и в других типах познания, определяет природа ее предмета, – есть вера в Бога Творца, который обещал в конечном счете все исправить, и в Бога, который (и в этой яркой точке они соединяются) воздвиг Иисуса из мертвых в рамках истории, о чем остались свидетельства, требующие объяснений и от ученого, и от любого человека вообще. Если я правильно понимаю научный метод, когда ученый сталкивается с явлением, которое не соответствует его привычным парадигмам, он может пойти и таким путем, если ничего другое не работает: может изменить саму парадигму. Это не означает, что историк отвергает все свои прежние знания, но означает, что эти знания входят в какое-то более широкое целое. Это, если хотите, вызов апостола Фомы.

И если Фома показывает нам эпистемологию веры, которая превосходит историю и другие науки, но одновременно вбирает их в себя, то можно сказать, что Павел в этом смысле представляет эпистемологию надежды. В главе 15 Первого послания к Коринфянам апостол развивает свою аргументацию для доказательства будущего воскресения, входящего в Божий замысел нового творения, искупления всей вселенной, как о том говорит глава 8 Послания к Римлянам. Для христианина надеяться не означает принимать желаемое за действительное или придерживаться слепого оптимизма. Это – разновидность познания, которое допускает появление нового, оставляет возможности открытыми и предвидит новое творение. Об этом нам еще предстоит поговорить, но не сейчас.

Все это подводит нас к Петру. Эпистемологии веры и надежды, которые и превосходят историю с научными знаниями, и включают их в себя, указывают на эпистемологию любви – эту идею я впервые встретил у Бернарда Лонеграна, хотя вряд ли она была новой для него самого. Это хорошо показано в главе 21 Евангелия от Иоанна. Все знали, что Петр отрекся от Иисуса. Он выбрал жизнь в нормальном мире, где в конечном счете торжествуют тираны и где лучше держаться подальше от тех, кто этим тиранам противостоит. Но теперь, после Пасхи, Петра зовут жить в ином, новом, мире. Фома был призван к новой вере,

И здесь я хочу опять вернуться к Витгенштейну, – но уже не к его кочерге, а к его знаменитым и запоминающимся словам: «Только любовь может верить в воскресение». [90] «Симон, сын Иоанна, любишь ли ты Меня?» – спрашивает Иисус. За этим вопросом стоит невероятно много: приглашение и вызов, изменение несчастного человека, оказавшегося неверным, и переосмысление самой эпистемологии – вопроса о путях познания, – которая теперь должна соответствовать новой онтологии – вопросу, из чего состоит реальность. Реальность воскресения невозможно познать изнутри старого мира распада и предательства, тиранов и пыток, непослушания и смерти. В том-то все и дело. Повторю: воскресение не является каким-то в высшей степени странным событием в нынешнем мире (хотя оно тут и произошло); но по сути своей – это важнейшее событие нового творения, того мира, который призвал к существованию Иисус. Если мы хотим не то что туда войти, но хотя бы мельком взглянуть на такой мир, нам понадобится новый тип познания, в котором мы сами участвуем уже иным образом. Это не холодное исследование, но погружение всего человека, такое участие, которое проще всего кратко обозначить словом «любовь» – именно в том смысле, какой вкладывал Иоанн в слово агаре. Из разговоров с некоторыми учеными я вынес ощущение, что, хотя это невозможно описать, иногда нечто подобное происходит, когда исследователь настолько полно посвящает себя предмету, что новая гипотеза рождается как бы не из работы мозга (компьютера из мяса?), накопившего данные из разных источников, но скорее из нежного и таинственного симбиоза познающего и познаваемого, любящего и возлюбленного. [91]

Скептик может сказать, что все это опять же сводит событие Пасхи к чистому субъективизму. Но это не так. Для веры в воскресение действительно нужна агаре, но это не дает права утверждать, что Петр и другие просто почувствовали необыкновенное тепло в сердце и потому поверили, что Иисус восстал из мертвых. Именно потому, что речь тут идет о любви, этой любви должна соответствовать некая реальность вне любящего. Любовь – самый глубокий вид познания, потому что любящий глубоко погружается в какую-то реальность, лежащую вне его, и тем утверждает эту реальность и радуется. Этого часто не может понять эпистемология модернизма, где «объективное» противостоит «субъективному», то есть каждое явление обладает либо объективной истиной (и ее может установить бесстрастный наблюдатель), либо истиной субъективной (и тогда она не имеет никакого значения в реальном общественном мире). Но подобное разделение преодолевается эпистемологией любви. Любовь сделалась необходимым средством познания для тех, кто призван жить в новом общественном мире, в том мире, который появился после воскресения Иисуса и где господствует Христос, а не кесарь.

Вот почему исторические факты, свидетельствующие о достоверности телесного воскресения Иисуса, и даже если будут невероятно убедительны, могут всего-навсего подвести человека к тем вопросам, с которыми столкнулись Фома, Павел и Петр: к вопросам веры, надежды и любви – и не более того. «Объективная» эпистемология историков не в состоянии дать конечную основу для подтверждения достоверности пасхального события. Никто не зажигает свечу, чтобы узнать, взошло ли солнце. Свечи исторической науки всего лишь позволяют понять, что в комнате беспорядок, что она выглядит не так, как вчера вечером, и что «нормальные» объяснения здесь не работают. Может быть, думаем мы, выслушав все исторические аргументы, за окном встало солнце и мир проснулся. Но чтобы в этом окончательно убедиться, надо рискнуть – поднять шторы, заслоняющие утреннее солнце. Если мы это сделаем, нам уже не понадобятся свечи – это не значит, что мы не верим в факты и доказательства, просто они отступают перед более сильной реальностью. Они сами исходят из этой реальности, они указывают на нее, находят в ней для себя новое обширное пространство. Всякое знание есть дар Бога, научное или историческое знание в этом смысле не хуже знания веры, надежды и любви, однако любовь превосходит все прочее.

3. Заключение

Одно последнее замечание. Я пришел к убеждению, что атмосфера скептицизма, окутывавшая два последних столетия, в которой стало непопулярно и даже сложно говорить о том, что Иисус на самом деле воскрес, никогда не была каким-то нейтральным явлением с социологической или политической точки зрения. Эпоха Просвещения совершила переворот во многих умах, так что утверждение «мы знаем, что мертвые не воскресают», стало как бы открытием современной науки, хотя на самом деле об этом прекрасно знали Гомер или

Эсхил. И такой порядок мыслей идет рука об руку с другими идеями: о том, что человечество уже обрело мудрость, а потому пришло время дать Богу отставку и управлять миром так, как нам хочется, используя его для своей выгоды без ограничений со стороны кого-то еще. в этом смысле тоталитарные режимы XX столетия просто отражают более общее тоталитарное мышление и культуру, против чего сегодня взбунтовался (и справедливо, как я полагаю) постмодернизм. в конце концов, кому было невыгодно признать воскресение? Отнюдь не только мыслителям, склонным к скепсису или рационализму. в первую очередь оно пугало и пугает людей, облеченных государственной властью, – тиранов и мучителей. Кесари должны видеть угрозу в Господине мира, который упразднил важнейшее средство тирании – саму смерть; ироды должны приходить в ужас от того, что после своей смерти настоящий Царь иудейский вззошел на свой трон.[92] И потому вера в воскресение Иисуса перестает быть вопросом странного события I века и неожиданно превращается в вопрос надежды для XXI века. Надежда рождается в тот момент, когда ты внезапно понимаешь, что иные представления о мире могут оказаться правдой, и тогда богатство, власть и жестокость лишены последнего слова. Изменяя картину мира, воскресение Иисуса одновременно дает нам возможность преобразовывать этот мир.

Вспомните удивительную сцену из «Саломеи» Оскара Уайльда, где Ироду докладывают о том, что Иисус воскресил умершего. «Я не желаю, чтобы он это делал, – говорит Ирод. – Я запрещаю ему это делать. Я никому не позволяю воскрешать умерших. Необходимо отыскать этого человека и сказать ему, что я запрещаю ему воскрешать умерших».

Это – реакция тирана, который почувствовал, что его власть пошатнулась. И подобный тон я слышу не только в словах политиков, которые хотят опустошать наш мир в своих целях, но и в размышлениях интеллектуалов, отрицающих воскресение.

Но далее в пьесе Уайльда идут знаменательные слова, которые чреватые великим кризисом как для Ирода, так и для нас. «Где теперь этот человек?» – спрашивает правитель. «Он повсюду, государь, – отвечает один из придворных, – но трудно найти его».[93]

Часть II ЗАМЫСЕЛ БОГА О НАШЕМ БУДУЩЕМ

5. Будущее вселенной: прогресс или тупик?

1. Введение

В первой части книги я стремился показать, что в представлениях о надежде на будущее царит великая сумятица, причем это касается и современного мира в целом, и церкви. Однако у первых поколений христиан мы обнаруживаем не некую расплывчатую веру, но очень четкие представления как о воскресении Иисуса, так и о грядущей жизни, которую Бог обещал дать всему Своему народу.

И дело вовсе не в том, что древние люди склонны к легковерию, а современные – к скептицизму. В нынешнем мире мы видим массу примеров легковерия, а в античном – массу примеров скептицизма. Скорее, это как-то связано с тем особым представлением о мире, которое породила жизнь, смерть и особенно – воскресение Иисуса.

Первые христиане с радостью вспоминали великое событие пасхального утра. Но это не все. Они разделяли веру иудеев в Бога как Творца и Искупителя и увидели в совершенно неожиданном событии воскресения Иисуса подтверждение этой веры – и именно потому с радостью смотрели в будущее, ожидая того, что еще не завершилось до конца, но что уже началось в то пасхальное утро. И именно картину обновления мира в будущем и мы будем рассматривать в этой части книги.

Можно было бы сразу перейти к данному вопросу и говорить о той надежде, которую Евангелие дает каждому верующему лично. То, что Бог совершил с Иисусом в первый день недели, Он обещал совершить с каждым человеком, пребывающим во Христе, с каждым, в ком обитает Дух Христов. Таковы представления христиан об истории человечества, основанные на Библии. Мы их непременно рассмотрим.

Но есть весомые причины сначала обсудить иные проблемы. На протяжении последних двух столетий в западном мышлении господствовал определенный

перекося: гораздо больше внимания уделялось личной надежде человека в ущерб картине надежды Божьего творения. Более того, западное благочестие, начиная по меньшей мере со Средневековья, во многом испытывало влияние греческой философии, в результате чего надежда христиан стала напоминать скорее представления Платона о душах в бесплотном блаженстве, нежели библейскую картину нового неба и новой земли. И если мы начнем разговор о надежде с отдельного человека, у читателя может появиться ложное впечатление, что здесь и лежит подлинный центр тяжести всего, а надежда для всего творения играет лишь второстепенную роль красивого фона. Слишком часто именно так это и понималось. Мне хотелось, чтобы сама структура моей книги давала иную картину, которую я также намерен подробно описать.

Поэтому порядок рассматриваемых вопросов будет отражать значимость материала, как я ее понимаю. Вместо того чтобы начать с личной надежды, а от нее перейти к обновлению творения, мы начнем с библейских представлений о будущем мире – о нашей вселенной, полностью обновленной Богом, который есть одновременно и Творец, и Искупитель. Именно такой контекст позволит нам должным образом говорить о «втором пришествии», а затем – и о телесном воскресении людей. [94]

Поэтому сейчас нам предстоит рассмотреть надежду для всей вселенной, великую драму, в которую входят наши маленькие драмы – подобно пьесе внутри пьесы. Каков замысел Бога о нашем мире в целом?

А чтобы ответить на этот вопрос, нам придется сначала, в данной главе, разобрать два самых популярных мнения, чтобы потом, в следующей главе, показать ту альтернативу, которую предлагает нам Новый Завет (хотя о ней нечасто услышишь от современных христиан). [95]

2. Мнение первое: эволюционный оптимизм

Рискуя упростить вопрос, мы можем условно выделить два различных подхода к будущему мира. Оба подхода иногда путают с христианской надеждой, и действительно, они кое-что позаимствовали у христианства. Но оба в равной степени далеки от той картины, которую разворачивает перед нами Новый Завет или даже, в виде отдельных озарений, Ветхий Завет. Ответ христиан не представляет собой точку между этими двумя полярными позициями, но сочетает в себе их сильные места и устраняет недостатки обоих.

Первая позиция – миф о прогрессе. Многие люди, особенно политики или комментаторы в светских СМИ, все еще держатся за этот миф, опираются на него и призывают других также в него верить. И в самом деле (да простит меня читатель за маленькое отступление), смерть серьезного политического дискурса во многом объясняется тем, что политики все еще пытаются зажечь энтузиазм масс с помощью своих версий этого мифа – бедняги, они просто не знают ничего другого, – тогда как большинство людей уже потеряли в него веру. Они подобны людям в лодке, которые пытаются грести к берегу, в то время как сильный отлив все дальше и дальше уносит их в море. Эти люди не понимают, что с ними происходит, и не видят, что их усилия тщетны, а потому призывают людей в других лодках следовать за ними, обещая им, что земля близко. Именно поэтому мы можем наблюдать такую картину: политики предлагают нам проекты, представляющие по своей природе откровенный модернизм и веру в прогресс («голосуй за нас, и дела пойдут намного лучше!»), а одновременно используют откровенно постмодернистские техники надувательства. Когда подлинная надежда отсутствует, ничего, кроме чувств и переживаний, не остается. Внушение не работает, потому что мы никогда не станем в него верить. Похоже, мы скорее нуждаемся просто в развлечении – и его нам дают. Как сказал недавно один журналист, политики хотят, чтобы к ним относились как к рок-звездам, в то время как наши рок-звезды претендуют на роль политиков. Если мы разберемся в этом хаосе, – а христианская надежда, противостоящая расхожим представлениям современности, способна выполнить такую задачу, – мы получим, среди многого другого, новый подлинный политический дискурс, который, знает Бог, нам так сильно нужен.

Но вернемся к нашей главной теме. Миф о прогрессе глубоко укоренен в современной западной культуре, и некоторые из этих корней прямо связаны с христианством. [96] Мысль, что проект человечества – и даже проект вселенной – способен расти и развиваться так, что жизнь человека станет значительно лучше, а общество будет приближаться к идеальной утопии, восходит к Ренессансу, а XVIII век, эпоха Просвещения, придал этой мысли великую силу. В Европе такая вера достигла расцвета в XIX веке, когда сочетание

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
экономических и научных достижений, с одной стороны, с ростом демократических свобод и распространением образования – с другой, породило сильное ощущение того, что история с огромной скоростью движется к желанной цели. Казалось, вот-вот наступит эпоха всеобщего процветания и человечество навсегда освободится от войн. Из просвещенных Европы и США благоденствие распространится на другие страны и завоюет весь мир. Конечно, не все мыслители сто лет тому назад думали подобным образом, но многие, включая таких гигантов, как Гегель, с энтузиазмом воспринимали прогресс. Именно там иные наши политики до сих пор находят источник своего вдохновения.

На самом деле, мечта об Утопии представляет собой пародию на христианство. Царство Божье и царство мира сего перемешались и породили представление об истории, двигающейся к своей цели, которую можно осуществить изнутри, а не получить как дар свыше. Человечество может стать совершенным, и оно уже неуклонно движется к этой цели. Мир принадлежит нам, мы должны его исследовать и эксплуатировать для своего удовольствия. Нам не стоит полагаться только на Божью благодать, мы становимся совершеннее с помощью образования и каждодневного труда. Вместо творения и нового творения у нас есть наука и техника, которые позволят превратить сырой материал этого мира в Утопию. Подобно Прометею, который бросил вызов богам и попытался управлять миром по-своему, либеральный модернизм культивировал мысль, что мы можем сделать из нашего мира то, что пожелаем, если приложим достаточно усилий и будем способствовать движению человечества к славному будущему.

В этой краткой зарисовке я хочу упомянуть Чарльза Дарвина, чей образ до сих пор стоит за несколькими самыми разными дискуссиями, вводимыми в современном мире. Представления о его роли заметно изменились: люди все больше понимают, что сам Дарвин был скорее не великим мыслителем, который на пустом месте открыл нечто совершенно новое, но продуктом своей эпохи – быть может, одним из самых ярких проявлений оптимизма либеральных модернистов. Иными словами, он сам был порождением эволюции западного мышления, что глубоко символично. Его идеи принимали с энтузиазмом, их стремились прилагать к самым разным сферам – не только в узкой сфере биологии, к которой они относятся, но и на таких площадках, как общество, политика, – и это прекрасно отражает дух того времени. Весь мир движется вперед и ввысь, и это присуще самой природе вещей, а потому такое движение невозможно остановить, и нас ждет великое будущее, которое наступит очень скоро. Люди в целом уже верили в эволюцию – в форме прогресса, это была крайне удобная философия для тех, кто хотел бы оправдать свою масштабную экспансию – промышленную или имперскую. Дарвин дал этой идее научное обоснование, которым моментально воспользовались заинтересованные люди, так что полвека спустя его теорией оправдывали все что угодно: от евгеники до войны. Примерно то же самое можно сказать, разумеется *mutatis mutandis*, и о Карле Марксе. [97]

Многие христианские мыслители также приняли участие в этом «прогрессивном» направлении мысли, которое набирало силу. Многие с энтузиазмом использовали идеи Дарвина, чтобы решить (например) некоторые проблемы, которые возникали при чтении Ветхого Завета. Другие проповедовали социальный дарвинизм, который указывал миру его путь, так что кое-кто даже радовался войне, которая позволяет испытать, какие люди лучше всего адаптируются, а потому достойны выживания. Многие христиане с радостью приняли так называемое социальное Евангелие, пытаясь внедрить в общество обетования Нового Завета. Это породило огромное количество добрых начинаний, хотя через сто лет мы можем видеть, что это не было полноценным ответом на все проблемы.

Но самое известное развитие мифа о прогрессе в христианской версии дал Пьер Тейяр де Шарден – иезуит, родившийся во Франции в 1881 году, выдающийся специалист по происхождению человека и пламенный мистик. Он верил в то, что присутствие Бога можно открыть в любом явлении естественного мира, что живой мир раскрывается перед нами как всеобъемлющая «вселенская христоцентрическая и Божественная среда», несмотря на всю суматоху и страдания мира, что мир «одушевлен Богом и тянется к Нему». Он полагал, что в эволюции на каждом ее этапе участвует Божественный дух, так что «эволюция вселенной и человечества продвигается ко все более полному раскрытию Духа, достигая своей кульминации во Христе-Омге». [98] Вся история движется к точке Омга, к явлению Христа, она приближается к завершению и конечной цели, когда все творение обретет в нем свою полноту. Самая известная книга Тейяра де Шардена «Феномен человека», написанная перед Второй мировой войной, но опубликованная лишь после его смерти в 1955 году, стала бестселлером и оказала влияние на целое поколение людей, желавших соединить

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
христианское благочестие с научным мышлением. Недавно один автор, исполненный энтузиазма, написал, что «его мощное утверждение и видение вселенского космического Христа в контексте эволюции» может сегодня «утвердить суть христианской веры в наш век науки».[99] Возможно, идеи Тейяра де Шардена стоят за популярной молитвой, где говорится: «Все вернется к совершенству через того, от кого все получило начало».[100]

Идеи Тейяра де Шардена многогранны и изысканны, и мы здесь не будем их излагать или критиковать. Некоторые утверждают, что он – один из первых пророков духовности New Age, но просто карикатура на мыслителя. Похоже, что в его представлениях есть элементы пантеизма, но было бы несправедливым назвать самого Тейяра де Шардена пантеистом. Тем не менее слабость его идей в том, что он разделял представления об эволюционном оптимизме, свойственные его эпохе. Это привело, в частности, к тому, что в его системе не нашлось места для чистого зла (любопытно, что именно его ранняя работа о первородном грехе – точнее, об отсутствии греха – заставила церковь, к которой он принадлежал, с подозрением относиться к его мыслям). Тейяр и его сторонники ссылались на идею «космического Христа», отраженную, например, в Послании к Колоссянам 1:15–20; однако мысли Павла – как здесь, так и в других местах – вряд ли можно положить в основу системы, созданной Тейяром. В конечном счете (а сам он также постоянно думал об итоге) можно сказать, что Тейяр отражает расцвет христианской версии эволюционного оптимизма, к которому наша посленаучная эпоха относится все с большим скепсисом. Нам еще придется вернуться к этому вопросу.

Проблема мифа о прогрессе состоит в том, что (как я уже косвенно говорил) он не дает нам «подхода» ко злу. И когда я говорю о подходе, я имею в виду не только интеллектуальную оценку (хотя и тут также проблемы), но и практику. Вера в прогресс не предусматривает стратегии решения проблемы зла в нашем мире. Вот почему любые формы эволюционного оптимизма двух последних столетий бессильны при столкновении с такими явлениями, как мировая война, торговля наркотиками, Освенцим, апартеид, детская порнография и тому подобное – со всеми этими «побочными ветвями эволюции», появившимися в XX веке, о которых нам приходится думать. Их невозможно объяснить в свете мифа о прогрессе и тем более искоренить. Маркс считал, что надо не объяснять все, что происходит в мире, но переделывать его, – однако эта программа так и осталась неосуществленной. Разумеется, XX век вынес свой недвусмысленный приговор идее прогресса, и многие люди (например, Карл Барт) это понимали еще во время Первой мировой войны, но удивительно, что множество других людей продолжают держаться этой идеи и пытаются ее распространять. Сам Тейяр работал санитаром на Первой мировой, и это повлияло на его мышление: он не отказался от веры в эволюцию, но попытался включить в свою схему страдания человека. Когда сегодня мы обсуждаем проблемы тех, кто ищет политического убежища, или ситуацию на Ближнем Востоке, этому мешает, среди прочего, утопическая мечта наших политиков о прогрессе, постепенном движении вперед к золотому сну «свободы», но, когда на нас обрушивается волна человеческих бедствий или когда люди иной культуры не желают такой «свободы», о которой мы мечтаем, это рождает у нас тревогу – не только как социальная проблема, но и как проблема идеологическая. Политики сталкиваются с тем, что в их мышлении есть «белые пятна», а мир остается местом печали и жестокости, а отнюдь не движется к свету.[101]

Миф прогресса неспособен найти подход ко злу по трем причинам. Во-первых, он не может остановить зло: если эволюция дала нам Хиросиму и ГУЛАГ, значит, она несет не только добро. Притом ни наука, ни философия, ни искусство, ни еще какая-то сфера не дают нам никаких разумных оснований думать, что, если мы будем следовать мечте Просвещения, эти сложности исчезнут и мы наконец обретем свою утопию. Более того, сегодняшние ученые все яснее понимают, что – независимо от того, насколько верна идея биологической эволюции, – вселенная вовсе не движется к золотому веку. Мир, появившийся в результате «большого взрыва», ждет «большое похолодание»: его энергия постепенно иссякает, во вселенной нарастают холод и мрак. Иные же думают о «большом столкновении», когда сила тяжести снова покажет свою мощь, все развитие замедлится, затем остановится, и мир вернется на свою исходную позицию. Нельзя также исключить, что прежде реализации этих страшных сценариев земля столкнется с гигантским метеоритом, подобным тому, который, вероятно, уничтожил динозавров, и будет опустошена. Каждая из этих возможностей лишена смысла в контексте мифа о прогрессе.[102]

Во-вторых, даже если бы «прогресс» привел нас в конце концов в царство утопии, это не решило бы нравственную проблему всего того зла, которое

происходило в мире ранее. Допустим, завтра утром наступит золотой век: но что это значит для людей, замученных пытками до смерти сегодня? Разве это будет достойным ответом на все невыносимые массовые злодеяния XX века, не говоря уже обо всей мировой истории? И если, в духе Тейяра де Шардена, мы станем верить, что в этом процессе участвует Бог, – то что же это за бог, который строит свое царство на костях и пепле тех, кто пострадал по дороге к светлой цели? Это напоминает мне историю одного преподавателя из Оксфорда: когда среди бумаг на его столе воцарялся хаос, он просто клал поверх них газету The Times и начинал все сначала. После его смерти на столе было обнаружено несколько таких «археологических» слоев, с которыми он так и не закончил работу. После создания эволюционного царства Божьего перед Богом стояла бы подобная проблема. Именно поэтому древние иудеи начали верить в воскресение.

Миф о прогрессе несостоятелен, потому что он фактически недееспособен и не может решить проблему зла. И в-третьих, он недооценивает природу и мощь зла, а потому не может нести в себе смысл креста, когда Бог сказал «нет» злу, оставив открытой возможность сказать «да» своему творению. Только христианская история – а не светские истории современности – показывает, как решаются проблемы мира: это не прямое движение к свету, но Бог Творец, спускающийся в темноту, чтобы спасти человека и весь мир, попавший в беду.

Итак, миф о прогрессе оказал невероятно сильное влияние на нашу культуру. Фактически он все еще продолжает действовать, и косвенно на него ссылаются, желая оправдать любого рода «развитие» – движение к либерализации, гуманизму или свободе. («Вы что, не верите в прогресс?» – высокомерно спрашивают люди, когда кто-либо возражает против новшеств в сфере морали. Они говорили это и тогда, когда кто-то возражал против него, чтобы ради постройки дороги вырубали реликтовые леса; сегодня мы уже понимаем, что подобный «прогресс» вовсе не столь хорош, как это себе представляли раньше.) Христиане нередко принимали общее представление о «прогрессе»; иногда оно действительно параллельно некоторым дорогам христианской надежды, но миф о прогрессе исходит из другого источника и в итоге ведет совершенно в ином направлении – так, поезд Лондон–Манчестер на каком-то участке следует параллельно поезду Саутгемптон–Ньюкасл, но и пункты отправления, и пункты прибытия у них разные. Политики и журналисты постоянно подключаются к энергии этого мифа, хотя она используется в работе таких инструментов, которые ставят под сомнение веру в прогресс – как если бы человек взял в руки электродрель и начал сверлить ту самую розетку, к которой подключен инструмент. Не удивительно, что в нашем мире, где эта энергия используется для разрушения, летят искры. Прежде чем мы перейдем к подлинной христианской альтернативе, нужно рассмотреть (хотя и не столь подробно) еще один миф, негативный. Он говорит о том, что наш мир заражен нечестием и лучше всего покинуть его навсегда.

3. Мнение второе: переходный период для душ

Из всех мыслителей, оказавших влияние на западную историю, на первое место следует поставить Платона. Для него, как и для Будды, нынешний мир пространства, времени и материи есть мир иллюзий, мир мерцающих теней в пещере, поэтому самая достойная задача человека – соприкоснуться с подлинной реальностью, лежащей за пределами пространства, времени и материи. Для Платона – это мир вечных Идей, для Будды – вечное Ничто.

Рискуя чрезмерно упростить картину, нужно сказать, что Платон отвергал все вещественное и преходящее. Хаотичный и запутанный мир пространства, времени и материи оскорбителен для ясного и чистого философского ума, который погружен в небесные реальности. Мир испорчен не только потому, что в нем действует зло; он плох из-за таких явлений, как изменение и распад или непостоянство материи; из-за того, что весну и лето сменяют осень и зима, что после заката наступает тьма, что цветущий возраст человека – просто прелюдия, за которой следуют страдания и смерть.

Это совершенно иное мировоззрение. Оптимист, пантеист, эволюционист или приверженец прогресса убеждены, что подобные явления просто сопровождают рост чего-то большего и прекрасного. Платоник, буддист, индуист – и такие последователи платонизма, как гностики, манихеи и приверженцы бесчисленных подобных направлений, зародившихся в рамках иудейской и христианской традиций, – утверждают, что это знак того, что мы созданы для чего-то иного, для мира, свободного от пространства, времени и материи, для чисто духовного существования, где мы с радостью сбросим с себя оковы смерти раз

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
и навсегда. А избавиться от смерти в рамках такого направления означает освободиться от всего того, что разлагается и умирает, то есть от материального аспекта нашего существования.

Платонизм очень рано начал оказывать влияние на христианство, особенно ярко это показывает такой феномен, как гностицизм, который в наше время вернулся на сцену. Стоит сказать несколько слов об этом феномене. [103] Подобно Платону, гностики думали, что материальный мир есть самое мрачное место, пропитанное злом в силу самой его природы, однако некоторые люди в этом мире предназначены для лучшей доли. Такие дети света подобны упавшим звездам, это крохотный источник света, ныне сокрытый в огромном материальном теле. Как только они познают, кто они такие на самом деле, это «знание» (по-гречески – *gnosis*) позволит им войти в духовный мир, в котором наш материальный мир уже ничего не значит. Если они обрели такую духовную жизнь, они пронесут ее и через смерть и войдут в бесконечность за пределами пространства, времени и материи. «Мы – звездная пыль, – пел Джони Митчелл, повторяя мифы глубокой древности, – мы сияем, как золото; и нам надо вернуться в сад». [104] Как утверждает гностический миф, чтобы выбраться из грязи этого мира, нам надо вернуться к своему изначальному состоянию, в котором мы находились до сотворения мира. По представлениям гностиков, само творение было «падением», после чего появилась материя – настоящее зло. Я надеюсь, даже такое описание позволяет увидеть, что этот взгляд пародирует некоторые аспекты христианства, а одновременно глубоко и во всех аспектах отличается от него.

Большинство людей в современном мире довольно смутно представляют себе гностицизм, если вообще слышали о таком явлении. Тем не менее можно с достаточной убедительностью показать, что некоторые элементы гностицизма – а это всегда в высшей степени эклектичный феномен – можно найти в нашей культуре у некоторых влиятельных мыслителей и писателей последних двух столетий. Писатель и драматург (а также откровенный апологет гностицизма) Стюарт Холройд относится к этому направлению, среди прочих представителей западной культуры Блейка, Гете, Мелвилла, Йетса и Юнга; без сомнения, они не являются чистыми представителями гностицизма, но аргументы Холройда тут звучат вполне убедительно. По сути дела, если человек отказывается от материалистического оптимизма, а при этом остается вне иудаизма или христианства, он с большой вероятностью станет на позиции гностицизма того или иного рода. И нас не должно удивлять, что некоторые романтики и их позднейшие последователи склонны к такому мировоззрению. [105] Открытие рукописей Наг-Хаммади (библиотеки гностических текстов в Верхнем Египте) в 1945 году подогрело желание пересмотреть христианство, якобы изначальное близкое от гностической духовности, которая резко отличается от очень конкретных представлений о царстве Божьем на земле, что возвещает Иисус в канонических евангелиях. Если продолжать двигаться в этом направлении дальше, то придется принять популярные безумные теории заговора, вроде тех, которые развивает Дэн Браун в своем романе «Код да Винчи». Многие люди до этого не доходят, однако молчаливо полагают, что подлинное христианство – это некая разновидность гностицизма.

Многие христиане Запада – да и нехристиане также – думают, что христианство представляет собой некоторую мягкую версию платонизма. Немало христианских гимнов и текстов отражают склонность их ничего не подозревающих авторов к гностицизму. Духовность «прохожего» (например, спиричуэл: «Этот мир не мой дом, я тут просто прохожий»), хотя чем-то она и связана с традиционным христианством, выражает откровенно гностическую установку: тварный мир в лучшем случае ничего не значит, а в худшем – это мрачное и унылое место, а мы, бессмертные души, изначальное обитали в иной сфере и с радостью туда вернемся, как только представится такая возможность. Столь многие христиане на Западе полагают, что цель христианской жизни заключается только (или главным образом) в том, чтобы «отправиться на небеса после смерти», а потому тексты, в которых говорится совсем об ином, но упоминаются небеса, они понимают именно в таком смысле, а тексты, где утверждается нечто прямо противоположное, например Послание к Римлянам 8:18–25 или Откровение 21–22, они просто игнорируют. [106]

Результаты этого мы видим в жизни западных церквей и в том мировоззрении, которое порождает христианство Запада. Противники религии часто критикуют христиан за то, что те внесли свой вклад в экологическую катастрофу, – и в этом есть зерно истины. Как я слышал, в Северной Америке иные христиане со всей серьезностью утверждают: поскольку Бог намерен разрушить нынешнюю вселенную с ее пространством и временем, и притом сделает это уже довольно

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
скоро, нет смысла беспокоиться о том, сколько мы выбрасываем газа, создающего парниковый эффект, о порче тропических лесов и арктической тундры или о кислотных дождях. Это – причудливая современная форма якобы христианского негативного отношения к миру, и, разумеется, такой «глубоко духовный» подход точно соответствует глубинному материализму деловых интересов, которые таким образом удовлетворяет, хотя лишь на короткое время.

Нам еще предстоит поговорить об этом подробнее. Пока же я только хочу подчеркнуть: когда люди описывают христианские представления о будущем, они думают, что христиане верят в уничтожение тварного порядка и о чисто «духовном» (нематериальном) конечном существовании. Слишком многие люди, и внутри, и вне церкви, предполагают, что христиане имеют в виду именно это, когда говорят о «небесах» и своей надежде во Христе.

Однако такие популярные представления ошибочны, и христианство решительно утверждает иное: то, что Бог Творец совершил в Иисусе Христе, и особенно в Его воскресении, Он намерен совершить и по отношению ко всему миру – и под «миром» здесь следует понимать всю вселенную со всей ее историей. И об этой надежде нам предстоит поговорить в следующей главе.

6. На что надеется весь мир

1. Введение

Первые христиане не верили в «прогресс». Они не думали, что мир – сам по себе или даже под непрерывным воздействием Бога – становится все лучше и лучше. Они понимали, что Бог должен исправить мир, а для этого он совершит нечто новое.

Но они в равной степени не верили, что мир становится все хуже и что их задача – его покинуть навсегда. Они не были дуалистами.

Большинство людей сегодня склоняется к одному из двух приведенных мнений, и потому их должно удивить, что представления христиан о будущем радикально отличались от обоих. Согласно вере христиан, Бог должен совершить со всей вселенной то же самое, что он уже совершил с Иисусом пасхальным утром. Это поразительная вера, и о ней крайне мало размышляют даже в христианских кругах, не говоря уже о тех, кто находится вне церкви. Поэтому мы будем двигаться постепенно, шаг за шагом, и увидим, как разные авторы первых веков искали для этого различные образы, которые вместе дают невиданную картину будущего – а они верили, что этого будущего с нетерпением ждет весь мир.

2. Основания надежды

Яснее всего эта всеобъемлющая надежда выражена в Новом Завете, в частности у Павла и в Книге Откровения. Я намерен перейти к этому вопросу, а параллельно мы поговорим о том, что первые христиане могут сказать представителям двух рассмотренных в предыдущей главе позиций. И особенно нам следует обратить внимание на три важнейшие темы.

Во-первых, это благое творение. Нет сомнений, что в I веке существовало множество альтернативных мнений, и на этом фоне первые христиане отличались тем, что решительно отвергали космологический дуализм любого рода, который не признавал творение благим даром Бога. Но благо оно исключительно потому, что – творение, а не в силу его самодостаточной и независимой «природы». У христиан не было и тени пантеизма или хотя бы панентеизма. Бог радикально отличается от мира, и нельзя говорить, что весь мир входит в состав существа под названием «бог». Библия постоянно утверждает, что единый живой Бог сотворил этот мир, отличный от Него, и не содержит этого мира в Себе. С самого начала творение было проявлением любви, когда Бог сказал свое «да» благодати другого. Бог увидел все, что Он сотворил, и все это было очень хорошо, но само по себе не было божественным. В первой главе Книги Бытия показано, что кульминацией творения было создание человека, который был призван отражать Бога – отражать Бога для Самого Бога в поклонении и отражать Бога для прочего творения в служении. Человек носит образ Божий, но это не значит, что он божественен. Забыв об этой границе, мы сделаем шаг в сторону пантеизма, в рамках которого невозможно понять проблему зла, – и тем более, найти к ней практический подход.

Вторая тема касается природы зла. Согласно Библии, зло реально и сильно, но оно не связано с тем, что мир был сотворен, или с тем, что мир не есть Бог (получить бытие от Его любви – это уже само по себе прекрасно!), или с тем, что мир состоит из материи и подчинен законам пространства и времени, а не является чисто духовным, вечным и небесным. Зло не заключается в том – и это крайне важный пункт, – что мир изменяется и обречен на распад. Нет ничего плохого в том, что дерево осенью сбрасывает листья. Нет ничего дурного в том, что после заката наступает ночь. Зло никак не связано с подобными вещами; более того, именно преходящий характер благого творения указывает на великий замысел о нашем мире. Творение, прекрасно, но оно постоянно смотрит в будущее. Его преходящий характер подобен поставленному Богом указателю. Нельзя сказать, что стоящий в материальном мире, он указывает на мир плотный. Вернее сказать так: это указатель в мире, каков он есть, указывающий на мир, каким тот однажды станет по замыслу Творца, то есть указатель из настоящего в будущее, приготовленное Богом. Человек должен навести разумный порядок в этом саду, который еще не достиг совершенства, и если бы мир не был переменчивым, человек с большей легкостью превратился бы в идолопоклонника, то есть начал бы относиться к творению так, как если бы оно было Творцом. Все мы знаем, что подобное происходит слишком часто. Это возвращает нас к тому, о чем говорилось в первых двух главах. Здесь есть эсхатологическая двойственность (нынешний век и век грядущий), но не онтологический дуализм (злая «земля» и благие «небеса»).

Суть же зла сводится не к тварной природе, но к бунту идолопоклонства, к тому, что человек начал поклоняться и воздавать честь стихиям этого мира, а не создавшему их Богу. И это нарушило порядок во всей вселенной. Человек был призван стать мудрым наместником Бога в тварном мире, а вместо этого отвернулся от Творца и стал поклоняться более простым вещам, которые временно усиливают его власть или приносят наслаждение. В результате смерть, которая всегда была проявлением преходящего характера благого творения, приобрела новый смысл, что Библия иногда называет «духовной смертью». В Книге Бытия, как и во многих других текстах Ветхого Завета, основной образ смерти – это изгнание. Бог сказал Адаму и Еве, что они умрут в тот день, когда вкусят запретного плода; на самом же деле их в тот день выгнали из сада. Когда человек перестает поклоняться Богу, он обращается к тому, что не имеет в себе жизни. Если он поклоняется преходящему, получает лишь смерть. Но акт идолопоклонства выпускает зло в мир – это подобно цепной реакции с неисчислимыми последствиями. Таинственным образом испорченность творения сплелась с изменениями и распадом, которые были необходимы еще не достигнутому совершенству творению. Поэтому то, что мы неудачно называем «природным злом», среди прочего указывает на тот последний миг, когда Бог сотрясет небо и землю. Пророки понимали, что это «сотрясение» необходимо Богу, чтобы в итоге родился новый мир. [107]

Третья важнейшая тема – план искупления. Именно потому что творение было делом Божьей любви, искупление не чуждо Творцу, – Он желает заниматься этим радостно и самоотверженно. Искупление не в том, что Бог стирает все существующее и начинает снова с чистого листа, скорее это освобождение попавшего в рабство. А поскольку зло связано не с материальной природой, но с бунтом, порабощение человека и мира связано не с воплощением – иначе освобождение сводилось бы к смерти тела и к избавлению плененного духа или души. Но это рабство греха, а потому конечное избавление от него заключается не в доброте души или духа, но в новой телесной жизни.

Ради осуществления этого плана Бог выбрал Израиль, чтобы сделать его средством искупления, а затем, после долгой и пестрой истории отношений со Своим народом, послал Своего Сына Иисуса. Воплощение – а в иудейской традиции его уже предвещали некоторые вещи, особенно Храм как место, выбранное Богом, чтобы Он мог обитать на земле, – не есть путаница в категориях, как сказали бы древние и современные платоники. Это решительное осуществление долгосрочного плана благого и мудрого Творца.

Если рассмотреть эту историю, в свете благодати творения, можно увидеть, что пришествие Иисуса есть тот самый момент, которого все творение так долго ждало. Люди были призваны стать распорядителями, которых Бог поставил над творением, и вот тот, через кого все было сотворено, предвечный Сын, вечная Премудрость, становится человеком, который действительно способен стать распорядителем Бога и повелителем всего Божьего мира. Если же мы вспомним о бунте людей, из-за которого грех и смерть воцарились во всем мире, то снова увидим, что творение ожидало этого момента: вечная любовь Отца стала Его

воплощенной любовью, и самоотдача вплоть до смерти, причем смерти крестной, примирила все творение с Богом. Если же соединить эти два аспекта истории и переложить их на стихи, получатся вариации на тему отрывка 1:15–20 из Первого послания к Колоссянам. Вот какова подлинная «космическая христология» Нового Завета: это не пантеизм, когда мир развивается за счет собственной силы, изолированный от реального Иисуса, но это пересказ иудейской истории о Премудрости, которой стал Иисус, и в центре ее стоит крест, где благое творение снова обрело гармонию со своим мудрым Творцом.

Баланс утверждений в поэтических строках гимна 1 Кол 1: 15–20 показывает, что Павел стремится свести воедино творение и искупление. [108] Искупление не сводится к тому, что творение становится несколько лучше, как обычно думают сторонники эволюционного оптимизма. В то же время это не спасение духа и души от злого материального мира, как считают гностики, а перемена творения, чтобы избавить его от греха, уродующего его и искажающего. И это делает тот же Бог, теперь явивший себя в Иисусе Христе, через которого все и было создано изначально. Достоинно внимания, что сразу после таких великих строк Павел заявляет, что это Евангелие уже было проповедано всякой твари поднебесной (1:23). Иными словами, то, что совершилось в смерти и воскресении Иисуса Христа, касается не только людей, которые приняли Евангелие и потому обрели новую жизнь и сейчас, и в будущем. Эти события каким-то образом отзываются во всей вселенной, хотя мы этого не видим и потому не можем понять.

Итак, творение, зло и план искупления, открытый в Иисусе Христе. Все создатели Нового Завета, особенно Павел и автор книги Откровения, находят слова для отражения тем. А теперь я хочу рассмотреть важнейшие новозаветные тексты, которые говорят о космическом измерении христианской надежды. Нам надо поговорить о шести главных темах, некоторые из них сами выражены сильными образами из тварного мира. Если рассказать о том, что Бог делает нечто новое, одновременно утверждая старое, вряд ли можно подобрать для этого более подходящие образы, нежели сева и жатва, рождение и новая жизнь, а также брак. Мы начнем с первого: сева и жатвы.

3. Сев и жатва

В главе 15 Первого послания к Коринфянам Павел использует образ «начатка», то есть первых плодов. [109] Этот образ восходит к иудейским праздникам Пасхи и Пятидесятницы, которые (по крайней мере, в развитой форме) были одновременно связаны и с сельским хозяйством, и с историей спасения. На Пасху в дар Господу приносили первые созревшие зерна ячменя. Семь недель спустя отмечалась Пятидесятница, когда приносили первую пшеницу. Приношение первых плодов означало, что за ним следует большая жатва. Разумеется, с точки зрения истории спасения Пасха была воспоминанием об исходе Израиля из Египта, а Пятидесятница – о прибытии к Синаю и о даровании Торы. Два этих смысла были тесно связаны между собой, поскольку Бог освободил Израиль и дал ему Закон ради того, чтобы Израиль наследовал землю и эта земля приносила плод.

Павел прилагает этот образ иудейской пасхи к Иисусу. Он есть начаток, первый воздвигнутый из мертвых. Но это не один-единственный случай. Первые плоды напоминали о том, что вслед за ними появится великое множество подобных. Пасху Иисуса, то есть Голгофу и воскресение, произошедшие в пасхальные дни, очень быстро стали понимать в свете иудейского праздника. Воскресение Иисуса говорит о том, как великий Египет – грех и смерть – были побеждены, когда Иисус перешел Чермное море смерти и вышел на другом берегу. Далее в той же главе Павел говорит о природе воскресшего тела христиан, для чего указывает как на образец на новое тело Иисуса. Обратите внимание, что эти образы – безо всяких признаков гностицизма – указывают как на преемственность, так и на разрыв. Стоит также заметить, что – опять же, без какого-либо намека на склонность к эволюционному оптимизму – переход от посеянного зерна к урожаю включает и разрыв, а не только преемственность. Так и Исход из Египта, который символически связан с воскресением, есть исключительно проявление милости Бога. Сам по себе «прогресс» никогда бы не мог привести к такому результату. [110]

4. Победная битва

Затем в Первом послании к Коринфянам появляется еще один образ, уже не так тесно связанный с природой, хотя и часто используемый в Ветхом Завете: образ царя, который утверждает свое царство, подчиняя себе всех

Павел утверждает, что Иисус будет править до тех пор, пока Ему не подчинится каждая сила вселенной, и одновременно говорит, что это не относится к Богу Отцу. Как бы мы ни понимали христологию, стоящую за этим отрывком, Павел, без сомнения, разворачивает перед нами богословие нового творения. Каждая сила, каждая власть во всей вселенной должна подчиниться Мессии, а в конечном счете перед Ним сложит оружие сама смерть. Другими словами, то, что мы воспринимаем как устойчивые свойства вселенной: энтропию, пугающий хаос и распад, – будут преобразены Мессией, который действует от имени Бога Творца. Трезвые расчеты ученых показывают, что сегодняшняя вселенная постепенно утрачивает свою энергию и не может существовать вечно, и это ставит под вопрос надежды эволюционного оптимизма; но Евангелие Иисуса Христа утверждает: то, что Бог совершил с Иисусом, Он совершит и с другими – и не только с теми, кто пребывает «во Христе», но и со всем творением. Это будет новое творение, подобное тому творению, которое создал Бог, когда воздвиг Иисуса из мертвых.

И в такой более полной картине мы начинаем видеть, прямое следствие того, что Иисус восстал из мертвых к телесной жизни, а не просто стал существовать каким-то новым образом вне тела. Как я говорил ранее, если бы после смерти Он обрел бесплотное существование, это означало бы, что смерть не была побеждена. Она бы осталась прежней и всего-навсего обрела иной смысл. Иисус и с ним все человечество не могут ожидать прекрасного будущего в тварном и вещественном мире, какой мы знаем на сегодняшний день. И Павел это ясно понимает. Смерть для него – последний враг, а не благая часть благого творения, а потому ее надо победить, чтобы прославить Бога как истинного Господа мира.[111] когда эта победа совершится, и только тогда, Иисус Мессия, Господин мира, передаст царственную власть своему Отцу, и Бог будет всем во всем. Об этом мы сейчас и поговорим.

5. Граждане небес, колонизирующие землю

Но прежде нам следует рассмотреть еще один царский образ – обратимся к фрагменту 3:20–21 из Послания к Филиппийцам. По тематике он близок к рассмотренной выше главе 15 Первого послания к Коринфянам, и в самом важном месте здесь приводится цитата из псалма 8, чтобы подкрепить мысль о господстве Иисуса надо всякой иной властью.

Филиппы были римской колонией. Император Август поселил здесь ветеранов битв при Филиппах (42 до н.э.) и у мыса Акции (31 до н.э.). Не все жители Филипп были римскими гражданами, но все прекрасно понимали, что означает такое гражданство. Колонии создавались по двум причинам. Во-первых, они распространяли влияние Рима, поэтому и по всему Средиземноморью строились поселения, лояльные кесарю. Во-вторых, это позволяло решить проблему перенаселения самой столицы. Естественно, император не желал, чтобы по Риму слонялись толпы бывших воинов, привыкших к сражениям и кровопролитию, – они стали бы потенциальным источником проблем. Гораздо лучше было дать им возможность заниматься сельским хозяйством и делами подалеже от главного города.

Поэтому когда Павел говорит: «наше гражданство на небесах», он вовсе не имеет в виду, что, окончив эту жизнь, мы переселимся на небеса.[112] Здесь смысл в другом: наш Спаситель, Господь, Царь Иисус (всеми этими титулами, разумеется, величали императора) придет с небес на землю, чтобы изменить нынешнюю ситуацию и положение своих подданных. Ключевое слово здесь «преобразит»: Он «преобразит тело унижения нашего по образу тела славы Его». Иисус не провозгласит, что нынешнее телесное состояние есть нечто излишнее и что надо от него избавиться. С другой стороны, Он не обещает его только немного усовершенствовать, быть может, ускорив процессы эволюции. Действием великой силы – той самой, которая участвовала в воскресении Иисуса, как говорит Павел в Послании к Ефессянам 1:19–20, – изменит нынешнее тело, так что обновленное тело будет подобно Его собственному телу, и это входит в план Иисуса привести все к подчинению себе. Хотя глава 3 Послания к Филиппийцам посвящена преимущественно воскресению людей, в ней утверждается, что оно произойдет в контексте победного преобразования всей вселенной.[113]

6. бог будет всем во всем

Вернемся к главе 15 Первого послания к Коринфянам. Говоря о конечной цели

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
истории, Павел провозглашает, что Бог будет «всем во всем» (15:28). Здесь предельно четко сформулирована суть новозаветных представлений о будущем мире.

Это проливает свет на проблемы, встающие перед эволюционным оптимизмом Тейяра де Шардена и перед любой формой пантеизма, когда такое будущее желают видеть в настоящем или даже в прошлом. Бог будет всем во всем. Это дело будущего. Но пока зло, а в частности смерть, еще окончательно не побеждено, этот момент еще не наступил. Если мы будем утверждать обратное, мы вступим в союз со злом и смертью.

Но что же мы можем сказать об отношении Бога к творению в настоящий момент? Если Бог – Творец мира, значит, творение не есть Бог. Это не нравственная проблема, как думали некоторые (если благой Бог создает нечто, отличное от Него Самого, значит, Он создал что-то не вполне благое, а потому не благой Бог). И это не проблема логики (если изначально не было ничего, кроме Бога, откуда возникло онтологическое пространство для чего-либо иного?) Как мы уже говорили, если творение было делом любви, это предполагает, что Бог сотворил нечто, отличное от Себя. Та же любовь позволяет творению быть самим собой; мудрое провидение поддерживает его бытие, но не распоряжается им против его воли. Если логика противоречит пониманию любви, тем хуже для нее.

Однако это еще не конец истории. Бог замыслил наполнить все творение Своим присутствием и Своей любовью. Это хотя бы частично отвечает предложению Юргена Мольтмана возродить равнинистическую доктрину *zimzum*, согласно которой Бог как бы удаляется, создавая в Себе онтологическое пространство, где может существовать нечто, отличное от него.[114] Как я понимаю, все происходило прямо противоположным образом. Божья творящая любовь, именно потому, что это любовь, создала новое пространство, где могло существовать то, что не является Богом.

Новый Завет развивает представления о Духе именно в этом направлении, но подобное озарение можно найти уже у Исаии. В главе 11 Книги пророка Исаии, которая предвосхищает слова о «новом творении» в главах 65 и 66, пророк провозглашает, что «земля наполнится познанием Господа, как воды покрывают море».[115] Это выражение заслуживает внимания. Как могут воды покрывать море? Они и есть море. Похоже, что Бог намерен затопить наш мир Собой, как будто бы этот мир – вся вселенная – был создан, чтобы стать хранилищем Его любви. И мы можем даже предположить (размышляя о христианской эстетике), что мир прекрасен не только потому, что напоминает нам о Творце, но и потому, что указывает на будущее: он создан, чтобы Бог его наполнил, затопил, пропитал Собой. Так, чаша прекрасна не только сама по себе, но и потому, что мы думаем о ее предназначении – о том, что она может содержать; или скрипка прекрасна не в последнюю очередь потому, что, как мы знаем, она способна издавать чудесные звуки музыки. К этому вопросу мы еще вернемся позже.

Итак, космическая эсхатология Нового Завета, которая здесь предстает перед нами, – достойная альтернатива как пантеизму или оптимистической вере в эволюцию и прогресс, так и дуализму гностиков и манихеев. Мир был сотворен благим, но неполным. И однажды, когда придет победа надо всеми враждебными силами и творение свободно, с радостью примет любовь своего Творца, Бог заполнит его Собой, так что оно останется одновременно и независимым, отличным от Бога, и переполненным жизнью Бога. Это – парадокс любви, где свободный дар любви порождает контекст для свободного ответа на любовь, и при этом совершенная свобода и полное единение не препятствуют друг другу, но скорее радуются друг о друге и придают друг другу полноту.

7. Новое рождение

Это подводит нас к написанному в главе 8 Послания к Римлянам, где мы находим еще один образ, тесно связанный с самим творением: образ нового рождения. Экзегеты и богословы веками обращали мало внимания на этот отрывок, поскольку считали, что в Послании говорится только о том, как отдельный грешник получает свое личное спасение. Но на самом деле – это великая кульминация всего Послания, да и размышлений Павла в целом.

В данном отрывке Павел снова использует образы Исхода из Египта, но на этот раз прилагает их не к Иисусу и даже не к самому себе, но к творению в целом. В настоящий момент, утверждает он (стих 21), творение находится в

рабстве, подобно детям Израиля. Бог мудро задумал управлять творением через носителя своего образа – человека. Но это всегда указывало на обетование о будущем, на тот день, когда подлинный человек, образ самого Бога, воплощенный Сын Божий, придет и поведет человечество к его истинному предназначению. Сейчас творение подчинено суете, переменам и тлению, и оно останется таким, пока дети Божьи не обретут своей славы в тот момент, когда с народом Мессии произойдет то же, что случилось с Иисусом пасхальным утром. В этом рассматриваемый текст из Послания к Римлянам совпадает с интересующим нас текстом из Первого послания к Коринфянам. Все творение, говорит Павел в Рим 8:19, нетерпеливо ожидает того дня, когда будут явлены дети Божьи, когда их воскресение провозгласит новую жизнь творения.

И далее Павел использует образ мук рождения. Это – распространенная среди иудеев метафора наступления грядущего Божьего века. Речь идет не только о церкви (как в стихе 23) или о Духе (как несколькими стихами ранее), но именно (стих 22) о рождении самого творения. И снова мы видим здесь как преемственность, так и разрыв. Это не плавное эволюционное развитие, в процессе которого творение постепенно восходит к более совершенному существованию. Это – болезненный процесс, сопровождающийся судорогами и схватками, и разрыв, потому что мать разлучается с младенцем и им уже никогда не стать снова единым существом. Но в то же время здесь нет дуалистического отвержения материи как таковой, как будто Бог желает упразднить нынешнее преходящее творение, подвластное распаду и смерти, чтобы все начать с чистого листа. Сама метафора, которую Павел выбрал, чтобы передать с ее помощью свои самые важные мысли, показывает, что он не имеет в виду ни уничтожение творения, ни его постепенное развитие, но нелегкое судьбоносное рождение нового творения из утробы старого.

8. Брак неба и земли

И это подводит нас к последнему и, быть может, самому величественному образу нового творения и обновления вселенной во всей Библии. Картина, представленная в главах 21–22 Откровения, сравнительно мало известна, и над ней не так часто размышляют (быть может, потому, что читать эту сцену вправе лишь тот, кто действительно прочел предыдущие главы Откровения Иоанна, а это многим кажется слишком тяжелой работой). И здесь мы видим образ брака. Новый Иерусалим спускается с неба, подобно невесте, украшенной для своего мужа.

И сразу мы видим, сколь решительно это отличается от всяких якобы христианских сценариев, где в итоге верные души восходят на небеса, нагие и лишенные украшений, чтобы в страхе и трепете предстать перед Создателем. Как и в главе 3 Послания к Филиппийцам, здесь не мы восходим на небо, но само небо спускается на землю; более того, на землю спускается сама церковь, небесный Иерусалим.[116] Этот образ решительно отвергает гностицизм любого рода и любое мировоззрение, согласно которому конечная цель – отделить мир от Бога, физический от духовного, землю от неба. Таков окончательный ответ на прошение молитвы Отче наш «да придет Царство Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Об этом Павел говорит в Еф.1:10: Бог задумал и обещал соединить во Христе все: и земное, и небесное. Это – выраженное в ярких образах полное осуществление обетования из главы 1 книги Бытия. Обетования, что созданные мужчина и женщина вместе будут являть миру образ Божий. И это окончательное завершение великого замысла Бога, который хотел победить и упразднить смерть навсегда, – а это означало, что необходимо избавить творение от нынешнего состояния распада.

Похоже, небо и земля не были созданы для того, чтобы навеки разлучиться, когда дети небес будут спасены от этого порочного мира. Но это не просто два разных взгляда, как думают некоторые пантеисты. Нет: они различны, и их отличия радикальны; но в то же время они созданы друг для друга, так же как созданы друг для друга (эту мысль передает Откровение) мужчина и женщина. И когда они наконец соединяются, это повод для радости, подобной радости свадьбы. Брак указывает на предназначение всего творения: противоположности были созданы Богом для воссоединения, а не для соревнования; последнее слово остается за любовью, а не за ненавистью; Бог хочет видеть не стерильное творение, но творение, приносящее плоды.

Исайя уже предвидел то, что описывает Откровение: это новые небо и земля, которые сменяют старые, обреченные на распад. Это не означает, как я уже не раз повторял, что Бог все полностью упразднит и начнет с чистого листа. Если бы дело обстояло так, не было бы повода праздновать, не нужно было бы

сражаться со смертью или уже сейчас с терпением готовиться к моменту окончательного завершения всего. Откровение описывает Невесту, жену Агнца, с любовью: она есть Новый Иерусалим, о котором говорили библейские пророки Плена, особенно Иезекииль. Но в отличие от картины, начертанной Иезекиилем, где в центре всего стоит восстановленный Храм, в городе Откровения нет Храма (21:22). Вероятно, Иерусалимский храм изначально служил указателем и предвестником, он был символом присутствия Бога, и когда же оно стало реальностью, указатель оказался не нужен. Живой Бог будет обитать со Своим народом и посреди Своего народа (об этом же говорят Послание к Римлянам и Первое послание к Коринфянам), Он наполнит город Своей жизнью и Своей любовью, Его милость и сила исцеления станут рекой жизни, которая вытекает из города и питает все народы. Это говорит о будущем, которое Бог уготовал для искупленных в Его новом мире. Часто это будущее представляют себе в виде людей, сидящих на облаках и играющих на арфах, но в Откровении нет ничего подобного: тут искупленные становятся служителями Божьей любви, обретшей новые свойства, чтобы завершить новую творческую задачу и распространять славу любви Бога и радоваться о ней.

9. Заключение

Разумеется, в Новом Завете есть и другие места, где говорится о новом творении. И кому-то, возможно, захотелось бы вспомнить грядущий город, пока находящийся на небесах, но созданный для земли, о котором упоминается в главах 11 и 12 Послания к Евреям. Кто-то мог бы пожелать обсудить знаменитый отрывок из Второго послания Петра, где говорится (что указывает на Исаяю) об ожидании нового неба и новой земли, где обитает правда. Все это я рассматривал в моей книге «Воскресение Сына Божьего» (The Resurrection of the Son of God). Сюда же, несомненно, стоит добавить великие слова на данную тему из Послания к Ефессянам: стихи 1:15–23. Но мне хочется, как я это часто делал в последнее время, вернуться к великим строкам из первой главы Послания к Колоссянам. Часто в них видели бледное изображение «космического Христа», которое отнимает у Иисуса историю и легко переходит от иудейского богословия творения к различным удобным версиям учения Тейяра де Шардена или чему-либо подобному. Но этот текст отмечает все такие попытки истолкования, потому что ключ ко вселенной тут – Иисус, и, конечно, это все тот же Иисус, распятый и воскресший:

Он есть образ Бога невидимого,
Первородный всей твари,
потому что в Нем было сотворено всё
на небесах и на земле,
видимое и невидимое:
престолы ли, господства ли, начала ли,
власти ли, –
всё чрез Него и для Него сотворено.
И Он Сам есть прежде всего,
и всё существует в Нем,
и Он же есть глава Тела, Церкви:
Он, Который есть начало,
Первородный из мёртвых,
чтобы быть Ему во всём первым,
потому что Богу было благоугодно,
чтобы в Нем обитала вся полнота
и чтобы чрез Него примирить с Собой всё,
утвердив мир кровью креста Его,
примирить чрез Него
то, что на земле, и то, что на небесах. [117]

Разумеется, только образы, метафоры и символы помогают нам увидеть новый мир, который замыслил создать Бог. И это правильно. Все наши слова о будущем, как я уже говорил, подобны указателям в тумане. На указателях нет фотографий того, что мы увидим, попав в место назначения, но они направляют в ту сторону, куда нам следует двигаться. Образы надежды для всей вселенной в Новом Завете, основанные на воскресении Иисуса, дают, как я полагаю, цельную картину будущего всего мира. В этом будущем, где царствует Бог Творец, уже не будет распада и смерти, это новое творение, для которого нынешний мир является как бы породившей его матерью. Такая картина, как пишут некоторые авторы нашего времени, например Джон Полкинхорн, способна участвовать в диалоге с современными физиками, и при этом она убедительнее, чем система Тейяра де Шардена и его последователей. Творение не надо

упразднить, но в то же время его не спасет эволюция – оно нуждается в искуплении и обновлении и получает это в силу воскресения Иисуса из мертвых. Вот на что надеется вся вселенная.

В свою очередь, это тесно связано с другими аспектами христианской надежды: с тем, что Бог исправит все через пришествие Иисуса и с воскресением тела.

Размышляя над замыслом Бога о будущем нашего мира, я вспоминаю великого учителя и пастора – епископа Лесли Ньюбигина. Кто-то задал ему вопрос, оптимист он или пессимист в своих взглядах на будущее. Он ответил просто и ярко: «Я не оптимист, ни пессимист. Иисус Христос воскрес из мертвых!» Заканчивая главу, я говорю «аминь» этим словам. Весь мир в нетерпении ожидает того момента, когда он ощутит новую жизнь воскресения и наполнится Божьей славой, как воды покрывают море.

Прежде чем мы перейдем к вопросу воскресения, нам нужно рассмотреть еще одну черту новозаветной надежды на будущее, которое дарит Бог. Самым важным моментом Божьего нового мира будет присутствие самого Иисуса.

7. Иисус, небеса и новое творение

1. Вознесение

В Новом Завете вера в то, что Иисус из Назарета был воздвигнут из мертвых, тесно связана с верой в то, что он был взят на небеса, где, по словам псалма, воссел одесную Бога. [118] Только Лука прямо описывает нам последнее событие (хотя он, как бы восполняя молчание своих коллег, рассказывает о нем дважды: в конце своего евангелия и в начале Деяний святых Апостолов). Но мы можем с уверенностью сказать, что все первые христиане в той или иной мере верили в вознесение.

Более того, нельзя смешивать между собой воскресение и вознесение (хотя многие люди нам это предлагают). «Иисус был воздвигнут из мертвых» и «Иисус был вознесен на небеса» – это никоим образом не два разных описания одного и того же события. Самый первый автор Нового Завета*, Павел, их четко разделяет. [119] Подобным образом Иоанн (хотя принято думать обратное) видит тут два разных события; загадочные во многих других отношениях слова из Евангелия от Иоанна «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу» (20:17) ясно это утверждают. Воскресение и вознесение, как их понимали первые поколения христиан, выполняют различные (хотя, разумеется, тесно связанные) роли.

Как показали некоторые исследования последних лет, вера в вознесение не была каким-то причудливым дополнительным элементом христианства, как некогда думали, но центральным и существенным моментом веры, так что отказ от признания события вознесения тотчас же влечет за собой явные искажения во многих других областях. В своей работе «Вознесение и Церковь» (Ascension and Ecclesia) мудрый Дуглас Фарроу, профессор Мак-Гиллского университета, рассматривает все возможные мнения христиан по этому поводу и убедительно показывает одну закономерность: там, где о вознесении забывали или его неправильно понимали, сразу же появлялась путаница в умах и в поведении, порой приводящая к дурным последствиям. [120] В наши дни вопрос вознесения напоминает другую проблему, которую мы еще рассмотрим: второе пришествие. Здесь плоский буквализм наталкивается на современный скептицизм, причем оба эти явления взаимно порождают друг друга. Одни говорят, что Иисус в буквальном смысле улетел вверх (хотя те же самые люди утверждают, что он уже не живет где-то в космосе; к тому же движение вверх для обитателя другой стороны земного шара будет движением вниз). Как думают многие другие – и осмелюсь сказать, что именно такому богословию учили большинство моих читателей, – «исчезновение» Иисуса просто означает, что после своей смерти Он как бы духовно присутствует везде, особенно среди Его последователей. Нередко это сочетается с метафорическим пониманием воскресения, то есть с отрицанием телесной природы этого события: Иисус просто «отправился на небо после смерти», и именно потому стал особенно близок любому человеку, где бы тот ни находился. Если следовать этому направлению мысли, надлежит думать, что Иисус исчез, не оставив после себя ничего, за исключением своего «духовного присутствия». А в таком случае все слова о Его «втором пришествии» также становятся просто метафорой его присутствия, которое в конце концов наполнит весь мир.

Что же происходит, когда люди мыслят подобным образом? Попытка найти ответ

влечет за собой еще один вопрос: почему вознесение стало сегодня такой трудной и непопулярной доктриной в церквях Запада? Это невозможно объяснить исключительно насмешками скептиков и рационалистов (хотя сама церковь дает для этого повод, когда люди созерцают в ней витражи с ногами Иисуса, торчащими из облака). Скорее, все дело в том, что вознесение обязывает пересмотреть наши представления о том, что же именно скрепляет всю вселенную, а также представления о церкви и спасении. Как буквалисты, так и скептики рассматривают пространство как некое «хранилище»; однако богословы, признающие вознесение, настаивают на том, что пространство следует понимать, как они говорят, «отношенчески» (relational). [121] Обычно в библейской космологии небеса и земля не являются двумя разными местами в одной и той же системе времени и пространства. Скорее, это два различных измерения благого Божьего творения. И небо там понималось двояко. Во-первых, оно связано с землей как бы «по касательной», так что тот, кто находится на небе, может в тот же самый момент находиться и в любой точке земли. А потому после вознесения Иисус стал доступен повсюду, и людям уже не надо путешествовать в какое-то определенное место, чтобы с ним встретиться. Во-вторых, небеса представляют собой как бы пункт управления землей, это кабинет директора, откуда тот посылает свои инструкции. В конце Евангелия от Матфея Иисус говорит: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле». [122]

Идея, что воскресший Иисус как в полном смысле этого слова телесный человек теперь пребывает на «небесах», шокирует людей, в том числе и христиан. Отчасти это объясняется тем, что, по мысли многих, Божественный Иисус временно отказался от этого качества и стал человеком, а затем, побыв какое-то время в теле, перестал быть человеком и снова стал Божественным (по меньшей мере, многие люди думают, что именно в это верят христиане). Но более весомая причина этого шока в том, что наша культура понимает «небеса» в платоническом смысле как «духовную» или «нематериальную» реальность по определению, а потому мысль о реальном теле, которое не просто присутствует, но обрело свое пристанище на небесах, кажется ошибкой в категориях. Вознесение призывает нас пересмотреть наши представления: в конце концов, почему мы так уверены, что правильно понимаем «небеса»? Лишь потому, что такое понимание внушает нам современная культура. Но христианская вера, среди прочего, заставляет нас понять, что же на самом деле произошло с Иисусом, и позволить этой истине поставить под вопрос саму культуру.

Это относится, в частности, и к той мысли, что Иисус «управляет» всем происходящим не только на небесах, но и на земле, притом не только в будущем, при конце истории, но уже сейчас. Эта мысль вызывает у многих людей естественное возражение: нигде не видно, чтобы Он всем распоряжался, и если все-таки это делает, то не слишком удачно. Но это неверно. Первые христиане понимали, что в мире все еще царит хаос. Но они возвещали, подобно менеджерам, посланным из главного офиса в филиалы международной компании, что теперь их руководителем стал новый директор. Через свои особые призвания они начинали понимать, как осуществить эти новые методы управления. Это не значило (как многие страстно желали бы думать сегодня), что христиане просто берут власть в свои руки и отдают всем указания, это не было формой «теократии», когда церковь просто говорит всем, что им надлежит делать. Иногда подобные проекты пытались воплотить в жизнь, и всегда это оборачивалось катастрофой. Но одновременно это не означает, что церковь отказывается от мира и позволяет ему идти своими путями, а сама поклоняется Иисусу в каком-то приватном пространстве.

Здесь существует третий путь, о котором мы поговорим в следующей части книги. Он намечен в Деяниях святых Апостолов: методики Царства там соответствуют вести о Царстве. Царство приходит тогда, когда церковь, силою Духа, идет в этот мир; это церковь ранимая, страдающая, воздающая хвалу, молящаяся, окруженная непониманием и осуждением, оправданная, радующаяся, всегда – как говорит о том в одном из своих посланий Павел – носящая в себе смерть Иисуса, чтобы в ней также была явлена и Его жизнь.

Что же происходит, когда не признают вознесения? Ответ тут простой: тогда церковь стремится заполнить собой образовавшуюся пустоту. Если можно отождествить Иисуса с церковью, – то есть можно говорить о присутствии Иисуса с верными, забыв, что Он стоит перед ними и обращается к ним как их Господь, – это прямая дорога к триумфализму в худшем смысле данного слова. Именно к этому постоянно скатывался английский либерализм в XX столетии. Компромисс с рационализмом заставлял людей думать, что вознесение «на самом

деле» означает присутствие Иисуса в любом месте, а потому церковь ставила себя (свои структуры и иерархию, свои обычаи и свои причуды) на место Иисуса как Господа, ради которого сама церковь должна служить миру (как о том говорит Павел). [123] А оборотной стороной триумфализма, разумеется, становится отчаяние. Если сделать ставку на тождественность церкви Иисусу, что случится, когда мы увидим, что (как говорит Павел в том же отрывке) сами представляем собой всего-навсего глиняные сосуды?

Если церковь отождествляет свои структуры, руководство, литургию, храмы или что-то еще с Господом, – а именно это происходит, когда она забывает о вознесении или понимает его как слова о Духе, – что мы тогда имеем? С одной стороны, «заносчивость властей» (если воспользоваться словами Шекспира), а с другой – отчаяние на пороге старости, когда человек понимает, что такая схема недееспособна. (И это я часто наблюдаю у тех, кто в 1950-е или 60-е годы сделал ставку на ненадежный рационализм.) И только тогда, когда мы ясно понимаем, что церковь не Иисус, а Иисус не церковь, – другими словами, когда мы ясно понимаем смысл вознесения: что Тот, кто присутствует среди нас Духом, одновременно является Господом, который странным образом отсутствует, и Он совершенно иной, радикально отличается от нас, стоит перед нами и говорит Марии Магдалине «Не прикасайся ко Мне», – только тогда мы можем избавиться как от надменности триумфализма, так и от мрака отчаяния.

Иными словами, только если мы понимаем, что Иисус раньше нас вошел в пространство Бога, в новый Божий мир, и уже управляет нашим бунтующим миром как его законный Господь, а также ходатайствует за нас перед своим Отцом – другими словами, когда мы радуемся тому, что вознесение говорит нам о продолжении человеческих деяний Иисуса сегодня, – только тогда мы свободны от ложных представлений об истории и готовы бороться за справедливость сегодня (обе эти вещи мы еще обсудим). [124] Одновременно это освобождает нас от попытки создать себе альтернативных посредников, а особенно – посредницу, вместо Христа. [125] Если вознесение стоит в должном месте, представления о церкви, таинствах или матери Иисуса также становятся яснее. [126]

Подводя итоги, можно сказать, что доктрина Троицы, к которой возвращаются нынешние богословы, чрезвычайно важна для нас, если мы хотим утверждать истину не только о Боге или об Иисусе, но и о самих себе. Учение о Троице позволяет нам понять, что человек из Назарета по имени Иисус отличен как от Бога Отца (Он не «вернулся назад, чтобы снова стать Богом» после своей земной жизни), так и от Духа (Иисус, который рядом с нами и в нас Духом Святым, все равно остается Иисусом, который отличен от нас), хотя одновременно и равен им. [127] Это освобождает нас от превозношения любого рода, в том числе от христианского превозношения. И теперь нам становится понятно, почему мир Просвещения настойчиво делал вознесение мишенью для насмешек, пользуясь орудиями рационализма и скептицизма: если вознесение реально, значит, вся программа самосовершенствования человечества, которая господствовала в Европе и США с XVIII века, превращается в бессмыслицу и тщету. Приняв реальность вознесения, можно облегченно вздохнуть и отказаться от бесполезной попытки стать Богом (которая неизбежно приводит к разочарованиям, поскольку никогда не увенчивается успехом), а вместо этого радоваться тому, что мы – творение: да, мы носим в себе Божий образ, но все равно остаемся тварными существами.

Таким образом, вознесение говорит нам об Иисусе, который остается человеком в настоящем смысле этого слова, а потому отсутствует, хотя в каком-то ином смысле также и присутствует среди нас. И здесь как Святой Дух, так и таинства обретают великую значимость, потому что именно через них Иисус претворяет свое присутствие. Нередко в церкви чрезмерно подчеркивается присутствие Иисуса, что мешает понять, что Он одновременно отсутствует, а потому люди задаются вопросом: «И это все, что у нас есть?» На что можно ответить: нет, не все. Кроме Его присутствия есть кое-что еще: господство Иисуса; тот факт, что во главе мира уже стоит человек; Его ходатайство за нас. Это превосходит наше ощущение Его присутствия, ибо, разумеется, слишком сильна зависимость такого ощущения от наших настроений и внешних обстоятельств.

Но все это легко описать словами и продемонстрировать, как вознесение связывает многие вещи воедино и освобождает нас от излишних нелепостей. Однако гораздо труднее это себе представить как цельную картину и понять, о чем мы говорим, утверждая, что Иисус остается человеком, и даже воплощенным

человеком, – на самом деле, воплощенным куда надежнее, нежели мы сами, – но в то же время отсутствует в нашем мире. Нам понадобится фактически новая и более совершенная космология, новые и более точные представления о нашем мире, чем те, что дает нам культура, все еще тесно связанная с эпохой Просвещения. Первые христиане, как и их современники из иудеев, не были привязаны (вопреки мнениям иных нынешних мыслителей) к представлению о трехъярусной вселенной, наверху которой находятся небеса, а внизу, под ногами, ад. Говоря о «верхе» и «ниже», они пользовались метафорами (то же самое по-своему делали их современники, носители греко-римской культуры), и эти метафоры были для всех столь очевидны, что не нуждались в особых пояснениях. Как недавно писал один автор, когда школьник переходит в более «высокий» класс, скажем, из пятого в шестой, это не означает, что отныне он будет учиться этажом выше. И хотя иногда вице-президент компании, ставший президентом, получает кабинет в пентхаузе, было бы неверно думать, что любое «продвижение вверх» в этой компании означает, что ты отдаляешься от земли.

Тайна вознесения, конечно, остается тайной. Она заставляет нас думать о таких вещах, которые многие люди просто неспособны себе представить. Нам придется признать, что в Библии под словами «небеса» и «земля» не подразумеваются два места, расположенные в едином континууме пространства и времени, и «нематериальный» мир не противопоставляется «материальному». Скорее речь идет о двух разных формах того, что мы называем «пространством», о двух разных формах так называемой материи и, весьма вероятно (хотя это не следует с неизбежностью из двух предыдущих положений), о двух разных формах «времени». Мы, несчастные западные люди, впитавшие идеи эпохи Просвещения, слишком сильно прикованы к земному пространству. Хотя и идеологи New Age, и даже многие писатели с легкостью представляют нам параллельные миры с их особым пространством и временем, мы, как только начинаем размышлять об Иисусе, обычно возвращаемся к привычной рационалистической закрытой системе вселенной. К.С.Льюис в своих сказках о Нарнии и других работах постарался показать нам, как два разных мира могут взаимодействовать или пересекаться между собой. Но поколение, которое с детства привыкло ориентироваться в Нарнии, не всегда понимает, как перенести эти сказки в реальный мир взрослого христианина, в свое благочестие и мышление.

В церковной архитектуре иногда заметна попытка отобразить взаимоотношения неба и земли. В Православной церкви «небеса» представляет закрытый алтарь, а все остальное помещение храма является как бы «землей». Их разделяет иконостас с изображениями святых, которые живут на «небесах», но не столь уж далеки от молящихся, стоящих на «земле». Подобное можно увидеть в некоторых западных соборах и аббатствах, где используются приемы и средства готического искусства, так что молящийся может почувствовать свою причастность к великому пространству, наполненному светом и красотой, в которое проникает только наша музыка и где он пока еще, за исключением малой части храма, не может обитать.

Все это обогащает христианское воображение, а потому ценно, если, конечно, люди не принимают образы за саму реальность. Вознесение помогает нам понять, что Божье пространство и пространство человека, то есть небеса и земля, хотя и принципиально различны, тем не менее не столь уж далеки одно от другого. И нам не следует думать, что слово «небо» – это просто метафора для нашей духовной жизни. Божье пространство пересекается с нашим самыми разными способами, несмотря на то, что они (по меньшей мере, в нынешний момент) разделены и выполняют различные функции. Настанет день, как мы видели в предыдущей главе, когда они соединятся новым образом, откроются и будут обоюдно видны, вступят в вечный брак.

Иными словами, придет день, когда Иисус, который занимает важнейшее место в Божьем пространстве – человек, все еще носящий (как говорил Уэсли) «драгоценные подарки в память о страстях» на своем «сияющем теле», – предстанет перед нами, как и мы перед ним, каким-то совершенно иным образом, о котором сегодня мы ничего не знаем. Вторая половина истины вознесения сводится к тому, что Иисус вернется назад, как сказал об этом ангел в деяниях святых Апостолов 1:11.

Однако некоторые расхожие молитвы моей церкви толкают нас в яму – хотя это неудачная метафора, поскольку на самом деле в них говорится: «Иисус был поднят на небеса, мы же будем молиться о том, чтобы подняться туда вслед за ним». В каком-то смысле это верно, как о том говорят Послание к Ефесянам

2:6 и Послание к Колоссянам 3:1–4. Но люди, слышащие такие молитвы сегодня (где говорится о вознесении Иисуса на небеса и что в наших сердцах и наших помышлениях мы всегда будем с Ним; или что Святой Дух унесет нас туда, куда ранее ушел Иисус), непременно утверждают в мысли, что вся цель христианства состоит в том, чтобы, покинув землю, последовать за Иисусом на небо и остаться там с Ним навсегда. Этому способствует сумятица в наших представлениях. Однако Новый Завет настойчиво утверждает иное: Тот, кто восшел на небеса, однажды вернется назад. Ни где в евангелиях или Деяниях не говорится чего-либо вроде: «Иисус ушел на небо, а потому мы надеемся последовать за ним». Скорее там говорится другое: «Иисус находится на небесах и правит всем миром, а однажды вернется сюда, чтобы Его власть достигла полноты».

Но что вообще означает это «второе пришествие»? Быть может, это просто устаревшая идея, которую современный человек должен сдать в архив?

2. «Второе пришествие» – что это?

«Христос умер, Христос воскрес, Христос придет снова», – говорим мы, англикане, во время евхаристии. И разумеется, то же самое мы утверждаем, читая Символ веры: «Он придет снова в славе судить живых и мертвых». И если мы поем эти слова во время Адвента, мы повторяем их не один раз: «Аллилуйя! Гряди, Господи, гряди!»

Но если мы относимся к основным церквам современной Великобритании – или многим другим, в том числе и Северной Америки, – мы могли бы не переводя дыхания к этому добавить: «Хотя я совершенно не понимаю, что это значит». Так называемое второе пришествие не является важной темой проповедей в основных церквах, даже во время Адвента. (Конечно, существуют церкви, в которых «второе пришествие» является чуть ли не единственным предметом внимания, и вскоре мы о них поговорим.) Недавно принятый порядок библейских чтений, которыми пользуются в моей церкви, уводят нас от этого вопроса. Более того, возрождение евхаристической жизни в Церкви Англии в послевоенные годы повлекло за собой (по крайней мере, в некоторых кругах) распространение богословия, в котором практически нет места для последнего «пришествия». «Почему мы говорим "Христос придет снова", – спрашивал один озадаченный прихожанин в 1970-х, когда это тройное утверждение впервые ввели в англиканскую литургию. – Разве нас не учили, что он приходит – чтобы пребывать среди нас – через евхаристию?»

Что же мы можем сказать о «втором пришествии» Иисуса?

На данном этапе мы уже можем рассмотреть этот вопрос в том общем контексте, где эта тема обретает свой смысл. В предыдущих главах мы рассматривали представления о жизни после смерти и о будущем вселенной, причем и наших современников, и современников Иисуса. Мы можем утверждать, опираясь на доступные нам исторические факты, что первые христиане верили в телесное воскресение Иисуса. Кроме того, в предыдущей главе я описал надежду христиан на будущее в широком смысле – надежду на обновление всего мира. Далее мы рассмотрим надежду в ее частном аспекте – судьбу отдельного человека в рамках этой системы мышления, но прежде нам нужно поговорить об одном важнейшем аспекте масштабной надежды. Как утверждает Новый Завет, когда Бог обновит весь мир, в центре этого нового мира окажется сам Иисус.

Что об этом говорит вера христиан? Актуальны ли для нас сегодня эти представления? И как мы сами можем в это верить?

В XX веке на подобные вопросы отвечать стало труднее. У такого положения вещей есть две одинаково важные причины.

С одной стороны, «второе пришествие» Иисуса Христа стало любимой темой многих христиан Северной Америки, особенно в направлениях, окрашенных фундаментализмом и диспенсационализмом, хотя и не только в них. Миллениаристы XIX века, в частности направление Д. Н. Дарби и Плимутских братьев, постепенно распространили идею, которую теперь разделяют миллионы, что мы живем в «конце времен», когда, наконец-то должны осуществиться великие пророчества. И среди этих пророчеств центральное место занимает обетование, что сам Иисус придет на землю и унесет истинных верующих из этого порочного мира, чтобы они были вместе с Ним, а затем, после периода господства греха, снова возвратится, чтобы вечно править миром. Попытки увязать эти пророчества с геополитическими событиями 1960-х и 1970-х (их

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
кульминацией стал бестселлер Хэла Линдси «Великая последняя планета Земля» [128]) потеряли свою популярность, но им на смену пришли фантастические сценарии из серии книг Тима Ла Хэя и Джерри Дженкинса. Их первый «труд» под названием «Оставленные на земле» (Left Behind) дал название серии из двенадцати книг, причем большинство из них прекрасно раскупаются и занимают звездное положение в списках американских бестселлеров. Там говорится о моменте, когда все верные христиане уже были «восхищены» с земли, а «оставленные» борются за выживание в безбожном мире. Это захватывающий сюжет для легкого чтения, и специалисты по социальной и политической психологии могут размышлять о феномене влияния такой якобы богословской популярной литературы, хотя я этого не стану делать. Данный феномен отмечают не только в США: книги неплохо расходятся и в Великобритании, хотя я с трудом могу представить, кто же именно покупает их в моей стране. [129]

Одержимость (мне не кажется, что в данном контексте это слишком сильное слово) американских христиан вторым пришествием, а точнее – одной определенной и, как мы увидим, крайне искаженной его версией, – не ослабевает. Впервые я столкнулся с этим явлением, когда читал лекции в Тандер-Бее (Онтарио) в начале 1980-х. Я говорил об Иисусе и Его историческом контексте, и меня поразило, что после этого почти все вопросы, которые мне задавали, касались экологии: люди говорили о деревьях, воде и злаках, чем богаты те места. И я узнал, что многие консервативные христиане из Онтарио – хотя таких еще больше на юге США – утверждают, что, поскольку мы живем в «последние времена» и уже скоро настанет конец нашего мира, у нас нет причин беспокоиться о загрязнении планеты, кислотных дождей и тому подобных вещах (такую точку зрения я уже приводил ранее). И в самом деле, разве мысли о таких проблемах – это не проявление «бездуховности» или даже недостатка веры? Армагеддон уже приближается, а потому какое нам дело до того, что (и тут-то мы, как я полагаю, и приближаемся к сути вопроса) компания General Motors продолжает отравлять воздух Канады.

Подобные вопросы встают перед нами сегодня. Размышления о конце света, ставшие хлебом насущным для многих «религиозных правых» в США, удивительным образом переплетаются с программами некоторых ведущих американских политиков. К этому вопросу мы еще вернемся. А в целом для миллионов сегодняшних христиан второе пришествие означает, что нынешний мир обречен на уничтожение, хотя избранных при этом заберут на небеса.

Это вызывает обратную реакцию, которая одновременно питается энергией старого доброго либерализма эпохи Просвещения, так что в результате основные церкви Запада изо всех сил пытаются освободиться от мысли, что Иисус «снова придет во славе судить живых и мертвых», или хотя бы избавиться от конкретных образов, связанных с этим событием.

Люди с подозрением относятся к обоим компонентам этого положения: и к самому пришествию, и к суду. Мысль о том, что Иисус «придет» в этот мир как некий инопланетный завоеватель, для многих ассоциируется со старинным богословием «сверхъестественного» и «Божественного вмешательства», с которым они сражались всю свою жизнь или хотя бы пытались найти для него новое понимание. Они не могут себе представить, что Иисус все еще находится в каком-то месте. А потому слова о его «пришествии» понимаются как выражение надежды на обновление мира в целом. В конце концов, говорят такие критики, первые христиане ожидали, что Иисус придет к ним очень скоро, но этого не случилось, а потому нам нужно новое понимание их надежды, которое имело бы смысл и сейчас, две тысячи лет спустя. Кроме того, идея суда наводит многих на мысль о мстительном божестве, исполненном гнева, которое желает отправить как можно больше людей в ад. Мы привыкли с недоверием относиться к людям, которые склонны обвинять и наказывать окружающих. Подобным образом, мы без симпатии и с подозрением относимся к богословским системам, в которых обвинение и наказание занимают центральное место. В конце концов, на еврейском слово «обвинитель» звучит как *hasatan* – «сатана».

Таким образом, сегодня мы видим две полярные позиции. Я намерен показать, что идея «восхищения на небеса» основана на неверном понимании двух стихов из посланий Павла, а когда мы устраним эту ошибку, перед нами откроется представление о пришествии Иисуса, которое по-прежнему занимает важнейшее место во всем учении христианства. В то же время и старинный либерализм эпохи Просвещения с его ненавистью к любому «суду» сам стал мишенью для критики. Наше поколение насквозь пропитано морализмом и склонно выносить

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
решительные суждения. Мы осудили апартеид и нашли его отвратительным. Мы осудили жестокое обращение с детьми и вынесли ему обвинение. Мы нашли геноцид ужасным и осудили его. Мы снова открыли то, что знали авторы псалмов: Бог будет «судить» мир, чтобы в конце его исправить, сделать прямым, и вслед за этим прозвучит не просто вздох облегчения, но восклицания радости творения: деревьев и полей, океанов и ручьев. [130]

В то же время, хотя в нашей культуре непопулярна старомодная вера в сверхъестественные явления, мы, без сомнения, обожаем духовность в любом доступном виде. [131] Я подозреваю, что если бы сегодня появилась вера во «второе пришествие» не Иисуса, а кого угодно другого (скажем, Кришны или Будды), миллионы людей в нашем постсекулярном обществе приняли бы ее без критики, начисто позабыв о рационализме Просвещения. В современных умах царит загадочная сумятица: мы с радостью принимаем любую иррациональную мысль, которая может дать нам какую-то дозу духовности, но снова становимся рационалистами (в частности, критиками эпохи модернизма), когда хотим отмахнуться от христианской традиции.

Однако именно христианская ортодоксия, при верном ее понимании, помогает нам беспрепятственно пройти по этому болоту и выйти к нужной цели. Но прежде чем мы этим займемся, я хотел бы обратить внимание на одно слово, которое слишком часто толкуют неверно и которое будет нам мешать, если мы не разберемся с его значением. Я имею в виду пресловутый термин «эсхатология». [132]

Под словом «эсхатология» очень часто понимали надежду первых христиан, что Иисус вернется в течение времени жизни одного поколения, а затем – последующий пересмотр этой надежды, когда она не осуществилась. Было принято думать, что эта надежда основывалась на вере иудеев I века в то, что мир подходит к концу.

В 1992 году в книге «Новый Завет и народ Божий» я показал, что первые христиане, хотя и ожидали возвращения Иисуса, не были слишком обеспокоены тем, что этого не случилось в течение жизни одного поколения, что же касается представлений, позаимствованных христианами у иудеев, речь там идет не о конце этого мира, но о драматическом изменении порядка на земле. Мой оксфордский коллега, прочитав ту книгу, сказал: «Значит, вы теперь уже отбросили эсхатологию...» – имея в виду примерно следующее: «Вы отбросили идею, что иудеи и христиане I века ожидали конца света». Я возразил ему – и скажу то же самое сейчас, что никоим образом не оставил эсхатологию. Буквальный смысл этого слова – «изучение последних вещей»; оно говорит не просто о смерти, суде, небесах и аде, как часто думают (и как этот термин все еще описывают многие словари). Оно указывает на крепкое убеждение большинства иудеев I века и практически всех первых христиан, которые верили, что история, под водительством Бога, движется в определенном направлении – к новому Божьему миру справедливости, исцеления и надежды. И переход от нынешнего мира к миру новому – вовсе не разрушение нынешней пространственно-временной вселенной, но ее радикальное исцеление. Как мы видели в предыдущей главе, авторы Нового Завета, в частности Павел, с надеждой всматривались в это будущее событие и видели в воскресении Иисуса его начало, его первые плоды. Таким образом, когда я (как и многие другие) использую термин «эсхатология», то не думаю исключительно о «втором пришествии», не говоря уж о различных связанных с ним теориях, но скорее – о будущем, которое Бог уготовал для нашего мира, а также о вере в то, что это будущее грянет уже сегодня. Вот о чем говорил Иисус и чему учила церковь в самом начале. Первые христиане видоизменили, но не отбросили иудейскую эсхатологию, которую изначально разделяли.

Как же нам следует понимать «второе пришествие»? Как его понимали сами авторы Библии? Этим вопросам будет посвящена следующая глава.

8. Когда Он явится

1. Введение

В двух предыдущих главах я привел набросок великой картины космического искупления, которую предлагает нам Новый Завет. Бог хочет искупить всю вселенную; воскресение Иисуса есть уже начало такой новой жизни – это свежая трава, прорастающая сквозь бетон порчи и распада старого мира. При таком окончательном искуплении небеса и земля навсегда воссоединятся под воздействием творящей силы Бога, прототипом и источником которой является

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
воскресение Иисуса. Что мы получим, когда совместим эту общую картину с тем, что говорили о вознесении Иисуса? Мы увидим, что новый мир означает присутствие Иисуса, тогда как Он отсутствует в нашем мире.

Сейчас нам знакомо иное присутствие: Иисус обитает среди своих в Слове и Евхаристии, через Духа, мы встречаем Его в молитве, Его отражают лица бедняков. Все это, конечно, связано с Его присутствием в будущем, но новое положение вещей будет радикальным образом отличаться от нынешнего. Для тех, кто знал и любил Иисуса здесь, это будет подобно личной встрече с человеком, которого мы знали только по переписке, телефонным разговорам или, быть может, встречали в Интернете. Ученые говорят, что для полноценного человеческого общения одним лишь слов на бумаге недостаточно, важно также слышать интонации голоса. Вот почему телефонный звонок часто значимее, нежели письмо, и это не количественная, но качественная разница. Но в полноценном человеческом общении кроме интонаций важную роль играют такие вещи, как язык тела, выражение лица и тысяча других мелочей, через которые, сами того не осознавая, мы вступаем во взаимоотношения друг с другом. Отсутствующий Иисус уже сегодня присутствует среди нас через Духа, Слово, таинства и молитву, а также в нуждающихся людях, которым мы призваны служить ради Него; но настанет день, когда мы встретимся с Ним лицом к лицу.

Александр отчасти передает именно такое понимание этого вопроса:

И наконец, наши глаза увидят Его,
Благодаря Его искупительной любви,
Ибо этот Ребенок, столь прекрасный и кроткий, –
Наш Господь на небесах.

Если мы не ощущаем того стремления, которое выражают эти строки, мы не поймем, как можно познавать Иисуса в нынешней жизни, и не ощутим того напряжения, которое существует между сегодняшним моментом и тем, что нам обещано в будущем. Но этот же гимн совершенно неверно утверждает, что для такой встречи нам необходимо отправиться к Нему:

И Он ведет Своих детей туда,
Куда Сам ранее ушел.

Как мы убедимся, здесь верно описано состояние человека после смерти, в «переходный период». Но не в этом самая важная истина Нового Завета, не в этом его центр тяжести, о чем постоянно говорили первые христиане. Главная истина в том, что Он сам вернется к нам. [133] Именно об этом нам сейчас предстоит поговорить. Существуют два важнейших аспекта: Он придет снова; и Он придет снова как судия.

2. Пришествие, явление, откровение, присутствие царственной особы

Мы все еще говорим, что солнце «встает» или «заходит», хотя прекрасно понимаем, что, скорее, мы сами (или наша планета) движемся относительно солнца. Подобным образом первые христиане говорили о том, что Иисус «придет» или «вернется», а в Евангелии от Иоанна сам Иисус прилагает такие выражения к себе. Однако эти слова (которые широко используются, в том числе в Символах веры) могут мешать пониманию более широкой картины христианских представлений о будущем.

На самом деле мы находим в Новом Завете многочисленные выражения и образы, которые говорят о том, что Иисус и Его народ в один день встретятся, и это будет встреча людей (в полном смысле этого слова), чье существование было обновлено. И, быть может, лишь по чистой случайности в истории выражение «второе пришествие», крайне редко употребляемое в Новом Завете, заняло центральное место в дискуссиях об этом предмете. И когда затем под этим выражением начинают подразумевать одну частную теорию (что происходило нередко, особенно в Северной Америке): «пришествие» означает, что Христос в буквальном смысле спускается сверху вниз, чтобы на полпути встретиться со спасенными, которые также буквально взлетают вверх, – мы сталкиваемся с проблемами, которых можно было бы избежать, если бы мы учитывали все многообразие соответствующих свидетельств Нового Завета в целом.

Во-первых, надо ясно понять, что во время своего земного служения Иисус ни

разу не говорил о своем возвращении (хотя подавляющее большинство людей думает иначе). В других книгах, посвященных Иисусу, я самым тщательным образом разбирал этот вопрос, и не буду снова приводить свои аргументы. Я только кратко упомяну два момента. [134]

Во-первых, когда Иисус говорит о «Сыне Человеческом, грядущем на облаках», речь идет не о втором пришествии, но – в соответствии с текстом главы 7 книги пророка Даниила, который он тут цитирует, – о своем оправдании после страданий. Это движение вверх, а не вниз. И это заставляет думать, что соответствующие ключевые тексты говорят о том, что, хотя Иисусу предстоит смерть, последующие события будут свидетельствовать о Его оправдании. [135] Что же это за события? Загадочный характер данных текстов – убедительный довод в пользу их аутентичности; но в события, на которые намекает Иисус, очевидно, входит, с одной стороны, его воскресение, а с другой – разрушение Храма, то есть системы, которая враждебно относилась к Иисусу и Его миссии. И достойно внимания, что первые христиане использовали подобные выражения, чтобы говорить о странных событиях после воскресения Иисуса: о Его «вознесении»; Его прославлении; Его движении к Отцу – не о «сошествии» на землю, но о «восшествии».

Во-вторых, когда Иисус рассказывает притчу о царе (или господине), который на время покидает своих подданных (или слуг), чтобы они в его отсутствие распорядились его деньгами, Он говорит не о том, что оставляет церковь, доверив ей важные задачи, до своего возвращения – хотя эти отрывки очень скоро начали понимать именно так. [136] В контексте иудаизма I века каждый сразу же «слышал» здесь слова о Боге, который покинул Израиль и Храм на время Изгнания, а затем, как предсказывали пророки после (а может быть, и ранее) Вавилонского плена, [137] вернется в Израиль, в Его Храм и на гору Сион. Изначальный смысл таких притч состоял в том, что Яхве, Бог Израилев, наконец-то возвращается в Иерусалим и в Храм – в лице человека из Назарета по имени Иисус. Таким образом, речь идет не о втором пришествии Иисуса, но о первом. Эти загадочные притчи отражают представления самого Иисуса: что Он идет в Иерусалим, дабы совершить и суд, и спасение, – совершить то, что, по словам Писания, должен был сделать Сам Яхве.

Когда я изложил свою точку зрения на речения о «Сыне Человеческом» и на притчу о возвращении царя, или господина, на меня посыпались обвинения (особенно от американских читателей) в том, что я отказался от веры христиан во второе пришествие. Как станет ясно из данной главы, эти обвинения абсурдны. Тот факт, что Иисус не говорил об этом, не означает, что такие утверждения ложны. (Подобным образом, если я пишу книги об Иисусе, не касаясь их, это не значит, что я в них не верю; так, комментатор футбольного матча может ни разу не упомянуть о крикете, но отсюда не стоит делать вывод, будто тот не знает о существовании такой игры или ее не ценит.) Иисусу было трудно объяснить ученикам даже то, что Ему предстоит смерть, они так этого и не поняли и уж, конечно, услышали в словах о воскресении выражение общей надежды всех иудейских мучеников. Как он мог объяснить им отдаленное будущее, которое они тогда не в силах были себе представить вообще?

Разумеется, когда Иисус в I веке взшел на Сион как истинный Господь Израиля, это событие указывало на будущее, когда Он должен вернуться окончательно как Господин всего мира. А это означает, что, эти притчи можно отнести и к последнему событию, если это нам нужно. Но мы должны быть осторожны, потому что они не вполне ему соответствуют. Ни один автор Нового Завета не говорит, что в момент своего последнего пришествия Иисус встретится со своими последователями, подлинно верующими христианами, и будет судить каждого как незадачливого слугу, сокрывшего деньги своего господина.

Некоторые люди, которые уловили зерно истины, но не сделали отсюда всех нужных выводов, говорят, что события 70 года н.э. и есть «второе пришествие» Иисуса, а после того момента уже наступил грядущий век, так что нет смысла ожидать еще одного «пришествия». Многим читателям, как и мне самому, эта позиция кажется причудливой, но многие люди ее горячо отстаивают и распространяют, а к тому же обосновывают ее моими собственными аргументами. Но необходимо прояснить одну важную вещь: если тексты о «Сыне Человеческом, грядущем на облаках», относятся к 70 году (а я показал, что отчасти это верно), отсюда не следует делать вывод, что в 70 году состоялось «второе пришествие», поскольку слова о «Сыне Человеческом» вообще не имеют ничего общего со «вторым пришествием», хотя их слишком

часто в этом смысле понимают неверно. Это слова об оправдании Иисуса. Оправдание – в Его воскресении, вознесении и в событии суда над Иерусалимом – для своей полноты требует еще одного события. Позвольте мне сказать это насколько возможно ясно – для тех, кто все еще путается в этом вопросе (и к удивлению тех, кто думает, что этот вопрос для него понятен): «второе пришествие» еще не совершилось.

Но если слова Иисуса, переданные евангелиями, не содержат указания на второе пришествие, откуда же возникла эта идея? Ответ прост: из других текстов Нового Завета. После оправдания, восстания и вознесения Иисуса церковь начала твердо держаться веры в то, что Он вернется. «Этот Иисус, вознесённый от вас на небо, – говорит ангел ученикам, – придет таким же образом, как вы видели Его отходящим на небо».[138] И хотя далее, в Деяниях святых Апостолов, нечасто говорится об этом прямо, все события данной книги несомненно разворачиваются на фоне этого представления. Ученики идут в мир именно затем, чтобы возвещать о новом Господине мира, Иисусе, до того дня, когда Он вернется, чтобы обновить все.[139]

Но, конечно, наш самый первый источник – апостол Павел. Его послания наполнены словами о грядущем пришествии или явлении Иисуса.[140] Без этого невозможно представить себе ни богословие, ни миссионерскую практику, ни благочестие Павла. Однако его слова об этом великом событии часто понимались неверно, и особенно это касается сторонников богословской теории «восхищения на небеса». Настал момент рассмотреть этот вопрос, но сначала придется сказать несколько слов об еще одном ключевом термине, который слишком часто воспринимают неверно.

И ученые, и обычные люди нередко используют какое-то слово, которое в первоначальном контексте имело иной смысл, и тогда этот термин становится источником заблуждений. В данном случае – это греческое слово *parousia*. Обычно его переводят как «пришествие», но его буквальный смысл «присутствие» – то есть антоним слова «отсутствие».

Слово *parousia* у Павла встречается в двух важнейших отрывках: 1 Фес 4:15 и 1 Кор 15:23, а также во многих других местах, им пользуются и прочие авторы Нового Завета. Можно не сомневаться в том, что первые христиане хорошо знали это слово и прекрасно понимали его смысл. Многие думают, что для первых христиан слово *parousia* означало просто «второе пришествие Иисуса» и что само это событие в самом буквальном смысле описано в 1 Фес 4:16–17 (Иисус спускается на облаке, а люди вылетают ему навстречу). Все эти представления совершенно не соответствуют истине.

С одной стороны, слово *parousia* имело два важных значения в нехристианском мире того времени. И похоже, оба эти значения отразились на смысле, который придали термину христиане.

Во-первых, этим словом описывали таинственное присутствие бога или богов, особенно когда их сила проявлялась в исцелении. В этот момент люди внезапно ощущали сверхъестественное и мощное «присутствие» – и обычно называли это словом *parousia*. Иногда Флавий использует этот термин, описывая, как Яхве приходит на помощь Израилю.[141] Спасительное присутствие Бога открывалось в Его деяниях, как, например, когда Израиль во дни царя Езекии был чудесным образом избавлен от ассирийцев.

Кроме того, словом *parousia* обозначали ситуацию, когда высокопоставленное лицо прибывало в подчиненную ему область, особенно когда царь или император посещал свои колонии или провинции. Это мы назвали бы «присутствием царственной особы». Стоит отметить очевидную, но крайне важную деталь: в обоих этих случаях никто не парит на облаках. Кроме того, здесь нет никакого намека на крушение или уничтожение пространственно-временной вселенной.

Можно предположить, что Павел, как и другие первые христиане, хотел обозначить этим термином два утверждения. Во-первых, Иисус, кому они поклонялись, сейчас находится вместе с ними духом, но отсутствует телом, однако настанет день, когда Он явится в теле, и тогда весь мир, включая христиан, переживет внезапное изменение под воздействием силы этого присутствия. И естественно, что для этого подходит слово *parousia*.

Во-вторых, Иисус, воздвигнутый из мертвых и во славе воссевший одесную Бога, был истинным Господом всего мира, настоящим Императором, перед кем

все прочие императоры должны, сотрясаясь от страха, в изумлении преклонить колени. И как кесарь может однажды посетить свои колонии, такие как Филиппы, Фессалоники или Коринф (то есть император, который управляет этим городом, хотя и отсутствует, вдруг появляется, чтобы явить свою власть непосредственно), так и Господь, который всем правит, хотя и отсутствует, однажды явится в мир и начнет править им непосредственно. Возможно, первые христиане вкладывали в слово *parousia* именно такие смыслы – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

И это не просто наша гипотеза. Именно так и обстояло дело. Павел и другие христиане говорили о *parousia*, потому что слово вызывало к жизни эти образы, которые у христиан попадают в иной контекст. Это не единственный случай, когда, подобно двум тектоническим платформам, образы иудейской священной истории сталкиваются с греко-римскими образами, и в результате появляется скалистый горный хребет богословия Нового Завета. В данном случае с иудейской стороны – это День Господень, День Яхве, День, когда Яхве сокрушит врагов Израиля и снова – и уже навсегда – спасет Свой народ. Павел и другие авторы регулярно упоминают «День Господень», который у них, конечно, наполнен христианским смыслом: Господом тут является Иисус. [142] В этом – и только в этом – смысле христианская доктрина «второго пришествия» Иисуса опирается на надежное иудейское основание. [143] Разумеется, тут не нашлось других оснований, потому что иудаизм до появления христианства – и это касается даже учеников Иисуса во время Его земной жизни – не мог предположить смерть Мессии. Вот почему никто не размышлял о Его воскресении, и уж и помыслить не мог о промежутке между смертью и новой жизнью и завершении, когда Мессия становится Господом всего мира, хотя Его верховная власть все еще не достигает полноты.

По-видимому, произошло следующее. Первые христиане жили в священной истории иудеев, они ею дышали и о ней молились. После неожиданных и потрясающих событий воскресения и вознесения они начали понимать, что Бог Израилев именно таким образом совершил то, что давно обещал, хотя все это выглядело совсем не так, как они ожидали. И тогда христиане осознали, что Иисус, Мессия Израиля, уже стал подлинным Господом всего мира, и хотя Духом Он находится вместе с учениками, это всего лишь намек на грядущие события, когда Он явится в силе, превосходящей все прочие силы в мире, и на земле, и на небесах. Так, история Иисуса обострила их восприятие истории Израиля и заставила что-то в ней пересмотреть. В результате они заговорили о грядущем явлении Иисуса такими словами, смысл которых в следующем: Иисус – Господь мира, а кесарь таковым не является.

И слово *parousia* фактически позволяет Павлу сказать, что Иисус – это реальность, для которой кесарь – есть просто пародия. Для него богословие второго пришествия входит в состав политического богословия, в состав его представлений о господстве Иисуса. [144] Иными словами, перед нами образы *parousia*, присутствия царственной особы, в контексте образов иудейской апокалиптики – Павел любит подобные сопоставления. Я полагаю, что первые слушатели Павла легко понимали смысл подобных слов. Но они стали трудными для многих читателей последующих веков, особенно XX века.

Особенно ярко это непонимание сопровождает текст 1 Фес 4: 16–17:

Сам Господь при призывном кличе, при глазе архангела и трубе Божьей, сойдет с неба, и мёртвые во Христе воскреснут прежде; затем мы живые, оставшиеся, вместе с ними восхищены будем на облаках для встречи с Господом в воздух, и так всегда с Господом будем.

Прежде всего следует заметить, что Павел в этих замысловатых строках не дал буквального описания грядущих событий. Это просто другие слова для того же, о чем он писал в 1 Кор 15: 23–27, 51–54, а также в Флп 3:20–21.

И лучше нам для начала понять смысл этих отрывков. В 1 Кор 15:23–27 Павел говорит о *parousia* Мессии как о моменте воскресения мертвых; тогда явится доколе сокрытая власть Иисуса, который победит всех последних врагов, включая смерть. Ниже, в стихах 51–54, Павел говорит, что случится с людьми, которые еще не умерли к моменту пришествия Иисуса. Они будут изменены, преобразены. Нет сомнения, что здесь речь идет о том же событии, что и в 1 Фес 4; и тут, и там звучит труба и воскресают мертвые; однако в Первом послании к Фессалоникийцам Павел рассказывает, что оставшиеся в живых «восхищены в воздух», а в Первом послании к Коринфянам они «будут

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
изменены». То же самое можно сказать о Флп 3:21, где в контексте достаточно откровенно признается превосходство Иисуса над кесарем. Павел пишет о преобразении нынешнего несовершенного тела, которое под воздействием этой всепобеждающей силы станет подобным телу Иисуса в славе.

Но почему Павел использует столь странные слова в Первом послании к Фессалоникийцам, где пишет о спускающемся с неба Господе и святых, оставшихся в живых, «восхищаемых» в воздух? Я думаю, что он пользуется богатыми метафорами, чтобы указать на три разные вещи, которые он тут намеренно соединяет. (Павел – мастер богатых смыслом смешанных метафор; так, в следующей главе, в 1 Фес 5, он говорит о приходе ночного вора, после чего у женщины начинаются родовые схватки, а потому не следует упиваться, но вместо этого бодрствовать, облекшись в броню. Как говорят в телепередачах, не пытайтесь это делать в домашних условиях.)

И мы снова должны вспомнить о том, что любые выражения, которыми христиане описывают будущее, – указатели в тумане. Обычно на указателях нет фотографий тех мест, куда приведет вас путь, но это не означает, что они неверно указывают направление. Они говорят истину, ту особую рода истину, которая относится к будущему.

Итак, Павел сводит воедино три сюжета, и первый из них – это Моисей, спускающийся с горы. Слышны звуки трубы и громкий голос, а затем, после длительного ожидания, появляется спускающийся вниз Моисей, который хочет посмотреть, что же случилось в его отсутствие.

Затем – повествование главы 7 книги пророка Даниила, где гонимый народ Божий получает оправдание перед врагами-язычниками, когда его поднимают облака, чтобы он сел рядом с Богом во славе. Отсюда «подъем на облаках» – то самое выражение, какое в евангелиях Иисус применяет к самому себе, тут Павел прилагает ко всем христианам, которые в настоящий момент терпят гонения. [145]

Сведя эти два сюжета воедино с помощью характерной для него гремучей смеси метафор, Павел может добавить сюда третий, который мы уже упоминали. Когда император посещал колонию или провинцию, местные жители выходили, чтобы встретить его недалеко от города. Было бы невежливым встретить его у ворот, как если бы его поданные не удосуживаются встретить его надлежащим образом. А затем люди не стояли на том же месте; они сопровождали царственную особу, въезжавшую в город. Когда Павел говорит о «встрече» с Господом «в воздухе», он вовсе не имеет в виду – вопреки тому, чему учит популярное богословие «восхищения» на небеса, – что затем спасенные христиане останутся где-то в воздухе, лишенные почвы под ногами. Вместо этого, встретив своего вернувшегося Господа, они проводят царственного гостя в Его владение, то есть вернуться на то место, которое покинули. Разумеется, мы должны понять, что это метафора, перегруженная всевозможными значениями, а не буквальное описание грядущего, но в любом случае ее смысл тот же, что и в параллельном месте Флп 3:20. Жители Филипп прекрасно понимали, что быть гражданами небес не означает, что им предстоит вернуться в столичный город, но это скорее означает, что император приедет к ним из столицы, чтобы колония обрела свое достоинство или чтобы спасти ее, покорив ее врагов и восстановив в ней порядок.

Таким образом, эти два стиха из 1 Фес 4 стали предметом чудовищного злоупотребления, когда на их основе была создана общая картина так называемого восхищения на небеса. Эти идеи оказали свое влияние не только на популярные фундаменталистские движения, но даже и на немалое число специалистов по Новому Завету, которые согласились с тем, что фундаменталисты верно понимают, что здесь хотел сказать Павел. И только когда мы сопоставим несколько разных вещей, которые он написал на эту тему, мы можем постичь истину. Этот текст – яркий пример переполненной значениями риторики со множественными аллюзиями. Она указывает на следующие реалии: личное присутствие Иисуса; воскресение умерших и преобразование оставшихся в живых христиан. И как мы уже способны увидеть, в общих чертах о том же говорят и другие тексты Нового Завета.

Надо отметить еще один важный момент, касающийся всего христианского богословия воскресения, вознесения, второго пришествия и надежды. Это богословие родилось из столкновения с политической властью, из убеждения в том, что Иисус есть истинный Господь всего мира и однажды Его владычество станет очевидностью. Богословие «восхищения на небеса» избегает такого

столкновения из-за веры в то, что христиан чудесным образом унесут из этого порочного мира. Быть может, именно потому такое богословие часто носит гностический характер, страдая склонностью к дуалистической приватной духовности и к политическому пассивному невмешательству. И возможно, именно такое богословие с его мечтой об Армагеддоне тихо поддерживает политическое статус-кво, чего бы Павел никогда не стал делать.

Прежде чем мы закончим разговор о Павле, стоит обратить внимание на два других важных его текста. Во-первых, в конце Первого послания к Коринфянам Павел неожиданно приводит фразу на арамейском: *Marana tha*. [146] Она означает: «Приди, Господь!» и восходит (как и слово *Abba* – «Отец») к самой первой церкви, языком которой был арамейский. Христиане, говорившие на греческом, не стали бы сочинять для себя молитву на арамейском, и потому следует думать, что тут мы соприкасаемся с самой ранней традицией церкви до времен Павла. Таким образом, церковь с самого начала молилась о возвращении Иисуса.

Во-вторых, совсем иного рода отрывок из главы 3 Послания к Колоссянам. Это кратчайшее изложение Павлова богословия воскресения и вознесения в приложении к нынешней жизни христиан и их надежде на будущее:

Итак, если вы были воздвигнуты со Христом, ищите горнего, где Христос сидит по правую сторону Бога; о горнем помышляйте, не о том, что – на земле. Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге: когда будет явлен Христос [*hotan ho Christos phanerothe*], жизнь ваша, тогда будете явлены и вы с ним во славе. [147]

Вне сомнения, здесь собраны те же темы, что и в рассмотренных нами ранее текстах. Но обратите внимание на одну важнейшую деталь: вместо «пришествия» или пресловутой *parousia* Павел использует слово «явлен». Это та же самая реальность, но с иной точки зрения, и это позволяет нам разобраться с представлением о «пришествии» Иисуса, который подобен космонавту, спускающемуся с неба. В настоящее время Иисус находится на небесах. Но, как мы уже говорили, небеса, Божье пространство, не находятся в какой-либо точке нашего мира, но в каком-то совершенно ином месте, хотя оно и тесно связано с нашим. И надежда христиан заключается не в том, что однажды Иисус снова появится в нынешнем мире, но что, когда небеса и земля, по обетованию Бога, соединятся друг с другом новым образом, Он явится нам, – а мы «явимся» Ему и друг другу в нашей новой и подлинной идентичности.

Фактически это очень близко к важнейшему тексту из Первого послания Иоанна (2:28; 3:2):

А теперь, дети, пребывайте в Нем, чтобы, когда Он будет явлен [*ean phanerothe*], мы имели дерзновение и не были посрамлены пред Ним в пришествии [*parousia*] Его... Возлюбленные, мы теперь дети Божьи, и еще не явлено [*ouro ephanerothe*], что будем. Знаем, что когда Он будет явлен [*ean phanerothe*], мы будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть.

Здесь мы видим почти ту же самую картину, что и в Послании к Колоссянам, только «явление» и *parousia* мирно сосуществуют. Разумеется, когда Он «явится», то будет «присутствовать». Но подчеркивается «явление», потому что, хотя, с нашей точки зрения, Он в каком-то смысле «придет», фактически «явится» именно там, где находится и сейчас – не где-то вдалеке от нашего мира времени и пространства, но в своем мире, в Божьем мире, который мы называем «небесами». Этот мир отличен от нашего («земли»), но пересекается с нашим во множестве точек, не в последнюю очередь такой точкой является и внутренняя жизнь христианина. Однажды эти два мира полностью соединятся и станут видимыми друг для друга, и за этим последует изменение, о котором говорят и Павел, и Иоанн.

Разумеется, есть и другие тексты, которые сообщают об этом. Откровение Иоанна также говорит о пришествии Иисуса, и в нем используется глагол «приходить». Дух и Невеста говорят: «Приди», – а молитва, которой завершается книга, как и окончание Первого послания к Коринфянам, утверждает, что Господь Иисус придет, и придет скоро. Об этом говорят и многие другие места книги Откровения. [148] У нас нет места их подробно разбирать, как и другие отрывки из малых книг Нового Завета. [149] 2 Петр 3 – единственное место в Новом Завете, где прямо говорится о задержке

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
пришествия; обратите внимание: именно те люди, которые видят в этом проблему, одновременно, как следует из контекста, склонны к совершенно иной, неисторической, форме христианства. [150]

Мы видим, что при незначительных вариациях все известные нам первохристианские источники в этом вопросе удивительно единодушны. Настанет день (и это может произойти в любой момент) великого обновления мира, которое уже было предвозвещено воскресением Иисуса; и тогда сам Иисус явится и станет как образцом, так и исполнителем того преобразования, которое произойдет и со всем миром, и с верующими. Эта надежда, столь ясно выраженная в Новом Завете, неизменно сохранялась и во II веке, и далее. Большинство христиан первых веков не беспокоились о том, что этого не произошло при жизни первого поколения. И мысль, что всех христиан второго поколения терзала проблема «задержки» пришествия, о которой мы читаем в 2 Петр 3, – это, скорее, миф современных ученых, чем историческая реальность. [151] И никак нельзя сказать, что идея «явления», или «пришествия», Иисуса была просто частью традиции, которую бездумно передавали из поколения в поколение, не особенно вникая в ее смысл. К «явлению» Иисуса относится то же, что и к его вознесению: в этом видели важнейшую часть общей картины, веры в то, что Иисус был, есть и грядет. Без этого дело церкви было бы лишено смысла. Если убрать из картины «пришествие», в ней теряется связь вещей. Первые христиане все это понимали совершенно четко, не хуже любого человека иных эпох, так что нам есть чему у них поучиться.

Однако теперь пришло время рассмотреть второй аспект явления, или пришествия, Иисуса. Как утверждает та же укорененная в Библии традиция, когда Он придет, то должен выполнить особую роль: роль Судии.

9. Иисус и грядущий суд

1. Введение

С самого начала появления христианства, в его самых ранних традициях, присутствует вера в то, что в конце Иисус не только явится, но и будет судить мир. Это не какое-то изолированное предствление. И если помнить об иудейском контексте, возникновение такой веры куда легче объяснить, чем это было в случае *pagousia*. Тем не менее нам необходимо понять, какой смысл сюда вкладывали первые христиане и что это значит для настоящего и будущего.

Несомненно, вера в последний суд чрезвычайно важна для христиан, и в центре картины грядущего суда находится Иисус как Судия. Христиане верили в то, что однажды Бог Творец окончательно наведет порядок на земле. Слово «суд» приобрело негативный оттенок для многих людей в нашем либеральном и постлиберальном мире. Нам приходится напоминать себе, что в Библии, в частности в псалмах, грядущий суд Божий – доброе событие, торжество, предмет надежды и ожиданий. Думая о суде, люди восклицают от радости, и даже деревья рукоплещут. [152] В мире, где постоянно царит несправедливость, жестокость, насилие, превозношение и угнетение, мысль, что придет день, когда всех нечестивых приструнят, а бедные и слабые получат должное к себе отношение, весть о суде – это самая прекрасная мечта. Благой Бог, который сталкивается с миром эксплуатации и порока, просто должен быть Богом суда. Либеральный оптимизм XIX века долго отставивал свои позиции и выжил, несмотря на самые весомые контраргументы XX века с его масштабным и систематическим злодейством. Но в последнее время богословие вернулось к теме суда: люди начали понимать, что библейский подход к проблеме зла лучше соответствует реальности. [153]

В Ветхом Завете говорится о надежде, что Бог Творец учредит суд над миром и дарует ему справедливость, чтобы все исправить; в поздний период фокусом этой надежды Израиля стала вера в то, что Бог свергнет угнетателей-язычников. Иудеи ожидали великого судебного процесса для всей вселенной. Израиль (или, по крайней мере, праведники из народа) будет играть там роль беззащитного обвиняемого. Язычники (или, по крайней мере, самые нечестивые из них) будут там наглыми обвинителями, но наконец-то столкнутся с достойным соперником и получат на суде то воздаяние, которого по справедливости заслуживают.

Самая известная картина такого суда представлена в главе 7 книги пророка Даниила. Языческие народы тут изображены в виде огромных и мощных монстров,
Страница 68

а Израиль, или его праведники, как явно беззащитный человек, «как бы Сын Человеческий». Это сцена великого судебного заседания: в решительный момент на трон восходит судья, Ветхий днями, который выносит свой приговор против чудовищ в пользу Сына Человеческого, то есть оправдывает Израиль перед лицом языческих империй. Затем Сыну Человеческому дается власть и господство над всеми народами, что перекликается с историей Адама, получившего власть над животными, в главах 1 и 2 Книги Бытия.

Что же случилось с этими представлениями в Новом Завете? Ответ простой: место страдающего и оправданного «Сына Человеческого» занял сам Иисус. И как у Даниила, Верховный Судья поручает Ему произвести суд над миром. Это перекликается со многими библейскими и более поздними текстами, в которых Мессия Израиля, представляющий израильский народ, получает задание произвести суд. В главе 11 книги пророка Исайи после суда Мессии появляется такой мир, в котором волк мирно лежит рядом с ягненком. В псалме 2 язычники трепещут, глядя на воцарение Мессии. Снова и снова мы видим, что Мессия по поручению Бога должен вернуть весь мир, а не только Израиль, к справедливости и истине, которых жаждет и Бог, и мы сами. И потому, естественно, первые христиане, поняв после воскресения Иисуса, что Он есть Мессия, поверили в то, что именно через Него Бог намерен исправить наш мир. Нельзя сказать, что они вывели это из веры в его второе пришествие или явление. На самом деле, вероятнее обратная последовательность: они верили в мессианство Иисуса, а потому пришли к вере в то, что в конце Он придет как Судья.

Без сомнения, ко временам Павла все христиане уже твердо в это верили. Краткий пересказ речи Павла в афинском Ареопаге заканчивается утверждением, что Бог определил день, когда Он будет судить вселенную через назначенного Им мужа – и для удостоверения этого Бог воскресил того из мертвых. [154] Павел может упомянуть как бы попутно (Рим 2:16) о том, что по Евангелию, которое он проповедует, Бог будет судить тайные помышления сердец через Иисуса Мессию. Многие думают, что, поскольку Павел учил об оправдании верой, а не делами, он не может говорить о будущем суде «по делам», но это лишь отражает глубокое непонимание его мыслей. Будущий суд, который производит сидящий на судейском престоле Иисус, – это, вне всякого сомнения, суд над поступками, как о том ясно говорится, скажем, в Рим 14:9–10, 2 Кор 5:10 и других местах. Важно отметить: нельзя сказать, что Павел здесь просто ссылается на старое предание, которое не слишком хорошо сочетается с его богословием. Эти места прекрасно вписываются в его мышление и проповедь. Для Павла, как и для любого другого христианина в то время, последний суд Иисуса Мессии был важнейшим элементом, без которого все прочее просто лишилось бы опоры.

В частности (хотя здесь было бы неуместно развивать эту мысль), именно картина грядущего суда согласно делам играет у Павла роль основания для его богословия оправдания верой. [155] Суть оправдания верой состоит не в том, что Бог почему-то вдруг перестает волноваться о добрых делах или нравственности. Оправдание верой нельзя (хотя это делали столь многие люди на протяжении последних двух столетий) свести ни к расплывчатым либеральным представлениям о нравственности типа «делай что хочешь», ни к романтической идее, что наши внешние поступки ничего не значат, а по-настоящему важно лишь наше внутреннее состояние. (Людам, которые с упорством стерегут эту доктрину, исключив из нее малейшее упоминание о «делах», стоит задуматься над тем, с кем они в результате окажутся в союзе по данному вопросу!) Нет: оправдание верой мы получаем в нынешнее время, и оно предвосхищает будущий вердикт, который Бог вынесет в день суда над миром. Бог заранее объявляет, что люди, уверовавшие в Евангелие, уже стали членами Его семьи, кем бы ни были их родители, и их грехи прощены через смерть Иисуса, а в день будущего суда, как говорит Павел, им «нет никакого осуждения» (Рим 8:1). Разумеется, остается нерешенным вопрос, почему вердикт, вынесенный сегодня, должен точно соответствовать вердикту в будущем, который выносится на основании всей прожитой жизни. Павел отвечает на это в разных местах по-разному, в частности ссылается на работу Святого Духа. Но для Павла (и для нашего обсуждения важно только это положение) нет никакого конфликта между нынешним оправданием верой и будущим судом согласно делам. Два этих события взаимосвязаны и взаимозависимы. Если бы мы захотели углубиться в этот вопрос, нам пришлось бы подробно разобрать Послания к Римлянам и к Галатам, но, очевидно, тут мы не можем этого себе позволить за неимением места. [156]

И снова можно увидеть, что о том же говорится и в других книгах Нового Завета. Это не случайная идея и не любимая тема Павла, но общая вера всех

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
первых христиан. [157] Та же тема занимает центральное место в продолжительной речи Иисуса в главе 5 Евангелия от Иоанна. Она доставила немало головной боли всем тем исследователям, которые в прошлом пытались доказать, что у Иоанна говорится исключительно о вечной жизни, возможной уже в настоящем, а не только в будущем.

Ибо и Отец не судит никого, но суд весь дал Сыну, чтобы все чтили Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, не чтит Отца, пославшего Его. Истинно, истинно говорю вам: слово Мое слушающий и верящий Пославшему Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел из смерти в жизнь. Истинно, истинно говорю вам: приходит час, и теперь есть, когда мертвые услышат голос Сына Божия, и услышавшие оживут. Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так дал Он и Сыну иметь жизнь в Самом Себе, и дал Ему власть суд творить, потому что Он – сын человека. Не удивляйтесь этому, потому что приходит час, когда все, находящиеся в могилах, услышат голос Его, и выйдут: сотворившие благое – в воскресение жизни, сделавшие злое – в воскресение суда. Не могу я Сам по Себе творить ничего: как слышу, сужу, и суд Мой праведен, потому что не ищу воли Моей, но воли Пославшего Меня. [158]

И снова нужно заметить, что в целом слова о будущем суде здесь звучат как добрая, а не как дурная весть. Чем это можно объяснить? Прежде всего, это добрая весть потому, что Бог намерен восстановить в мире справедливость не через жестокосердного, надменного и мстительного тирана, но через Мужа Скорбей, познавшего страдания; это Иисус, который любил грешников и умер за них; это Мессия, который на кресте принял суд над миром на себя. Разумеется, это значит, что именно Он обладает особым правом судить системы и властителей, которые уродуют мир из-за своего эгоизма, о чем не раз говорит Новый Завет. [159] В частности, как мы уже упоминали и о чем размышляли некоторые средневековые богословы и художники, Иисус спускается судить, подобно Моисею, спускающемуся с горы в лагерь, где идет оргия идолопоклонства. Сикстинская капелла напоминает нам о том дне, когда беспечная и легкомысленная жизнь вместе с откровенным пороком будут вынуждены дать отчет перед судом. [160]

Новый Завет и позднейшие христианские богословы говорят нам, что в некоторых обстоятельствах совершается предвосхищение этого суда. Я уже говорил об оправдании верой. То же самое в Первом послании к Коринфянам сказано о евхаристии: есть и пить тело и кровь Иисуса означает уже тут встретиться с Судией, который также является и Спасителем всех. [161] И то же самое относится к действию Духа, как мы еще увидим, вернувшись к главе 16 Евангелия от Иоанна. Когда придет Дух, говорит Иисус, Он обличит мир, разоблачит грех и представит суд. [162] Другими словами, окончательный суд можно будет предчувствовать в нынешнем мире благодаря деяниям в Духе и свидетельству последователей Иисуса.

2. Второе пришествие и суд

Итак, если мы верно понимаем Новый Завет и христианское учение, мы видим, что идея второго пришествия не является какой-то позднейшей прибавкой к христианству. Мы не вправе говорить, что второе пришествие, как нечто внешнее, привязали к евангельской вести, которая якобы могла бы существовать и без этого элемента. Мы не можем оттеснить его на периферию наших мыслей, нашей жизни и нашей молитвы: если мы это сделаем, нарушится соотношение всех остальных составляющих. И потому напоследок мне хочется подчеркнуть тут несколько моментов, которые важны для нас сегодня.

Во-первых, явление, или пришествие, Иисуса несет в себе ответ как склонным к буквальному толкованию фундаменталистам, так и сторонникам идеи «космического Христа», которую мы рассматривали в главе 5. Иисус остается иным по отношению и к церкви, и к миру, хотя и присутствует в них Духом. Он противостоит этому миру ныне, а в будущем это противостояние станет зримым и осязаемым. Он Тот, перед кем должно преклониться всякое колено (Флп 2:10–11), и Он же принял образ раба и был послушен до смерти на кресте (Флп 2:6–8). И как это подчеркивает апостол Павел, первое стало возможно именно по причине второго. Его явление не будет дуалистическим отвержением нынешнего мира, в то же время это не будет появлением в нашем мире кого-то вроде космического пришельца, но будет преобразованием нынешнего мира, включая нас самих, так что весь мир, наконец, будет исправлен, как и мы сами. Тогда наступит победа над смертью и тлением и Бог станет всем во всем.

Во-вторых, это придает нужную форму и гармонию христианскому мировоззрению. Оно близко к иудейскому, но решительно отличается от представлений стоиков, платоников, индуистов или буддистов. Христиане рассказывают историю, у которой есть начало, середина и конец. История, лишенная завершения – бесконечный цикл повторений, когда снова и снова происходят все те же события или когда необходимо отрабатывать карму, – прямо противоположна истории, которую рассказывали апостолы и, задолго до того, их иудейские предшественники. И поскольку Иисуса нельзя смешивать ни с церковью, ни с миром, мы можем отбросить триумфализм, согласно которому ссылаются на Его власть, чтобы утвердить власть собственную. А одновременно это позволяет не поддаваться отчаянию, которое мы переживаем, видя крушение самых дорогих надежд, а это происходит неизбежно в результате неразумных ошибок наиболее авторитетных христианских организаций, структур, вождей и их паствы. Поскольку мы живем между вознесением и явлением, в единении с Иисусом Христом через Духа, но все еще ожидая Его последнего пришествия и особой встречи, мы можем одновременно сохранять и должное смирение, и должную уверенность. «Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса как Господа, а себя как рабов ваших, ради Иисуса».[163]

В-третьих, все это позволяет яснее понять миссию церкви между вознесением и *parousia*. Мы можем не тратить лишних сил, пытаясь самостоятельно построить царство Божье на земле, но одновременно и не должны с унынием думать, что церковь совершенно бессильна и нам остается только ждать пришествия Иисуса. Мы никоим образом не «строим Царство Божие» своими силами, но мы строим для Царства. Все, что мы делаем в вере, надежде и любви в настоящем, из послушания вознесем к Господу и силою его Духа, будет преобразено и расцветет, когда Он явится.[164] Конечно, это будет одновременно и судом, как о том ясно говорит Павел в 1 Кор 3:10–17. «День» покажет, какого рода работу выполнил каждый строитель.

В частности, нынешнее правление вознесшегося Иисуса Христа и вера в то, что в конце Он явится вершить суд, может внести – и знает Бог, нам этого так не хватает, – ясность и реализм в наш политический дискурс. Слишком часто христиане становятся сторонниками той или иной политической системы или сильной партии, весьма туманно представляя себе их программу. Что же произойдет, если мы всерьез отнесемся к вере в то, что Иисус Христос уже стал Господом мира и что пред его именем однажды преклонится всякое колено?

Вам может показаться, что это просто жест благочестия, который на самом деле только уведит нас от реальности, либо что это призыв к перевороту ради установления теократии. Но обе эти позиции всего-навсего отражают тот факт, что мы находимся в плену у эпохи Просвещения, которая решительно отделила религию от государства. Что случится при попытке их снова воссоединить? То, что относится к любому труду христианина, относится и к политической деятельности во имя Иисуса: если мы исповедуем Иисуса, который вознесся и который придет, мы обретаем новую свободу: нам уже не нужно делать вид, что такая-то программа или такой-то лидер держат ключ от Утопии (если только мы станем за них голосовать вообще). В равной мере это освобождает от отчаяния в общественной жизни, когда мы видим, что наша политическая система в очередной раз сыграла с нами дурную шутку. Вознесение и явление Иисуса бросают решительный вызов всему мировоззрению эпохи Просвещения (как, разумеется, и многим другим направлениям). И поскольку современная политика на Западе во многом порождена Просвещением, нам стоит серьезно задуматься, в какой форме мы, мыслящие христиане, можем и должны выразить этот вызов. Понимаю, что я поднимаю вопрос, на который сам не способен ответить, но также знаю, что должен об этом сказать, иначе читатель подумает, что эти древние доктрины представляют лишь чисто теоретический и отвлеченный интерес. Но это не так. Люди, которые верят, что Иисус уже стал Господом и что Он явится снова как Судия мира, призваны мыслить и действовать в этом мире особым образом, не так, как прочие. И такая вера дает для этого все необходимые средства. Я вернусь к рассматриваемым вопросам позже, в завершающей части книги.

А, в частности, надежда на пришествие Иисуса как Судии, когда Он исправит все искаженное в мире и даст новую жизнь умершим, служит контекстом для одной из наших важнейших тем, к которой мы, наконец-то, можем перейти. Если во все это верить, то что можно сказать о будущем относительно каждого из нас, относительно каждого крещеного человека, верующего в Иисуса Христа? Что означает для нас самих вера в наше будущее воскресение?

10. Искупление тела нашего

1. Введение

Как было отмечено в первых двух главах, сегодня у церкви нет четкого представления о том, что происходит с человеком после смерти. И потому не приходится удивляться той путанице представлений в большом мире не только относительно того, что ожидает умерших, но и относительно того, как об этом должны думать христиане.

Это тем более удивительно потому, что сам Новый Завет, который для большинства церквей является основным источником их доктрин, содержит кристально ясные ответы на этот вопрос. В одном классическом отрывке Павел говорит об «искуплении тела нашего» (Рим 8:23). Не может быть никаких сомнений относительно его мысли: народу Божьему обещано новое телесное существование, и оно есть искупление нашей нынешней жизни в теле и ее полнота. Все остальные авторы из первых поколений христиан в этом вопросе согласны с Павлом.

Тем не менее такая надежда на воскресение тела столь резко расходится с некоторыми иными направлениями мысли в истории христианства, что о ней перестали говорить, ее исказили или даже напрочь забыли. В данной главе я покажу, как Новый Завет и христианские авторы первых веков представляют себе окончательное воскресение тела, а также объясню, каким образом можно восстановить права христианской надежды на воскресение сегодня. Я рассмотрю этот вопрос кратко, потому что описал его гораздо подробнее в другой книге. [165]

Как я считаю, привычная картина, где люди «идут на небеса» либо же «отправляются в ад» после смерти, и такое путешествие проходит в один этап (тут неважно, существует ли еще одна промежуточная фаза в виде «чистилища» или какого-либо «длительного путешествия» как переходный период), – это грубое искажение и обеднение христианской надежды. И воскресение тела не есть какой-то причудливый добавочный элемент этой надежды. Именно оно придает форму и смысл всему замыслу Бога о нашей окончательной судьбе. Если мы вытесним воскресение тела на периферию, как многие делают неосознанно, либо откажемся от него совсем, как многие поступают вполне сознательно, мы потеряем не какой-то дополнительный компонент устройства – скажем, как если бы выбрали автомобиль без дистанционного управления зеркалами. Мы теряем главный двигатель, который приводит машину в движение и без которого работа всех других ее частей теряет свой смысл. Нам не следует употреблять туманные слова о «небесах», чтобы затем пытаться как-то подогнать к ним идею воскресения; вместо этого мы должны сказать со всей ясностью, которой отличается Библия, о воскресении, а уже затем подумать, какое место возле него занимают «небеса». Более того, в последней части книги я покажу, что это даст нам самое надежное основание не для, как некоторые думают, эскапизма или благочестивой пассивности (именно эти качества развивают привычные и неверные представления о «небесах»), но для живой и творческой христианской деятельности в нынешнем мире.

2. Воскресение: жизнь после «жизни после смерти»

Как мы видели в третьей главе, и в мире греко-римского язычества, и в мире иудаизма эпохи Второго Храма существовало великое разнообразие представлений о жизни после смерти, однако в этом вопросе христиане отличались поразительным единодушием по этому вопросу. Здесь я могу дать лишь краткое резюме многочисленным фактам,, которые об этом свидетельствуют.

Снова начнем с Павла. В предыдущей главе я утверждал, что когда Павел в главе 3 Послания к Филиппийцам говорит о «небесном гражданстве», он не имеет в виду, что, закончив здешние дела, мы вернемся на небо. В следующей же строке он пишет, что Иисус придет с неба, чтобы преобразить наши нынешние уничтоженные тела в подобие Его тела славы, причем сделает Он это той же силой, которой все подчиняет себе. Таким образом, воскресший Иисус одновременно и образец для будущего тела христианина, и средство, позволяющее обрести такое тело.

О том же говорится в Послании к Колоссянам 3:1-4: когда явится Мессия, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним в славе. Павел не говорит «однажды вы отправитесь к нему». Нет, вы уже имеете жизнь в Нем. Эта новая жизнь

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
христианина была сокрыта, невидима для мира, но в тот день она полностью обретет телесную реальность и станет видимой.

Самый же ясный и сильный отрывок на эту тему, которым часто пренебрегают, – это Послание к Римлянам 8:9–11. Если Дух Божий, Дух Иисуса, Мессии, живет в вас, говорит Павел, тогда Тот, Кто воздвиг Мессию из мертвых, даст жизнь также и вашим смертным телам своим Духом, живущим в вас. Бог даст жизнь не бесплотным духам, не тому, что многие понимают под выражением «духовное тело», подразумевая под этим нечто нематериальное, но «ваши смертные телам».

В Новом Завете Павел не одинок в своей вере в воскресение тела. Первое послание Иоанна утверждает, что, когда явится Иисус, мы станем подобными Ему, потому что увидим Его, каков Он есть.[166] Воскресшее тело Иисуса, которое мы сейчас просто не можем себе вообразить в Его славе и силе, станет образцом для наших новых тел. И разумеется, в Евангелии от Иоанна (хотя некоторые люди стремятся увидеть там нечто иное) мы находим одно из самых недвусмысленных утверждений о грядущем телесном воскресении. Иисус заявляет, что Он разделяет распространенные представления иудеев, и возвещает, что час такого события уже наступил. Об этом прямо говорит отрывок, который мы бегло рассматривали в предыдущей главе:

Приходит час, и теперь есть, когда мертвые услышат голос Сына Божьего, и услышавшие оживут... когда все, находящиеся в могилах, услышат голос Его, и выйдут: сотворившие благое – в воскресение жизни, сделавшие злое – в воскресение суда.[167]

Очевидно, что эти слова связаны с главой 12 книги пророка Даниила и с другими подобными отрывками, такими как глава 26 книги пророка Исайи и глава 37 книги пророка Иезекииля. Тут есть одно поверхностное отличие от Павла, который в будущем воскресении в основном видит дар Духа тем, кто во Христе, но не всем людям (хотя, как мы скоро увидим, во 2 Кор 5:10, возможно, утверждается иное). Некоторые христианские писатели первых веков в этом вопросе охотно следуют за Иоанном, подчеркивая, что воскресение необходимо также и нечестивым, чтобы на суд они пришли в теле. К этому мы еще вернемся.

А пока нам следует обратиться к одному моменту, о котором мы уже говорили. Что имел в виду Иисус, сказав: «В доме Отца Моего обителей много»? [168] Часто эти слова, особенно после смерти близкого, воспринимают как указание на то, что умерший (по меньшей мере, умерший христианин) просто навсегда уходит на «небеса», а не будет в свое время воскрешен для новой жизни в теле. Но слово «обители», *topai*, в античном греческом обычно подразумевает не конечное место отдыха, но временный привал в путешествии, которое в конце заканчивается где-то в ином месте.

Это совпадает со словами, которые у Луки Иисус сказал умирающему разбойнику: «Сегодня со Мною будешь в раю».[169] «Рай» в данном случае (хотя существует долгая история неверного понимания вопроса), как и в некоторых иудейских текстах, – не конечное предназначение, но сад блаженства, парк отдыха и покоя, где умерший отдыхает, ожидая зари нового дня.[170] А самое важное заключается в том, что ответ Иисуса как бы противоречит просьбе разбойника: «Вспомни обо мне, когда Ты придешь как Царь», – косвенно эта просьба (тут для нас неважно, была ли в ней ирония или нет) предполагает некое событие в будущем. Ответ Иисуса переносит эту надежду на будущее в настоящее время, и косвенно он, конечно, содержит утверждение, что с Его смертью это царство уже наступает, хотя и не так, как то себе мог кто-либо представить: «Сегодня со Мною будешь в раю». А уже после этого, разумеется, должно наступить окончательное завершение в воскресении умерших; богословские представления Луки не дают нам никаких оснований предположить, что Он думал как-то иначе. В конце концов, сам Иисус не воскресал в то «сегодня», то есть в Страстную пятницу. Лука должен был увидеть тут указание на пребывание в раю: именно это должно случиться с Иисусом и умирающим рядом с ним человеком сразу, в тот самый день, – другими словами, прежде воскресения. С Иисусом надежда на будущее вторглась в нынешнее время. Если человек умирает в вере, то ему обещано, прежде всеобщего пробуждения, что он окажется «с Иисусом» тотчас же. «Я томлюсь желанием уйти и быть со Христом, – пишет Павел, – ибо это гораздо лучше».[171]

При этом само слово «воскресение» постоянно сохраняет свое первоначальное

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
значение, так его всегда понимали и те, кто в него не верил (античный языческий мир), и те, кто верил (многие иудеи I века). Его не использовали, чтобы описать «жизнь после смерти». Оно указывало на новую телесную жизнь после любого рода состояния, которое непосредственно следует за смертью. Другими словами, воскресение – это жизнь после «жизни после смерти».

Но как же тогда понимать некоторые другие тексты, например главу 1 Первого послания Петра, где говорится о спасении, «сохраняемом на небесах для вас», чтобы теперешняя вера позволила достичь «спасения душ ваших»? Я думаю, что тут христианина Запада подводит автоматизм восприятия. Большинство современных христиан, читая подобные выражения, предполагают, что небеса и есть то место, где мы получаем «спасение» – или же что «спасение» сводится к тому, чтобы «отправиться на небо после смерти». Это создает неверный контекст для интерпретации некоторых важнейших слов Евангелия: например, «войти в Царство Небесное» у Матфея или призыв «собирать себе сокровища на небесах», и ведет к опасным ошибкам. То, как мы (по меньшей мере, в западном мире) сегодня понимаем подобные слова, радикальным образом отличается от того смысла, какой они имели для Иисуса и Его слушателей.

Прежде всего, слова о «небесах» здесь на самом деле суть просто почтительные слова о Боге, так что «сокровища на небесах» означают «сокровища в Божьем присутствии» (ту же самую мысль в других местах отражают слова Иисуса, кто «в Боге богатеет»). [172] С первым смыслом «небес» тесно связан второй: «небеса» есть то место, где Бог хранит свои блага, которые намерен раздать в будущем. Это не означает, что они должны там остаться и что ими можно наслаждаться, только попав на небо; они просто там надежно хранятся до того дня, пока не станут реальностью на земле. Если я говорю другу: «Я припас для тебя пиво в холодильнике», – это не означает, что я его приглашаю взлезть в холодильник и там пить пиво. Божье наследие, неподвластный порче новый мир и новые тела, которые этот мир заселят, уже хранятся для нас в надежном месте, однако это не значит, что мы отправимся получать их на небеса, но они рождаются в этом мире, – а если сказать точнее, на новом небе и новой земле, в обновленном мире, о котором я говорил ранее.

Думая о таких текстах, как Первое послание Петра, и некоторых других, важно учитывать еще одно обстоятельство: у первых христианских авторов слово «душа» редко используется в нашем смысле. В античном мире слово *psyche* широко применялось и имело множество значений. В отличие от позднейших христиан или, скажем, буддистов, авторы Нового Завета не понимали под «душой», если можно так сказать, «ту твою часть, которая в конечном счете будет спасена». Слово *psyche* у них, как и еврейское слово *nephesh*, указывает не на бесплотную внутреннюю часть человека, но на то, что мы назвали бы просто «человеком» или даже «личностью». И в главе 1 Первого послания Петра говорится, что эта «личность», «твое подлинное Я», уже спасена, а однажды получит спасение в совершенно телесном виде. Вот почему у Петра эта надежда на спасение так тесно связана с воскресением Иисуса. По его словам, Бог «возродил нас к надежде живой чрез воскресение Иисуса Христа из мертвых». [173]

3. Воскресение в Посланиях к Коринфянам

Любой разговор о будущем воскресении неизбежно приводит к апостолу Павлу, и особенно к двум его посланиям христианам Коринфа. Это крайне замысловатые тексты, вызывающие массу споров, и в других местах я их разбираю во всех деталях. Теперь же я просто изложу мои главные аргументы, начав со Второго послания к Коринфянам. [174]

Пассаж о воскресении в главах 4 и 5 2 Кор входит в состав пространного и страстного разговора об апостольстве самого Павла. Говоря о своем служении, Павел пишет: «Сокровище это мы носим в глиняных сосудах, чтобы превосходство силы принадлежало Богу, а не было от нас». И развивая это утверждение, он переходит к надежде будущего, в контексте которой обретает должный смысл нынешняя жизнь с ее противоречиями и страданиями. И если бы это место кончалось последними стихами главы 4, мы могли бы подумать (а некоторые продолжают отстаивать именно такую интерпретацию), что в представлениях Павла – это надежда покинуть тело и стать чистым духом: «Если и разрушается внешний наш человек, то наш внутренний обновляется со дня на день», – говорит он. Не подходит ли апостол Павел крайне близко к Платону, желая покинуть обреченное на разрушение смертное тело, чтобы от него осталась прославленная бессмертная и бесплотная душа?

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
Никоим образом. В главе 5 Павел говорит о новой «палатке», или «скинии», которую мы получим. Это новый дом, новое жилище, новое тело, заготовленное для нас Богом (и опять же хранящееся на «небесах»), которое мы наденем на себя поверх старой «палатки», чтобы смертное было поглощено жизнью. И снова апостол утверждает, что Бог осуществит это силою Духа.

И здесь современному человеку необходимо совершить переворот в своем восприятии. Мы так долго пользовались мысленными образами, поставляемыми Платоном, что как нечто бесспорное принимаем ключевое онтологическое различие между «духом» как чем-то нематериальным и «материей», которая вещественна, осязаема, имеет «физическую» природу. И мы думаем, что осязаемая реальность – это одно, а идеи, или ценности, или духи, или привидения – это нечто абсолютно иное (при этом часто забываем, что и последние относятся к совершенно разным категориям). Мы знаем, что тела разлагаются и умирают, что дома, храмы, города и цивилизации превращаются в прах, а потому предполагаем, что тело и физическая природа изменчивы и временны, следовательно, постоянство, и бессмертие принадлежат только нематериальным вещам.

Павел таким образом выражает свое несогласие с подобными представлениями. А на самом деле они расходились даже с господствующей космологией того времени, где стоицизм был популярнее платонизма. И тем более резко они отличались от иудейского богословия творения, на почве которого выросло богословие нового творения Павла, связанное с воскресением Иисуса. [175] Павел хотел изменить образ мыслей коринфян, и его слова так же действуют на нас.

Павел предлагает нам вообразить себе новый тип физической природы, которая относится к нашему нынешнему телу примерно так же, как нынешнее тело относится к призраку. Это нечто куда более реальное, более прочное, более телесное, чем наше нынешнее тело – подобно тому как нынешнее тело более вещественно, более осязаемо, чем бесплотный дух. Иногда, описывая тяжело больного человека, мы говорим, что «от него осталась только тень прежнего». Если Павел был прав, это означает, что в нынешней жизни христианин всего лишь тень самого себя в будущем. Он станет в полной мере самим собой, когда получит новое тело, которое (уже подобрав должным образом размер) заготовил ему Бог в Своем хранилище на небесах, чтобы облечься в него поверх старого – или поверх того Я, которое сохранилось после смерти тела. Это совершенно верно передает один из великих пасхальных гимнов:

О сколь славным и блистательным,
Хрупкое тело, ты станешь,
Когда облечешься в несказанную красоту,
Здоровое, сильное и свободное!
Полное жизни, полное радости,
Ты таким останешься навеки. [176]

Павел остро осознает, что еще не обрел подобного состояния. Он спешит подчеркнуть, что апостольское служение как раз и вынуждает его переживать слабость и страдания, сопряженные с нынешним положением вещей. Но он утверждает, что нам всем придется предстать перед судом Мессии (2 Кор 5:10), а для этого нам понадобятся тела. Тут Павел, подобно Иоанну, следует Дан 12 и другим иудейским текстам того же рода.

Быть может, эти слова намекают на воскресение нечестивых (которым надлежит предстать перед судом в теле), а не только праведных.

Это подводит нас к самому главному тексту Нового Завета о воскресении: к главе 15 Первого послания к Коринфянам.

Надеждой на воскресение пронизано все Послание, а не только глава 15. Но именно в ней Павел прямо говорит о значении этой темы. Некоторые коринфяне отрицали будущее воскресение – почти наверняка это связано с обычными для языческого мира представлениями о том, что, как всем известно, мертвые люди не возвращаются к жизни. Как мы уже упоминали, в ответ Павел говорит об Иисусе как начатке, первом плоде, и о великой жатве будущего, когда народ Иисуса будет воскрешен из мертвых подобно Ему.

Вся эта глава несет в себе отголоски первых трех глав книги Бытия. Это богословие нового творения, а не упразднения творения. И в центре главы

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
стоит сравнение двух типов тел: нынешнего и будущего. Именно это место и порождает проблемы разного рода.

Некоторые распространенные переводы Библии, в частности Revised Standard Version с его вариантами, трактуют ключевые выражения Павла как «физическое тело» и «духовное тело». [177] Если обратиться к греческому подлиннику, а не переводу слов, выбранных Павлом, это неверно. Филологические аргументы в данном случае чрезвычайно весомы и однозначны. Там противопоставлены два типа тел: нынешнее, склонное к порче и тлению и обреченное на смерть, – и будущее, свободное от порчи, нетленное и уже никогда не умирающее. Ключевые прилагательные, которые постоянно обсуждают в бесчисленных дискуссиях на эту тему, указывают не на «физическое» и «нематериальное» тела, хотя люди нашей культуры обречены видеть именно такое противопоставление «физического» «духовному».

Первое прилагательное, *psychikos*, ни в коей мере не указывает на «физическое» в нашем смысле слова. Для современников Павла, говорящих на греческом, слово *psyche*, от которого произошло *psychikos*, означало душу, но не тело.

Но есть еще одно более важное обстоятельство: греческие прилагательные такого типа, кончающиеся на *-ikos*, описывают не материал, из которого состоит вещь, но силу или энергию, которая приводит эту вещь в движение. Мы можем спросить, например: «Это судно деревянное или железное?» (из какого материала оно сделано), а можем спросить: «Это паровое или парусное судно?» (какая энергия приводит его в движение). Описываемое прилагательное имеет второй смысл. Павел говорит, что нынешнее тело приводит в движение обычная человеческая *psyche* (та жизненная сила, которой все мы обладаем, что ведет нас по нынешней жизни, но в конечном счете бессильна противостоять болезни, травме, тлению и смерти), а будущее тело движимо *пнеи*та Бога, его дыханием новой жизни, силой Божьего нового творения.

Вот почему далее Павел говорит (и эти слова вызвали споры уже в середине II века), что «плоть и кровь царства Божия не наследуют». [178] Он не имел в виду, что материя будет упразднена. «Плоть и кровь» – это специфический термин для описания всего, что портится, изменяется и обречено на смерть. Тут опять же противопоставляется не то, что мы сегодня называем физическим и нематериальным, но тленная физическая природа – физической природе нетленной.

Все это лежит в основе заключительного стиха главы 15 Первого послания к Коринфянам, к которому мы еще вернемся. С точки зрения Павла, знание о воскресении тела не позволяет нам сказать: «Все прекрасно. В итоге мы отправимся к Иисусу и будем вместе с ним на бесплотных платонических небесах». Вместо этого мы должны сказать: «Итак, поскольку в итоге Бог снова скажет во славе свое «да» и людям, и созданному Им миру, мы должны быть твердыми и непоколебимыми и всегда целиком отдавать себя делу Господа, зная, что в Господе труд наш не напрасен». Вера в воскресение тела включает в себя веру в то, что все дела, выполненные во время нынешней телесной жизни, силою Духа будут заново восстановлены в последний момент, хотя пока мы только можем гадать, каким образом это произойдет.

4. Воскресение: споры в истории христианства

Разумеется, воскресение тела порождало споры и дебаты во II веке и далее. [179] Достоин внимания, что, за исключением небольшого корпуса гностических или полугностических авторов, мужи апостольские и апологеты вплоть до Оригена утверждали эту доктрину, хотя для этого должны были преодолевать огромное сопротивление. Игнатий Антиохийский, Иустин Мученик, Афинагор, Ириней Лионский и Тертуллиан – все они четко выражали веру в телесное воскресение.

Более того, для всех них эта доктрина была тесно связана с двумя другими, и это позволяло им противостоять другим учениям любого рода, не в последнюю очередь – докетизму и гностицизму. Во-первых, это была доктрина творения, во-вторых, – учение о справедливости Бога и последнем суде. Как и в иудаизме, общее воскресение является той точкой, где сходятся темы творения и суда. И если по какой бы то ни было причине люди забывают о чем-то одном, вскоре они забывают и о двух других.

Начиная с Тертуллиана мы находим обсуждение вопроса, как именно будет

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
выглядеть воскресение. (Подобные вопросы возникали и у раввинов, потому что примерно в то же время они пытались решать весьма похожие проблемы.)
Допустим, каннибал съест христианина, а затем сам обратится к вере. Тело христианина вошло в состав тела каннибала: кому же что от него достанется в момент воскресения?

Тертуллиан на это бесцеремонно отвечает: это проблема Бога. Он нас сотворил и уж как-нибудь все уладит. Ориген отвечает на тот же вопрос более изысканным образом. Наши тела, говорит он, в любом случае находятся в текучем состоянии. У нас отрастают волосы и ногти, и мы их подрезаем, но это еще не все: медленно меняется все вещество нашего тела. Через нас проходят частицы, которые сегодня мы называем атомами и молекулами, так что мы сохраняем форму, но не состав тела. (К.С.Льюис проиллюстрировал подобные аргументы следующим образом: в этом отношении, говорит он, я подобен изгибу водопада. [180]) Отделенный тысячелетием от Оригена и почти тысячелетием от Льюиса Фома Аквинский повторяет те же самые аргументы. И это здравая мысль: сегодня мы знаем, что в нашем организме все атомы и молекулы обновляются примерно раз в семь лет. Значит, по своему составу я уже совершенно иной человек, чем десять лет назад. Но я все равно остаюсь собой. Совершенно неважно, вернутся ли к нам наши прошлые молекулы, хотя некоторая преемственность здесь возможна. Те, которыми мы временно пользовались, ранее принадлежали другим живым организмам, а через какое-то время, когда они нам не понадобятся, ими воспользуются новые. Мы прах и в прах возвратимся. Но Бог может сделать нечто новое и с прахом.

Многие выдающиеся богословы патристического периода и Средневековья ясно представляли себе такое двухэтапное посмертное будущее. Григорий Двоеслов (540–604), например, учил, что после смерти душа христианина наслаждается блаженным созерцанием, все еще ожидая воскресения тела. Ансельм (1033–1109) утверждал, что наши воскресшие тела будут иметь превосходство над нынешними как новая форма бытия. Богословы Сен-Викторского аббатства, вслед за Гуго Сен-Викторским (ум. 1142), учили, что воскресшее тело будет подобно нынешнему телу, но изменит свои свойства:

Оно не будет подвержено смерти и страданиям; оно будет в расцвете сил и свободно от болезней и уродства, примерно как тело тридцатилетнего человека – что соответствует тому возрасту, в котором Христос начал Свое служение. Оно будет превосходить все, что мы можем себе представить, даже если будем размышлять о явлениях Христа на земле после Его воскресения. [181]

Основные средневековые богословы, такие как Фома Аквинский и Бернард из Клерво, утверждали веру в телесное воскресение. Подобно Новому Завету и Отцам, они также твердо верили в благое творение. Они знали, что творение должно быть восстановлено, а не отброшено. Но в западном благочестии появились совершенно иные тенденции, в результате чего куда важнее стали представления о двойной посмертной участи: небесах или аде (иногда с промежуточным пребыванием в чистилище), так что слово «воскресение», если оно употреблялось вообще, стало казаться просто особым термином для разговора об основном предмете – о «небесах». Все это привело к многочисленным печальным последствиям, о которых мы скоро поговорим. Но сначала нам нужно выделить основные элементы веры первых христиан в воскресение и подумать о том, как мы можем к ним вернуться сегодня.

5. Воскресение сегодня: кто, где, что, зачем, когда и как

кто будет воздвигнут из мертвых? Все люди, согласно Иоанну и Павлу; но Павел полагал, что это особым образом относится к тем, кто во Христе и в ком обитает Дух. Это ставит перед нами некоторые новые вопросы, к которым мы обратимся в следующей главе.

Где произойдет воскресение? На новой земле, соединенной с новым небом. Я изо всех сил трудился над структурой и аргументацией данной части книги именно ради того, чтобы это стало ясно. В новом мире не будет проблем перенаселенности (как многие патетически утверждают). Независимо от вопроса, все ли люди воскреснут, нам надо вспомнить, что примерно половина людей из всех, кто когда-либо жил, в настоящий момент относится к живым. В предыдущем веке популяция стала увеличиваться с невероятной скоростью, и мы привычно забываем о том, что на протяжении большей части истории огромные участки земли были практически не заселены. И даже самые знаменитые и переполненные города библейских времен в основном, по нашим меркам,

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
соответствовали сегодняшним мелким городишкам. И в любом случае, если мы действительно верим в новое небо и новую землю, все это не должно быть проблемой. Бог есть Творец, и Его новый мир будет соответствовать тому, что нам нужно, когда любовь и красота этого мира будут им преобразены.

Можно ли что-то сказать о том, каким будет новое воскресшее тело? Я снова с почтением обращаюсь к одному из немногих современных авторов, которые старались помочь нам представить себе это новое тело: я имею в виду К.С. Льюиса. Во многих своих трудах, а особенно в замечательной книге «Расторжение брака», он описывает тела, которые более плотные, более реальные, более вещественные, чем те, что мы сейчас имеем.[182] К этой задаче призывает нас, в частности, и Второе послание к Коринфянам. Это будут такие тела, которые позволят нам увидеть и прочувствовать, что к ним с полным правом можно отнести выражение *baros doxes* («вес славы») из этого новозаветного текста (4:17).

В Древнем мире люди задавались и другими вопросами, которые нередко возникают и в современных дискуссиях. Какие наши нынешние характеристики, включая недостатки, сохранятся в таком преобразенном теле? Когда я вел курс по воскресению в Гарварде в 1999 году, одна из студенток в своей курсовой работе сетовала на то, что ей никогда не нравилась форма собственного носа, и выражала надежду избавиться от этого недостатка в будущей жизни. У нас нет источников знаний для ответа на подобные вопросы. Мы можем только вынести одно предположение, основываясь на воскресении Иисуса, у которого остались раны – уже не источник боли и смерти, но знак Его победы. Можно полагать, что воскресшее тело христианина будет носить на себе знаки верности своему особому призванию от Бога, особенно знаки страдания.

В частности, новое тело будет бессмертным. Оно уже находится за пределами смерти, причем не просто во временном смысле (что в данный момент этого не произойдет), но в смысле онтологическом – что оно уже никогда не подчинится болезни, повреждению, распаду и самой смерти. Ни одна из подобных разрушительных сил не будет иметь власти над новым телом. И быть может, это отчасти объясняет странные свойства воскресшего тела Иисуса. Ученики видели первый – и пока единственный – пример нетленной физической природы.

И снова надо заметить, что сам наш язык нас постоянно подводит. Слово «бессмертие» слишком часто используется в смысле «бесплотное бессмертие», и его иногда употребляют как нечто, противоположное «воскресению». А в результате мы легко забываем слова Павла о воскресшем теле. Это будет действительно тело, но неподвластное смерти. «Бессмертное тело» кажется людям столь чудным явлением, что они даже не дают себе труда задуматься над тем, не о таком ли теле говорил Павел и другие первые христиане. Да, именно о таком.

Между такой верой и представлениями о «бессмертии души» – огромная разница. Платонизм полагает, что в каждом человеке есть бессмертная часть, которую обычно называют «душой». (К.С. Льюис, которого я не устаю прославлять, похоже, также не избежал этой ловушки.) Однако в Новом Завете «бессмертием» по своей природе наделен исключительно Бог, и Он может им с делиться людьми как даром милости, но это не есть их врожденное свойство.[183]

Зачем нам дадут новые тела? Как думали первые христиане, новые тела нам понадобятся для того, чтобы мудро управлять новым Божьим миром. Можно забыть привычные образы праздных людей, перебирающих струны арф. Там будет работа, которую надо делать, и она должна нам понравиться. Все умения и таланты, которые мы поставили на службу Богу в этой жизни, – а может быть, также и те интересы и склонности, от которых нам пришлось отказаться, потому что они мешали нашему призванию, – возвратятся к нам в облагороженном и обогащенном виде, чтобы мы использовали их для Его славы. Это, быть может, самый таинственный и меньше всего продуманный аспект жизни по воскресению. Однако Новый Завет несколько раз говорит о «царствовании» Божьего народа, и мы не вправе думать, что это просто пустые слова.[184] Если Библия утверждает, что Бог замыслил обновление всей вселенной, то нам предстоит огромная работа и ответственность за новые проекты. Если воспользоваться образами первоначального творения из первых двух глав Книги Бытия, то сад надо будет поливать, а животным дать новые имена. Конечно, все это только образы, но, как любые слова, касающиеся будущего, они служат лишь указателями для великой реальности – о которой большинство христиан почти или совсем не задумывается.

Новое тело будет даром милости и любви Божьей. Однако некоторые отрывки Нового Завета, среди них и речения самого Иисуса, говорят о будущих благословениях Божьих как о награде (а это еще один ответ на вопрос «зачем?») Многим христианам неуютно при такой мысли. Нас научили, что мы оправдываемся верой, а не делами. Кроме того, сама мысль, что я стал христианином в ожидании чего-то, что можно за это получить, вызывает отвращение.

Но образ награды в Новом Завете говорит о другом. Это не вопрос расчета, когда кто-то делает тяжелую работу, чтобы получить за нее свою мзду. Это больше похоже на труд в контексте дружбы или в браке, где мы испытываем радость от присутствия другого. Или это похоже на тренировку в гольфе, когда мы стремимся чему-то научиться, чтобы послать мяч в нужном направлении. Или это похоже на изучение немецкого либо греческого языка ради того, чтобы читать великих поэтов и философов в оригинале. Эта «награда» органично связана с самой деятельностью, а не есть какое-то снисходительное похлопыванье по плечу, не имеющее прямого отношения к проделанной работе. И она всегда стократ щедрее, чем можно думать, если высчитывать, сколько ты заработал. Если человек получает в награду способность всю оставшуюся жизнь читать Гомера по-гречески, это не какая-то «оплата» труда по столько-то за каждый освоенный урок. Как мы уже говорили и еще поговорим, все это прямо связано со словами Павла в 1 Кор 15:58: воскресение означает, что любая трудная работа ради Евангелия сегодня не останется тщетной. Она не пропадет. Она будет исполнена до конца и получит завершение в Божьем будущем.

Когда произойдет воскресение? Некоторые думают, что мы сразу после смерти переходим к воскресению.[185] Мне трудно с этим согласиться. Павел говорит, что, если Христос есть начаток, первый плод, то те, кто Ему принадлежат, будут воздвигнуты «при его пришествии» – а оно, без сомнения, еще не произошло. В книге Откровения (как и во многих других иудейских текстах того времени) умершие терпеливо – а иные и нетерпеливо – ожидают того момента, когда наконец они восстанут к новой жизни.[186] Представление о таком промежуточном состоянии достаточно постоянно сопровождает веру в воскресение как иудеев, так и христиан.

А, в частности, если новое творение действительно в каких-то важных аспектах будет связано преемственностью со старым (о чем я говорил раньше), мы не можем думать, что оно уже наступило, как не могли бы утверждать, что воскресшее тело Иисуса уже живет и действует прежде его распятия. Новое является трансформацией, а не просто замещением старого. А поскольку старое, очевидно, еще не было преобразовано, воскресение произойти не могло. Время имеет значение, оно входило в план изначально благого творения. Хотя и оно может быть преобразовано каким-то таким образом, какой мы пока не в силах себе даже и представить, нам не следует поддаваться соблазну слова «вечность» (так выражение «жизнь вечная», постоянно встречающееся в Новом Завете, означает там не вневременное существование в будущем, но «жизнь будущего века»), воображая себе, что, как поется в одном старом песнопении, «там времени больше не будет».[187] Нет: «Старая нива времени, пространства, материи, чувств вспахана и засеяна заново. Быть может, она нам и надоела; но не Ему».[188]

Как это произойдет? Как о том говорил Джон Полкинхорн и другие, речь идет о великом акте нового творения. Полкинхорн нашел для этого современную метафору, которая мне симпатична (хотя, как я мог убедиться, иным людям она кажется мерзкой). Он излагает ее куда утонченнее, но я надеюсь, это не будет просто карикатурой, если я изложу ее проще. Вот чему это подобно: Бог загрузит наши программы на свой компьютер до того дня, пока не даст нам новый компьютер, где мы можем пользоваться этими программами снова.[189] Павел говорит, что Бог даст нам новые тела; тут может сохраниться какая-то преемственность со старым телом, как это было в воскресении Иисуса, но Бог способен воссоздать человека даже в том случае (как это было с Лионскими мучениками), если его пепел развеют над быстрой рекой.

Когда бы первые христианские писатели ни задавались вопросом «как?», они постоянно на это отвечают: Духом Божьим. Дух, паривший над бездной, Дух, обитавший в Иисусе в такой полноте, что Его стали называть Духом Иисуса, – тот же Дух, уже действующий в последователях Иисуса как начаток, залог и обеспечение грядущего, не только дает начало будущей жизни уже сейчас, но будет той мощной силой, которой совершится последнее преобразование. Символ веры говорит о «Духе Святом, Господе животворящем». Это совершенно точно

Все это ставит перед нами новые и крайне важные вопросы: где же в таком случае находятся умершие в данный момент? Как мы должны к ним относиться и что должны о них думать?

11. Чистилище, рай, ад

1. Введение

XVI века в представлении большинства западных христиан церковь делилась на три части. Во-первых, это церковь торжествующая, куда входят святые, блаженные души, которые уже созерцают Бога. Конечно, согласно официальному мнению, они все еще должны ожидать общего воскресения, однако об этом все больше забывали и из некоторых средневековых описаний данный момент вообще начисто выпал. Вспомните Данте или средневековые драмы-мистерии. Есть такое место, как небеса; отдельные души уже оказались там, а потому их надо почитать как «святых»; они уже в присутствии Бога, чего же еще им ожидать?

Из этих святых одни отправились прямо на «небеса» сразу после смерти, а другие провели какое-то время в ином месте, о чем мы еще поговорим. Но, попав на небо, они становятся как бы влиятельными покровителями при дворе для тех, кто еще находится в пути. У всех этих торжествующих святых есть свой праздник – День всех святых.

На другом конце находится церковь воинствующая (то есть она сражается в том же смысле, как об этом говорится в Первом послании к Тимофею: «воинствуй как добрый воин» за веру[190]). Это, конечно же, народ Божий в нынешней жизни, но о нем мы сейчас не говорим.

И между теми и другими находится церковь ожидающая, и место, где она ожидает, называется чистилищем. Это сложный предмет, который необходимо рассмотреть подробнее.

2. Чистилище

Учение о чистилище принадлежит Католической церкви. Такой доктрины не было и нет в православии, а Реформация от нее решительно отказалась – причем не по причине личных антипатий или каких-то злоупотреблений учением, но на основании библейского богословия. Главные положения относительно чистилища мы найдем у Аквината (XIII век) и Данте (начало XIV века), но сама идея глубоко проникла в души творцов и мыслителей всего того периода.[191] Позднее Средневековье приложило великие усилия для развития идеи чистилища и пытались организовать вокруг нее всю христианскую жизнь. Как учили тогдашние богословы, большинство христиан не полностью свободно от греха до самой смерти, а потому им нужно и наказание, и очищение, хотя им можно помочь в этот сложный период молитвами, а особенно богослужением церкви воинствующей. В связи с этим в начале XVI века и появилась торговля индульгенциями, которая ужаснула не только Мартина Лютера, но и некоторых католических богословов того времени.

Поэтическую и драматическую силу идеи чистилища показал Данте семь столетий назад, а из относительно близких времен можно вспомнить, например, знаменитую поэму кардинала Ньюмана «Сон Геронтия», ставшую еще более знаменитой, когда Элгар написал к ней музыку. Это представление и соответствующее учение все еще входят в рацион большинства членов Римско-католической церкви и некоторых других христиан, которые прислушиваются к ее учению. Но недавно два ведущих учителя этой церкви высказали совершенно иные взгляды.

Карл Ранер, умерший в 1984 году, пытался совместить представления западных и восточных христиан относительно того, где находятся души между смертью и воскресением. Он хотел отказаться от «индивидуализма», который уделяет чрезмерное внимание судьбе отдельной души, а вместо этого предположил, что после смерти душа теснее соединяется со вселенной в целом, а потому, в ожидании воскресения, она лучше видит разрушительное воздействие своих грехов на весь мир. Это и есть, думал он, достаточно грозное чистилище.[192]

Однако большего внимания заслуживают представления кардинала Иозефа Ратцингера, ныне папы Бенедикта XVI. Ссылаясь на главу 3 Первого послания к

Коринфянам, он утверждает, что сам Господь есть огонь суда, и этот огонь преобразует нас в соответствии со своим воскресшим и прославленным телом. И это произойдет не в течение какого-то длительного процесса, но в момент последнего суда. Таким образом, Ратцингер связывает чистилище с самим Иисусом Христом как эсхатологическим огнем, отделяя чистилище от идеи промежуточного состояния. Это, в свою очередь, упраздняет возможность столь популярной в Средние века идеи индульгенций, которая была идеальной мишенью для оппонентов из протестантов. Какими бы ни были наши собственные мнения на этот счет, мы видим, что два влиятельнейших ортодоксальных католических богослова последнего поколения довольно решительно предлагают отказаться от Аквината, Данте, Ньюмана и многих других сторонников чистилища. [193]

Однако примерно в то же само время – и это во многом коснулось англикан – богословы XX века стали сдержаннее высказываться о той «твердой и непреложной надежде», что вызвала такой энтузиазм у первых деятелей Реформации. Иногда говорят, что такая надежда слишком пропитана высокомерием. Если мы прислушаемся к своему сердцу или понаблюдаем за жизнью окружающих нас людей церкви, мы поймем, что не готовы к окончательному блаженству. Кроме того, на протяжении последних ста лет в протестантизме появилась столь очевидная склонность к универсализму, что представления тут изменились: уже не только истинные христиане, но и множество не обремененных серьезными грехами нехристиан должны обрести спасение после смерти. Такая ситуация подобна неудобной двуспальной кровати, на которой все сползает к середине: вместо либо ада, либо рая появилась нечто среднее и довольно туманное. Согласно такому представлению, нехристиане продолжают после смерти свое «путешествие», начатое на земле, до того момента, пока не примут спасения от Бога. Подобным образом и христиане неспешно продолжают свое «путешествие» по неведомой стране Духа, пока, наконец, не придут к конечной цели. Иногда этот процесс называется «ростом» (*American Prayer Book*) – хотя неясно, чем данная метафора лучше любой другой. Таким образом, мы видим появление «чистилища для всех и каждого». Оно достаточно приятно и уж, разумеется, никак не связано с наказанием – поскольку породивший такие представления либерализм не слишком озабочен проблемой греха и определенно не желает думать, что за грех нужно наказывать. [194]

Идея чистилища, в ее классическом или современном варианте, дает обоснование празднованию Дня поминовения усопших (2 ноября), который придумали бенедиктинцы в X веке. Этот праздник предполагает жесткое разделение между «святыми», которые уже на небесах, и другими «душами», которые еще не оказались там, а потому не вполне счастливы и нуждаются в нашей помощи (как принято говорить сегодня), чтобы «двигаться дальше». Два отдельных праздника: День всех святых и День поминовения – говорят о таком радикальном отличии. И именно это отличие я хотел бы поставить под сомнение.

Я хотел бы сделать четыре вывода.

Во-первых, как я уже говорил, воскресение все равно остается в будущем. Такова официальная позиция всех ортодоксальных богословов, будь они католики или протестанты, на Востоке и на Западе, за исключением тех, кто считает, что сразу после смерти мы оказываемся в вечности, где любой момент становится нынешним. В частности, следует помнить, что когда слово «небеса» указывает на окончательную цель всех искупленных – хотя, конечно, такое представление стало невероятно популярным со времен Средневековья и позже, – это не способствует верному пониманию христианской надежды и лишает ее подобающего места. Я снова и снова прихожу в отчаяние, видя, как трудно пробить мощную стену привычного мышления и лексики, за которой оказалось большинство христиан. Я повторяю опять: наше конечное предназначение не «отправиться на небеса после смерти», но восстать в преобразованном теле, подобном телу Иисуса Христа во славе. (Все это, конечно, не только ради нашего счастливого будущего, но и ради славы Божьей, которая откроется, когда мы во всей полноте будем отражать Его образ.) Поэтому, когда мы говорим о посмертном обитании на небесах, должны отдавать себе отчет в том, что это всего лишь первый – и куда менее важный – этап двухэтапного процесса. Воскресение не есть «жизнь после смерти», но это жизнь после «жизни после смерти».

Во-вторых, Новый Завет не дает никаких оснований полагать, что христиане, ожидающие воскресения на небесах, относятся к разным категориям. Первые христианские авторы называли «святыми» всех христиан, включая, например,

коринфян с их ошибочными представлениями и грехами. Когда Павел говорит о своем желании «уйти и быть со Христом, ибо это гораздо лучше», он не помышляет о том, что сам окажется «со Христом», в то время как менее опытные христиане по смерти попадут в какое-то место ожидания. [195] То есть он не окажется среди «святых», пока прочие «души» усопших будут ожидать где-то в другом месте. Это понимают в Православной церкви, где отмечают дни памяти многочисленных святых, но не признают, что они уже достигли окончательного блаженства.

Святые не могут получить его отдельно от всех прочих. Вот почему православные молятся и за святых, и вместе с ними.

В Новом Завете есть одно-единственное место, в котором можно увидеть подобные отличия: глава 3 Первого послания к Коринфянам. Здесь говорится о труде христиан, которые строят из золота, серебра и драгоценных камней, а также из дерева, сена и соломы. Но Павел не говорит, что первые пойдут на «небеса», а вторые – в чистилище. И те и другие будут спасены; их ждет одна и та же судьба, хотя первые войдут со славой, а вторые – подобно спасшимся от беды. Этот сурово звучащий отрывок должен быть очень серьезно воспринят христианами деятелями и учителями, как это уже признает сам папа, отсюда не следует, что среди умерших христиан существует разница в их статусе, «небесной географии размещения» или развитии событий.

И фактически Новый Завет так часто говорит про первых, ставших последними, а последних, ставших первыми, что нас не должно удивлять такое различие христиан после их смерти. Я знаю, что многим трудно это принять, но в свете самих основ христианского благовестия, в свете того, чему учил и что совершил Иисус, и того, что проповедовал Павел и другие, у нас нет оснований говорить, скажем, что Петр или Павел, святой Айдан или святой Кутберт либо даже, осмелюсь произнести, сама мать Иисуса «продвинулись дальше», оказались ближе к Богу, достигли более полного духовного «роста», нежели христиане, которые стали мучениками в наши дни или даже спокойно отошли в мир иной в своей постели. Если мы хотим хранить верность нашим основам, мы должны сказать, что все христиане, живые или усопшие, должны называться «святыми» и что так же следует думать обо всех умерших христианах и относиться к ним соответствующим образом.

Из этого следует третий вывод: я не верю в чистилище как в некое место, или время, или состояние. В любом случае это западное нововведение, не основанное на Писании, теперь же, как мы видим, даже ведущие католические богословы ставят под вопрос его основы. Деятели Реформации утверждали, что разрушением грешного человека является сама смерть. Один человек сказал, что он видит в Боге волшебника, который чудесным образом превращает «еще грешника» в «уже не грешника». Но это неверно. Сама смерть позволяет избавиться от остатков греха; это не вера в волшебство, но здоровое богословие. И тогда уже нечего подвергать очищению. В старые времена говорили, что и в этом случае чистилище необходимо, потому что человек все равно должен понести наказание за свои грехи, но подобные рассуждения покажутся вздором любому человеку, кто совсем немного знаком с посланиями Павла, где говорится: «Нет теперь никакого осуждения для тех, которые во Христе Иисусе». [196]

Великое завершение главы 8 Послания к Римлянам, которое так часто (и к месту) читают на погребении, позволяет начисто отвергнуть идею чистилища:

кто станет обвинять избранных Божиих... кто осудит... кто нас отлучит от любви Христовой? Ни смерть, ни жизнь... ни какая другая тварь не сможет нас отлучить от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем. [197]

И если кто-то после этого все еще будет утверждать, что на самом деле Павел имел в виду «хотя, разумеется, иным из вас для этого придется сначала отправиться в чистилище», я думаю, при всем моем уважении, такому человеку нужен не богослов, а психотерапевт.

А на самом деле Павел довольно ясно говорит и здесь, и в других местах, что именно нынешняя жизнь выполняет для нас роль чистилища. Страдания в настоящее время, а не когда-либо после смерти есть долина скорби, через которую мы движемся к будущей славе. Кажется, я догадываюсь, почему чистилище столь популярно и почему второй том Данте вызывает больше всего откликов. Миф о чистилище есть аллегория, проекция из настоящего в будущее.

Вот почему чистилище пленяет наше воображение. Это история о нас, о нашем месте и нашем времени. Если мы – христиане, если мы верим в Господа Иисуса воскресшего, если через крещение мы стали членами Его тела, значит, уже сейчас мы проходим через страдания, которые становятся дорогой к жизни. Разумеется, это означает, что для миллионов наших духовных предшественников и учителей прошлого смерть окажется приятным сюрпризом. Они так долго готовились к предстоящему великому испытанию, а там узнают, что уже через него прошли.

Таким образом, возрождение представлений о каком-то псевдо-чистилище в наши дни ничего не дает. Это более чем странное возвращение к мифологии в тот момент, когда нам стоило бы опереться на надежный фундамент. По иронии судьбы в некоторых кругах в этом видят доброжелательный шаг навстречу Риму в тот самый момент, когда два ведущих консервативных католических богослова, Карл Ранер и Иозеф Ратцингер, сделали из этой доктрины нечто совершенно иное. Теперь можно яснее мыслить и дышать глубже – или даже вздохнуть с облегчением.

3. Рай

Таким образом – и это будет четвертый пункт, – я склонен думать, что все усопшие христиане, по существу, находятся в одинаковом состоянии, и это состояние покоя и блаженства. Хотя иногда это состояние называют «сном», нам не следует думать, что это отключение сознания. Если бы Павел так думал, разве мог бы он сказать, что сразу после смерти он будет «со Христом, ибо это гораздо лучше»? Скорее, слово «сон» тут означает, что тело «спит», то есть мертво, а подлинная личность – или как мы это назовем – остается.

Это состояние, разумеется, не является конечным предназначением для умершего христианина, потому что его ожидает воскресение. Но усопшие в этом состоянии ощущают любовь Бога и присутствие Иисуса Христа, дожидаясь последнего дня. Ничто не мешает нам назвать это состояние «небесами», однако стоит обратить внимание на интересный факт: в Новом Завете оно так не называется, слово «небеса» используется в другом смысле.

Из этого следует один важный вывод. Если и умершие – святые, и мы сами пребываем во Христе, все мы вместе участвуем в «общении святых». Они остаются нашими братьями и сестрами во Христе. Когда мы совершаем евхаристию, они находятся с нами, вместе с ангелами и архангелами. Почему нам тогда не молиться за них и вместе с ними? Первые деятели Реформации и их последователи изо всех сил старались отказаться от «молитвы за умерших» именно потому, что это было тесно связано с представлениями о чистилище и о том, что усопшим надо как можно быстрее оттуда выбраться. Если отбросить идею чистилища, на мой взгляд, нет никаких препятствий для молитвы за умерших и есть все основания – не для молитвы об избавлении от чистилища, но молитвы о том, чтобы умершие насладились покоем и наполнились Божьей радостью и миром. Любовь рождает молитву, мы продолжаем их любить, тогда что нам мешает держать их в этой любви перед Богом?

В то же время я не вижу ни в Новом Завете, ни у первых христианских отцов утверждения, что находящиеся ныне на «небесах» или (если вам так больше нравится) в «раю» активно молятся за нас, живущих. В равной мере я не нахожу где-либо оснований для мысли, что живущие должны молиться «святых», чтобы те ходатайствовали перед Отцом за них. Я понимаю, что касаюсь болезненной темы, потому что такова обычная практика многих христиан, но полагаю, что и такая точка зрения достойна, по меньшей мере, внимания. Если умершие христиане сохраняют сознание и если они находятся в более тесных отношениях «со Христом» (что предполагают слова Павла), нежели мы сейчас, есть все основания думать, что они, подобно душам под жертвенником в Откровении, по меньшей мере, умоляют Отца завершить дело справедливости и спасения в мире. А если так, нет никаких принципиальных оснований утверждать, что они не просят Отца также и о нас. Или можно взглянуть на это с другой точки зрения: если они «со Христом», а вознесшийся Христос правит миром по поручению Отца, можно предположить, что и святые как-то в этом участвуют, а не просто пассивно наблюдают за происходящим. Но здесь еще одно соображение, крайне важное для тех, кто, подобно мне, полагает, что наша вера непременно должна стоять на фундаменте Писания: я не нахожу у первых христиан никаких свидетельств о том, что, по их мнению, умершие действительно занимаются такой работой, – тем более о том, что ныне живущие христиане должны их к этому поощрять, обращаясь к святым с особыми

молитвами.

В частности, нам следует с большим подозрением относиться к средневековой идее, что «святые» действуют подобно нашим покровителям при дворе, то есть что мы сами боимся лично обратиться к Царю, но зато знаем кого-то из «наших», с кем мы можем смелее говорить и кто способен замолвить за нас словечко. На мой взгляд, эта практика ставит под вопрос, если косвенно не отрицает, нашу свободу доступа к Богу через Иисуса Христа и Духа, о которой снова и снова говорится в Новом Завете. Там об этом сказано совершенно четко: благодаря Христу и Духу каждый христианин может в любой момент обратиться к Отцу лично. Если сам Царь готов принять тебя в тронном зале и выслушать все, что тебя беспокоит, будь то пустяк или серьезные обстоятельства, зачем стоять у ворот дворца и просить кого-то еще, каким бы тот ни был именитым, обратиться к Царю с твоей просьбой? Сомневаться в этом, хотя бы косвенно, означает ставить под вопрос важнейшее благословение и привилегию, возведенную в Евангелии.

Молитва святым может оказаться – я не говорю, что так происходит всегда, но что так может быть, – шагом к двоеверию с элементом язычества, чего справедливо опасались деятели Реформации. Поздняя античность во времена Римской империи не могла избавиться от запутанной, с многоразличными уровнями, структуры из богов и покровителей, полубогов и героев, которых накопила культура за предшествовавшее тысячелетие. Во II веке церковь стала, совершенно справедливо, почитать мучеников как особых свидетелей победы Христа над смертью. Когда христианство стало признанной религией и гонения прекратились, легко совершился переход к почитанию других людей, которые не погибли мученической смертью, но чем-то выделялись среди христиан. Поэтому весь процесс построения не только иерархии таких людей, но и разработанной системы их «назначения» (процесс канонизации и тому подобное) представляются мне значительным отклонением от верного пути.

Итак, вместо средневекового деления церкви на торжествующую, ожидающую и воинствующую, – я верю только в две первые. Церковь на небесах (в раю) и воинствующая, и ожидающая. Не думаю, что все читатели согласятся с таким выводом, но призываю их, по крайней мере, заглянуть в Писание и исследовать эти вопросы самостоятельно. А в частности, я прошу те церкви, которые, подобно моей, возродили празднование Дня поминовения усопших, во многом по пасторским соображениям, задуматься о том, какого рода богословие они этим передают, хотя бы косвенно. Подходящее время для поминовения усопших христиан – это, с одной стороны, Пасха, а с другой – День всех святых. Это выражало бы верно нашу христианскую надежду. Добавление других дней поминовения только отвлекает внимание от этих великих праздников. В данном случае (такой принцип верен и во многих других областях богословия и литургической жизни) чем их больше – тем меньше в них смысла.

Эти соображения важны для некоторых церквей, но, конечно, не для всех. Однако в любой церкви встают вопросы, что происходит с человеком сразу после смерти и что – в последний момент. Без размышления об этих вопросах, которые порой обретали остроту и вызвали споры, мы не можем вести полноценное обсуждение и не застрахованы от повторения ошибок прошлого. Самое важное при этом – помнить о главной надежде на последнее воскресение в рамках нового творения. Это позволит нам найти верный ключ к любой проблеме «жизни после смерти».

4. За рамками надежды и жалости

В течение последних десяти лет при обсуждении этих тем кто-то всегда задавал один и тот же вопрос: «А как же быть с адом?» Вопрос достоин отдельной книги, и я нахожусь между нежеланием писать такую книгу и необходимостью хоть что-то сказать об этом.

Отчасти разрешение данного вопроса, как и многих других, рассмотренных нами, затрудняет то обстоятельство, что слово «ад» пробуждает в нас скорее образ из Средних веков, чем из книг первых христиан. Одни с детства представляли себе Бога седобородым дедушкой, сидящим на облаке, а когда они выросли и отвергли этот образ, стали думать, что «оставили веру в Бога»; подобным образом, для многих ад – это подземелье, полное червей и огня, или камера пыток посреди Божьего дворца небесных наслаждений. Отказавшись от этих образов, они решили, что уже не верят в ад. Первые пришли к выводу, что, поскольку не могут верить в детский образ Бога, должны стать атеистами. Вторые – что, поскольку не могут верить в сказки про ад, должны

Есть, конечно, более достойные причины стать атеистом или универсалистом. Многие люди, занявшие одну из этих позиций, прошли куда более сложный путь, чем тот, что я описал. Тем не менее можно сказать, что вторые отвергли не глубокую доктрину первых христиан о последнем суде, но ту или иную карикатуру на нее.

Чаще всего, когда мы встречаем в Новом Завете слово «ад», в оригинале стоит Gehenna. Геенна была не просто идеей, но конкретным местом – огромной свалкой мусора возле юго-западного угла старого Иерусалима. Сейчас – это долина под названием Ge Hinnom. Когда несколько лет назад я был в Иерусалиме, меня пригласили в роскошный ресторан в западной части этой знаменитой долины. Здесь мы наблюдали впечатляющий фейерверк – без сомнения, его устроители намеренно обыгрывали историю – на том самом месте, о котором упоминал Иисус, говоря о геенне огненной. Но затем с Его словами о «геенне» произошло примерно то же, что и с Его словами о «небесах»: христиане забыли первоначальный смысл слов и, когда читали эти тексты, представляли себе совершенно иные образы, порой довольно омерзительные, взятые не из слов Иисуса или Нового Завета, но из других источников, в том числе из античного и средневекового фольклора.

Важно понять, что, когда Иисус напоминал своим слушателям о геенне, Он не говорил им: если не покаетесь в этой жизни, в грядущей жизни будете гореть в огне. Все наоборот (это же касается царства Бога): это произойдет на земле, а не где-то еще. Он бросал современникам решительный вызов, причем вызов «политического» (как сказали бы сегодня) характера. Если они не откажутся от безнадежной бунтарской мечты установить Божье царство своими средствами – вероятнее всего, с помощью вооруженного восстания против Рима, – тогда римляне совершат то, что всегда делают большие, алчные и безжалостные империи с маленькими странами (и нередко именно на Ближнем Востоке), когда пользуются их ресурсами или стараются там удержаться по стратегическим соображениям. Рим превратит весь Иерусалим в отвратительную вонючую помойку, так вся столица иудеев станет большой «геенной». Когда Иисус говорит: «Если вы не покаетесь, все так же погибнете», – он имеет в виду прежде всего такой сценарий развития событий. [198]

И потому только не без трудностей мы можем увидеть в многочисленных евангельских речениях об этой непосредственной угрозе то, что может произойти после смерти. Есть две притчи, которые говорят об этом непосредственно, однако нам следует помнить, что это притчи, а не в буквальном смысле описания загробной жизни. В них используются древние иудейские образы, такие как «лоно Авраамово», не для рассказа о загробном мире, но чтобы призвать слушателя к справедливости и милосердию здесь и сейчас. [199] Это не значит, что Иисус обязательно думает как-то иначе о загробной жизни. Но это значит, что «буквальное» понимание сцены с Авраамом, Богачом и Лазарем столь же неразумно, как и попытка узнать имя Блудного сына. Иными словами, Иисус здесь почти ничего не говорит о будущей жизни. Прежде всего Он желал возвестить царство Бога, которое приходит «на землю, как и на небеса». Как мы видели, Он не сказал ничего нового о воскресении, за исключением загадочных намеков на то, что оно произойдет, притом очень скоро, с одним человеком прежде всех прочих; во всех остальных случаях Он только выражал свое согласие с общепринятыми представлениями иудеев. Подобным образом, у Него не было намерения сказать нечто новое о суде после смерти, за исключением загадочных намеков на то, что этот суд предвосхитят конкретные и грозные события в течение жизни одного поколения в этой пространственно-временной истории.

Таким образом, в словах Иисуса мы не найдем нового ответа на вопрос, есть ли люди, которые навсегда отвергли Бога, и это стало для них окончательным приговором. Все указывает на то, что Иисус не оспаривал общепринятые представления иудеев I века: такие люди должны быть, и они будут удивлены (что касается как овец, так и козлов), услышав как сам приговор, так и его основания. [200] И с этим согласны другие авторы из первых христиан. Ад, или последний суд, не является важнейшей темой посланий (однако когда об этом говорят, видно, что это серьезная тема, как, например, в Послании к Римлянам 2:1–16), об этом молчат Деяния, об этом говорят яркие образы в конце Книги Откровения – они чрезвычайно важны, но во всем Писании мало подобных мест по трудности интерпретации, так что на их основании невозможно сделать однозначные выводы. Все это должно послужить нам противовесом против двух форм догматизма при обсуждении этих вопросов:

когда одни с уверенностью говорят о том, кто «попадет в ад», а кто нет, в то время как другие, универсалисты, с полной уверенностью утверждают, что ада нет, а если он и есть, то в итоге обязательно опустеет.

Подобный универсализм стал обычной рабочей гипотезой многих богословов и служителей церкви в либеральные 1960–е и 70–е годы и остается твердым убеждением, иногда главным, для многих людей, чье мировоззрение сформировалось в те времена. Мне запомнился такой эпизод первых лет учебы в Оксфорде: мой наставник сообщил мне, что и он, как и многие другие, верит «в возможность существования ада, но этот ад в конечном счете останется пустым» – иными словами, ад превратится в чистилище, в не слишком приятную подготовку к вечному блаженству. Даже сама мысль о последнем суде выпала из сознания в некоторых вероисповеданиях, включая мое собственное благодаря тому, что при публичном чтении Библии соответствующие стихи стали бесцеремонно пропускать. Если вы видите в официальном круге чтений рекомендацию пропустить два–три стиха в каком–то отрывке, можно почти не сомневаться, что речь в них идет о суде, если, конечно, не о сексе.

Но за последние двадцать лет богословская ситуация изменилась. В западном обществе в целом либеральный оптимизм стал все больше казаться неадекватным, и этому соответствовала перемена атмосферы в богословии, которое следовало духу века сего. Мы как будто бы снова оказались в той же позорной ситуации, что и почти сто лет назад, когда Карл Барт страстно отверг либеральную теологию, создавшую благоприятный климат для Первой мировой войны. Мы стали свидетелями событий на Балканах, в Руанде, на Ближнем Востоке и в Дарфуре, а также многих других ужасов разного рода, перед которыми пасует просвещенная западная мысль, так что все больше людей стали думать о том, что суд необходим, и я думаю, это было движение к истине. Суд – верховный вердикт о том, что вот это добро, которое надо оправдать и поддержать, а вон то зло, достойное осуждения, – единственная альтернатива хаосу. Есть понятия, и на самом деле таких понятий очень много, к которым нельзя относиться «толерантно», иначе ты сам становишься пособником зла. Мы всё прекрасно знаем, но предпочитаем об этом не задумываться, так как из–за нашей щепетильности или давления общепринятых приличий нам удобнее соглашаться с мнением большинства. Проблема заключается в том, что богословие, столь долго питавшееся дешевой толерантностью к чему угодно, готовое вбирать в себя все, отказываясь – в стиле глобальной экономики – от многих границ и рамок, становится удручающе расплывчатым и немощным; оно неспособно вскарабкаться даже на низкие склоны суждения о социальных и культурных реалиях, не говоря уже о высочайших вершинах того суда, о котором говорили и писали первые христиане.

Но суд необходим, иначе нам надо прийти к абсурдному выводу, что все хорошо, или к богохульному выводу, что Бога это не заботит. По знаменитому и верному выражению Мирослава Вольфа, чтобы что–то «принять», сперва необходимо что–то «исключить»: сначала нужно увидеть зло, назвать его, каким–то образом ослабить, и лишь потом возможно примирение. Именно этот принцип Десмонд Туту положил в основу деятельности судьбоносной Комиссии правды и примирения в Южной Африке. [201] И самое важное: если злодеи отказываются себя таковыми признать, ни примирение, ни принятие невозможны.

Бог намерен в конечном счете исправить наш мир. Это представление, как и представление о самом воскресении, прямо связано, с одной стороны, с верой в Бога Творца, с другой – с верой в Его доброту. А такое восстановление порядка предполагает устранение всего того, что извращает благое и прекрасное Божье творение, в частности всего того, что уродует творение, носящее образ Божий, то есть человека. Сказать проще, в царстве Божьем не будет «колючей проволоки». И те люди, чье бытие целиком зависит от нее, не найдут там себе места.

Под колючей проволокой здесь понимаются, разумеется, самые разные мерзости: геноцид, ядерная бомба, детская проституция, имперская гордыня, превращение души в товар, идолизация расы. В Новом Завете несколько таких категорий, которые служат красным флажком, предупреждающим, что такая дорога ведет прямо в пропасть. Начиная с Павла первые христиане размышляли о подобных проблемах. В них можно выделить три общие черты.

Во–первых, все они восходят к основной ошибке: к идолопоклонству, к тому, что люди поклоняются тому, что не Бог, как своему богу. Во–вторых, все они носят печать вторичной ошибки: поведения, недостойного человека, то есть люди все меньше и меньше отражают Божий образ. Это «непопадание в цель»,

где цель – полноценный, свободный и истинный человек; именно таково значение слова грех, *hamartia*, в Новом Завете. (Стоит заметить, что «грех» не есть нарушение предписанных сверху случайных правил; скорее сами эти правила содержат краткое описание различных форм поведения, которое ведет к утрате человечности.) В-третьих, вполне вероятно – и похоже, мы видим тому примеры на практике, – что идолопоклонство и бесчеловечность пронизывают всю жизнь и свободно выбранные поступки какого-то человека или группы людей, и тогда, если он (они) сознательно не оставит этот путь, то как бы сам отказывается от своей человечности.

Эти соображения заставляют меня думать, что сегодня нам надо заново утверждать доктрину последнего суда. Невозможно, читая параллельно и Новый Завет, и сегодняшние новости в газетах, думать, что в конце не будет ни осуждения, ни окончательной гибели, ни таких людей, которые, по выражению К. С. Льюиса, услышат от Бога последние слова: «Да будет воля твоя». Я хотел бы, чтобы это было не так, но невозможно жить, постоянно насвистывая песенку «Необъятна Божья милость», зная о кошмаре Хиросимы и Освенцима, об убийствах детей и бессердечной алчности, из-за которой миллионы людей становятся рабами долгов, в которых они сами не виноваты. Человек, увы, неспособен вынести слишком много реальности, так что он ослепляет себя с помощью дешевых и уютных теорий вроде универсализма и западного либерализма, которые вносят свой вклад в мировое зло.

Но если в самом деле существует окончательное осуждение тех, кто через поклонение идолам перестал быть человеком и пытался втянуть в эту яму других, мои представления о том, как это происходит, отличаются от обычной картины.

Принято думать, что те, кто отвергли Божье спасение и не пожелали обратиться от идолопоклонства и злодеяний, подвергаются вечным пыткам, сохраняя свое сознание. Некоторые не в меру горячие проповедники и наставники подливают масла в огонь, когда с уверенностью говорят, что за одни поступки человек обязательно попадает в ад, а за другие, хотя он и достоин порицания, может быть прощен. Но в целом общепринятая картина не меняется: погибшие остаются в каком-то смысле человеческими существами и терпят бесконечное наказание.

Против этого возражают универсалисты. Они говорят (и это напоминает слова из «Меры за меру» Шекспира), что Бог явит милость даже к самым отъявленным мерзавцам, к тем, кто устраивал массовые убийства или насильствовал детей. Иногда же они используют другой подобный аргумент: даже когда человек умрет, Бог оставит ему возможность покаяться, так что в итоге он не сможет противостоять Любви.

Промежуточный путь предлагают так называемые кондиционалисты. Они пользуются гипотезой «условного бессмертия»: люди, которые устойчиво отвергают Божью любовь и Его пути жизни в этом мире, после смерти просто прекратят существование. Бессмертие, говорят они, не есть (вопреки расхожему платонизму!) врожденное качество человека, оно по праву принадлежит только Богу (о чем пишет Павел), а потому является его свободным даром, который Бог волен дать или не дать. [202] По этой теории Бог просто отказывает в даровании бессмертия тем, кто в этой жизни продолжал безнаказанно поклоняться идолам и тем разрушил в себе подлинного человека. Поэтому иногда эту теорию называют также «аннигиляционизмом»: такие люди перестают существовать. Но, возможно, последний термин чрезмерный, ведь он косвенно предполагает активное разрушение человека, тогда как речь идет о том, что он не просто не получил предложенный ему дар, но и постоянно от него отказывался.

Я описал вам три позиции, а теперь намерен представить свою, в которой сочетаются сильные места первой и третьей. Отказ от традиционных представлений в недавнее время – а за последние два столетия в западных церквях, во всяком случае в так называемых мейнстримных, произошел значимый сдвиг в сторону универсализма – объясняется глубоким отвращением к идее камеры пыток посреди дворца наслаждений, концлагеря посреди прекрасной страны, к мысли, что к радости блаженных примешивается созерцание мучений нечестивых. Даже когда мы говорим себе, что Бог должен осудить зло, если Он действительно благ, и что любящие Бога должны согласиться с таким осуждением, как только мы представляем себе образы ада, мы отворачиваемся от них с омерзением. «Кондиционалисты» успешно избегают этой проблемы, но дорогой ценой, поскольку им приходится забыть о тех местах в Писании, где

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
говорится о состоянии отказавшихся поклоняться истинному Богу и утративших человечность, как о продолжительном процессе.

Это заставляет думать о следующей возможности, которая, полагаю, воздает должное и важнейшим текстам Писания, и реалиям жизни человека, с которыми после столетия кошмаров все мы слишком хорошо знакомы. Когда человек отдает свое сердце чему-то иному, нежели Бог, и поклоняется идолам, он все слабее отражает образ Божий. А один из важнейших законов человеческой жизни гласит: ты становишься подобием того, чему поклоняешься, более того, ты начинаешь отражать то, чему поклоняешься, не только для самого объекта поклонения, но и для окружающего мира. Если человек полностью во власти денег, он все больше оценивает себя в денежных знаках, а другие люди для него все больше превращаются в кредиторов, должников, партнеров или заказчиков. Если человек одержим сексуальностью, он думает о себе только в этом ключе (его предпочтения, техника, соответствующая история) и все больше видит в окружающих реальных или потенциальных партнеров для секса. В случае если идолом для человека становится власть, он также думает о себе в этом ключе, а все прочие люди становятся для него союзниками, соперниками или пешками. Эти и подобные формы идолопоклонства сочетаются между собой в разных формах, и все они непременно повреждают способность носить образ Божий как у самого идолопоклонника, так и у его окружающих. И я полагаю, что человек может спускаться по такой дороге все ниже и ниже вниз, отказываясь слышать даже намеки на Благоую весть, не замечая ни отблесков подлинного света, ни призывов повернуться и пойти в другую сторону, ни указателей, говорящих о любви Божьей, так что после смерти он станет, в силу собственного выбора, существом, которое некогда бегло человеком, но теперь уже им не является, творением, которое начисто утратило образ Божий. Со смертью тела, обитавшего в благом Божьем мире, где мерцание света доброты еще не совсем угасло, такие люди моментально оказываются не только за рамками надежды, но и за рамками сострадания. И тут не нужно концлагеря в прекарной стране, ни камеры пыток во дворце наслаждений. Творения, которые продолжают существовать, никак не отражая своего Создателя, уже не могут вызвать ни в себе, ни в других естественного сочувствия, которое может быть обращено даже на закоренелого преступника.

Я прекрасно понимаю, что описываю страну, карты которой нет ни у одного человека. Христиане верят, что Иисус побывал в аду и вернулся оттуда, но и эти слова оставляют нас перед темной бездной, так что мы не можем составить путеводитель для других путешественников. Мне бы очень не хотелось, чтобы читатель решил, будто я (или кто-либо еще) имею четкое представление обо всем этом. И не стоит думать, что я получаю удовольствие от подобных размышлений. Однако Новый Завет, а также печальные реалии нашего мира вынуждают меня прийти к такому выводу относительно одной из самых мрачных богословских загадок. Я был бы рад узнать, что я не прав, но только не за счет отказа от веры в то, что этот мир есть благое творение единого истинного Бога и что в итоге Бог совершит суд, о котором возрадуется все творение.

5. Заключение: цели человека и новое творение

Я не хотел закончить данную главу на этой ноте – и у меня есть достойная причина: Новый Завет снова и снова также отказывается заканчивать на этом. В Послании к Римлянам Павел недвусмысленно заявляет, что действительно «самовольным и непослушным истине, но покоряющимся неправде» грозит осуждение; но далее он все больше переносит акцент на тот факт, что Бог заключил всех людей в тюрьму непослушания, чтобы в конце всех помиловать. [203] Конечно, из этого отрывка и подобных ему видно, что, сказав «всех», Павел не говорит «всех отдельных людей», но скорее «людей любого рода». Однако слова Павла обо «всех» постоянно должны были превосходить представления его аудитории, потому что ими он хотел показать, что сила Божьей любви способна нарушать наши ожидания. Павел помнил, как Божья благодать изменила его собственное каменное и жестокое сердце, и потому понимал, что по эту сторону могилы нет ни одного человека в мире, с которым не могло бы произойти подобного.

Таким образом, величественное, хотя и загадочное, окончание Откровения Иоанна дает нам удивительные и, быть может, огорчающие нас намеки на будущие цели, на работу, для которой это новое творение является только началом. Описание Нового Иерусалима в главах 21 и 22 ясно показывает, что некоторые категории людей оказались «вне»: псы, волшебники, любящие и совершающие ложь. Но в тот самый момент, когда мы думаем, что тут все

понятно: одни внутри, другие вовне, – мы находим образ реки, вытекающей из города, и на ее берегах – древо жизни, не одно дерево, а множество, и, как сказано там, «листья древа – для исцеления народов». Это великая тайна, и что бы мы ни говорили о грядущем мире, необходимо оставить место для этой тайны. Она не заставляет нас сомневаться в последнем суде для тех, кто сознательно поклонялся и служил идолам, которые делают нас бесчеловечными и уродуют Божий мир. Однако мы должны помнить, что Бог всегда непредсказуем.

Но самое важное, что мне хочется сказать в конце данной главы и этой части книги: суть Божьего замысла не сводится к «небесам и аду». И это один из главных «сюрпризов» христианской надежды. Как я изо всех сил стремился показать, вопрос: «Что будет со мной после смерти?» не является важнейшим, центральным, определяющим, хотя христиане так думали на протяжении столетий. Новый Завет, верный своим ветхозаветным корням, настойчиво говорит о том, что важнейший, центральный, определяющий вопрос касается замысла Бога спасти и воссоздать целый новый мир, новую вселенную. И судьбу каждого отдельного человека следует рассматривать именно в этом контексте – не только в том смысле, что мы лишь часть великой картины, но и в том, что мы должны получить «спасение» уже сегодня, чтобы сыграть свою важную роль (о которой Павел говорит поразительными словами – «соратники Бога») в рамках великой картины и Божьего замысла. И тогда мы можем понять, что вопрос нашей «судьбы»: ждет ли нас радость или горе, – это просто неверная точка зрения, неверный подход к проблеме. Нам надо задать себе иной вопрос: «Каким образом придет новое Божье творение?», – а он влечет за собой еще один: «Что мел, люди, можем сделать для такого обновления творения, для осуществления замыслов Бога о его новом мире?» И тогда перед нами стоит иной выбор: хочу ли я поклоняться Богу Творцу и через это познать, что значит стать полноценным человеком во славе, который отражает Его могучую, исцеляющую и преображающую любовь к миру? Или же я хочу поклоняться самому этому миру, лелея поврежденную человеческую природу, и получать власть или удовольствие от сил этого мира, которые постепенно лишают меня человечности и усугубляют испорченность этого мира?

Это размышление подводит к еще одной, отрезвляющей, мысли. Если то, что я изложил, в достаточной мере «попадает в цель», тогда утверждать, что основным является вопрос, куда я попаду: на небеса или в ад, – иными словами, утверждать, что главное в мире – окончательная судьба отдельного человека – это ошибка, быть может, подобная ошибке иудеев I века, о которой прямо говорили как Иисус, так и Павел. Израиль верил (как говорит Павел, а уж он-то должен был в этом разбираться), что все цели Бога Творца сводились

исключительно к вопросу избавления Израиля. Но Благая весть Иисуса открывает, что у Бога был другой замысел: как спасти мир через Израиль и таким образом спасти также и сам Израиль, хотя все к нему одному не сводится. Возможно, сегодня перед нами встает подобная проблема: надо меньше думать о том, кого из людей Бог возьмет на небеса и как Он это совершит, но больше о том, как Бог искупит и обновит свое творение через людей и как при этом попутно Он спасет самих людей, хотя всё к ним одним не сводится. Если мы, в свете этого, перечитаем Послание к Римлянам и Откровение – а затем прочие книги Нового Завета, – мы найдем в них гораздо больше пищи для размышлений. И если мы – здесь я обращаюсь к нашему разговору во второй главе – сможем изменить церковное богослужение, чтобы оно олицетворяло эту поразительную надежду Нового Завета, мы могли бы почувствовать, как эта великая картина поддерживает нас самих и придает нам силы.

А в частности, мы бы увидели, что вопрос о миссии церкви внезапно занял центральное место и сам при этом претерпел изменения. Об этом мы и будем говорить в последней части книги.

Часть III Надежда, воплощенная в жизнь: Воскресение и миссия Церкви

12. Спасение сегодня: небеса, земля и Царство Божье

1. Введение

Прочитав все, изложенное выше, мы должны задать себе вопрос: «Ну и что из этого следует?» Допустим, мы навели порядок, разобравшись с представлениями о Божьем будущем, о «жизни после смерти» и о конечных вещах, но можно ли из этого сделать какие-то выводы относительно нашей нынешней жизни? Или все дело лишь в том, чтобы мы учили и проповедовали истину и чтобы наши

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
похороны и богослужения отражали библейские представления о смерти и конечном замысле Бога, чтобы отмести другие идеи – небиблейские или даже направленные против Библии, – которые проникли в церковь сегодня?

Для ответа на этот вопрос я выберу окольный путь. Вера в телесное воскресение Иисуса обычно вызывает многочисленные возражения, но одно из них, о котором я узнал недавно, представляется мне полным непониманием сути христианства. Один из самых известных американских исследователей происхождения христианства, Доминик Кроссан, не раз задавал такой вопрос: если Иисус и восстал из мертвых, разве это имеет значение? Да, Ему повезло, но что это значит для других? И почему у Него должны быть особые привилегии? Если Бог способен на подобные фокусы, почему Он не делает более важных вещей: не остановит геноцид или землетрясение?[204] Это, в частности, перекликается со словами моего выдающегося предшественника епископа Дэвида Дженкинса, который приводил так называемые нравственные возражения (в отличие от научных или исторических) по поводу веры в телесное воскресение Иисуса.

Мне не хочется разбирать сам этот аргумент – хотя следует заметить: когда историк начинает обосновывать мысли о том, «что же на самом деле произошло», опираясь на мысль о том, «что (не) должно было произойти», он идет по тонкому льду. Скорее, я намерен показать, как Новый Завет отвечает на вопрос: «В чем смысл воскресения Иисуса для всех прочих людей?» – и почему это важно для жизни церкви и христиан сегодня.[205]

Оспаривать это мнение меня понуждают две вещи, связанные с празднованием Пасхи в современных церквях (конечно, мне лучше всего знакома Церковь Англии, но разговоры с друзьями из иных церквей позволяют мне думать, что то же самое происходит и во многих других местах).

В великом множестве пасхальных гимнов говорится о том, что цель Пасхи – доказать существование «жизни после смерти» и вселить в нас такую надежду. Причем слишком часто, по иронии судьбы, это сочетается с подобным представлением о жизни после смерти, в котором отсутствуют главные особенности воскресения. «Да пойдём мы туда, куда Он ушел, – как заканчивается один популярный гимн, – покоиться и царствовать вместе с Ним на небесах». Именно такого вывода из воскресения Иисуса нет в Новом Завете. Да, там обещан «покой» после трудов жизни, и слово «небеса», хотя оно достаточно туманно, можно использовать, чтобы объяснить, где находится этот «покой». Но данный период отдыха есть только прелюдия к совершенно иному событию, в котором задействована также и земля. Мы будем «царствовать» именно на земле – на земле обновленной – и потому в Новом Завете постоянно говорится не о том, что мы пойдём вслед за Иисусом, но о том, что он придет к нам. Это мы обсуждали в предыдущей части книги.

Но даже если мы станем яснее понимать учение Нового Завета о нашей надежде – о последнем воскресении и о каком-то предшествовавшем ему промежуточном состоянии, что мы обсуждали в главах 10 и 11, – с позиции Нового Завета это все равно не главное последствие воскресения Иисуса. Кому-то это может показаться удивительным. Да, воскресение действительно дает нам твердую и непреложную надежду. Если бы это было не так, мы были бы, по словам Павла, самыми жалкими из всех людей.[206] Но когда Новый Завет бьет в великий пасхальный колокол, он хочет передать нечто большее, нежели весть о нас и о будущем замысле Бога, когда целиком преобразованные небеса и земля соединятся. Именно потому, что воскресение было событием в нашем мире, его последствия также касаются нашего мира, так что воскресение действует уже здесь и сейчас.

Мы не вправе утверждать (хотя, согласно одному опросу, немало служителей церкви, включая епископов, думают именно так), что вера в телесное воскресение – частное богословское мнение, касающееся каждого. Это важнейший водораздел. Может показаться, что это мелкий вопрос, всего лишь несколько шагов в ту или иную сторону, но если ты веришь в телесное воскресение Иисуса, все потоки текут в одном направлении, а если нет – все они текут в другую сторону. Можно сказать мягко, но со всей прямотой: если ты идешь в ином направлении, удаляясь от телесного воскресения, твоя вера в результате будет похожа на христианство с виду, но это совсем не та вера, которую несет Новый Завет. Заметьте: это вовсе не похоже на ситуацию, когда ты отмечаешь галочками одни догмы, пропуская другие, где воскресение – просто один из пунктов, который сложнее других. Воскресение определяет все мировоззрение, дает верный взгляд на все остальное.

И в последнем разделе данной книги я хочу показать, как верный взгляд на будущую (поразительную) надежду, основание которой – Иисус Христос, радикально меняет (что также может удивить многих) наши представления о надежде сегодняшней, на которой зиждется миссия христиан. Это надежда на лучшее будущее для нынешнего мира: для бедных, больных, одиноких и погруженных в депрессию, для рабов, беженцев, голодных и бездомных, для жертв жестокости и паранойи, для растоптанных и отчаявшихся, а на самом деле, для всего нашего прекрасного, изъязвленного ранами мира – и она не есть дополнение, нечто внешнее, искусственно привязанное к «благой вести» задним числом. И труд ради этой «промежуточной» удивительной надежды, которая исходит из окончательного Божьего будущего в тревожное настоящее Бога, не отвлекает нас от «миссии» или задачи «евангелизации» сегодня, но становится центральной, существенной и жизненно важной частью этой задачи. Самого Иисуса современники слушали потому, что видели Его дела, как Он «спасает» людей от болезни и смерти, и тогда начинали слушать Его слова о «спасении», о котором все они мечтали, которое уже уходит от настоящего и указывает на окончательное будущее. Но дела и слова всегда были тесно связаны, так что деяния, касающиеся нынешнего времени, не были просто наглядной иллюстрацией или трюком для привлечения внимания. Все, что Иисус делал в настоящем, указывало на обещанное Им грядущее. В то же время Его обетования о грядущем и деяния в настоящем указывали не на спасение душ в бесплотной вечности, но на избавление человека от путей порока и тления в нынешнем мире, чтобы уже сегодня тот мог радоваться новому творению, которое Бог замыслил на будущее, – и чтобы таким образом человек стал сотрудником и партнером в этом великом проекте Бога.

Меня всегда глубоко поражал у Павла один стих на тему, которую мы обсуждаем: – 1 Кор 15:58. Надо вспомнить, что апостол написал самую большую (это касается всех его посланий) главу, переполненную идеями, где крайне подробно говорит о будущем воскресении в теле. Чем такая глава, по моему мнению, должна была бы завершиться? Чем-то вроде: «Итак, имея такую великую надежду, не тревожьтесь, потому что вы знаете, что Бог уготовал вам великое будущее»? Отнюдь нет. Вместо этого он говорит: «Итак, братья возлюбленные, твердыми будьте, непоколебимыми, всегда преизобилующими в деле Господа, зная, что труд ваш не тщетен в Господе».

Что имел в виду апостол? Как вера в грядущее воскресение связана с трудом сейчас? Тут есть прямая связь. Воскресение, как показывают размышления Павла в Послании, говорит нам о том, что нынешняя телесная жизнь сохраняет свое значение, несмотря на то, что она кончится. Бог воздвигнет тело к новой жизни. То, что вы делаете со своим телом сейчас, имеет смысл, поскольку Бог уготовал для этой жизни великое будущее. Как видно из главы 6 Первого послания к Коринфянам, это касается нравственности, но, разумеется, это также имеет прямое отношение к различным видам призвания среди народа Божьего. То, что вы делаете сегодня: если вы рисуете, проповедуете, поете, шьете, молитесь, строите больницы, копаете колодцы, участвуете в борьбе за справедливость, пишете стихи, заботитесь о нуждающихся, любите ближнего как самого себя – все эти труды получают продолжение в Божьем будущем. Это не просто стремление сделать нынешнюю жизнь немного лучше, более сносной, в ожидании дня, когда мы ее покинем (как говорит один глубоко неверный гимн: «До того дня, когда всех верных призовут вкушать бесконечный покой»). Все наши дела входят в процесс, который можно назвать созданием для царства Божьего.

И сейчас мне снова придется вернуться к значению «царства Божьего». Приступая к последнему разделу книги, читателю стоит помнить о том, что обетование нового творения – которое мы рассматривали ранее – не просто призывает нас прояснить наши мысли относительно «жизни после смерти». Оно прямо касается миссии церкви. У нас много говорят о так называемой церкви, сформированной миссией, появился даже отчет с таким названием, который призывает церковь сегодня не смотреть на «миссию» как на нечто внешнее, чем христиане занимаются, когда у них остается время от прочих трудов, но как на главную задачу, которая формирует саму церковь и дает ей жизненные силы. [207] Однако если отнестись к этой идее всерьез, нам потребуется пересмотреть само представление о миссии. Нам не стоит возвращаться к старому конфликту по поводу христианской миссии, когда одни люди понимают под ней «евангелизацию», которая помогает «спасать души для вневременной вечности», а другие верят, что «миссия» равноценна «труду ради справедливости, мира и надежды в нынешней жизни». Это великое разделение не имеет никакого отношения к Иисусу и Новому Завету, но оно просто отражает

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
состояние христиан (неважно, «ортодоксов» или «радикалов»), незаметно для себя оказавшихся в рабстве у платонической идеологии Просвещения. Как только мы исправим наши представления о воскресении, мы тотчас же получим верные представления и о миссии. Если мы желаем быть в церкви, сформированной миссией, нам нужна миссия, сформированная надеждой. И если эта надежда нас удивляет, пора начинать с ней знакомиться уже сейчас.

Мы начнем с самой крупной темы, которая для христиан является чем-то самоочевидным, но представления о которой необходимо срочно пересмотреть самым радикальным образом. Эта тема – спасение.

2. «Спасение» – что это значит?

Настал воистину удивительный, шокирующий и, быть может, пугающий момент: мы будем вынуждены пересмотреть смысл понятия «спасение».

Слово «спасение» подавляющее большинство западных христиан понимает достаточно однозначно: «отправиться на небеса после смерти». Но если хотя бы на секунду задуматься обо всем том, о чем мы уже говорили, то окажется, что эта мысль совершенно неверна. «Спасение», конечно, есть «избавление». А отчего в конечном счете нам надлежит избавиться? Ответ очевиден: от смерти. Но в таком случае, если после нашей смерти тело разлагается, а душа (или любое другое слово, описывающее продолжение нашего существования) куда-то отправляется, это не будет избавлением от смерти. Это просто значит, что мы умерли.

И если Божье творение, куда входит и мир, и знакомая нам жизнь наших славных и замечательных тел, мозгов и кровеносных сосудов, действительно хорошо и если Бог хочет снова сказать «да» всему этому в акте нового творения в последний день, это значит, что видеть в смерти тела и избавлении души «спасение» – не просто незначительная ошибка, нуждающаяся в легкой коррекции. Такое представление абсолютно неверно во всем. Здесь мы молча соглашаемся со смертью, разрушающей хорошее творение Бога, которое носит Его образ, а нашим (но никак не христианским и не иудейским) утешением служит мысль, что «самая важная» часть человека «спасена» от порочного и мерзкого тела и от этого печального и мрачного мира пространства, времени и материи! Как мы могли убедиться, вся Библия, от Книги Бытия до Откровения, решительно противостоит этому абсурдному убеждению. Однако большинство современных христиан, в том числе так называемых библейских, верит именно в этот вздор. Такую безрадостную ситуацию поддерживают не одни только расхожие представления, но и богослужение, тексты молитв, разнообразные гимны и проповеди.

Все это я снова остро почувствовал недавно, читая популярную книжку известного христианского писателя Адриана Пласса. Автор не претендует на глубокое знание богословия, хотя нередко говорит чрезвычайно важные вещи, используя юмор, иронию, а иногда пикантные истории, которые заставляют нас снова задуматься об истинах, которые нам казались очевидными и простыми. И когда мне подарили его новую книгу «Сандвичи с беконом и спасение», я ожидал найти там что-нибудь свежее. И я не разочаровался: это забавная книга, содержащая несуразности и серьезные положения, в которой такое сочетание соответствовало замыслу автора. [208]

И вот я дошел до самых глубоких размышлений – о спасении – и ожидал познакомиться какими-то новыми идеями. Пласс задает вопрос, который сегодня многих беспокоит:

Но что это значит? Мы говорим: «он спасен». Спасен от чего? Спасен ради чего? Должно ли спасение менять то, как я сейчас живу, а не только будущее? А если говорить о будущем, чего нам ожидать от вечности на небесах? Какой смысл для нас имеет небо, когда мы так прочно стоим на земле? Где область контакта, место встречи между плотью и духом? И когда закончится время всех странных религиозных терминов, всех этих голосов, и обычаев, и мантр, и человеческих канонов, что у нас останется? [209]

Отлично. Именно над этой загадкой мы размышляли в первых главах книги. И я перевернул страницу, надеясь, что тут Пласс дает новое определение «спасению». Но то, что я увидел, меня разочаровало:

План [Бога] о нас заключается в достижении полной гармонии с Ним... А затем все испортилось самым ужасным образом... Произошло нечто кошмарное, и человек отделился от Бога, который тем не менее продолжал любить его (то есть нас) с необыкновенной силой. Он не мог устранить эту пропасть и придумал иной план спасения... После того как Иисус был вознесен на кресте, каждый из нас получил возможность через покаяние, крещение и верность восстановить великие взаимоотношения с Богом, которые были глубоко нарушены... И если вы или я примем смерть и воскресение Иисуса как живой и дееспособный божественный механизм для нашей жизни, однажды мы вернемся домой к Богу и обретем мир... Святой Дух, которого Иисус послал нам после своей смерти, дает поддержку и силу тем, кто обращается к нему. [210]

Я понимаю, что не слишком честно нападать на Адриана Пласса в моей книжке. Он вовсе не претендует на звание богослова, и, как я говорил, в его книге множество чудесных мыслей (и немало здорового юмора). Я увидел просто классический пример – тем более показательный, что автор выражает мысли, которые многим кажутся совершенно очевидными, – «нормальных» представлений христианина Запада: «спасение» касается «моих личных отношений с Богом» сейчас и заключается в том, что я «вернусь домой к Богу и обрету мир» в будущем. Пласс задает много коварных вопросов и не находит на них удовлетворительных ответов, но он и не думает ставить под сомнение сами эти готовые ответы – это показывает, как глубоко такие представления укоренены в нашей традиции. Те из нас, кто жили в такой традиции с рождения (я не говорю лишь о традиции «евангелизации», но обо всех традициях западных церквей), согласятся, что резюме Пласса верно отражает то, «во что верит большинство христиан» – и даже представления большинства нехристиан о вере христиан. И мне снова хочется заявить во весь голос, что эти представления ни капли не соответствуют тому, что написано в книгах Нового Завета.

На другой же день после того, как я написал предыдущий абзац, я снова наткнулся на яркий пример все той же проблемы. Ко мне по электронной почте пришло письмо от встревоженного человека, который переводит мою книгу «Иуда и Евангелие Иисуса» на один из балканских языков. Он дошел до того места, где я писал о том, что вера многих западных христиан удивительно напоминает гностицизм II века: они считают, что нынешний мир наполнен злом и видят единственный достойный выход в бегстве из этого мира на небеса. Переводчик, который именно так понимал Евангелие, выдвинул против меня несколько обвинений. Разве я не читал Библию? Почему я не верю в небеса? Или в Иисуса? Зачем я выдумываю новую религию?

До сего момента я все еще продолжал повторять главную мысль книги, которую мы уже рассматривали. Но теперь, в завершающем разделе, нам предстоит поговорить о последствиях столь распространенного в церкви неверного понимания «спасения». Если мы думаем, что «спасение» – это «отправиться на небеса после смерти», тогда главная задача церкви сводится к спасению души для будущего. Но если «спасение» для нас, как и для Нового Завета, прямо связано с обетованием нового неба и новой земли и с обетованием о нашем воскресении, которое позволит нам участвовать в этой воплощенной во славе реальности – я назвал ее «жизнью после жизни после смерти», – это коренным образом меняет и наши представления о важнейшем деле церкви здесь и сейчас.

Уместно вспомнить знаменитый девиз организации Christian Aid: «Мы верим в жизнь перед смертью». Именно жизнь перед смертью ставится под вопрос, если мы верим, что спасение сводится к «жизни после смерти». Если мы устремлены ко вневременной и бесплотной вечности, стоит ли тратить силы на наведение порядка в этом мире? Но если самое важное – это жизнь в новом теле после «жизни после смерти», тогда нынешняя телесная «жизнь перед смертью» предстает в ином виде: это уже не какой-то любопытный, но мало связанный с будущим феномен и не просто «закаляющая душу долина слез», пройдя которую, мы обретаем бесплотное блаженство, но это важнейшее время, пространство и вещество, куда с воскресением Иисуса уже вторглось Божье будущее, и это будущее уже сейчас предвосхищает миссия церкви. Идея «жизни после смерти» отвлекает внимание не только от окончательной «жизни после жизни после смерти», но и от «жизни перед смертью». Если мы это игнорируем, то заключаем союз не только со смертью, но и со всеми другими силами, которые обретают мощь из сотрудничества с этим последним врагом.

Таким образом, «спасение» значит не «отправиться на небеса», но «восстать к жизни на новом небе и новой земле». И как только мы это начинаем понимать, мы сразу замечаем, что Новый Завет постоянно – и косвенно, и со всей прямотой – говорит нам, что «спасение» не сводится лишь к ожиданию некоего

события в далеком будущем. Мы можем жить им уже здесь и сейчас (разумеется, не во всей полноте, поскольку всем нам предстоит умереть), в подлинном смысле слова предвосхищать это будущее событие в настоящем. «Мы были спасены в надежде», – говорит Павел в Послании к Римлянам 8:24. Слова «были спасены» указывают на действие в прошлом, которое уже совершилось, и, без сомнения, Павел имеет в виду веру и крещение, о которых говорил в Послании раньше. Но это спасение остается «в надежде», потому что мы все еще ожидаем окончательного избавления в будущем, о чем Павел пишет (например) в Рим 5:9–10.

Это дает ясный ответ на одну из загадок Нового Завета: очень часто слова «спасение» или «спасти» здесь относятся к телесным событиям в нынешнем мире. «Приди и спаси мою дочь», – умоляет Иаир, а когда Иисус направляется к нему, женщина с кровотечением думает про себя: «Если прикоснусь хотя бы к одеждам Его, буду спасена». Исцелив женщину, Иисус говорит ей: «Дочь Моя! Вера твоя спасла тебя».[211] Матфей существенно сокращает эту же историю, но добавляет: «И спасена была женщина в час тот».[212] И удивительно, что рядом с подобными отрывками (а их немало) стоят другие, где под «спасением» понимается нечто большее, не зависящее от нынешнего физического исцеления или избавления. Такое противоречие служит источником головной боли для иных христиан (ведь «спасение», думают они, разумеется, духовно!), но, похоже, оно совершенно не беспокоило раннюю церковь.[213] Для первых христиан окончательное «спасение» было связано исключительно с Божьим новым миром, когда же Иисус или апостолы исцеляли людей либо получали спасение при кораблекрушении и так далее, они видели в этих событиях предвосхищение будущего «спасения» – преображающего исцеления пространства, времени и материи. Будущее избавление, задуманное и обещанное Богом, начинает совершаться в настоящем. Ибо спасение касается не только души, но всего человека в целом.

(Отсюда можно сделать множество выводов. Заметим, например, что теории «искупления», объясняющие смысл креста, – не просто набор альтернативных ответов на тот же самый вопрос. Они дают определенные ответы именно потому, что ставят определенные вопросы. Если это вопрос: «Как я могу попасть на небо, если на мне грех, заслуживающий наказания?» – то ответом может быть: «Это возможно, потому что Иисус принял твоё наказание на себя». Но если задать другой вопрос: «Как может осуществляться замысел Бога об избавлении и обновлении мира, несмотря на испорченность и тление, появившиеся вследствие бунта человека?» – ответ может быть иным: «Это возможно, потому что на кресте Иисус победил силы зла, поработившие бунтующего человека и сделавшие порочным весь мир». Обратите внимание: эти два вопроса и ответа не являются взаимоисключающими. Здесь же я хотел подчеркнуть лишь одно: когда мы меняем вопрос, меняется и возможный набор ответов на него, и взаимоотношения между ответами. Это большая и важная тема, о которой я писал в другом месте.[214])

Как только мы это поймем – а я представляю себе, что это нелегко для человека, который привык всю свою жизнь думать по-другому, – мы увидим, что, если спасение таково, оно не сводится только к спасению людей. Когда человек «спасен»: в прошлом, в результате единого акта веры; в настоящем, через исцеление или избавление от беды, в том числе в ответ на прошение «не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого»; в будущем, когда в конечном счете он будет воздвигнут из мертвых, – он всегда становится человеком в более полном смысле этого слова, чем без «спасения». А человек в подлинном смысле слова начиная с первой главы книги Бытия получил задание заботиться о творении, поддерживать порядок в Божьем мире, строить общую жизнь людей и способствовать ее процветанию. Если мы думаем, что спасены для нашего личного блаженства, для восстановления наших личных отношений с Богом (хотя это и чрезвычайно важно!) и для возвращения на «небеса», где мы всегда будем пребывать в мире (как же этот образ затемняет истину!), то мы похожи на мальчика, которому подарили крикетную биты и сказали: «Поскольку это твоя личная бита, ты должен играть с ней исключительно один, без других ребят». Но, разумеется, предназначение биты состоит только в том, чтобы играть вместе с другими. И спасение достигает своего предназначения только в том случае, когда человек спасенный в прошлом, спасаемый сейчас и чающий окончательного спасения в будущем, понимает, что спасен не как душа, но как целостность, и не только ради себя самого, но ради того, что Бог желает через него совершить.

В этом заключается самое главное. Когда Бог «спасает» людей в нынешней жизни, когда под действием Его Духа они приходят к вере и начинают

следовать за Иисусом в ученичестве, молитве, святости, надежде и любви, эти люди предназначены – и это слово не будет преувеличением – стать знаком и предвосхищением того, что Бог намерен совершить со всей вселенной. Более того, они – не только знак и предвкушение конечного «спасения», но и средства, которые Бог использует, чтобы это произошло в нынешнем мире и в грядущем. Вот почему Павел говорит, что все творение нетерпеливо ожидает не просто собственного искупления, освобождения от порчи и тления, но момента откровения детей Божьих, – то есть оно ожидает появления искупленных людей, под управлением которых в творении снова воцарится мудрый порядок, ради которого оно и было создано.[215] И поскольку Павел достаточно ясно говорит, что верующие в Иисуса Христа, соединившиеся с ним через крещение, уже стали Божьими детьми и уже «спасены», это управление творением невозможно откладывать на окончательное будущее. Оно должно начаться здесь и сейчас.

Другими словами, если кратко подвести итоги наших размышлений, дело «спасения», в полном смысле этого слова, имеет отношение: (1) ко всему человеку в целом, а не только к «душе»; (2) к нынешнему времени, а не только к будущему; (3) к тому, что Бог совершает через нас, а не только к тому, что Он делает в нас и для нас. Если мы проясним для себя этот вопрос, мы найдем историческое обоснование полноценной миссии церкви. Чтобы двигаться в наших рассуждениях дальше, нам придется рассмотреть еще одно всеобъемлющее понятие, в рамках которого все это обретает смысл: царство Божье.

3. Царство Божье

Мы уже не раз сталкивались с тем, что привычное для христиан понимание «царства», особенно «царства Небесного», попросту ошибочно. И «царство Божье», и «царство Небесное» обозначают верховное правление Бога (то есть «небесное» правление, правление Того, кто обитает на небесах), которое, как говорил Иисус, уже проникло в нынешний мир, на «землю». Вот о чем, согласно Его словам, мы должны молиться. Мы не вправе пропустить этот пункт из молитвы Отче наш или думать, что сказанное там не следует понимать слишком буквально.

И это, как мы видели, прямо связано с воскресением и вознесением Иисуса и с дарованием Святого Духа. Все эти события произошли не для того, чтобы забрать нас с земли, но чтобы сделать из нас посредников для преобразования земли в ожидании того дня, когда, по обетованию, «земля наполнится познанием Господа, как воды покрывают море». Когда в конце Евангелия от Матфея воскресший Иисус является своим ученикам, Он провозглашает, что Ему дана всякая власть на небе и на земле. А в Откровении Иоанн слышит громopodobные голоса с небес, поющие: «Царство мира стало Царством Господа нашего и Христа Его, и будет Он царствовать во веки веков».[216] И Евангелия – от Матфея, Марка, Луки и Иоанна – вместе с Деяниями уверяют, что оно уже началось.

Как именно оно началось: когда произошла «инаугурация», или нужно говорить о «предвосхищении» – обо всем этом спорили долгое время. Эти дискуссии ни к чему не вели отчасти потому, что спорящие обычно не проясняли для себя вопрос, что же именно началось и что именно стало осуществляться. С одной стороны, это, конечно, надежда Израиля, выраженная в таких классических отрывках о «царстве», как Ис 52:7–12. Там сказано, что «Господь воцарился», и это означает, что изгнание окончено, зло сокрушено и Бог Израилев наконец-то возвращается на Сион. И мы можем видеть, что это основная тема не только для жизни и общественного служения Иисуса, но и для того, как Он сам понимал свою смерть.[217]

Но и за такими представлениями, если мы расширим перспективу, стоит представление о «царстве Бога», в которое входило и осуществление надежды Израиля – другими словами, ради этого «царства» Бог и призвал Израиль. Когда Его прекрасное и могущественное творение взбунтовалось, Бог замыслил его исправить, избавить от состояния испорченности и растущего хаоса и вернуть к благому порядку, чтобы оно снова могло приносить плоды. Иными словами, Бог желал восстановить Свое мудрое правление над всем творением и задумал для этого великий акт исцеления и избавления. Он не хотел спасать людей от творения, как не хотел избавить Израиль от язычников. Он хотел освободить Свой народ, чтобы Израиль стал светом для язычников, и подобным образом хотел освободить людей, чтобы человек осуществлял его спасающее правление над творением. Такова внутренняя динамика царства Божьего.

Именно таким образом Бог, создавший людей как своих наместников для творения и призвавший Израиль стать светом миру, намеревался стать Царем, что соответствовало и Его изначальному замыслу как о творении, так и о Завете.

И представление о том, что Бог уносит спасенные души на бесплотные «небеса», резко искажает всю эту картину. Бог вознамерился стать царем всего мира. И Он не желал при этом признать, что весь Его замысел о творении (то есть о власти над ним человека) или о Его Завете (то есть о том, что Израиль должен послужить спасению других народов) был ошибкой, но Он замыслил осуществить оба эти плана. Вот, в самых общих чертах, о чем говорит Послание к Римлянам апостола Павла. [218]

И эта цель была осуществлена в Иисусе Христе. Одна из важнейших проблем западных церквей, по меньшей мере со времен Реформации, в том, что христиане плохо понимали, зачем вообще нужно евангелие. Предположим, церковь просто должна помогать людям «отправиться на небеса», при этом большинство западных христиан считали, что это происходит посредством определенного механизма, описание которого они нашли у Павла (именно «они нашли»; в другом месте я показываю, что и такая интерпретация Павла неверна), а тогда четыре евангелия просто дают нам вспомогательную информацию об Иисусе, Его учении, Его нравственном примере и Его искупительной смерти. Это много лет мешало задуматься о том, что Иисус имел в виду под «царством Божьим»: может быть, вовсе не «небеса», к которым Он хочет подготовить своих последователей, но нечто, что совершится на земле через Его труд, а затем через Его смерть и, наконец, воскресение, через дела Его последователей, верных своему призванию и ведомых Духом.

Отчасти же людям все еще непросто увидеть в Евангелии такой смысл потому, что под «царством Божьим» стали понимать все, что кому хотелось. Вооружившись этим термином, многие люди преследовали собственные цели: стремились провести нравственные, социальные или политические реформы, реализовать программы правых или левых партий, иногда с благими, но туманными намерениями, а иногда с довольно прозрачными и отнюдь не благими. Многие из подобных деятелей видели в евангелии просто собрание историй об Иисусе, который ходил по земле и старался, как мог, делать добро, правда, это повлекло за собой такой провал, как его преждевременная смерть. А многие другие христиане в ответ на такую банальную и туманную интерпретацию вообще с негодованием отбросили так называемое богословие царства как устаревшую и банальную версию причудливого общественного самоусовершенствования. (Кое-где в США «царство» стало таким плоским девизом, который позволил вытеснить на периферию многие аспекты ортодоксальной христианской веры – а это, в свою очередь, вызвало у многих, считающих себя ортодоксами, отвержение любых социальных или политических аспектов евангелия и самих разговоров о «царстве». Так путаница в наших умах приводит к искажению восприятия самого текста Писания.)

Тот факт, что иные люди или движения злоупотребляют «богословием царства», не означает, что за ним не стоит никакой реальности, для которой их идеи являются просто карикатурой. В евангелии мы находим нечто гораздо более глубокое. Здесь мы сталкиваемся со знакомой проблемой: как общественное служение Иисуса сочетается с Его жертвенной смертью? Как я с развернутой аргументацией показал в другом месте, сам Иисус никогда не думал, что «царство», которое Он осуществлял через исцеления, застолья и учение, может достичь полноты без его смерти. Или, если взглянуть с другой стороны, я (как и другие) подчеркивал, что смерть Иисуса не была (и Он сам ее таковой не считал) чем-то отличным от дела созидания Царства, которому был посвящен короткий период его общественного служения. Иисус не мог решить проблему зла, которая составляет грозный фон евангелия, с помощью исцелений, пиров и учения. И конечно, она осталась бы нерешенной, если бы Он просто указал последователям удобную дорогу на бесплотные небеса. Он мог ее решить только через смерть и воскресение – лишь таким образом Царство могло наступить и на земле, как на небесах. Это огромная и чрезвычайно важная тема, которую здесь мы не можем рассмотреть подробно. [219]

Но если мы снова соединим два понятия, которые никогда и не следовало бы разделять: с одной стороны, общественное служение Иисуса, которым он возвещал Царство, с другой – его искупительную смерть и воскресение, – мы увидим, что Евангелие излагает совершенно иную историю. Это не рассказ о великолепной и удивительной социальной работе с неудачным концом. И

одновременно – не история об искупительной смерти с растянутым введением. Это нечто целое, и оно превосходит сумму двух частей, да и само такое разделение снижает значимость Евангелия. Это история о царстве Бога, которое начало осуществляться и на земле, как на небесах, так что положение вещей в мире изменилось, силам зла был нанесен сокрушительный удар, и на земле уже появилось новое творение, а последователи Иисуса получили поручение осуществить эту победу и сделать новый мир реальностью. При этом «искупление» и «спасение» совершаются попутно, потому что, если человек посвящает себя такому делу, ему самому необходимо избавиться от силы, поработившей мир, и тогда он сам может нести освобождение. Если сказать о том же самом иными словами: кто хочет содействовать установлению царства Божьего, должен идти крестным путем, а кто хочет приобщиться к спасению, которое дает смерть Иисуса, должен стать участником Его программы Царства. Есть одно-единственное Евангелие и только один Иисус, хотя о нем и рассказывают с четырех точек зрения. [220]

Правление небес, правление Бога должно стать реальностью в мире, тогда оно приведет к спасению как уже сегодня, так и в будущем, причем это будет и спасение для людей, и одновременно, через спасенных людей, и спасением всего мира. Таково твердое основание миссии церкви. Мы продолжим разговор на эту тему в следующей главе.

13. Созидание дал Царства

1. Введение

Многие люди, услышав слова о работе для царства Божьего в настоящем, могут сразу же выдвинуть возражение: «Но ведь это звучит так, как будто мы должны строить царство Бога своими собственными усилиями!» Да, звучит так, но имеется в виду нечто иное. Так что тут следует кое-что уточнить.

Нужно ясно понять две вещи. Во-первых, Божье царство строит Бог. Но Бог создал мир таким образом, что Его деяния в этом мире часто осуществляются посредством одного из творений – человека, носящего Его образ. И я думаю, что в этом главный смысл того, что мы «созданы по Его образу». Бог хочет, чтобы Его мудрое, созидательное и любящее присутствие и сила отражались – «изображались», если можно так сказать, – через человека. Он создал нас, чтобы мы служили управляющими Его проекта творения. И после катастрофы падения и искажения мира Он дал людям Благую весть о том, что через деяния Иисуса и силу Духа человек обретает способность участвовать в проекте восстановления творения. А потому возражение, что это означает строить царство Божье нашими собственными усилиями, хотя оно выглядит смиренным и благочестивым, может оказаться бегством от ответственности – так подчиненные молчаливо опускают глаза, когда начальник ищет добровольцев для какой-то работы. Разумеется, никому не удастся убежать от призыва Божьего вечно, но пока это получается.

И во-вторых, нам не следует смешивать полноценное царство в будущем и нынешнее его предвосхищение. Когда Бог воссоединит небо и землю, это будет величайший акт нового творения, единственным прототипом этого деяния – если не принимать в расчет первое творение – было воскресение Иисуса. Только Бог может соединить во Христе все, небесное и земное. Только Он может создать «новое небо и новую землю». И было бы полным безумием думать, что Ему потребуется наша помощь.

Но если мы послушны Евангелию, если мы следуем за Иисусом и если в нас обитает Дух, который нас направляет и оживотворяет, то мы можем и обязаны созидать для Царства. Это заставляет нас снова вспомнить текст 1 Кор 15:58: ваш труд в Господе не останется тщетным. Потому что нельзя сказать, что вы смазываете колеса машины, которая вот-вот упадет в пропасть. Или что вы реставрируете великое полотно, которое вскоре кинут в огонь. Или что вы сажаете розы в саду, который вскоре уничтожат, чтобы на этом месте построить дома. Нет, вы делаете нечто иное – странно, что в это так же трудно поверить, как и в само воскресение, – вы создаете то, что в конечном счете войдет в новый Божий мир. Каждое проявление любви, щедрости и доброты; каждое произведение искусства, вдохновленное любовью Бога и радостью о красоте Его творения; каждая минута, когда мы учим ребенка с тяжелыми отклонениями в развитии читать или ходить; каждый миг, когда мы заботимся о ближнем, утешаем его или поддерживаем; и, конечно, каждая молитва или слова учения в Духе, каждый момент, когда мы распространяем Евангелие, созидаем церковь, выбираем святость вместо распада и ее в себе

воплощаем, несем имя Иисуса в мир, – все это войдет, с помощью воскрешающей силы Бога, в новое творение, которое однажды создаст Бог. Такова логика миссии, порученной нам Богом. Бог замыслил воссоздать свой прекрасный мир, это деяние началось с воскресения Иисуса и таинственным образом продолжается, когда народ Божий живет во Христе воскресшем и в силе Духа. А потому все, что мы делаем во Христе и Духом в нынешнее время, не пропадет. Все это войдет в новый Божий мир и даже станет там еще прекраснее.

У меня нет точного представления о том, как это практически осуществится. Я только лишь ставлю указатель, а не предлагаю рассмотреть фотографию того места, которое мы увидим, если попадем в пункт назначения. Я не знаю, на каких музыкальных инструментах мы будем играть Баха в новом Божьем мире, хотя уверен, что музыка Баха там будет звучать. Я не знаю, каким образом посаженное мной дерево связано с удивительными деревьями воссозданного мира, хотя помню слова Мартина Лютера: если мне скажут, что царство Божье наступит завтра, я пошел бы и посадил дерево. Я не знаю, каким образом войдет в новый Божий мир картина, которую сегодня, мудро и с молитвой, рисует художник. Я не знаю, что там произойдет с нашей борьбой за справедливость для бедных или за аннуляцию глобальных долгов. Но я знаю, что новый Божий мир справедливости и радости, надежда всей земли, уже появился утром Пасхи, когда Иисус вышел из гробницы, и я знаю, что Он призывает последователей жить в Нем и силою Его Духа, чтобы мы уже здесь и сейчас стали «людьми нового творения» и чтобы через нас знаки и символы Царства появлялись и на земле, как на небесах. Воскресение Иисуса и сошествие Духа означают, что мы должны создавать реальные и мощные знаки и символы обновленного Божьего творения уже в нынешней жизни. Если же мы этого не делаем, то по сути мы, подобно гностикам, вступаем в союз с силами греха и смерти. Но не стоит слишком много думать о негативных вещах. Лучше смотреть на позитивное: мы призваны уже сегодня участвовать в осуществлении удивительной надежды нового Божьего творения.

Пытаясь объяснить эту странную, но важную мысль, я нередко пользуюсь образом каменщика, работающего на строительстве огромного собора. Архитектор уже держит весь план в уме и поручает бригаде каменщиков определенным образом обтесывать камни. Старший каменщик распределяет работу между членами бригады. Один будет тесать камни для такой-то башни или такового-то украшения; другой должен выполнять тонкую работу, которая позволит сгладить слишком резкие линии; третий будет трудиться над горгульями или наружным покрытием; а кто-то будет ваять статуи святых, мучеников, королей и королев. Каждый из них смутно представляет себе, чем занимаются его коллеги, и, конечно, каждый знает, что многие работники иных профессий также трудятся над общей задачей. Они заканчивают свои задания и передают камни и статуи другим людям, но не всегда представляют себе, где окажется дело их рук в готовом здании. Возможно, они не видели общего чертежа архитектора, что позволило бы понять, где должны находиться их «вклады». Они могут также не дожить до завершения проекта – до того момента, когда их труд окажется в должном месте. Но они доверяют архитектору и потому понимают, что работа, выполненная по его указаниям, не останется тщетной. Нельзя сказать, что они сами созидают собор, но они работают для собора, и, когда строительство закончится, дела их рук станут прекраснее, почтеннее и куда значимее, нежели в тот момент, когда они резали камни во дворе мастерской.

Разумеется, и такой образ не передает всего, поскольку собор строится совместными усилиями всех мастеров и рабочих, но Божье царство будет, как я уже говорил, удивительным даром преобразования и обновления от Самого Архитектора. Но эта метафора удачно отражает как преемственность, так и разрыв между нынешней жизнью с ее трудами и окончательной будущей жизнью, где Бог соберет все и преобразит, когда Он «сотворит все новое» во Христе. То, что мы делаем в Господе, «не останется тщетным», и здесь мы находим основу для любого осуществления правды и милосердия, для каждой экологической программы, для каждой попытки явить вверенный нам образ Божий Его творению. Первому человеку было поручено ухаживать за садом, в новом творении это поручение прозвучит снова, на это намекает рассказ о воскресении у Иоанна, где Мария принимает Иисуса за садовника. Воскресение Иисуса снова сказало «да» благовому творению, а дар Духа делает нас в более полном смысле людьми, соответствующими своему предназначению, так что в конечном счете мы сможем выполнить то, что было поручено Адаму.

Таким образом, наш труд в настоящем обретает свое подлинное значение в свете его места в окончательном замысле. С этой точки зрения миссия церкви

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
заключается в том, чтобы наша нынешняя работа предвосхищала окончательное положение дел, когда БОГ станет «всем во всем», Его царство окончательно придет и Его воля исполнится «и на земле, как на небесах». И это, конечно, радикальным образом отличается от работы с верой в то, что наша единственная задача – спасти души для бесплотных небес либо просто помочь людям достичь более глубоких «взаимоотношений с Богом», как будто все только к этому сводится. И, разумеется, это также сильно отличается от труда, когда мы изо всех сил стремимся, начисто забыв о Боге, просто сделать нашу жизнь в мире немного лучше.

Это заставляет нас поговорить о крайне спорных, тем не менее важных проблемах. В церкви сегодня (включая обновленческие движения) все горячо обсуждают вопрос, какова должна быть ее миссия в ближайшем будущем. Но нынешний дух разочарования существующим порядком в церкви вкупе с другими явлениями: с одной стороны, постмодернистской «свободой без границ» для любых экспериментов, с другой – сохранившимся у протестантов страхом перед беспорядком, – порождают оживленный, а иногда и не слишком оживленный хаос. Верное понимание библейской эсхатологии способно и должно в этих условиях породить свежее (и, разумеется, вызывающее споры) понимание миссии церкви.

Если выразиться проще, творение нуждается в освобождении: необходимо искупление пространства, искупление времени и искупление материи. Бог назвал Свое творение с его пространством, временем и веществом «весьма хорошим», и хотя избавление мира от нынешнего состояния испорченности и распада требует такого изменения, какое мы даже не в силах себе вообразить, можно быть уверенным в одном: при таком избавлении Бог не скажет о времени, пространстве или материи: «Ну вот, эксперименты закончились, все это когда-то было неплохо, но теперь явно испортилось, так что придется от него отказаться в пользу вневременного, непространственного и нематериального мира». Если Бог действительно замыслил искупите, а не отвергнуть свой тварный мир пространства, времени и материи, то мы должны ответить на вопрос: как можно уже сегодня праздновать это освобождение, исцеление и преображение, чтобы это действительно отражало замыслы Бога о грядущем?

Но прежде чем мы приступим к освещению этого вопроса, необходимо ответить на одно потенциальное возражение. Пока стоит нынешний мир, в нем всегда существует опасность идолопоклонства, поклонения твари вместо Творца. Поскольку пространство, время и вещество – сырой материал, из которого создавали идолов, некоторые благочестивые люди решили, что они должны отвергать собственно пространство, время и материю, так что начали подозрительно относиться к любому объекту поклонения – или ритуалу, «святому месту».

И действительно, идолопоклонство – вполне реальное явление, и нам надо держаться подальше от него и истреблять безо всякого сожаления. Но идолопоклонство – это всегда извращение чего-то хорошего. Например, жадность – поклонение аппетиту и насыщающим его предметам – есть извращение данного Богом инстинкта, который позволяет должным образом наслаждаться благом творением. Поэтому дуализм, отвержение пространства, времени и материи, как будто бы они – воплощение зла или опасны сами по себе, не является правильным ответом на идолопоклонство. Вместо этого нам нужно поклонение Богу Творцу, именно оно создает контекст для использования творения без соблазна сделать его предметом поклонения. Мы живем в мире пространства, времени и материи, радуясь ему, но нам нужно постоянно сопоставлять такую жизнь с историей Иисуса: надо помнить, что Он, воплощенный Сын, жил в мире пространства, времени и материи, а также о Его смерти, которая вынесла приговор идолопоклонству и греху, и его воскресении, когда в Его теле пространство, время и материя обновились, предвосхищая грядущее обновление всего. Вопрос идолопоклонства и должного противостояния ему отражен в заголовке следующего раздела, к которой мы сейчас перейдем. Если церковь призвана воплощать воскресение Иисуса и тем самым предвозвещать грядущее новое творение, то в чем это должно выражаться?

2. Справедливость

Первая важная категория, которую я хотел бы рассмотреть, – справедливость. Под этим словом я понимаю намерение Бога, отраженное во всей Библии: от книги Бытия до Откровения – исправить мир. Этот замысел начал осуществляться в Иисусе Христе, особенно в его воскресении (вслед за победой над силами зла и смерти на кресте), и теперь должен реализовываться

в мире. Мы тут не вправе отказаться от ответственности, как то пытаются сделать иные христиане, в частности фундаменталисты, заявив, что мир настолько погряз в хаосе, что мы не в силах ничего с ним поделаться до возвращения Господа. Это классический пример дуализма. Многие с энтузиазмом принимают такой подход. Это значит, что церкви сегодня нечем заняться, разве что усердно заботиться о раненных несправедливостью в ожидании совершенно иного спасения.

Задачи церкви гораздо шире, но это не означает, что нам надо вернуться к «социальному Евангелию» прошлого. Скорее, нам надо осознать, что мы живем в период между воскресением Иисуса и созданием будущего нового мира. Вот почему богословие либерального модернизма в его лучших вариантах одной рукой борется за свои социальные программы, тогда как его другая рука привязана к спине. Конечно, иные христиане используют слова о воскресении, чтобы оправдать дуализм, который позволяет им махнуть рукой на общество. Но это всегда было огромной ошибкой. Именно благодаря тому что Иисус Христос был воздвигнут из мертвых, новый мир уже проник в мир нынешний, что и определяет борьбу христиан за справедливость сегодня, скажем, в виде продолжающихся кампаний за прощение долгов и чистоту окружающей среды. Если тело Иисуса осталось в могиле и подобное произойдет с нами, как думали многие богословы последнего поколения, тогда у нас действительно нет ни почвы, ни сил для работы, которая дает нынешнему миру реальные, осязаемые, конкретные знаки надежды.

Вспомним о саддукеях. Во времена Иисуса они были элитой, обладавшей властью. Они сохраняли свой статус благодаря Риму и наслаждались богатством, почетом и привилегиями в иудейском обществе. Похоже, что они отказались от веры в воскресение на том основании, что это было нововведение, придуманное поздними пророками, такими как Даниил: вы не найдете воскресения, заявляли они, в Пятикнижии Моисея. С этим спорили и фарисеи, и сам Иисус, который тут ссылался на стих из Исхода, где Бог называет себя Богом Авраама, Исаака и Иакова. И для Иисуса это не было просто экзегетическим трюком, Он не просто нашел отрывок в книгах Моисея, где говорится о патриархах как о живых людях, чтобы сказать: следовательно, они все еще ожидают воскресения. Бог, говоря с Моисеем, называет себя Богом Авраама, Исаака и Иакова, чтобы подчеркнуть то, что намерен сказать в следующих далее стихах: что Он услышал вопль Своего народа в рабстве и намерен освободить его и ввести в Землю обетованную. [221]

В I веке, когда жили Иисус, фарисеи и саддукеи, воскресение было революционной доктриной. Оно означало, что Бог замыслил новый Исход, подлинное возвращение из плена, великое освобождение от угнетения и рабства. Весь Израиль жаждал этого освобождения, но саддукеи отказывались в него верить. И подлинная причина их неверия – если развеять дымовую завесу богословских аргументов и отбросить размышления о нелепой истории о женщине, имевшей семь мужей, – заключалась в следующем: они понимали, что вера в воскресение несет угрозу их благополучию. Они осознали его значение: Бог совершит в мире полный переворот. А когда люди верят, что Бог все перевернет – как Мария в своем гимне говорит о том, что Он низвергнет сильных с их престолов и вознесет смиренных, – решительнее меняют мир в настоящем. Это не значит, что они, подобно нынешним террористам-смертникам, спокойнее относятся к смерти, которую приняли ради своего дела, потому что счастливы оставить этот мир и перенестись в славное будущее. Скорее, дело в том, что вера в воскресение, вера в то, что Бог намерен создать новый мир, где наконец все будет поставлено на свои места, постоянно побуждает людей работать для этого нового мира в настоящем.

Если это касается даже фарисеев, которые не знали о том, кто действительно уже воскрес, то тем более справедливо для нас, ибо мы торжественно провозглашаем, что Иисус не только восстал из мертвых, но и был поставлен Господом всего мира. Мир уже перевернулся; именно таково значение Пасхи. Это не призыв терпеливо ждать конца мира, когда Бог, наконец, совершит нечто неслыханное. Бог внес Свое будущее, то самое будущее, в котором Он намерен навести порядок, в настоящее через Иисуса из Назарета, и Он хочет, чтобы это будущее все сильнее и сильнее пронизывало настоящее. Именно об этом мы просим всякий раз в молитве Отче наш: «Да придет Царство Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небесах». И именно потому дальше мы молимся о хлебе и прощении, именно эти слова больше всего касаются вопроса справедливости в нашей глобальной деревне сегодня.

И снова можно выделить две крайности, к которым склоняются христиане. Одни

заявляют, что Иисус был настоящим революционером, а потому главная задача христиан – строить царство Божье на земле посредством революционных преобразований общества, политики и культуры. Увы, такое «социальное Евангелие» (как его называли) за век своего существования, после того как оно родилось в его современной форме, радикально не изменило мир. Разумеется, произошло много хорошего: социальные условия стали намного лучше, хотя трудно определить, в какой мере это плоды именно христианской работы. Тем не менее мы продолжаем жить в раздробленном, запуганном и измученном мире. Даже в богатых странах Запада много мест, где люди живут как герои романов Диккенса, если не хуже, и это особенно ужасно потому, что модные СМИ оставляют подобные обстоятельства без внимания.

И есть противоположная крайность: когда христиане заявляют, что ничего не изменишь, так что остается ждать возвращения Господа, который все исправит в мире. Силы зла слишком глубоко укоренились в мире, и только великое апокалиптическое вмешательство Бога может справиться с ними или изменить существующее положение вещей. Дуализм подобного рода процветает там, где несправедливость очевидна и о ней можно говорить открыто, но в то же время с ней практически невозможно бороться. Это означает, говорят сторонники такой позиции, что мы можем непосредственно заниматься только евангельским поручением: спасать души для будущего мира. Мы также можем делать косметическую уборку и перевязывать раны, заботясь о людях, которые оказались на дне. Но мы не будем трогать структуры, которые породили этих несчастных и удерживают их в таком положении. При подобном дуализме христианин отказывается от непрерывно совершающейся работы исцеления – от работы Отца в созданном Им мире, Сына, уже ставшего Господом мира, и Духа, который (или тут лучше сказать «которая»?) внутри этого мира стонет вместе с ним в родовых муках.

Обе позиции несправедливы – в любом смысле этого слова – по отношению к призыву Павла твердо и непоколебимо совершать дело Господа, зная, что наш труд в Господе не будет тщетным. По мнению всех первых христиан, воскресение Иисуса уже показало людям, что Он есть Мессия Израиля и истинный Господин мира. Это, как мы уже видели, важнейший момент в цельной картине их представлений. И если мы тоже в это верим и в молитве просим, как Иисус научил нас, о том, чтобы царство Божье наступило и на земле, как и на небе, то мы просто не имеем права соглашаться с вопиющей несправедливостью в нашем мире. Мы должны признать (как это делают сторонники второй позиции), что все будет окончательно исправлено только лишь в последний день. И потому нам следует избегать напыщенного триумфализма сторонников первой позиции и не воображать, что мы способны построить это царство своими силами без великого завершительного акта нового творения. Но мы должны согласиться с первой позицией в том, что христиане несут ответственность за обеспечение справедливости в мире, а это позволит нам избежать пораженческих настроений тех, кто говорит, что не стоит даже и пытаться что-то изменить.

Как я понимаю, важнейшая задача для нашего поколения, по масштабу и актуальности равнозначная проблеме рабовладения двести лет назад, – ликвидация вопиющего экономического неравенства в мире, главный символ которого – гигантский долг Третьего мира, который выплатить совершенно невозможно. На протяжении последних лет я не раз выступал на эту тему, и мне кажется, что некоторые из нас, подобно Вильберфорсу, выступившему против рабовладения, призваны не давать окружающим ни минуты покоя до того момента, пока эту проблему не начнут воспринимать всерьез. И тогда можно действительно изменить наш мир. На эту тему написано немало хороших книг, и здесь я не намерен вдаваться в подробности. Я только хотел высказать свое убеждение в том, что это – нравственная проблема номер один для наших дней. Конечно, сексуальность чрезвычайно важна, но глобальная несправедливость стократ важнее. Нынешняя система глобального долга – настоящий разгул безнравственности, грязный скромный секрет (или грязный огромный секрет) блистающего и лоснящегося западного капитализма. Чего бы это ни стоило, мы обязаны изменить ситуацию, иначе историки будущего заклеят нас позором и поставят в один ряд с христианами, поддерживавшими рабовладение двести лет назад или оправдывающими нацизм семьдесят лет назад. Это крайне серьезно. Я не буду развивать эту тему, но только хочу отметить четыре пункта, связанных как с природой споров, кипящих вокруг этого вопроса, так и со всеми вопросами, которые мы рассматривали в данной книге ранее. (Я это прекрасно знаю на своем опыте: сколько бы я ни писал о долгах, я обязательно слышу в ответ – обычно от христиан США – советы больше заниматься Иисусом или Павлом и не лезть в непостижимые для меня дебри

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
экономики и политики. К счастью, в тех же Соединенных Штатах, как и везде, есть и совсем другие люди, поддержка которых помогает мне продолжать выступления на эту тему.)

Во-первых, можно заметить, что аргументы возражающих против прощения глобальных долгов удивительным образом напоминают давние аргументы против отмены рабовладения. Почитайте работы квакера XVIII столетия Джона Вулмана (1720–1772), перечитайте историю Вильберфорса (1759–1833). [222] Их оппоненты, используя покровительственный тон, всевозможные оговорки и порой – наглость, им говорили: «Мы знаем, как устроен мир, и не надо досаждать нам разговорами о нравственности». Им возражали великие и известные люди, защищавшие интересы власть имущих. Все это слишком знакомо: западная глобальная империя точно так же старается заглушить вопль против несправедливости. Но каждый день, пока этот вопрос не решен, такая несправедливость убивает несколько сот детей. И это только начало.

Поэтому нам стоит понимать суть подобных возражений против оставления долгов. Люди вам скажут, что это слишком сложный предмет, имеющий много разных аспектов. Да, все верно, но то же самое можно было сказать о рабстве. И о любой другой важной нравственной проблеме. Это не меняет главного факта: сильные крадут у слабых, богатые грабят бедных. Эти слова не искажают реальность: почитайте об этом вопросе, и вы сами в том убедитесь. Если полицейский хватает вора на месте преступления, ему не нужны сложные рассуждения о мотивах преступления, о запутанной экономической ситуации вора и его жертвы и прочая софистика; ему важно остановить преступление, причем немедленно. Нам нужно обратить внимание еще на одну вещь: сложные рассуждения тех, кто отстаивает здесь свои интересы, напоминают замысловатые вопросы саддукеев, которые хотели доказать, что верить в воскресение невозможно. Иисус ответил саддукеям со всей прямоотой и коснулся самой сути: вы заблуждаетесь, потому что не знаете ни Библии, ни силы Божьей (Мк 12:24). Мы должны отвечать оппонентам так же, потому что верим в воскресение Иисуса как в историческое событие, в котором живой Бог уже начал новое творение, и мы также верим, что невозможное, с точки зрения человека, возможно для Бога.

Когда мы говорим, что богатые становятся богаче, а бедные – беднее, нам начинают возражать. Нам говорят, что богатство не есть ограниченный ресурс, что «статичные» и «глобалистские» решения представляют собой просто милостыню, которая лишает бедняков человеческого достоинства и не поощряет их искать работу, и что все это лишь подогревает у неимущих греховную зависть к богатым, что все это – пассивное бегство от реальности и что тут мы тщетно полагаемся на кесаря, а не на Бога. Когда я слышу такие слова, мне хочется взять оппонента с собой в лагерь для беженцев, или в деревню, где каждый день умирают дети, или в селения, где большинство взрослых уже умерло от СПИДа. Тут они увидели бы людей, которым совсем не до зависти, которые тратят последние силы на очереди за водой и заботу о ближних, которые прекрасно понимают, что им нужны не столько подачки, сколько справедливость. Я знаю – и бедняки также часто это понимают своим нутром, – что богатство не есть игра с нулевой суммой; однако когда человек где-нибудь в Северной Америке, развалившись в удобном кресле, изучает труды Хайека, он просто не в состоянии осознать всю серьезность этой нравственной проблемы, унаследованной XXI веком. [223]

Вспомним, о чем мы недавно говорили: либеральное богословие прошлого века с его отрицанием телесного воскресения вступило в союз с саддукеями, чтобы держать Бога подальше от мира, и таким образом лишило себя возможности создать богословское обоснование работы для нового Божьего мира, для Царства, которое должно утвердиться и на земле, как на небе. В этом есть грустная ирония: либерализм «социального Евангелия» в то же время охотно принимал модернистское отрицание вмешательства Бога в историю, хотя именно Божественное вмешательство должно было бы стать его основой. Сегодняшние преемники либеральных богословов хотят оттеснить Библию на периферию, утверждая, что она поддерживает рабство и прочие дурные явления, потому что им не нравятся некоторые вещи в Писании, скажем, этика сексуальных отношений. Но когда христианин отодвигает от себя Библию, он вступает в союз с языческой империей, потому что теряет источник критики угнетения с позиции Царства. Саддукеи не знали ни Писания, ни силы Божьей; именно потому они отрицали воскресение и поддерживали Рим. [224]

К этому надо добавить третий пункт: консервативное богословие, во многом полярное либеральному, позиции которого особенно сильны в США, также

укрепляет господство западного мира. Холодная война позволила Америке изображать из себя Божий ответ опасности коммунизма. Многие консервативные церкви и сегодня верят в такой догмат: что хорошо для Америки, то хорошо и для Бога. А потому, если США нужно производить больше автомобилей, это радует Бога, несмотря на усиление кислотных дождей, а если кто-то говорит о загрязнении среды или недоволен тем, что президент не подписал Киотский протокол, значит он борется против христианства или проповедует некий «крещеный неосоциализм», как обо мне отозвался один оппонент. Как мы уже отмечали, неистовая вера в то, что христиане будут восхищены на небеса, поддерживает эти соображения: грядет Армагеддон, поэтому кого должно волновать состояние планеты? Грустная ирония заключается в том, что именно те церкви, которые наиболее ревностно борются с преподаванием Дарвина в школах, своей общественной позицией сильнее всего поддерживают экономический дарвинизм, идею выживания самых приспособленных в сфере всемирного рынка и военной мощи.

А в частности (и это мой четвертый пункт), сильная вера в телесное воскресение консервативных христиан всего мира, а особенно Америки, оторвана от библейского контекста и помещена в совершенно иной контекст, где воскресение играет прямо противоположную роль. Для многих современных консервативных христиан вера в телесное воскресение Иисуса означает веру в сверхъестественное действие Бога в мире, что оправдывает деление всего существующего на «высокое» и «низкое», то есть дуализм, где «сверхъестественное» представляет подлинную реальность, а «естественное», то, что «от мира сего», – незначительно и недостойно серьезного внимания. Они полагают, что такая вера ортодоксальна, в отличие от веры либерального модернизма, но в результате мы видим консервативный модернизм – сам модернизм (то есть отделение небес от земли) сохранился и даже окреп. С точки зрения консерватизма значимо лишь сверхъестественное спасение, якобы возведенное в Евангелии, но не спасение мира. И любая попытка борьбы за справедливость на земле, как на небе, осуждается как проявление порочного либерализма, отрицающего сверхъестественное. Но это совершенно неверное представление о воскресении. В течение нескольких последних лет мне нередко приходилось отстаивать ортодоксальный взгляд на Пасху, и я мог убедиться в том, что многие либералы отрицают не само воскресение, но эскапизм и консервативную социальную позицию тех, кто, по мнению либералов, верит в воскресение. Такое причудливое искажение Евангелия, увы, встречается не только у фундаменталистов Северной Америки.

Таким образом, оба полюса так называемой христианской культуры – где одни отрицают воскресение и тем самым рубят ветвь, из которой развивается христианское движение за справедливость, а другие его проповедают, но одновременно презирая наш мир, – нашли весомые основания не вмешиваться в существующее положение вещей и предоставить мир самому себе, а это, разумеется, означает, что в нем побеждают самые сильные. Это нечто вроде социального дарвинизма. Мы должны помнить, к чему это привело сто лет назад, когда напыщенные проповедники в Великобритании и Германии утверждали, что несколько настоящих войн сделают человечество сильнее и закаленнее и что, быть может, на то есть Божья воля. Мы говорим о Божьем будущем, но при этом не вправе забывать о трагических уроках прошлого.

Парадигма, представленная в данной книге, решительно отвергает обе эти позиции. Подлинно библейское богословие может напугать как тех, кто считает Библию бесполезной или даже вредной для нравственной политики, так и тех, кто полагает, что серьезное отношение к Писанию требует консерватизма как в политике, так и в богословии. Истина далека от обеих таких позиций, о чем красноречиво свидетельствуют проповеди Иисуса о Царстве, не говоря уже о Его смерти в связи с притязаниями на царский титул. Его воскресение и связанное с этим обетование о новом Божьем мире создают основу для программы изменений, а также силы для ее осуществления. И для того кто верит в Евангелие, просто нет иной альтернативы, кроме такого пути.

И когда вам скажут, что в любом случае мы практически бессильны что-либо изменить, надо знать правильный ответ. Представьте себе, некий человек утверждает, причем справедливо, что Бог сделает его святым в полной мере, когда произойдет общее воскресение, и что он никогда не достигнет совершенства до того момента, – а затем делает совершенно неверный вывод: поэтому сегодня нет никакого смысла даже пытаться жить святой жизнью. Что бы вы ему ответили? Вы привели бы ему доводы из эсхатологии инаугурации. Вы бы сказали, что новая жизнь Духа и послушания Господу Иисусу Христу ведет к радикальному изменению поведения в нынешней жизни, и это предвосхищает

жизнь грядущую, хотя мы прекрасно понимаем, что никогда не достигнем совершенства и полноты до момента нашего воскресения. Этому учит глава 6 Послания к Римлянам. А теперь попробуйте приложить тот же принцип к главе 8 того же послания! Что вы ответите человеку, который утверждает – и верно, – что мир никогда не станет справедливым и не наполнится правдой до момента нового творения, а затем делает отсюда ложный вывод: а потому не стоит бороться за справедливость (или за экологическое благополучие – это другая важнейшая тема, которую мы опустили за неимением места) до последнего момента. Ответ очевиден: мы сошлемся на эсхатологию инаугурации, на радикальное изменение нашего коллективного поведения как человеческой семьи, которое предвосхищает последний день, когда Бог станет всем во всем, хотя мы прекрасно понимаем, что до того момента мир не узнает совершенной гармонии.

Таким образом, перед нами стоит нелегкая задача. Воскресение Иисуса указывает на нее и дает силы для ее выполнения. Когда мы придем в себя от изумления, что нам открыта столь великая надежда, мы должны приступить к работе, где потребуются молитва и мудрость.

3. Красота

Это еще одна особая тема, касающаяся нашей миссии, если мы думаем о ней в контексте богословия нового творения. Я уверен, что серьезное отношение к творению и новому творению позволяет оживить эстетический аспект христианства и даже творчество. Осмелюсь сказать: красота важна, быть может, даже и не менее важна, чем духовность и справедливость. [225] Разумеется, если надо выбирать между красивым прозябанием в рабстве и уродливым Исходом, следует выбрать второе, но, как сказал Вильям Темпл по другому (хотя и близкому) поводу, к счастью, нам не приходится делать такого выбора.

Развернутое богословие нового творения в главе 8 Послания к Римлянам говорит нам о ценности естественной красоты. Павел описывает творение, которое стонет в родовых схватках, ожидая рождения нового Божьего мира. Как я уже писал, красота нынешнего мира в чем-то подобна красоте чаши, которая красива сама по себе, но куда прекраснее из-за того, чем она будет наполнена, или красоте скрипки, которая красива сама по себе, но еще прекраснее потому, что предназначена для музыки. Или можно дать такой образ: обручальное кольцо должно радовать глаз, но еще более радовать сердце из-за того, что оно предвещает. Нам предстоит поразмышлять над тем, что это значит с точки зрения нового творения. Поскольку мы, христиане, живем между двумя творениями, изначальным и новым, нам важно это понять.

Как я полагаю, сегодня мы начали освобождаться из плена одного старого представления. Многие люди думали, что добрый христианин не может всерьез посвятить себя искусству, а настоящий человек искусства не может быть добрым христианином. Сейчас, слава Богу, известны замечательные христианские художники, композиторы, скульпторы и даже поэты, которые показывают нам, что не обязательно разделять искусство и веру. Появились и блестящие теоретики, такие как Джереми Бегбай с его проектом «Богословие через искусство», которые многое делают в этой области. Рассмотрим вопрос, какое место занимает искусство и то, что мы в общем называем культурой, в изначальном и новом творении.

Я думаю, наша способность к творчеству или, по меньшей мере, к воспроизводству объясняется тем, что мы созданы по образу Божьему. Эта удивительная способность давать рождение новой жизни – прежде всего, конечно, это касается деторождения, но у нее есть тысячи других проявлений – прямо связана с поручением, данным человеку в главах 1 и 2 Книги Бытия. И радость о прекрасном Божьем мире, которая выражается в создании прекрасных произведений искусства, входит в призвание человека быть распорядителем творения. Вспомним, как Адам давал имена животным. Таким образом, подлинное искусство есть ответ на красоту творения, которая, в свою очередь, указывает на красоту Бога.

Но мы не живем в саду Эдема, и искусство, которое об этом забывает, быстро превращается в плоскую банальность. (Церковь не обладает монополией на кич и сентиментальность, но легче всего их найти именно в церкви.) Мы живем в падшем мире, и любая попытка черпать вдохновение из пантеизма любого рода, из поклонения обожествленной твари, неизбежно наталкивается на проблему зла. И потому искусство, подобно философии или политике, часто сознательно

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
выбирает другую крайность: уродство мира, создавая уродливые вещи. (Это движение отражает изменение характера греческой драматургии, где Софокл изображал мир, каким тот должен быть, а Еврипид – каким тот является на самом деле.) Современное искусство Великобритании дает тому массу примеров, и часто это – изображение жестокости под маской реализма, которое выражает лишь разочарование и скуку. И опять-таки мы видим две крайности: одни люди отказываются принимать в расчет зло, а другие не видят ничего, кроме зла.

Это открывает перед христианином с целостным мировоззрением и пониманием богословия творения – как старого, так и нового, – удивительные возможности: он может искать выход из этого тупика и, вероятно, даже указать на такой выход другим. В главе 8 Послания к Римлянам есть слова о том, как все творение стонет в родовых муках, ожидая искупления. Это благое творение, но оно не есть Бог. Оно прекрасно, но его красота ныне имеет преходящий характер. Оно мучается, но Бог принимает его боль в Свое сердце, так что она становится болью нового рождения. Красота творения, которую воспринимает искусство, пытаясь ее выразить или подчеркнуть, ей подражать, – это не красота, присущая творению самому по себе, но красота, связанная с его предназначением – вспомним образы чаши, скрипки, обручального кольца. Мы призваны изображать мир не просто таким, каков он есть или каким он должен быть, но каким – исключительно по благодати Божьей – он в один день станет. И при этом надо помнить о воскресении Иисуса из мертвых, поскольку здесь нам открывается парадигма, первый пример и творческая сила всего нового творения. Нам не надо забывать, на руках и ногах Воскресшего остались следы от гвоздей – именно по ним Его узнавали ученики. Когда искусству присущи знания и ран этого мира, и обетования воскресения, когда оно способно отражать то и другое одновременно, оно указывает путь к новому взгляду на мир и к новой миссии.

Пародией на изложенное выше является страстная вера многих художников и писателей предыдущих поколений в то, что подлинное искусство обязательно должно быть искусством, политически ангажированным. По меньшей мере, марксисты, которые так думали, сумели понять нечто такое, чего не удавалось ни сентиментализму, ни брутальности, но только эсхатологии, которая осуществляется уже сейчас. Если христианин, причастный творчеству, сможет понять истину, которую пародируют в искусстве марксисты, он будет способен радоваться творению, благополучно пройдя между Сциллой и Харибдой пантеизма или цинизма. Это потребует серьезной работы воображения, которое должно питаться размышлением и молитвой у подножия креста и у пустой гробницы, чтобы видеть как / тайну Божьего суда над злом, так и тайну красоты творения, которому Бог снова говорит свое «да» через воскресение. Подлинные произведения искусства указывают не только на то, какова реальность вещей, но и на то, каким все станет в тот момент, когда земля наполнится познанием Бога, как воды покрывают море. Это остается поразительной надеждой, и быть может, именно искусство существует для того, чтобы нам лучшим образом передать и эту надежду, и это изумление.

4. Благовестие

Если мы участвуем в деле нового творения и стремимся явить знаки нового Божьего мира уже в настоящем через борьбу за справедливость, через создание красоты бесчисленными другими способами (для которых не нашлось места в данной книге, хотя темы справедливости и красоты следовало бы осветить гораздо полнее), тогда в центре этой картины окажется личное призвание Евангелия Иисуса, обращенное к каждому человеку: ребенку, женщине или мужчине.

От слова «благовестие» многих людей просто трясет. И это объясняется несколькими причинами. Некоторых из них ранили угрозы агрессивных проповедников, их нечуткое и оскорбительное поведение или неуклюжее и наивное обращение с Благой вестью. Другие никогда не сталкивались лично с подобными вещами, но слышали или читали о них, а потому сочли себя вправе махнуть рукой на благовестие – как будто бы тот факт, что порой это делают плохо, вынуждает начисто отказаться от самого дела. И, разумеется, в СМИ все еще продолжают путать «евангелизацию» (проповедь Евангелия) с «приверженностью евангелической церкви» (большой коалиции церквей, которая объединяет несколько разных деноминаций). Здесь мы не сможем рассмотреть вопросы, касающиеся природы самого благовестия: значение «проповеди Евангелия» и соотношение понятий «благовестие» и «миссия», – хотя, надеюсь, настоящая глава даст пищу для размышлений над ними. Скорее, я намерен показать, как представленная мной ранее парадигма удивительной надежды,

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
связанной с воскресением Иисуса и новозаветным пониманием его значения, может породить свежее понимание «благовесгия» и новые подходы к его осуществлению.

Во многом на практике тема «благовестие» освещается в привычных рамках выбора между «небесами и адом»: проповедник напоминал, что настало время всерьез рассмотреть вопрос о «небесах», пока еще есть такая возможность. На «небеса» мешает попасть грех, но Иисус Христос дает нам решение этой проблемы, человеку остается всего-навсего на это согласиться! Миллионы сегодняшних христиан обратились именно таким образом: они услышали эту весть, и она их изменила. Хочу ли я сказать – ибо, конечно, нахожу такой подход, по меньшей мере, искажением, – что этих людей обманули или ввели в заблуждение?

Нет. Бог прославляет любые пуги провозглашения Благой вести. И я ни в коей мере не склонен думать, что моя проповедь или разговоры с людьми о Боге совершенны и лишены недостатков, тем не менее Бог (я верю) благословил мои труды или, по крайней мере, часть моих трудов. Без сомнения, я воздал бы ему больше почестей, если бы делал это лучше и чаще сопровождал бы молитвой. Без сомнения, недостатки как моей, так и чьей-то еще проповеди в конечном счете отражаются на жизни христиан, которые через такую проповедь пришли к вере, и, без сомнения, мы должны стремиться к совершенству в том, что делаем для прихожан и для Бога. Но каждое поколение людей знает, что не так важно качество проповеди, как важна верность Бога.

И, разумеется, нельзя проповедовать без молитвы. Когда мне впервые пришлось произносить проповедь, мой наставник дал мне один добрый совет: твоя проповедь по продолжительности должна равняться твоей молитве. Иначе ты будешь хромать из-за того, что одна нога короче другой. Бог действует через нашу молитву и верность, а не через наши методики или ум.

Но все это несколько не оправдывает наше непонимание того, что происходит в процессе благовестия, и наше нежелание привести свою деятельность в согласие с тем, чему учит вся Благая весть Библии. Начнем со второго пункта. Тут можно со всей определенностью сказать: «Евангелие», согласно Новому Завету, – это Благая весть о том, что Бог (Творец мира) наконец воцарился и что Иисус, которого Бог воздвиг из мертвых, стал подлинным Господом мира. Конечно, это можно передать сотней разных способов, в зависимости от аудитории и повода (просто сравните различные проповеди в Деяниях!) Одни знают, кто такой Иисус, у других о нем самые смутные представления; одни при слове «Бог» тут же представляют себе старичка с белой бородой, другие – нечто небесное и газообразное. И почти любому человеку необходима та или иная помощь, чтобы он мог понять, о чем идет речь.

Сила Евангелия заключается не в призыве к новой духовности и новым религиозным переживаниям и не в угрозе адского огня (и уж точно не в угрозе оказаться «оставленным на земле»), которой слушатель может избежать, если только поставит там-то галочку, произнесет такую-то молитву, поднимет руку и так далее. Нет, это слово со властью о том, что Бог есть Бог, что Иисус есть Господь, что силы зла сокрушены и начался новый Божий мир. Это слово возвещает о том, каков мир, а не о том, какими вы хотели бы видеть свою жизнь, свои эмоции или свой банковский счет. Вот на чем тут все основано. Разумеется, после этого возвещения надо дать людям понять, что их с радостью приглашают прийти и присоединиться к пиру, получить прощение прошлых грехов и возможность участвовать в удивительном замысле Бога относительно будущего, а также найти свое призвание в настоящем. И такое приглашение, такой прием в конечном счете может и должен стать ответом на все переживания человека.

Но как может церковь возвещать, что Бог есть Бог, что Иисус есть Господь, что силы зла, тления и смерти сокрушены и начался новый Божий мир? Ведь такое заявление просто вызовет насмешки. И действительно, насмешки были бы справедливы, если бы всего этого не произошло. Но когда церковь активно делает свое дело, о котором мы уже говорили, – когда она борется за справедливость и во всем мире, и в своем ближайшем окружении и прославляет благое Божье творение, спасенное от порчи, в живописи и музыке, а кроме того, когда ее собственная жизнь постоянно свидетельствует о том, что этому новому творению действительно уже положено начало и оно породило особый тип общей жизни, – тогда заявления церкви наполняются великим смыслом.

Как богословие нового творения помогает объяснить то, что происходит, когда Евангелие укореняется в людях? Слава Богу, это совершается снова и снова: человек открывает в себе огонь, для него открывается истинный смысл Евангелия, он начинает в него верить, он видит, как оно преобразует его взгляд на вещи и его чувства, присутствие Иисуса вдруг становится реальностью, чтение Библии начинает вдохновлять. Человек начинает понимать, что ему крайне необходимо христианское поклонение и община. Мы называем этот момент или этот процесс (с одними это происходит мгновенно, у других на то же уходят годы) по-разному: обращение, то есть поворот и перемена направления пути; возрождение, то есть новое рождение; «вхождение во Христа», то есть вступление в семью, получившую свое имя и свои отличительные черты от самого Иисуса. Новый Завет говорит, что такой человек «умер со Христом» и «воздвигнут» с ним (Рим 6; Кол 2 и 3), что он, пройдя через воду крещения, оставил старую жизнь и начал жить новой, что он соединен со смертью и воскресением Иисуса. А если мы вспомним о более широкой картине нового творения, то можно сказать следующее. Такой человек живет, в какой-то мере дыша воздухом «нового творения» – того творения, которое уже началось в воскресении Иисуса и которое окончательно завершится, когда Бог создаст новое небо и новую землю и воздвигнет нас, чтобы мы обитали в этом мире. Павел говорит об этом так: «Кто во Христе, тот новая тварь». [226]

Когда мы смотрим с такой точки зрения, это позволяет нам избежать трех проблем, с которыми постоянно сталкивается благовестие. Во-первых, ясно видно, что, став христианином, человек не должен отказываться от благого мира, созданного Богом. Разумеется, это значит сказать «нет» всей испорченности падшего мира и самого человека. Иногда обратившемуся необходимо решительно отказаться даже от тех привычек, которые сами по себе не являются злом (например, алкоголь), чтобы создать пропасть между собой и привычным старым образом жизни, который держал его в плену. Но когда мы смотрим на все с точки зрения «нового творения», нам никогда не придет в голову мысль забыть о земле и сосредоточить внимание на небесах.

Во-вторых, когда при евангелизации провозглашают царство Божье, господство Иисуса и будущее новое творение, это с самого начала пресекает любую мысль, что главная цель жизни нового христианина – вступить в частные взаимоотношения с Богом и Иисусом и что важно только это. (К сожалению, многие популярные христианские песни предлагают именно такой подход к вере, как если бы суть Евангелия сводилась к тому, что Иисус должен заменить в сердце бойфренда или любимую девушку.) Если рассматривать благовестие и обращение с точки зрения нового творения, любой новообращенный сразу понимает, что стал участником проекта Божьего царства, который выходит за узкие рамки программы «я и мое спасение», но заставляет задуматься о действии Бога в мире. И тогда попутно с «обращением» человек – хотя бы в принципе – начинает искать в этом большом проекте свое место, то дело, куда можно вложить себя. (Конечно, порой человек долго ищет свое призвание, но все равно ему лучше думать об этом с самого начала.)

В-третьих, когда мы ставим евангелизацию и обращение в контекст нового творения, обращенный, который услышал весть о верховном и спасительном господстве Иисуса, начнет свой путь к христианскому образу жизни – к необходимости говорить «нет» всему тому, что мешает расцвету его человечности и не воздает славу Богу, и говорить «да» всему, что к этому ведет. Ему не придет в голову, что это какая-то случайная добавка к Евангелию или повиновение навязанным довольно странным правилам. В прошлом встречались такие формы евангелизации, когда человеку говорили, что главное «вступить в ряды», скажем, читать определенную молитву, которая дает уверенность в том, что новообращенный идет прямой дорогой к небесам. Потом же такие «обращенные» становились горем для своих пастырей и наставников, потому что в самом начале им никто не объяснил одну важную вещь: что следовать за Иисусом и означает именно следовать за Иисусом, а не просто поставить галочку против Его имени и затем расслабиться, как будто все уже сделано. Когда же обращенный слышит о «господстве» Иисуса и о новом творении, начавшемся благодаря победе креста и Пасхи, он сразу понимает, что, называя Иисуса Господом и веря, что Бог воздвиг Своего Сына из мертвых, он принимает решение формировать свою жизнь вокруг Иисуса. При этом он знает, что, несмотря на болезненность процесса, это не уродует и не умаляет в нем личности, – но ведет к подлинной жизни в настоящем и к славной полноте человечности в будущем, после воскресения. Как это всегда бывает с новым творением, на этом пути его ждут сюрпризы. Но христианская этика, когда в ней видят одно из выражений христианской надежды, от этого

5. Заключение

Таким образом, миссия церкви должна отражать грядущую надежду Нового Завета и формироваться под действием этой надежды. Я верю, что если мы будем рассматривать три ее аспекта: справедливость, красоту и благовестие – с точки зрения предвосхищения того момента, когда Бог все исправит в мире, мы увидим, что они хорошо совмещаются, а фактически просто составляют единую картину, ту весть надежды и новой жизни, о которых возвестило нам воскресение Иисуса.

Такова, как я полагаю, основа осуществления надежды в повседневной жизни церкви. Мое призвание привело меня в такие районы моей страны, где многим людям остро не хватает надежды. Смутное ощущение несправедливости для жителей многих поселений выражается в убеждении, что сворачивание промышленного процесса в конце XX века было ошибкой и что необходимо что-то сделать. Это сильно отличается от убеждения, что мир обязан тебя кормить. Такие представления отражают исторический факт: большое поселение в течение нескольких поколений существовало за счет одного-двух ключевых промышленных предприятий, а затем эти предприятия закрывают, и не потому, что их работа неэффективна или что там трудятся некомпетентные и ленивые люди, но потому, что они не вписываются в масштабный стратегический план, который разработали руководители, никогда не посещавшие эти места. И это вызывает тихую ярость, ощущение, что с общественными структурами что-то не в порядке. Общество не должно так поступать, а если такое происходит, к нему возникают вопросы. Задача церкви, среди прочих, заключается в том, чтобы всерьез отнестись к этому ощущению несправедливости, помочь людям выразить его словами и, когда они к тому готовы, превратить его в молитву (удивительное дело: если человек оказался в подобном положении, он внезапно открывает, что многие псалмы становятся крайне актуальными!) А затем перед церковью встают новые задачи, касающиеся всех местных жителей: (а) участвовать в программах, которые улучшают жилищные условия, качество образования, работу служб для населения, (б) бороться за создание новых рабочих мест, для чего надо вести кампании, кого-то умолять и сотрудничать с местными властями и муниципалитетами – короче, поддерживать надежду всегда и в любой сфере. И на основании доводов, высказанных в данной книге, христиане могут верить, что это не какая-то обособленная надежда, но именно та удивительная надежда Евангелия, надежда на «жизнь после жизни после смерти». Это ее прямое следствие: надежда на «жизнь перед смертью».

Вторая особенность жизни как во многих местах на Западе, где закрылись промышленные предприятия, так и в бедных странах, – это уродство. Правда, в некоторых местах людям удается сохранить достаточно высокий уровень изобразительных искусств или музыки, чаще на основе народной культуры, что делает по-своему прекрасными даже самые нищие районы. Но обычно мы видим, что благодаря послевоенному мертвому функционализму архитектуры в сочетании с пассивным созерцанием телевизора для многих людей мир состоит из мрачных городских видов и дешевых развлекательных программ. А когда из окружения человека исчезает красота, он перестает надеяться. Он вбирает внутрь то, что ему говорят глаза и уши, и понимает, что он лишен достоинства, что он не вполне человек.

Когда людям в каком-либо месте угрожает подобная опасность, весть о новом творении, о красоте нынешнего мира, которая отражает куда более прекрасный мир грядущего (и именно красота будущего отчасти облегчает наши нынешние мучения), несет удивительную надежду. Церковь уже выполняла эту роль в прошлом и должна то же самое делать в настоящем – поддерживать красоту и эстетику каждодневно: музыку в деревенском баре или пьесу для младших классов в местной школе, мастерские художников или фотографов и занятия живописью, симфонические концерты (если уж их удавалось устраивать даже в концлагерях, почему бы нам не быть изобретательными?) и деревянную скульптуру. Церковь есть семья людей, которые верят в новое творение, и в любой деревне или городе она должна стать местом, где новое творчество врывается в жизнь местных людей, чтобы указать, что надежда, которая, подобно красоте, всегда нас удивляет, существует.

И, разумеется, благовестие – расцветающее именно там, где церковь борется за справедливость (за торжество правды) и стремится создавать красоту (указывая на красоту творения и на славу, которая откроется в будущем), – такое благовестие всегда оказывается удивительным и неожиданным. Неужели

это не все? Неужели существует новый мир? Неужели он действует через исцеление и прощение, позволяя начать все заново со свежими силами? Да, отвечает церковь, и он приходит, когда люди поклоняются Богу, по образу Которого они созданы, когда они следуют за Господом, похоронившим их грехи и восставшим из мертвых, когда в них обитает Его Дух, дающий новую жизнь, новый путь жизни, новый вкус к жизни. Нередко говорят, что сильнее всего нуждаются в надежде не обитатели индустриальных пустошей и не жители уродливых городских районов, но те сообщества, у которых слишком много денег, у которых слишком рафинированная культура, у которых есть буквально все, за исключением веры, надежды и любви. И для них, и для тех, кто страдает под гнетом тяжелых обстоятельств, Благая весть Иисуса, весть Его смерти и воскресения, несет в себе удивительную надежду.

Это добрая весть о справедливости, красоте и, прежде всего, о самом Иисусе, и церковь призвана жить этой вестью, говорить о ней и воплощать ее в любом месте и для каждого поколения. И здесь можно подумать над следующим вопросом: какой стала бы жизнь самой церкви, если бы ее создавала эта миссия надежды?

14. Церковь, готовая к миссии (1): библейские корни

1. Введение

Если сегодня и завтра церковь будет готова выполнять свою миссию, стремясь воплощать дела Иисуса и его воскресение, тем самым предвосхищая окончательное обновление всего мира, она сама должна обновиться, найти новые источники силы и тогда может начинать эту работу. Как это будет выглядеть?

Рассматривая этот вопрос, чрезвычайно важно опираться на свидетельства Писания о воскресении и о том, как в самой Библии воскресение непосредственно воплощается в миссии и жизни церкви. Поэтому в данной главе мы кратко рассмотрим Евангелия, Деяния и послания Павла, что позволит нам в следующей главе показать, как это использовать на практике в различных аспектах церковной жизни. [227]

Разговоры последних лет о «церкви, сформированной миссией», в основном касались практических вещей (что естественно): иной организации служения и жизни прихода или методов работы, которые способствуют осуществлению христианской миссии. Я не буду обсуждать эти темы, но укажу на приоритеты для церкви, жизненно важные для миссии, сформированной надеждой. Эти приоритеты основаны на Писании, без которого церковь становится чисто прагматичной. А за прагматизмом нередко следует оппортунизм, и тогда церковь начинает действовать не ради миссии, но ради поддержки той или иной старой модели церковной жизни, которая стала нежизнеспособной. В данной и следующей главах я намерен представить основные принципы миссии; для этого мы сначала обратимся к Библии, а затем рассмотрим ключевые моменты христианской жизни.

2. Евангелия и Деяния

Первый и самый очевидный смысл воскресения Иисуса – и об этом ярко свидетельствуют все четыре евангелия – в том, что Бог оправдал Иисуса, который провозгласил царство Божье и умер как представитель народа Израиля. Это звучит как банальная истина, однако судя по реакциям, которые я получаю в ответ на такое заявление, я склонен думать, что она усвоена недостаточно. В кратком (а возможно, не целиком дошедшем до нас) повествовании Марка, нет утверждения «Иисус воскрес, а значит, существует жизнь после смерти»; вместо этого там говорится: «Иисус воскрес, а потому идите в Галилею, где вы Его увидите». Тот, кто прочел это Евангелие, поймет данные слова таким образом: «Иисус был воздвигнут из мертвых, как Он говорил вам, а это значит, что все Его слова о Царстве, которое придет через Его дела, Его смерть и воскресение, оказались правдой». Воскресение знаменует собой начало царства Божьего. У Марка этот смысл, хотя бы отчасти, Иисус вкладывал в слова о стоящих здесь, которые еще не вкусят смерти, когда увидят царство Божье, пришедшее в силе. Эта тема подробнее разработана в других евангелиях. Воскресение не было отдельной сверхъестественной причудой Бога, Который хотел показать, что Он способен совершить, если пожелает. И оно не было свидетельством того, что после смерти нас ожидают небеса. Но это было решающее событие, которое показывало, что царство Божье действительно наступило и на земле, как на небе.

Если мы теперь возьмем Евангелие от Матфея, то увидим, что его автор идет дальше – нельзя исключить, что то же самое сделал и Марк в утраченном оригинальном тексте.* Ученики приходят в Галилею и там встречают Иисуса и поклоняются Ему (хотя некоторые из них усомнились – что привлекает наше любопытство); это кульминация той христологии, к которой готовило нас все Евангелие. Иисус оправдан как Еммануил, «С нами Бог». Но, по мысли Матфея, произошедшее не сводится лишь к тому, что все кончилось хорошо, нет тут и мысли, что Иисус как бы этим говорит: «И если вы будете себя вести надлежащим образом, то однажды встретитесь со Мною на небесах». Все не так. Раньше Иисус призывал учеников молиться, чтобы царство Божье осуществилось на земле, как на небе; теперь же Он заявляет, что Ему дана вся власть на небе и на земле, а потому ученики должны пойти и ее воплотить, то есть стать посланниками этой власти. То, что косвенно говорит Марк (по крайней мере, в дошедшем до нас варианте текста), Матфей утверждает прямо: воскресение не есть бегство от мира, но миссия для мира, основанная на том, что Иисус принял господство над миром.

Мы сразу видим, что произошла великая перемена. Если событие воскресения действительно (в каком-то смысле) произошло во времени и пространстве и в нем участвовала материальная реальность тела Иисуса, оно косвенно свидетельствует о других грядущих событиях. Но если это было просто (как мы говорим сегодня) «духовное событие»: скажем, Иисус просто начал жить в небесном мире либо верующие пережили новый подъем веры и надежды в сердце, тогда из этого следует только то, что родилась новая форма приватной духовности. И Матфей совершенно ясно объясняет нам смысл воскресения: Иисус восшел на престол как Господь неба и земли. Он установил свое царство. А Его ученики должны это царство воплощать в жизни, призывая все народы послушно хранить лояльность Царю и удостоверяя эту верность через крещение. В заключительных словах тут сходятся воедино все главные темы евангелия: Еммануил, «С нами Бог», отныне будет «Иисусом с нами» до окончания старого века, когда новый век, уже начавшийся с его воскресения, окончательно завершит работу преобразования мира.

Это подводит нас к Евангелию от Луки, особенно к удивительной сцене с двумя учениками на дороге в Эммаус. Об отрывке из Лк 24 можно говорить бесконечно, но я хочу обратить внимание на то, каков ответ в этой главе на вопрос: «Если Иисус в теле восстал из мертвых, что из этого следует?»[228] и он будет следующим: после воскресения Иисуса вся история отношений Бога с Израилем и Бога с миром стала звучать по-новому.

Это снова великая перемена. Без воскресения мы рассказываем эту историю совсем не так, как после него. Без воскресения – это незаконченная и потенциально трагическая пьеса, где Израиль сохраняет надежду, но события все сильнее выходят из под контроля. Без воскресения трагична и сама история Иисуса в глазах его современников, что прекрасно понимают ученики, идущие в Эммаус. Но если произошло воскресение, вся эта история звучит совершенно иначе. И это не просто счастливый конец для одного героя, но поворотный момент для всего на свете. Именно здесь наконец-то исполнились древние обетования: о непоколебимом царстве Давида, возвращении Израиля из самого великого изгнания в его истории, а за всем этим (что совершенно ясно показывают Матфей, Лука и Иоанн) стоит еще одно исполненное обетование о том, что все народы земли получают благословение от семени Авраама.

Как показывает Лука, если Иисус не воскрес, тогда наша надежда приподнялась, чтобы снова обратиться в прах. Ученики, конечно, продолжали бы надеяться, поскольку они были верными иудеями, но без воскресения Иисуса ничто не указывало бы на то, что их надежды осуществились. Но если Иисус был воздвигнут из мертвых, Ветхий Завет надо читать новыми глазами – как историю страдания и оправдания, изгнания и восстановления. И кульминация этой истории заключается не в том, что Израиль стал главным народом и победил весь мир, но в страдании и оправдании, изгнании и восстановлении Мессии – что совершилось не только ради него, но ради спасительных обещаний Бога, которые он воплощал. Если посланец, который должен передать важнейшее сообщение, падает в реку, а потом его спасают, он получил спасение не только для себя, но и ради тех, кто напряженно ждет его вести, дающей жизнь. И как говорит Лука, если Иисус воскрес, значит, Он действительно Мессия, а если Он Мессия, значит, Он вестник Бога, который говорит об исполнении обетования, данных Аврааму, Моисею, Давиду и пророкам, обетования не только для Израиля, но и для всего мира.

И вот по какой причине Ветхий Завет нужно рассматривать как часть Писания христиан. Я уважаю тех, кто называет Ветхий Завет «Еврейской Библией», тем самым подчеркивая, что это все еще священная книга живой общины верных вне христианства. Но Лука утверждает, что, поскольку Иисус был воздвигнут из мертвых, в древних священных книгах Израиля надо видеть историю, которая достигла своей кульминации в Иисусе, а потому приносит плод не только в Израиле, но и среди учеников Иисуса, а через них – и во всем мире. Вот почему, когда в стихах 36–49 Иисус явился ученикам в горнице, он открыл им ум для понимания Писаний (стихи 44–46), а из этого прямо вытекает новое поручение: им надлежит проповедать «во имя Его покаяние для отпущения грехов во всех народах, начиная с Иерусалима». Это не какая-то иная надежда, отличная от надежды иудеев. Она вплетается в Писания достаточно рано: когда Бог наконец совершит для Израиля то, что обещал, народы мира придут, чтобы участвовать в этом благословении. И это – важнейший ключ к богословию Нового Завета.

Конечно, если бы Иисус не воскрес из мертвых, мы могли бы признать существование двух религий или двух вер: христианство, которое верит в то, что доступ к «Божественному» дает Иисус, а также веру иудеев, согласно которой доступ к «Божественному» не связан с Иисусом (и, быть может, все еще следует ожидать другого Мессии). Но обе такие картины сильно отличаются от реального христианства и реального иудаизма. Если, из уважения к иудаизму, мы будем относиться к христианству и к иудаизму как к двум «религиям», двум путям духовности, это будет политкорректно, однако так невозможно воздать должного ни тому, ни другому. Но если Иисус восстал из мертвых, тогда Писание в Нем достигло своей цели и пришел тот момент, который желали видеть псалмопевцы и пророки, когда все народы земли в верности и послушании принесут свои сокровища помазанному Богом Царю, Мессии Израиля.

Конечно, остается важный вопрос, как христианство должно относиться к иудаизму, не признавшему Иисуса Мессией. Об этом говорит Новый Завет, а особенно – Павел. Но наша деликатность не должна мешать нам говорить о воскресении Иисуса и делать из него соответствующие выводы, даже когда они вызывают трудности. По мысли Луки, долгая история Израиля, это богатое повествование Писаний, в воскресении достигает своей цели, своей наивысшей точки, где она должна дать рождение, в согласии с изначальным замыслом о ней, всемирной миссии, предложить всем народам отказаться от идолопоклонства и получить прощение грехов. И как можно понять у Луки, ученики должны взяться за это дело, потому что в Иисусе перед нами предстает Бог в человеческом виде, чему любые иды служат пародией, а Его крест дает настоящее прощение грехов, относительно чего любые жертвоприношения суть лишь прообразы и тени. Другими словами, Лука не думает, что воскресение – это какое-то странное чудо, которое понадобилось исключительно для того, чтобы вернуть Иисуса к жизни, или что оно указывает на то, что мы тоже попадем на небо после смерти; для него это, с одной стороны, исполнение давнишних обетований Писания, а с другой – начало всемирной миссии, порученной Богом.

Все эти темы полнее всего раскрываются в Евангелии от Иоанна, в нескольких трогательных сценах, написанных рукой мастера. [229] В главах 20 и 21 этого евангелия освещаются две основные темы: новый день и новые поручения.

В главе 20 Евангелия от Иоанна дважды подчеркнута (в стихах 1 и 19), что воскресение произошло в первый день новой недели. В этом евангелии описаны семь знамений, и по композиции их вершиной является распятие Иисуса в шестой день недели и его пребывание во гробе в седьмой, что отображает одну неделю старого творения. А пасхальное утро – это уже начало нового творения. Слово, которым все сотворено, теперь стало Словом, через которое все творится заново. Воскресение тут ни в коей мере не представлено как странное или изолированное «сверхъестественное» явление, как знак того, что Бог волен делать, что пожелает, хотя обычно не совершает таких деяний. Напротив, у Иоанна – это начало нового мира, первый день новой недели, конкретный образ того, что Бог намерен осуществить во всем мире. Магдалина принимает Иисуса за садовника: это закономерная ошибка, потому что, подобно Адаму, Он должен поддерживать порядок в новом Божьем мире. Он пришел выкорчевать тернии и сорняки, чтобы вместо них насадить мирты и кипарисы, как это провозвестил Исайя в величественной картине нового творения, которое появится, когда Слово Божье придет в мир, подобно снегу или дождю. [230]

И одновременно эта картина плохо соотносится с идеей, что «после смерти мы отправимся на небеса», но она говорит о новом поручении ученикам, которые должны стать для мира тем, чем Иисус стал для Израиля: «Как послал меня Отец, – говорит он, – так Я посылаю вас».[231] В то же время, как это было и у Луки, ученикам дается необходимое «снаряжение» для исполнения поручения: чтобы стать посланцами Иисуса в мире, они должны проникнуться его Духом. Пасха и Пятидесятница неразрывно связаны. Пасха призвала учеников Иисуса выполнять новую задачу, Пятидесятница дала им необходимые силы, чтобы эту задачу решить.

В частности, как мы уже могли видеть, Иисус призвал своих учеников к новому типу познания.[232] Я уже писал об эпистемологии любви. Мы привыкли думать о познании объекта субъектом, где объективность достигается за счет отказа от субъективности. Но такое познание невозможно, и большая заслуга постмодернизма состоит в том, что он это продемонстрировал. Мы призваны к иному познанию, которому нас учит воскресение: быть субъектами, но отдающими себя, а не ищущими своего. Такое познание есть разновидность любви. История Фомы говорит о таком познании. Он хочет знания, над которым можно сохранить контроль, объективных фактов и всего, что им сопутствует. Но когда Иисус предлагает ему проверить факты, которые Фома требовал предъявить, тот переходит от требований к вере и исповеданию, воскликнув: «Господь мой и Бог мой!»[233] Эпизод с Петром в Ин 21 раскрывает другой уровень той же темы: там звучит ключевой вопрос, отдающийся эхом для всех учеников последующих столетий, которые старались сохранить верность Учителю, но не смогли: «Любишь ли ты Меня?»

Это возвращает нас к Людвигу Витгенштейну, с которым мы уже не раз встречались в этой книге, и к его знаменитому высказыванию: «Только любовь может верить в воскресение». Самая знаменитая книга философа, «Логико-философский трактат», что впервые была опубликована в 1921 году, до сих пор остается одной из самых оригинальных и провокационных работ не только современности, но и – по мнению некоторых – всей истории философской мысли. Витгенштейн располагает свои замечания в строгом порядке под сложной нумерацией: 1; 1.1; 1.11; 1.12; 1.13; 1.2; 1.21; затем 2 и так далее. Номер 1 занимает всего лишь половину страницы, номер 2 – пять страниц, номер 3 – девять и так далее. В работе шесть частей, и последний подпункт там пронумерован как 6.54. Однако далее идет необычайный раздел 7, который состоит из одного-единственного предложения: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать».[234]

Витгенштейн с его еврейскими корнями обладал удивительным чутьем к культуре и эстетике. Он отлично понимал музыку и разбирался в архитектуре. У него также была сильная склонность к мистике. Я не могу утверждать, что понимаю все шесть разделов его «Трактата», но кое-что мне кажется очевидным. Витгенштейн сознательно строит свою работу по модели главы 1 Книги Бытия: подобно творению, познание начинается с незначительных, но многообещающих понятий, а затем развивается, становится сложнее и достигает вершины на шестой день, когда был создан человек по образу Божьему. В седьмой день наступает молчание: это покой, многообещающая пауза – иными словами, день субботний. Витгенштейн хочет этим сказать, что иные вещи лежат за пределами слов или философии и лучше хранить о них молчание. Я же хочу дерзновенно заявить, что с воскресением появляется новое познание, новая эпистемология, новая возможность говорить – Слово, родившееся заново после смерти всякого человеческого познания и речи, всей человеческой надежды и любви, после молчаливого субботнего покоя в могиле. Не знаю, думал ли какой-либо христианский философ написать, следуя за Витгенштейном, «Трактат о логике воскресения», начав с пункта 8, но уверен, что для такой работы автору пришлось бы всерьез отнестись к тому, о чем говорит Иоанн в главах 20 и 21 своего Евангелия.

Но это было отступление, и мы вернемся к одной из самых волнующих и глубоких глав всей Библии – к Ин 21. Тут снова на разных уровнях развивается тема нового поручения, уже намеченная в Ин 20:19–23. Ученики ловили рыбу, но ничего не поймали. В дело вмешивается Иисус, и их ждет невероятный улов, однако затем Иисус призывает Петра стать пастырем, а не рыбаком. Здесь одновременно происходит масса разных вещей, но в центре всего стоит нелегкая задача: новый образ жизни, новое прощение, новое принесение плода, новое следование за Иисусом, которое опаснее и масштабнее прежнего. Это разительно отличается от гимнов, в которых воскресение Иисуса представлено всего лишь как доказательство того, что нас ждет блаженный отдых на небесах. Все совсем наоборот: воскресение ставит перед нами

Возможно, труд рыбака здесь равноценен «тому, что ученики, как и весь мир, делали раньше», а труд пастуха – «новым задачам в контексте нового творения». Развивая такую метафору, можно сказать, что церковь в основном сегодня сосредоточена на «ловле рыбы», а также помогает другим стать более совершенными рыбаками, но не на работе пастуха. И действительно, в нашем мире надо помогать людям лучше в том, что им приходится делать. Иисус помогает нам в таких трудах. Действительно, церкви необходимо сотрудничать с окружающим миром. Но если мы только помогаем другим в том, что они уже делают, мы рискуем упустить из виду самую главную задачу. Как это произошло с Исаяей во время видения в Храме и со многими другими людьми в Библии и в истории. Петр превратился из рыбака в пастуха, столкнувшись со своими грехами и получив прощение, когда трехкратный вопрос Иисуса напомнил Петру о его трехкратном отречении, а затем Иисус дал ему прощение, равносильное преображенной жизни, подчиненной новому поручению. Человек, который не готов услышать подобные неприятные вопросы, довольствуется тем, что помогает миру лучше ловить рыбу. Но тот, кто понимает, что воскресший Иисус прикасается к самым корням человеческого бунта, неверности и греха и приносит сюда любовь и прощение, может понять, что он призван пасти овец. Имеющий уши да услышит.

О том же многократно говорят Деяния. Когда Иисус в последний раз прощался с учениками, они продолжали задавать ему все тот же вопрос, который, как они думали, был главным в Его миссии: «Господи, не в это ли время восстанавливаешь Ты Царство Израилю?» [235] Многие читатели понимают ответ Иисуса в таком смысле: «Нет, вы меня неверно поняли», – то есть будто он ответил: «Теперь уже пора забыть о таких вещах, как царство, Израиль и тому подобное, вместо этого у нас будет совершенно иное дело». Но я уверен, что если мы хорошо понимаем значение царства и Израиля и о чем говорится в ответе Иисуса, то мы поймем Его слова иначе: «О да! Только все будет непохоже на ваши представления, но чем-то совершенно иным».

Ученики думают, что восстановление царства в Израиле равносильно национальной победе, быть может, победе в битве над врагами Израиля. Но Иисус думает о другом исполнении давно задуманного Богом плана относительно Израиля и Царства. Он, Мессия Израиля, был воздвигнут из мертвых, а Мессия Израиля, по свидетельству Псалмов и пророков, – это подлинный Господь всего мира. «Он будет обладать от моря до моря и от реки до концов земли». [236] В этом и заключается суть повествования о вознесении, которое идет сразу после вопроса учеников: как понимал любой житель Римской империи, тот, кто восходит на небеса, становится божественным Императором.

Каким же образом этот Император намерен управлять своей всемирной империей? Его вестники, Его посланцы должны разойтись по всей земле, над которой он уже господствует, чтобы принести добрую весть о его восшествии на небеса и его мудром и справедливом управлении. «Вы будете Мне свидетелями, – говорит он, – в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли». [237] И именно по этому сценарию развиваются все события, описанные в Деяниях. Апостолы не предлагают людям ознакомиться с новым духовным опытом, хотя, разумеется, этот опыт также приходит к ученикам Иисуса. Апостолы не говорят, что отныне после смерти можно отправиться на небеса, хотя верующий действительно туда попадает, чтобы там ожидать общего воскресения. Они не говорят, что Бог совершил величайшее чудо, которое доказывает Его мощь, хотя и это правда. Но они идут в мир, чтобы сказать людям, что Иисус, иудейский Мессия, стал подлинным Господином мира, и призвать всех к послушанию веры. Именно так они понимают свою задачу.

Обратите внимание на то, как это описывают Деяния: не то, что мы назвали бы религией, но скорее то, что мы назвали бы политикой. Первая половина книги, до главы 12, рассказывает о том, как Иисус провозглашен воскресшим Мессией, Царем иудейским, перед лицом иудейских властей, и в частности, семейства Иродов. В конце этой части Ирод Агриппа, который казнил Иакова и пытался казнить Петра, в своей мании величия начинает воображать, что стал божеством, подобно эллинистическим владыкам или римскому императору, – и в этот самый момент погибает. (Эту историю рассказывает также Иосиф Флавий, так что она вполне достоверна. [238]) Во второй же части книги путешественник Павел разносит по всей империи кесаря весть о новом Господине, а в самом конце оказывается в Риме, буквально под носом у кесаря, где, по словам Луки, провозглашает Божье царство и смело говорит о царе Иисусе как о Господе. [239] Это совершенно четко выраженная мысль

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
автора Деяний: царства этого мира стали царством Бога Израилева и его Мессии.

И такие дерзкие заявления основаны на воскресении Иисуса, не на его притчах и исцелениях и даже не на Его искупительной смерти, хотя все они сохраняют свое величайшее значение. Именно воскресение означало, что Иисус отныне последовательность мыслей, при всей их головокружительной новизне, прекрасно вписывается в контекст иудаизма I века, а вот движение в противоположном направлении сюда не подходит. Существует мнение, что церковь сначала поверила в то, что Иисус стал Господом, а уже потом из этого вывела Его воскресение. Это не имело бы никакого смысла в тогдашнем мире.) Суть в том, что в жизни как Израиля, так и всего мира наступил великий момент и людям надо об этом сообщить. Лука красноречиво говорит о волнении саддукеев из-за того, что апостолы «проповедуют в Иисусе воскресение из мертвых».[240] Многие современные переводы размывают высказанную там мысль, когда в них стоит нечто вроде «проповедуют воскресение мертвых благодаря Иисусу», то есть косвенно можно понять, будто апостолы говорили: поскольку Иисус воскрес, другие люди тоже вернуться к жизни. Быть может, апостолы говорили и так, но не в этом суть того, на что указывает Лука, а в том, что после пасхальных событий «воскресение мертвых» уже началось. Пасха стала началом нового Божьего мира, долгожданного грядущего века и воскресения умерших.

Вот волнующая сцена, когда Павел стоит на афинском ареопаге, где шесть столетий назад играли пьесу Эсхила, в которой Аполлон провозглашал: «Когда человек умирает и прах впитывает его кровь, воскресения нет». Согласно Деян 17, на этом самом месте Павел заявил, что поиски и загадки языческого богословия и философии теперь предстают перед нами в ином свете, потому что истинный Бог явил Себя и Свой замысел всему миру, поставив Судией всего мира мужа, которого, чтобы подтвердить его правомочия, Он воскресил из мертвых.[241] Вот как действует воскресение: оно открывает новый мир, над которым господствует Спаситель и Судия, иудейский Мессия, а потому все изменилось.

Разумеется, все это вызывает у нас естественные, правомерные вопросы. Год или два назад я получил письмо, в котором кратко были поставлены такие вопросы. Этому предшествовали мои выступления, где я указывал, что тему царства Божьего постоянно отделяют от нас экраном – в данном случае это можно понимать в буквальном смысле, поскольку речь шла о телевизионной программе «Сын Божий» на канале ВВС. Автор письма прямо переходит к делу: «Прошло почти 2000 лет, и мы не видим никаких следов этого царства. Быть может, ради справедливого отношения к Иисусу мы должны отказаться от такой идеи?» Конечно, все тут зависит от смысла, который человек вкладывает в свои слова. В подобных дискуссиях люди привыкли ссылаться на крестовые походы и испанскую инквизицию, косвенно предполагая, что вся деятельность церкви отражается в двух этих уродливых явлениях. Это нелепый подход, но церковь настолько привыкла к критике, что нам бывает трудно найти здесь правильный ответ. Но я приведу два ярких примера из истории последних двадцати пяти лет.

Разумеется, коммунизм в Восточной Европе должен был рано или поздно развалиться под собственной тяжестью, однако достойно внимания, как начался его демонтаж – с бесстрашных выступлений папы-поляка и тех, кто черпал свою смелость из веры и надежды. В равной мере, и апартеид не мог бы продолжаться вечно, однако и тут его мирное свержение (когда все аналитики, да и простые люди ожидали кровавой бойни) подготовил чернокожий архиепископ, который посвящал первые три часа каждого дня и немало времени в другие часы горячей молитве. Кто бы мог себе вообразить тридцать лет назад, что мы увидим работу Комиссии правды и примирения, которая несет исцеление несчастной стране?

Разумеется, в современном мире много открытых ран, которые, как в случае Северной Ирландии, покрывают позором церковь. И конечно, любой человек волен интерпретировать реальность так или иначе и игнорировать знаки господства Иисуса. В конце концов, Господь осуществляет свое правление через веру и оно видимо глазами веры. Даже отдельные удивительные чудеса, которые совершали апостолы, не могли убедить всех их современников. Это не позволяет нам отказаться от Царства. Царства мира сего отличаются от царства Божьего именно тем, что царство Бога исходит от смерти и воскресения Его Сына, оно не опирается на грубую силу или богатство. Но я

рад тому, что мне не обязательно говорить о святом Франциске, матери Терезе или хотя бы о Уильяме Вильберфорсе, но достаточно привести убедительные доводы из истории наших дней, когда сила царства воскресшего Иисуса низлагает неприступные режимы угнетателей и дает надежду бедным и смиренным, причем все это совершается достойно, мирно и справедливо. И, разумеется, в мире происходят сотни и тысячи событий более скромного масштаба, когда церковь в повседневной жизни действует во имя воскресшего Иисуса и Его силой. В одну из суббот 2001 года мне посчастливилось присутствовать на церемонии открытия нового здания, в котором собор в Сазерке получил возможность развернуть активную работу с бездомными и молодежью. Церемонию открытия возглавлял Нельсон Мандела, а одна из комнат здания носила имя епископа Десмонда Туту: это был яркий символ воскресения в мультикультурном районе Южного Лондона, где люди страдают от разделения и множества серьезных проблем.

Евангелия и Деяния вводят нас в суть дела. Но главным человеком, говорившим от имени церкви, для нас остается Павел, к посланиям которого мы сейчас обратимся. Он полностью согласен с авторами Евангелий в том, что касается смысла воскресения, более того, он показывает, что воскресение ставит перед всеми христианами удивительные задачи в нынешней жизни.

3. Павел

Мы уже говорили о стойкой надежде апостола Павла на воскресение тела. Мы также отметили, что он мог с воодушевлением говорить о промежуточном состоянии в период между смертью и воскресением: «Я томлюсь желанием, – пишет апостол, – уйти и быть со Христом, ибо это гораздо лучше». [242] Очевидно, что его представления нельзя объяснить лишь ссылкой на распространенные убеждения иудеев, хотя и они имеют значение, но его вера связана с воскресением Иисуса.

Но как и для авторов евангелий, для Павла значение воскресения Иисуса не сводится к тому, что мы будем со Христом после смерти, а потом нас ждет воскресение. Смысл Пасхи не ограничивается надеждой на загробное существование. Для Павла, как и для евангелистов, воскресение Иисуса знаменует начало нового мира, нового творения, где Иисус уже правит и царствует как Господь. И сам Павел прекрасно понимал всю парадоксальность этого утверждения. Многие наиболее яркие его слова на эту тему написаны в темнице. И потому именно Павел более четко, чем другие, показал значение воскресения не только для всего мира, хотя это важное положение создает контекст для всего остального, но и для повседневной жизни каждого христианина, будь то ребенок, женщина или мужчина.

Мы начнем с 1 Кор 15:21–28 – с этого великого утверждения нового мира. Павел стремится вложить эту мысль в головы бывших язычников в Коринфе, многие из которых просто не вполне понимают Благую весть о воскресении Иисуса. В стихе 17 Павел решительно заявляет: если Мессия не восстал, ваша вера тщетна и вы еще во грехах ваших. Другими словами, с воскресением Иисуса началась заря нового мира, в котором прощение грехов – не просто приватное переживание, но факт бытия. Грех – основная причина смерти; и если смерть побеждена, это означает, что и грех потерял силу. Но если Мессия не воскрес, тогда мы все еще живем в мире, где полновластно царит грех, а значит, важнейшее убеждение христиан в том, что во Христе Бог простил наши грехи, – ни на чем не основанная претензия, ложный оптимизм в страшном мире.

Затем в удивительном, оригинальном отрывке Павел описывает этот новый мир. Как обычно, апостольский текст перенасыщен разными смыслами, но его основное положение выражено со всей силой и ясностью. Павел видоизменил обычные представления иудеев о воскресении всего народа Божьего в конце времен, выделив тут два этапа: сначала предвкушение будущего, а уже затем – общее воскресение. Мессия был воздвигнут из мертвых прежде общего воскресения; Его народ воскреснет, когда Он явится в последний раз (стих 23). И только в этот момент окончательно осуществится Его победа креста и воскресения. Тогда все враги, включая саму смерть, будут повержены к ногам Его, и так исполнятся обетования Писания (стихи 24–26). Но обратите внимание на начало стиха 25: «Надлежит Ему царствовать до тех пор, пока...»; то есть Он уже царствует, хотя мы еще не видим плодов этого правления во всей полноте. [243] И если мы спросим, на чем же основано столь головокружительное заявление – что Иисус уже стал царем мира, несмотря на то, что из мира, похоже, никуда не делась власть кесаря и здесь все еще

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
царит смерть, – ответ будет только один: на воскресении.

В этом Павел полностью согласен с авторами Евангелий. Главное значение воскресения заключается в том, что с этим событием к нам пришел новый Божий мир, в котором совершится обновление Завета, прощение грехов и победа над смертью. Воскресение никоим образом не было изолированным экстраординарным Божественным «чудом», и оно не сводится к обещанию вечной жизни за гробом. Вернее сказать, что с этого момента миром начал править Мессия иудеев, и это значит, что грехи уже прощены и обетования о новом мире справедливости и нетления оказались правдой.

Но как это влияет на нашу повседневную жизнь? Мы можем признать, что воскресение Иисуса открыло новую историческую эпоху. Но даже тут нам придется преодолевать сопротивление. Как мы уже видели, антихристианская риторика последних двух столетий в западном мире настойчиво отрицала этот факт. И у многих из нас появился условный рефлекс на слова Нового Завета о царстве Божьем в нынешнем мире. Мы сразу начинаем думать о том, как христианство стало государственной религией при Константине, или о предательском молчании церквей перед лицом всевозможных жестокостей в XX веке и о многих подобных вещах в истории. Но покаяние в грехах прошлого не должно превращаться в ложное смирение, которое мешает нам видеть необычайные плоды христианства в прошлом или в настоящем. Вильберфорс и Туту – вполне реальные люди, изменившие историю, как и миллионы других не столь знаменитых христиан, которые также стали знаком удивительного господства Иисуса в мире. Мы призваны жить в мире, где подобные вещи возможны, и мы должны свидетельствовать об этом в нашем призвании и в сферах нашей деятельности. Но для Павла воскресение касается не только масштабных свершений в обществе. Есть также личная и сокровенная жизнь в свете воскресения, к которой каждый из нас призван. Я говорю о крещении и святости. Именно в этом Павел подбадривает нас, напоминая, что уже пора просыпаться.

Прежде всего, об этом говорит важный фрагмент Послания к Римлянам: глава 6. Эта глава прямо следует из широкой картины спасительного замысла Бога: «Как царствовал грех в смерти, – пишет Павел в конце главы 5, – так и благодать должна царствовать чрез праведность к жизни вечной чрез Иисуса Мессию, Господа нашего». Это новый Божий мир, но как он соприкасается с нами?

Павел ставит этот вопрос в первом стихе главы 6: «Что же скажем? Остаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать?» Может быть, мы просто зрители, которые сидят поодаль и созерцают, как разворачивается Божья драма, хотя нас самих она пока еще не затронула? Если Бог желает одарить своей благодатью грешников, как постоянно и справедливо подчеркивают христианские проповедники, быть может, нам надлежит оставаться грешниками, чтобы получить больше благодати?

На это Павел отвечает: конечно же, нет! Крещение делает нас людьми воскресения. Стихи 2–4 дают обоснование этой мысли: в крещении мы умерли с Мессией и воскресли с Ним к новой жизни. А затем, в своем обычном стиле, Павел развивает мысль в стихах 5–7. Мы срослись с Мессией в Его смерти, а это значит, что наша прошлая идентичность, наше старое я было распято вместе с Ним. А если это так, то грех уже утратил свое право господствовать над нами, он нас не держит. А вместо этого (стихи 8–10), если Мессия был воздвигнут из мертвых, а мы пребываем в Мессии, через крещение присоединившись к Его народу, тогда и мы также были воскрешены из мертвых. Многие комментаторы думали, что Павел говорит исключительно о будущем, но в стихе 11 он говорит о нашем воскресении в настоящем: подсчитайте, оценив все, и «смотрите на себя» [244] как на мертвых для греха, но живых для Бога в Мессии Иисусе. Это позволяет Павлу перейти к следующему пассажиру, где он призывает слушателей не позволять греху царствовать над их нынешними телами.

Можно дать краткое резюме его мыслям таким образом. Революционный новый мир, начавшийся с воскресения Иисуса, мир, в котором Иисус царствует как Господь, одержал победу над грехом и смертью, и на его передовой линии находятся те люди, которые через крещение стали участниками Его смерти и воскресения. В период между воскресением Иисуса и обновлением всего мира должно произойти обновление человека – нас с вами! – через жизнь в послушании Богу уже здесь и сейчас.

Прежде чем мы углубимся в этот вопрос, обратим внимание на то, что те же
Страница 116

мысли повторяются в главах 2 и 3 Послания к Колоссянам. Вот что говорится в Кол 2:12: через крещение – а оно соответствует иудейскому обрезанию, то есть является знаком вхождения в народ Божий, – христиане погребены с Мессией, и христиане также «воздвигнуты были с ним чрез веру в действие Бога, воздвигшего Его из мертвых». По мнению Павла, крещение сопровождается вера в воскресающую силу Бога, потому что при крещении мы выражаем веру в Иисуса как Господа, и это исповедание основано на Благой вести о том, что Бог воздвиг Иисуса из мертвых.[245] Далее Павел делает выводы из того, что мы умерли с Мессией: мы уже не должны подчиняться иудейским законам и правилам (2:16–23).

А в самом начале главы 3 Павел говорит, что означает участие в воскресении Мессии здесь и сейчас. Апостол пишет: если вы уже были воздвигнуты со Христом – другими словами, если вы уже стали, через крещение и веру, народом воскресения, живущим в новом мире, который начался с Пасхи, под действием той же силы, что воздвигла Иисуса из мертвых, – тогда вы должны уже сейчас участвовать в жизни воскресшего Иисуса. «Итак, если вы были воздвигнуты со Христом, ищите горнего, где Христос сидит по правую сторону Бога; о горнем помышляйте, не о том, что – на земле». Недостаточно сказать: «Я получил крещение, и теперь Бог рад видеть меня таким, какой я есть». У Павла иная логика: «Ты получил крещение, а потому Бог требует, чтобы ты умер для греха и жил воскресением».

Здесь мы сталкиваемся с одной проблемой, о которой стоит поговорить прямо сейчас. У нее есть два аспекта: один «уличный», другой, скорее, сокровенный. Чтобы ее решить, необходимо глубже продумать смысл слова «небеса» и связанных с ним представлений, таких, какие имеет в виду Павел, призывая нас «помышлять о горнем».

Уличный уровень проблемы отражает старая шутка: «Он настолько погружен умом в небесное, что на земле от него нет никакого проку». Это действительно старая шутка, в последние годы мне не доводилось ее слышать, возможно потому, что нынешние практикующие христиане заняли прямо противоположную позицию и нередко настолько погружены в земные дела и в практические вопросы, что возникает сомнение: есть ли от них какой-нибудь прок в небесном смысле? Однако это ложное противопоставление. Шутка имеет смысл лишь тогда, когда мы верим в разделение неба и земли, которые практически не связаны между собой. Но в Библии небеса и земля созданы друг для друга. Это две пересекающиеся сферы в одной Божьей тварной реальности. Можно понять землю лишь в том случае, если ты в равной степени знаком с небесами. Можно познавать Бога и участвовать в Его жизни лишь в той мере, в какой ты понимаешь, что Он любящий Творец как земли, так и неба. Воскресение Иисуса и его преображенное тело позволяют Ему одновременно быть дома как на земле, так и на небесах, и он может переходить из одной сферы в другую через тонкую завесу, которая скрывает от наших глаз ослепительную реальность Бога. В этом, как мы говорили в главе 7, одно из важнейших значений вознесения.

Более глубокая проблема развивается из ее уличной версии, и ее можно сформулировать так: если мы говорим о воскресении в нынешней жизни, то не сводим ли мы «воскресение» всего-навсего к духовному опыту? Не уподобляемся ли мы тут гностикам с их презрительным отношением к телу, включая воскресшее тело Иисуса?

Нет. Я боюсь, что наше сознание настолько находится в плену греческой философии, неважно, читали мы философов или нет, что мы думаем о «небесах» как о чем-то нематериальном по определению, а о «земле» – как о чем-то недуховном, чуждом небесному. Это – ошибка. Одно из главных достижений воплощения, которое отражают воскресение и вознесение, в том, что небеса и землю соединила нерушимая связь, а потому и мы также стали гражданами обеих сфер одновременно. При желании мы можем отгородиться от небес и жить как приземленные материалисты. Но это плохо кончится: наша жизнь увянет и умрет, потому что земля получает жизненные силы от небес.[246]

Но если мы обратимся к небесному измерению, в нашей жизни наступят вполне конкретные и позитивные изменения. Один из первых таких плодов – единство церкви, независимое от культурных и этнических границ, о чем пишет Павел в Кол 3:11. Далее Павел перечисляет много другого, что входит в жизнь тех, кто действительно устремлен умом в тот мир, где главным образом обитает Иисус, в мир иной, который создан специально для того, чтобы исцелить и восстановить наш мир. И каждый раз апостол говорит о подлинной нынешней

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
физической реальности, которая проникает к нам из небесной жизни. Чтобы научиться жить в мире после воскресения – чтобы дать возможность пасхальному событию изменить тебя, твои установки, твоё мышление и поведение, – необходимо принять космологию, которая нам открылась. Небеса и земля (повторю) созданы друг для друга, а в некоторых точках пересекаются и взаимодействуют. И наиважнейшей точкой их пересечения стал сам Иисус. И мы, христиане, должны стать такими же точками пересечения миров благодаря Ему. Дух, таинства и Писание даны нам, чтобы двоякая жизнь Иисуса – и небесная, и земная – стала также и нашей жизнью уже в нынешнее время.

Отсюда мы можем перейти к последнему интересующему нас отрывку из писем Павла. Два послания: к Колоссянам и к Ефессянам – близки по содержанию, и во втором мы находим бодрящий призыв, который Павел, быть может, позаимствовал из поэзии первых христиан: «Вставай, спящий, и воскресни из мертвых, и будет светить тебе Христос» (5:14).

Другими словами, настало время пробуждаться! Если ты живешь, не замечая небесного измерения, то ты как бы еще спишь, хуже того, если вспомнить метафорическое значение сна – ты как бы еще мертв. Ложь, стяжательство, сексуальный грех, раздражительность и тому подобные низменные черты (Павел перечисляет их с ужасающей выразительностью[247]) суть проявления смерти как для человека, которому они свойственны, так и для окружающих, на кого они оказывают губительное влияние. Все это подобно смертному сну. Но настало время проснуться, говорит Павел. Встань и живи в реальном мире, где Господом стал Иисус и куда ты вошел через крещение, провозгласив исповедание веры, согласно которому Иисус есть Господь, а Бог воздвиг Его из мертвых. Всем нам нужно время от времени слышать (от друга, духовного руководителя, незнакомца, на проповеди, из Писания или просто внутри себя, где в нас говорит Дух) такие слова: «Пора просыпаться! Ты уже достаточно поспал. Солнце стоит высоко, и на улице чудесный день. Проснись и прими дар жизни!»

Таким образом, смысл воскресения Иисуса не в том, что Бог однажды сотворил поразительнейшее чудо, но затем решил не повторять его, и не в том, что после смерти нас ожидает блаженная жизнь. Воскресение говорит нам, что в Иисусе Христе Бог уже открыл Свой новый мир и что теперь нас приглашают в него войти. И именно потому, что воскресение произошло с телом, хотя и с преображенным, пасхальная сила может изменять и исцелять наш мир как на макроуровне, когда мы прилагаем Евангелие к масштабным проблемам современности, – а если к ним нельзя отнести коммунизм и апартеид, то я не знаю, какие еще могут быть проблемы, – так и на уровне мелочей нашей повседневной жизни. Христианская святость заключается не в том, что мы изо всех сил стараемся быть хорошими, но в том, что мы учимся жить в новом мире после воскресения, в том мире, в который мы вошли на глазах у других людей в момент крещения. Да, мы не можем ничего изменить во многих ситуациях на земле, когда нам остается только молиться. Но существует часть мира, часть физической реальности, на которую мы можем повлиять – это часть творения, которую мы называем «самими собой». Личная святость и святость общества связаны неразрывно. Те, кто пробудились к одной из них, чувствуют призвание пробудиться и к другой. Именно об этом мы и будем говорить в следующей, последней, главе.

15. Церковь, готовая к миссии (2): жизнь из будущего

1. Введение: празднование Пасхи

И так, каким же образом нам научиться жить в состоянии полного бодрствования, жить как народ Пасхи? У меня есть на этот счет свои предложения. Я пришел к убеждению, что многие церкви год за годом отодвигают от себя Пасху, и умоляю задуматься, как мы – и в церкви, и по отдельности – можем жить согласно вере, которую провозглашаем. Я буду говорить о церкви, которая мне лучше всего знакома. Те, кто празднует воскресение иначе, смогут, я надеюсь, найти тут что-то ценное для себя, внеся нужные поправки.

Начнем с самого пасхального дня. Многие церкви сделали огромный шаг вперед, когда начали праздновать Пасху ночью, как то всегда делала Православная церковь, но во многих случаях это торжество совершается достаточно банально. Пасха – это наивысшее выражение восторга перед творческой силой Бога; быть может, это нужно не всем англиканам, но нам, по крайней мере, следует кричать «Аллилуйя!» изо всех сил, а не просто бормотать себе под

нос, нам нужно зажечь каждую свечу в храме, а не дюжину, нам надо раздать в руки каждому присутствующему – мужчине, женщине, ребенку – по свечке, надо устроить настоящий фейерверк и все окропить водой, ибо таким образом мы обновляем наши крещальные обеты. Любое отступление от такого чина ведет нас к бесплотной или эзотерической Пасхе, но это событие никогда не было таковым. Реальный Иисус вышел из настоящей могилы, и за Ним к нам пришло реальное новое творение.

Но самую тяжелую проблему, на мой взгляд, представляет собой следующий понедельник. Мне кажется абсурдом, что мы проводим сорок дней Великого поста, обдумывая его смысл, проповедуя самоотречение, напуская на себя отрешенный вид, а затем переживаем его кульминацию – Страстную неделю, в которой есть также своя кульминация – Великий четверг и Страстная пятница... чтобы потом, после загадочного дня Великой субботы, попроздновать Пасху один-единственный день.

Конечно, воскресные дни после Пасхи посвящены этому событию. На протяжении нескольких недель мы слышим соответствующие отрывки из Писания и гимны. Но сама Пасхальная неделя не должна быть моментом, когда все клирики вздыхают с облегчением и наслаждаются отдыхом. Это должен быть восьмидневный праздник с шампанским после (или даже до) утренней молитвы, с возгласами «Аллилуйя!», гимнами и прекрасными псалмами. Стоит ли удивляться тому, что люди не верят в воскресение, если мы не бросаем шляпы в воздух? Стоит ли удивляться тому, что нам трудно жить воскресением, если мы не празднуем его, по-настоящему ликуя за богослужением? Стоит ли удивляться тому, что мир игнорирует Пасху, если для нас это один счастливый день, завершающий сорок дней поста и печали? Нам надлежит обратить пристальное внимание на то, как мы празднуем Пасху в церкви, дома, в личной жизни, на всех уровнях. И если мы увидим, что следует отказаться от каких-то привычных вещей, что же – возможно, настало время пробудиться. Такое всегда происходит неожиданно.

И если мы этим займемся, мы можем создать несколько более выразительных пасхальных гимнов и отобрать из тех, что уже были написаны, в которых Пасха занимает должное место, а не служит лишь билетом в страну загробного блаженства. Любопытно, что большинство самых здоровых гимнов связано с церковью первых веков, а большинство самых неудачных создано в XIX столетии. Но нам нужно праздновать Пасху творчески и по-новому, используя искусство и литературу, детские игры, стихи, музыку, танцы, вечеринки, колокольный звон, пасхальные концерты и все, что мы только можем придумать. Это наш величайший праздник. Если убрать из календаря Рождество, мы потеряем только две главы в начале Евангелий от Матфея и Луки – ничего больше. Но если убрать Пасху, для нас будет потерян Новый Завет и само христианство, – как сказал Павел, значит, вы все еще во грехах ваших. Мы не вправе позволить секулярному обществу с его собственными программами, обычаями и псевдорелигиозными мероприятиями, с его модными пасхальными плюшевыми игрушками сбивать нас с пути. Это наш величайший день. Мы должны поднять наши знамена.

В частности, если Великий пост – время отказа от каких-то вещей, то Пасха должна стать принятием старых и новых правил. Мы снова пьем шампанское на завтрак – и хорошо делаем. Христианская святость ни в коем случае не должна нести только отречение от радостей жизни. Разумеется, время от времени сад необходимо пропалывать, ведь иные сорняки пускают глубокие корни, так что для их извлечения требуется труд. Вот что такое для нас Великий пост. Но мы не ставим перед собой цели превратить сад в вычищенный до основания участок земли. Пасха – время сеять новые семена и сажать саженцы. Если Голгофа несет в себе смерть для того в жизни, что необходимо убить, чтобы мы расцвели как христиане и просто как люди, то во время Пасхи мы сажаем и поливаем растения и культивируем те явления личной или общественной жизни, которые должны цвести, наполнять сад своими красками и ароматами и в свое время приносить плод. Сорок дней между Пасхой и Вознесением должны уравнивать сорок дней Великого поста: мы можем взяться за новую задачу, опять пойти на риск, сделать какое-то плодотворное, общее дело, которому полностью отдадим себя. Можно посвятить этому только шесть недель, подобно тому как иные из нас обходятся без пива или табака на протяжении шести недель поста. Но если такое начинание осуществится, оно позволит нам почувствовать вкус новых возможностей, новых надежд, новых приключений, о которых мы и не мечтали. Тогда Пасха может проникнуть в самую глубину жизни. И тогда каким-то совершенно новым образом наступит пробуждение. Вот что такое Пасха.

2. Пространство, время и материя: искупленное творение

С этим связана одна серьезная проблема нашего времени. В западных церквях немало мест, куда проникла новая жизнь: там много молодых людей с их нерастроченной энергией, активной позицией и новой музыкой. Но именно там люди нередко отказываются от практик традиционных церквей: от храмовых зданий, богослужения, формальной молитвы, а в некоторых местах – даже и от таинств (или к ним прибегают лишь изредка и без особого воодушевления). Я вижу в таком поведении проявления скрытого протестантизма западного христианства: эти люди с недоверием относятся к храмам, богослужению, будто те сами по себе бездуховны, банальны и не стимулируют жизнь, а потому чем их меньше, тем лучше. Многие люди в новых церквях, избравших такое направление, или в традиционных деноминациях, которые живут подобным образом, и в самом деле могли убедиться в безжизненности традиционных церквей. И открыв для себя новую жизнь во Христе, они охотно расстаются с понятиями, которые кажутся им скучными, слишком респектабельными или даже бездуховными. Для многих «свежее выражение веры» равносильно отказу от храмовых зданий, от «службы» как таковой, особенно от литургии, от установленных часов или дней календаря, от таинств (по меньшей мере, от формальной евхаристии; при этом появляется немало «самодельных» обрядов, претендующих на замену таинства, но это другой разговор). Возможно, иные читатели, дойдя, наконец, до главы о формировании церкви вокруг миссии, подумают, что я также приветствую эту агрессивную и популярную версию протестантизма.

В таком случае мне придется их разочаровать. Я стою за «смешанную экономику» в богослужении и поклонении Богу. Позвольте мне объяснить. Мы живем в очень разнородном обществе – и на местном, и на глобальном уровнях, – и было бы неразумно думать, что один размер или одна форма христианской жизни точно подойдет любой группе людей, которая к нам присоединится. Однако логика нового творения наводит меня на некоторые здравые мысли, и хотя я не намерен гасить пыл тех, кто ищет новые формы, хотел бы напомнить таким энтузиастам, что не стоит выплескивать вместе с водой и младенца. В одной из своих знаменитых притч Иисус предупреждает нас об опасности уподобиться растению, которое стремительно растет, но не имеет глубокого корня – разумеется, есть другие растения с глубокими корнями, рост которых подавляется по другим причинам. Иными словами, неразумно рабски следовать всем старым формам в церкви, но неразумно и столь же рабски отвергать все традиции и непрерывно стремиться к новаторству. Нам не следует отречься от нашей надежды, воскресения Иисуса, ставшего началом, и об этом мы должны помнить, когда что-то меняем в поклонении Богу и в нашей работе во благо мира.

Поэтому вспомним о точке отсчета. Тварный мир, искупление которого Бог начал с воскресения Иисуса, – это мир, где небо и земля созданы не для того, чтобы существовать независимо, но чтобы соединиться. В этом единении творение, о котором Бог вначале сказал «хорошо весьма», не будет отброшено, но станет более прекрасным. Новый Завет никоим образом не позволяет нам думать, что после появления нового неба и новой земли Бог скажет: «Да, первое творение оказалось не таким уж хорошим, не правда ли? Разве это не здорово, что мы наконец-то избавились от всего этого пространства, времени и материи?» Скорее, Новый Завет показывает мир, в котором нынешнее творение с этими его тремя свойствами стало совершеннее, оно вписывается в великий замысел Бога, но Бог от него отрекается.

И здесь уместно подумать о пространстве, времени и материи, которые будут обновлены, но не оставлены. Что это значит для жизни церкви?

Если рассматривать обновление и восстановление пространства, то, среди прочего, нельзя не упомянуть возросший недавно интерес к кельтской традиции «тонких мест» – тех мест, где завеса, отделяющая небеса от земли, почти прозрачна. И это только лишь один из аспектов «богословия места», которое на Западе впервые оказалось под угрозой со времен Просвещения. [248] Нам необходимо как можно скорее, пока еще не поздно, вернуться к этому богословию. Если воспользоваться доступным сравнением, то это подобно ситуации, когда строители вырубают все старые деревья, чтобы расчистить место для торгового центра и места парковки, а местные жители в этот момент начинают понимать, как много тени эти деревья давали летом, как много плодов они приносили осенью и как прекрасно они выглядели весной. Конечно, как сказал Иисус, Бог призывает всех людей поклоняться ему в духе и истине

не только на той или иной священной горе.[249] Но это не подрывает основ здоровой богословской мысли, что Бог восстанавливает весь мир, который предназначен стать местом поклонения и молитвы. И потому христианские храмы и другие места, где, по словам Элиота, «молитва имеет силу», – это не бегство от мира, но завоеванная позиция, это часть пространства, данного Богом, которая уже посвящена Его славе в ожидании того дня, когда весь мир преисполнится хвалы.

И только безумием дуализма можно объяснить ситуацию, когда люди без особых размышлений заявляют (и многие делают это сегодня якобы в интересах «миссии», хотя на самом деле преследуют интересы дуализма – если не сиюминутной выгоды), что старые храмы и подобные места не имеют отношения к миссии, порученной нам Богом, и сегодня и в будущем. Возможно, некоторые храмы исполнили свое предназначение и теперь их можно снести или использовать в других целях. Однако в наши дни многие заново открывают, что действительно существуют места, освященные молитвой и поклонением наших предков, где молитва звучит естественнее, где познание Бога и ощущение Его присутствия даются легче, хотя зачастую невозможно объяснить почему. Нам стоит всерьез подумать о здоровом богословии места и пространства, опираясь на обещание Бога обновить все творение, прежде чем мы откажемся от понятий географии и территории. Да, территориальные претензии могут нести в себе идолопоклонство и злоупотребления – как это бывает в случаях, когда церковь, уже давно вышедшая за рамки ортодоксального христианства, пытается использовать свою каноническую власть, дабы отстаивать «территориальные права», или когда люди из сентиментальных соображений слишком привязаны к какому-то строению, которое уже давно перестало служить нуждам местной общины. Правильный ответ на злоупотребления – это не дуализм, но здоровое использование.

Обновление и восстановление времени касается по меньшей мере трех вещей.

(1) В VI веке произошло событие, имеющее глубокий символический смысл, когда Дионисий Малый создал схему отсчета времени для всего мира на основе (предполагаемой) даты рождения Христа. И несмотря на отдельные неудачные попытки эту схему отменить (например, после французской революции), она более или менее используется по всему миру, что можно было заметить несколько лет назад, в момент наступления 2000 года, но в основном люди об этом не думают.[250] Это напоминает звук мощного колокола над спящим городом: каждый раз, когда человек ставит где-либо дату, он утверждает господство Иисуса, неважно, слышит это кто-либо или нет.

(2) Есть и более специфичный аспект: время церкви, ее долгая история и сформировавшееся за это время «предание». Это следует принимать во внимание, когда мы думаем о церкви в связи с эсхатологией и миссией. Разумеется, и здесь нам следует опасаться идолопоклонства – поклонения вещам, которые были не слишком важны в прошлом, а сегодня потеряли свой смысл. Нам нужно помнить, что церковь утверждала и совершала немало неразумного и недоброго, как и мудрого и доброго. Но история церкви говорит о том, что, несмотря на такие безумства, неудачи и явные грехи, Божье будущее уже вошло в то, что для наших предков было «нынешним временем», и это делает нас наследниками «прошлого», в котором были не только ошибки и устаревшие к настоящему времени культурные стереотипы, но и зарождались элементы нового творения, что уже (если учитывать нашу точку зрения) вплелось в ткань истории – это элементы, можно сказать, Божьего будущего, которые уже стали частью нашего прошлого.

И, разумеется, крайне важно понять, что в «предании» церкви отражает новое творение и что являет собой пример неверного отношения у нему. Но отправлять за борт традицию только потому, что это «предание», равносильно капитуляции перед эпохой постмодернизма или уступкой ультра-протестантизму, который подрывает под корень дерево, чтобы все дерево с его плодами можно было видеть и чтобы его часть не скрывалась в грязной почве.

(3) Евангелия (особенно от Иоанна) и стиль жизни первых христиан, отраженный в посланиях апостола Павла, показывают, что в церкви очень быстро первый день недели, день воскресения Христа, стал в рамках нынешнего мира с его временем знаком того, что жизнь грядущего века уже наступила. Воскресный день, с самого начала ставший днем воспоминания о воскресении Иисуса (если задуматься, это – феномен), отражает отнюдь не только викторианские ценности, но это еженедельно возобновляющееся радостное напоминание о том, что все время принадлежит Богу и подчиняется господству

Разумеется, поклонение должно совершаться «все семь дней, а не один из семи». Многим христианам сегодня по самым разным причинам трудно посещать длительные воскресные службы в церкви. Однако следует помнить, что первые христиане жили в мире, где воскресенье было первым днем рабочей недели, подобным нашему понедельнику, и они настолько ценили этот символ, что были готовы встать в самую рань, чтобы снова праздновать Пасху в предвосхищении последнего, восьмого, дня творения, начала новой недели, того дня, когда Бог обновит все.

Самое сложное из трех свойств нашего мира – это, конечно, сама материя: то, из чего (как о том постоянно – и справедливо – напоминала протестантская традиция) делают идолов. Но и здесь, если мы не хотим поддаваться платонизму, отрицающему благость творения, нам крайне важно помнить о телесном воплощении и воскресении Иисуса, а также о Божьем обетовании, согласно которому все творение станет новым, освободившись от смерти и тления (а потому, вероятнее всего, как это отобразил К.С. Льюис, описавший удивительный новый мир в «Расторжении брака», оно станет более прочным, более реальным, чем нынешнее). Именно в рамках таких представлений обретают свой подлинный смысл христианские таинства крещения и евхаристии.

Разумеется, таинства могут выродиться, превратиться в обычное суеверие и идолопоклонство. Но мы не должны забывать о том, что случилось с народом Израиля, когда люди подобным образом обращались с ковчегом Завета, сделав из него что-то вроде волшебного талисмана, о котором вспоминают только в случае военных неудач (1 Цар 4–5). Ковчег был захвачен врагами, евреи проиграли сражение. Однако когда филистимляне поставили ковчег в храм своего бога Дагона, идол упал перед ковчегом. Злоупотребление таинствами не говорит о том, что их невозможно использовать должным образом.

Многие поколения христиан пытались найти слова, чтобы точно объяснить, что же происходит при крещении и во время евхаристии. Не стоит удивляться тому, что в целом их попытки оказались неудачными, потому что таинства устроены так, что сами являются языком, с которого невозможно сделать перевод, и хотя происходящее можно описывать с разных точек зрения, все эти описания в конечном счете неадекватны. (Тут уместно вспомнить слова одной балерины, которую спросили, что «означает» такой-то танец: «Если бы я могла это сказать, мне не нужно было бы танцевать».) Но когда таинства (и другие близкие вещи, такие как свечи, воздевание рук и поклоны, омовение ног, крестное знамение и т.д.) отвергают, превращают в банальность или в нечто второстепенное потому, что они могут обрести предрассудками или выродиться в идолопоклонство или что некоторые люди могут, выполняя их, думать, что Бог обязан их вознаградить. Все это напоминает отказ от сексуальных отношений в браке на том основании, что те же действия в иных обстоятельствах могут быть безнравственными. Иногда я посещаю церкви, где прихожане полностью отказались от всех «профессиональных» форм богослужения прошлого – от особой одежды хористов, процессии, органистов и т.д., – и удивляюсь, увидев, что они приняли иные формы, которые также требуют профессионализма: компетентные специалисты должны следить за звуковой системой, освещением, проекцией изображений, работой компьютерной программы PowerPoint и т.д. Во всем этом нет ничего дурного. Все можно и должно делать ради славы Божьей. Но когда за этим стоит убеждение, что старые формы богослужения в чем-то менее «духовны», чем служба с применением современных технологий, – мы видим в нем лишь предрассудок.

Постараемся взглянуть на это так (забыв пока о еще одном предмете, требующем более развернутой аргументации). На евхаристии хлеб и вино для нас – составляющие нового Божьего творения, того творения, в которое уже вошел Иисус после своего воскресения. Они со всей силой, какая доступна только символическим действиям (будь то рукопожатие, поцелуй или когда мы разрываем в клочья контракт и т.п.), говорят о Его смерти, которая стала победой над идолопоклонством и грехом, и о Его будущем пришествии, когда обновится все творение (1 Кор 11:26). И мы питаемся от той реальности, даже если нам трудно себе представить, какого рода эта реальность. Если мы понимаем, что переживаем обновление как народ Иисуса, живущий и трудящийся в ситуации напряжения между Пасхой и окончательным обновлением всего, мы можем хотя бы расслабиться и радоваться всему тому, что дают нам таинства.

И если церковь желает обновления своей миссии в этом мире пространства, времени и материи и для этого мира, мы не можем игнорировать его или им

пренебрегать. Мы должны призвать этот мир подчиниться царству Бога, господству Иисуса и силе Духа, чтобы затем мы могли пойти в мир и работать для Царства, провозглашать такое господство и совершать изменения той самой силой. Если вы обучаете людей пению, вряд ли вы начнете с того, что выбросите все свои музыкальные инструменты. И миссия церкви должна включать, на структурном уровне, понимание того, что нынешние пространство, время и материя не нужно отвергать, но их нужно искупить. Если мы живем в период между воскресением Иисуса и окончательным соединением всего небесного и земного, мы должны прославлять Бога, который исцеляет наш мир, а не отказывается от него, который восстанавливает пространство, где пересекаются небо и земля, который совершает искупление времени, так что годы, недели и дни начинают говорить об обновлении, и совершает искупление самой материи, – так что таинства указывают на обновление жизни тех, кто омыл себя крещением и питается евхаристическим хлебом. У сторонников «становящейся церкви» иногда встречается тенденция пренебрежительного отношения к пространству, времени и материи, однако я твердо убежден, что для движения вперед необходимо заново открыть подлинную эсхатологию и найти подлинную миссию, основанную на предвосхищении эсхатологического будущего, а также такие формы жизни церкви, которые воплощают в себе это предвосхищение.

3. Воскресение и миссия

Как же будет выглядеть такая церковь, которая перешла к обновленной миссии на основании обновленного поклонения Богу?

Надеюсь, из изложенного мной все уже достаточно ясно: миссия церкви есть действие в силе Духа, продолжение телесного воскресения Иисуса, что предвосхищает то время, когда Бог наполнит землю Своей славой, преобразит прежние небо и землю, сделав их новыми, и воздвигнет Своих умерших детей обитать тут и управлять искупленным миром, который Он создал. Не более и не менее того.

И в таком случае «миссия» должна как можно скорее излечиться от своей застарелой шизофрении. Как я уже говорил, конфликт между «спасением душ» и «добрыми делами в мире» не связан с Библией или Евангелием, но отражает ситуацию, когда Библия и Евангелие в западном мире оказались в плену у современной культуры. Вернемся к темам, которые были подняты две главы тому назад (справедливость, красота, благовестие), с новой надеждой, основанной именно на обетовании о том, что пространство, время и материя будут обновлены. Пространство, время и материя – это место, где живут реальные люди, реальные общины, где надо принимать нелегкие решения, где школы и больницы заявляют о евангельском «сейчас, уже», а полиция и тюрьмы говорят о «еще не». Пространство, время и материя – это среда, где парламенты, муниципальные советы, собрания местных активистов и всевозможные другие организации работают для блага окружающих, поскольку анархия может привести к тому, что всегда будут побеждать самые наглые (в экономическом, социальном или даже физическом смысле слова), а слабых и ранимых всегда надо защищать. Таким образом, эти политические и социальные структуры общества входят в замысел Творца.

И церковь, обновленная воскресением Иисуса, должна стать церковью, которая действует именно в этом мире пространства, времени и материи и утверждает, что здесь должно находиться Божье царство, здесь должен господствовать Иисус, здесь должна действовать сила Духа. Советы и парламенты нередко действуют мудро (евангельское «уже», которое церковь должна поддерживать), но иногда под давлением бесцеремонных притязаний, коррупции, а потому следует за ними наблюдать и требовать от них отчета (евангельское «еще не», которое призывает церковь быть активной и бдительной).

Если церковь серьезно относится к священному пространству, видя в нем не бегство от мира, но плацдарм посреди мира, то христиане после поклонения в храме сразу должны идти в зал заседаний – чтобы участвовать в обсуждении вопросов развития города, гармонии и человечности архитектуры, парков, уличного движения, охраны окружающей среды (в частности, в сельских районах, где этот вопрос стоит невероятно остро), здоровых и творческих методов ведения сельскохозяйственных работ, должного использования ресурсов. Если, как я это старался показать, весь мир стал теперь священной землей Бога, мы не можем спокойно смотреть, как эту землю портят и уродуют. Это не какая-то «добавочная» часть миссии церкви, но самая что ни на есть главная.

Если церковь признает тот факт, что Иисус есть Господь всего времени, то христиане будут не только тихо торжествовать каждый раз, подписывая письмо или документ, и не только станут почитать воскресный день как наиболее удобный – с человеческой и социальной точек зрения – повод праздновать Божье новое творение (указывая на безумие человечества с его семидневной рабочей неделей), и не только будут стремиться привести свою жизнь в соответствие с точным ритмом поклонения и работы. Такая церковь постарается внести свою мудрость и свой новый человеческий порядок в работу офисов, магазинов и местных органов власти, в гражданские праздники и события общественной жизни. Не стоит думать, что все в этой сфере благополучно. Я наблюдаю огромные перемены в жизни людей: когда-то весь мой город мог ощущать наступление Страстной пятницы и Пасху, теперь же эти великие дни стали лишь поводом для проведения футбольных матчей и показа старых фильмов по телевизору (и часто в телевизионных программах на эти дни не найдешь ничего, хотя бы косвенно связанного с Иисусом или Евангелием!) Вот что происходит с обществом, когда оно утрачивает свои корни и движется по течению, повинувшись преходящим тенденциям современной массовой культуры. Напомнить миру, что время есть благой дар Бога (это противоположно представлению о времени как товаре, который можно использовать для собственного блага, что часто лишь порождает новые формы рабства), и является не «дополнительной» частью миссии церкви, но самой главной.

И конечно, если церковь серьезно относится к тому факту, что в Иисусе и через него Бог Творец снова прикоснулся к миру материи и преобразил его Своим присутствием и что однажды Бог наполнит мир познанием и славой, как воды покрывают море, то христиане не только будут прославлять пришествие Бога во Христе в таинствах церкви, но легко перейдут от крещения и евхаристии к работе, которая воплощает исцеляющее и преображающее присутствие Бога в физической материи реального мира. Я епископ, и на этом посту меня радует многое. Например, я могу наблюдать, как «обычные» христиане (конечно, я не верю, что такие бывают, но надеюсь, вы понимаете, что я хотел сказать) сразу после поклонения Иисусу в церкви идут в мир, стараются облегчить материальное положение бездомных, организуют группы для детей одиноких работающих матерей, создают кредитные союзы, чтобы самые бедные восстановили способность себя содержать, борются за улучшение жилищных условий, за безопасность на дорогах, за открытие центров реабилитации для зависимых от наркотиков, за разумные законы, касающиеся употребления алкоголя, за создание достойных библиотек и строительство спортивных площадок и занимаются тысячей других вещей, через которые верховное правление Бога распространяется на жесткую конкретную реальность жизни. И снова можно сказать: все это не является какой-то «дополнительной» частью миссии церкви. Это – ее главный труд.

Совершенно очевидно, что такой подход к задачам церкви с точки зрения пространства, времени и материи имеет непосредственное отношение к двум упомянутым выше категориям: к справедливости и красоте. Но это прямо относится и к благовестию. Когда все видят, что церковь переходит от поклонения Богу, открывшемуся через Иисуса, к реальной работе в мире, которая вносит в жизнь людей самые необходимые перемены; когда всем очевидно, что люди, сидящие за трапезой вместе с Иисусом, встают в первые ряды борцов с голодом и нищетой; когда окружающие понимают, что люди, которые в молитве просят «да действует Дух Божий в нас и через нас», как будто бы обладают какими-то особыми ресурсами любви и терпения при заботе о тех, чья жизнь разбита, искалечена и стала постыдной, – тогда возникает естественная ситуация для разговора об Иисусе, тогда можно пригласить других поучаствовать в поклонении Христу и открыть для себя смысл пребывания в Его семье. Более того: тогда люди, даже если они себя считают «неверующими», естественным образом начинают понимать, что тут происходит нечто удивительное, в чем и им хочется поучаствовать. Если воспользоваться словами Книги Деяний, можно сказать так: когда церковь живет царством Божьим, слово Божье распространяется со властью и само по себе становится действенным.

Разумеется, каждый христианин может взять на себя только крохотную часть всей этой миссии. И потому миссия есть непрестанная работа всей церкви. Кого-то Бог привлекает к работе с детьми-инвалидами. Кто-то, повинувшись своему призванию, работает в городском совете. Кто-то занимается искусством или образованием. И все мы нужны друг другу для взаимной поддержки и ободрения. Всем нам нужно питаться самым главным – поклонением Богу в церкви, – и эта главная часть жизни, в свою очередь, питается и

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
обновляется, когда друзья Иисуса возвращаются к поклонению, на время оторвавшись от своей миссии в мире. [252]

Подобные дела, к счастью, совершают также – и порой очень хорошо – люди другой веры или неверующие. Так и должно быть, этого нам следует ожидать и надо радоваться этому, если мы верим, что (вопреки любым формам дуализма) единый истинный Бог сотворил все сущее и не оставил себя без свидетелей в этом мире. Павел дает замечательный совет христианам Филипп – хотя он знает, что их, как и его самого, преследуют за веру, так что перед ними стоит искушение уйти от мира, обратившись к дуализму и к духовности сектантского типа, – и этот совет полон надежды. Он пишет: «Итак, братья, все, что истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что похвально, – если есть какая добродетель и если есть какая похвала, – об этом помышляйте». [253] И когда мы будем думать о подобных вещах, мы все лучше и лучше будем понимать Бога Творца, которого уже знаем в Иисусе Христе, и начнем работать более плодотворно, не противопоставляя себя «этому миру», но принимая все зерна доброй воли в мире, все, что дает и обогащает жизнь.

Однако то же самое послание напоминает нам, что не следует быть наивными. Есть много мест и много ситуаций, в которых из-за корыстных интересов, коррупции учреждений и политиков, из-за тиранов, бессовестных людей и замкнутых групп определенной расы или культуры свидетельство церкви, описанное мной выше, покажется угрозой и агрессией. Это не должно удивлять те церкви в западном мире, которые столкнулись с запретом на использование христианской символики и проведение праздников по причине «политической корректности». Это не удивит и тех христиан, которые пытались добиться улучшения жилищных условий или условий труда для работников промышленности или сельского хозяйства и тем самым вызвали яростную злобу со стороны тех, кто привык беспощадно эксплуатировать других.

И обратите внимание на то, что вам скажут эти разозленные люди. Они, как это было много раз и прежде, скажут, что церковь должна заниматься своей главной задачей – «спасением душ». Радикальное извращение христианской надежды именно и сводится к молчаливому попустительству, которое предоставляет мир самому себе и тем самым позволяет действовать злу, не призывая его к ответу. Вот где окружающие внезапно сталкиваются с поразительной надеждой, и в ответ говорят, на что именно, по их мнению, должны надеяться христиане, – и приводят такую версию «надежды», которая не вдохновляет на труд для улучшения положения вещей в нынешнем мире пространства, времени и материи.

Именно здесь церковь должна научиться сотрудничать без компромиссов и противостоять без дуализма. В большом мире происходит много положительного, и мы должны принять в этом участие, но всегда быть настороже, потому что в какой-то момент нам могут предложить сделать нечто такое, что не соответствует сути Евангелия. Одновременно в большом мире происходит много дурного, и мы должны этому противостоять, но всегда быть настороже, потому что в какой-то момент мы можем скатиться к дуализму и отвернуться от мира, который уже сейчас отражает великолепие Божье. Это всегда было достаточно трудной задачей, а сегодня она стала еще труднее, потому что мы на Западе уже пару столетий назад перестали думать о подобных проблемах. И опять-таки Уильям Вильберфорс и его сторонники могут нас многому научить. И мы начинаем понимать, насколько ценны для нас яркие сравнения Иисуса. Пришло время подумать о том, что это значит – в реальном мире XXI века – быть мудрыми как змеи и простыми как голуби.

Как я стремился показать, миссия церкви должна формироваться на основе надежды, а подлинная христианская надежда, укорененная в воскресении Иисуса, есть надежда на то, что Бог обновит все в мире, победит испорченность, тление и смерть и наполнит всю вселенную Своей любовью и благодатью, Своей силой и славой. Я также пытался показать, что такая миссия становится по-настоящему действенной тогда, когда она основана на искренней и радостной вере в обновление пространства, времени и материи Богом в жизни церкви. Бесполезно (если в очередной раз воспользоваться метафорой, которую я уже не раз употреблял) ожидать плодов от дерева, если ты постоянно подрезаешь его корни.

Разумеется, я не хочу сказать: «Создайте хорошую «традиционную церковь», и тогда с миссией все будет в порядке». Так, часто в «традиционной церкви» было слишком много традиции и слишком мало церкви. Я хочу сказать:

«Поразмышляйте о нашей евангельской надежде, осознайте тот факт, что обновление творения – это одновременно и цель всего сущего во Христе, и то, что уже было достигнуто его воскресением, – и затем отправляйтесь трудиться ради справедливости, красоты и благовестия, ради обновления пространства, времени и материи, предвосхищая тем самым конечную цель и реализуя то, что мы получили через смерть и воскресение Иисуса». Это путь и к подлинной миссии, доверенной нам Богом, и к формированию церкви ради этой миссии и в контексте этой миссии.

Отсюда следует, что люди, осуществляющие такую миссию в большом мире, сами должны пройти через эти переживания и формировать собственную жизнь. Нельзя оправдать личное благочестие, которое никак не связано с реальной миссией, также нельзя оправдать людей, которые погружаются в социальную, культурную или политическую активность, не замечая, что подобные вопросы касаются их внутренней жизни, – это задачи, которые ставит перед нами царство Бога, господство Иисуса и сила Духа. Если Евангелие не преобразует твою жизнь, как можно верить в то, что оно преобразит что-либо еще?

Может показаться, что это указывает нам на достаточно «обычные» вещи. В каком-то смысле это верно. Но тут, в завершающем разделе последней главы, я хотел бы рассмотреть основные компоненты христианской духовности, которыми церковь питает себя для своей миссии справедливости, красоты и благовестия в мире пространства, времени и материи с точки зрения удивительной христианской надежды, укорененной в воскресении Иисуса и даровавшей нам возможность предвосхищать новое Божье творение во всей его полноте. Такой подход лучше всего позволяет понять христианскую духовность.

4. Воскресение и духовность

Я могу себе позволить лишь кратко описать шесть важнейших аспектов христианской духовности, которые предстанут перед нами в новом свете, если мы увидим их в контексте поразительной надежды пасхального призыва, обращенного к нам: пробудитесь и живите в новом Божьем мире.

а. Новое рождение и крещение

Одни из самых удивительных слов о новом рождении можно найти в грандиозном введении к Первому посланию Петра. Бог по Своей великой милости дал нам новое рождение к живой надежде через воскресение Иисуса Христа из мертвых. [254] Воскресение Иисуса имеет самое прямое отношение к этому новому рождению и всему, что из него следует. Оно возможно в силу того, что случилось на Пасху: в нашем мире появилась новая реальность, новый тип жизни, как внутренней, так и – что крайне важно – внешней, – жизни святости в надежде на наше собственное воскресение. Проповедь нового рождения и соответствующий опыт занимают центральное место в некоторых христианских движениях, особенно евангелических, на протяжении многих последних лет. Часто это вызывает насмешки (можно вспомнить язвительное замечание журналистов о Джимми Картере: «Он частенько переживал новое рождение»), но данное направление не теряет своих позиций.

Движения, которые придают огромное значение новому рождению как важнейшей форме духовного опыта, сталкиваются с одной трудностью: им нелегко сформулировать богословские положения о сопутствующем этому опыту крещении, хотя в Новом Завете эти два понятия тесно связаны между собой. Поскольку евангелическим движениям это не удавалось, возникли различные богословские представления о крещении Духом, столь характерные для пятидесятников, но это уже другая тема. Само же крещение также тесно связано с воскресением Иисуса – особенно ярко об этом говорят два следующих текста: Рим 6 и Кол 2.

Чтобы смысл крещения в целом стал понятнее, мне придется сказать несколько слов о богословии таинств. Я пришел к убеждению, что таинства лучше всего рассматривать в контексте богословия творения и нового творения, богословия пересечения неба и земли, которое мы разбирали ранее. Воскресение Иисуса создало новую ситуацию в истории вселенной и реальности этого мира. Божье будущее ворвалось в настоящее, а потому (как то случается во сне, когда мы произносим слова или слышим музыку, и эти слова или музыка одновременно происходят с нами) таинства в каком-то смысле не есть просто знак реальности нового творения, но уже часть этой реальности. Таким образом, крещение: само действие, вода, погружение в воду и выход из нее, новые одежды – это не просто знак, указывающий на реальность нового рождения и на вступление в новый народ (родиться всегда означает вступить в семью). Это

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
реальные ворота, через которые человек входит в народ Божий.

Разумеется, как это прекрасно понимают пастыри любой церкви, есть множество людей, которые прошли через крещение, но на данный момент как будто бы никак не связаны с новой семьей или новой жизнью, в которую таинство должно было их ввести. Но это не основание отбрасывать крайне реалистичные слова Павла о крещении. (Это также не дает оснований возражать против крещения маленьких детей; проблема «отпадения» столь же реальна для тех, кто крестится во взрослом возрасте.) Фактически Павел также обращается к этой же проблеме в 1 Кор 10, где говорит, как некоторые люди, получившие крещение, отказываются от соответствующего ему образа жизни. И размышляя об этой проблеме, Павел не ставит под сомнение принадлежность таких людей народу Божьему, скорее относится к ней как к непреложному факту. И потому он обращается к христианам с серьезным предупреждением: Бог будет судить тех, кто злоупотребляет Его добротой и своим привилегированным положением члена народа Божьего.

Важно, что простое, но мощное действие погружения человека в воду во имя триединого Бога есть реальная смерть для старого творения и реальное вхождение в творение новое – со всеми опасными привилегиями и обязанностями, которые сопутствуют этой новой жизни в пока еще не искупленном мире. Крещение не волшебство, не колдовское действие с водой. Но одновременно – не просто символическое «наглядное пособие». Это одна из вещей, установленных самим Иисусом, где пересекаются небеса и земля, где новое творение, жизнь воскресения, являют себя в недрах творения старого. Представление о связи крещения с Пасхой всегда было и остается до сих пор правильной интуицией христиан. Однако многие верующие лишь изредка задумываются о смысле Пасхи, поэтому не понимают его истинное значение и не живут им. Таким образом, для многих крещение остается чем-то второстепенным, хотя должно было стать основополагающим событием подлинной христианской жизни любого человека, событием, в котором он полностью умирает для греха и начинает жить со Христом.

б. Евхаристия

Мы естественным образом переходим от темы крещения к теме евхаристии. Я кратко обрисую три представления о евхаристии и затем покажу, как богословие нового творения, с которым мы сталкиваемся уже в настоящем, позволяет нам яснее понять, что же тут происходит.

Многие христиане понимали таинства почти что как своеобразную симпатическую магию. Святой человек, подобно шаману, произносит волшебные заклинания, производит магические действия, и происходит нечто чудесное: обычная еда превращается в подлинное тело и кровь Иисуса Христа. При этом снова сокрушаются злые силы, совершается искупление, Бог умиротворен, молитва получает особую силу, социальная власть и контроль – поддержку, все счастливы. Разумеется, это просто карикатурное изображение хода мысли любого богослова, но обычные прихожане нередко понимали евхаристию именно так. И при таком подходе таинства церкви мало чем отличаются от языческих ритуалов.

Реформация поставила под сомнение всю систему подобных представлений. Наиболее радикальные богословы Реформации стремились решительно отбросить все то, что отдает магией и язычеством или поддерживает власть клана священников, и призывали отказаться от всего, чему учил Рим. Потому протестанты Швейцарии стали воспринимать евхаристию только как символ, как напоминание о том историческом факте, что Христос умер за наши грехи. Если вы просто размышляете над этим фактом, учили такие богословы, вы получите не меньше духовной пользы, чем от вкушения хлеба, – и уж точно – гораздо больше пользы, чем от участия в евхаристии без такого размышления.

Между двумя этими полярными представлениями: магическим ритуалом, с одной стороны, и простым напоминанием, с другой – стоит еще один взгляд, более глубоко укорененный в истории. Вспомним, что значили священные трапезы для иудеев (и не в последнюю очередь пасхальная трапеза, на основе которой возникла евхаристия). До сегодняшнего дня, когда иудеи празднуют Пасху, они не предполагали, что совершают нечто отличающееся от первоначального события. «В эту ночь, – говорят они, – Бог вывел нас из Египта». Люди, собравшиеся за столом, становятся не отдаленными преемниками Израиля в пустыне, но тем же самым народом. В сакраментальном мире нет разделения на прошлое и настоящее. Время и пространство тут сжимается в одну точку. И

вместе они указывают на последнее освобождение, которое все еще находится в будущем.

И в евхаристии происходит следующее: через смерть и воскресение Иисуса Христа измерение будущего вступает в действие. Мы преломляем хлеб, чтобы приобщиться телу Христа, мы делаем это в воспоминание о Нем и на какой-то момент становимся Его учениками, сидящими за столом Тайной вечери. Но это только половина дела, и нельзя на этом останавливаться. Чтобы лучше понять евхаристию, надо воспринимать ее как явление Божьего будущего в настоящем, и это не просто продолжение Божьего прошлого (или прошлого Иисуса) в нашем настоящем. Мы не только вспоминаем давно умершего Иисуса, мы прославляем присутствие живого Господа. И Он, вышедший к новой жизни через воскресение, есть тот, кто опередил нас на пути к новому творению, к новому преображенному миру, сам став для него прототипом. Иисус, который дает нам себя как пищу и питье, сам стал началом Божьего нового мира. И во время причастия мы подобны сынам Израиля в пустыне, которые пробуют плоды, принесенные из Земли обетованной. Тут мы встречаемся с будущим в настоящем.

Такая картина позволяет найти куда более удачные слова о присутствии Христа в евхаристии, чем попытки найти новые формулировки для старой теории пресуществления. Проблема этой теории не в том, что она давала неверный ответ, но в том, что она давала верный ответ на неверно поставленный вопрос. Богословы справедливо настаивали на реальном характере присутствия Христа в таинстве, но неудачно пытались объяснить характер этого присутствия на основе философских построений своего времени – разграничения между субстанцией и акциденциями Аристотеля, – полагая, что священнику дана власть изменить «субстанцию» (внутреннюю, невидимую реальность объекта, такого как кусочек хлеба), не меняя явным образом «акциденций» (его внешних качеств, таких как вес, цвет, химический состав). Это было попыткой представить здоровое понимание проблемы на языке, доступном определенной части людей в Средние века, но породило массу неверных мнений и злоупотреблений.

Куда лучше это объясняют слова Нового Завета о новом творении. Можно взять в качестве надежной отправной точки главу 8 Послания к Римлянам: творение стонет в родовых муках, ожидая искупления. Но одна часть старого творения уже была искуплена, уже освободилась от рабства тления – это тело Христово, тело, умершее на кресте, а ныне обретшее жизнь, к которой смерть не может прикоснуться. Иисус раньше нас вступил в новое творение Бога, и когда мы смотрим на Его смерть в нужной перспективе, которую Он нам сам предложил, – через общую трапезу, произошедшую в ту ночь, когда Он был предан, – мы видим, что Он приходит к нам через символы творения, через хлеб и вино, которые таким образом входят в историю Христа, в событие нового творения, а потому способны донести до нас Божий новый мир и спасительные события, позволяющие нам приобщиться к этому миру.

В этих рамках, когда мы верно понимаем смысл творения и нового творения в свете Пасхи, мы можем понять и евхаристию как предвкушение того пира, когда небо и земля станут новыми, как предвкушение брачной вечери Агнца. (Были в некоторых богослужениях попытки это выразить, но, к сожалению, слишком часто совращались ко все тем же словам о «небесах», что совершенно искажало правильный смысл.) Здесь Божье будущее, Его грядущее пришествие врываются в нынешнее время. Каждая евхаристия есть малое Рождество и малая Пасха.

Здесь нет никакой магии. Магия стремится добиться хитростью выгоды, получить власть или удовольствие, Бог же дает даром, по нашей вере, то, что помогает нам возрастать в святости и любви. Воскресение Иисуса и обетование о новом мире дают онтологический, эпистемологический и, что самое важное, эсхатологический контекст, в котором мы можем обрести новое понимание смысла евхаристии. Не будем же себя обкрадывать – не будем отказываться от надежды, приходящей из Божьего будущего, чтобы питать нас в нашем настоящем. Божий новый мир уже начался. Если мы не видим, что он врывается в нынешний мир, значит, мы отказываемся от источника силы, который поддерживает жизнь христианина.

в. Молитва

Третий аспект, который мы рассмотрим, – молитва. В целом о молитве можно сказать так: мы открыты для кого-то другого, для чего-то вне нас; мы – по меньшей мере, в принципе – признаем силу, превосходящую нашу силу, присутствие, возможно даже личное, которое вне нас и выше нашей личности.

Любая молитва основана на таких предпосылках. По меньшей мере, отсюда можно начать.

Поскольку Иисус умер и воскрес и реальность Божьего будущего уже проникла в наш мир, авторы Нового Завета не хотят, чтобы наша молитва оставалась столь примитивной и расплывчатой, как это показывает наше описание, основанное на приведении к наименьшему общему знаменателю. И мы снова можем наметить три представления о молитве, а затем показать, как здоровое христианское понимание позволяет сохранить сильные стороны каждого из них и двигаться дальше, в ответ на призыв Бога будущего, который уже вступил в настоящее. [255]

Первый подход к молитве – своеобразный естественный мистицизм: мы открываемся для красоты, радости и силы окружающего нас мира. Это происходит с нами спонтанно, без наших усилий, когда мы видим покрытые снегом горные вершины или когда летней ночью, вдали от города, с трепетом смотрим на звездное небо. Это случается, когда мы сильно влюбляемся и открываем полноту жизни, которую раньше не могли себе представить, и радость самоотдачи. Все это, как скажут многие люди, глубоко «религиозные» переживания. И каждое такое переживание, если мы их держим в уме и сердце, можно назвать своего рода молитвой, потому что тут мы радуемся чему-то вне нас и чувствуем свою причастность к иному, иное нас пленяет, мы вступаем с ним в союз и выходим за рамки повседневной житейской рутины. Подобный естественный мистицизм может быть очень сильным, а иногда даже помогает изменить свою жизнь. Некоторые испытывают очень сильные переживания подобного рода и считают, что церковь должна относиться к ним одобрительно. Однако это не то, что Новый Завет понимает под христианской молитвой.

Есть другая крайность, которая свойственна миру древнего язычества. В молитве человек не пытался заходить слишком далеко, он просто обращался со своими конкретными просьбами к богу или богам – далеким, не слишком понятным, явно обладающим переменчивым характером и, возможно, злонамеренным. Допустим, моряк собирается в плавание. Он отправляется в храм Посейдона и приносит ему в жертву молитву об удачном путешествии. Хотя тайно он продолжает бояться, что кто-то еще мог успешнее подкупить Посейдона, чтобы ветер дул не в ту сторону, в какую нужно моряку. Или, быть может, он неправильно произнес какие-то волшебные слова. Или жертва имела какой-то незаметный недостаток, хотя он старался, чтобы все было как положено. Многие люди, в том числе и христиане, подходят к молитве подобным же образом: они обращаются к далекому от них безликому бюрократу, благорасположение которого иногда можно завоевать, а иногда – нет.

Между этими двумя крайностями находилась молитва древнего Израиля: она вбирала элементы обеих сторон, но двигалась дальше. Можно найти отдельные языческие тексты, напоминающие псалмы, но подобного собрания молитв не было ни у одного другого народа. Псалтирь прославляет благое творение («Господня земля и что наполняет ее») и говорит, что небеса проповедуют славу Божью. Однако псалмы выражают радость тесного единения не с творением самим по себе, но с Богом Творцом, любовь и сила которого познаются через творение. Псалмопевец нередко ощущает, что Бог удалился, а может быть, даже начал сражаться против него. Но автор псалма, когда он взывает к Богу и не получает ответа, не готов согласиться с тем, что хозяин просто отправился на рыбалку или занят игрой в гольф. Псалмопевец продолжает стучаться в дверь, чтобы напомнить Богу о Его обетованиях, Его великих благодеяниях Израилю прежних дней, а прежде всего – о Его любви, причем эта любовь имеет личный характер. И даже когда просящий не добивается разрешения проблем (Псалмы 87 и 88), он в конечном счете, хотя и не без грусти, полагает свои ужасающие ситуации на порог двери Бога. «Ти удалил от меня друга и искреннего». Подобно Иову, даже когда Бог поражает псалмопевца, тот продолжает доверять ему. [256] И конечно, кроме псалмов, иудеи с древних времен и донныне трижды в день повторяют великую молитву «Шма»: «Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, Господь един есть. Есть един Бог, и Он есть Бог наш». Трансцендентность, близость, тождество, Завет – вот корни библейской молитвы.

А теперь посмотрим, что же происходит, когда мы открываем Новый Завет, особенно если мы читаем его в свете смерти и воскресения Иисуса. Мы увидим, что иудейская теория и практика молитвы – как и все другие вещи – обрели новый центр и направились дальше благодаря великим и судьбоносным событиям жизни Иисуса. И благодаря этому два полюса: естественный мистицизм и просительная молитва, в трудных обстоятельствах или в опасности соединились

Среди самых важных текстов о молитве отдельное место занимает Прощальная беседа в главах 13–17 Евангелия от Иоанна, которая завершается кульминацией – удивительной молитвой самого Иисуса к Отцу. За недостатком места нам придется оставить без внимания многие подробности, но я хочу заметить, что в этих главах Иисус многократно говорит о новых взаимоотношениях учеников с Отцом в результате Его собственного «ухода» – под этим Иисус в целом подразумевает свою смерть и воскресение – и благодаря тому, что Он пошлет ученикам Духа, своего собственного Духа, чтобы Дух пребывал с ними и в них. Это столь тесные взаимоотношения, что Иисус предлагает им просить все, чего бы они ни захотели, – абсолютно все – во имя Иисуса. «Сам Отец возлюбил вас», – объясняет им Иисус. [257]

Постепенно мы понимаем, что же произошло. Удивительные и неповторимые взаимоотношения, которые существовали у Иисуса с Отцом, теперь открыты для всех его последователей. В конечном счете Иоанн объясняет, почему и как это происходит, – о чем мы узнаем из главы, посвященной воскресению. Воскресший Иисус велит Марии Магдалине пойти и сказать «Моим братьям»: «Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему». [258] Иисус, осуществивший в самом себе цель и призвание Израиля стать сыном Бога, Его возлюбленным сыном, теперь разделяет этот статус и все сопутствующие ему привилегии со своими последователями. Конечный Божий замысел привлечь людей к свободному союзу с Ним осуществился в Иисусе из Назарета и стал доступен нам. Это – еще одно значение воскресения.

Итак, именно такая новая близость с Богом стоит в центре представлений Нового Завета о молитве, но это не означает, что нам следует отбросить чувство единения с тварным миром, которое пропитывает многие религии и даже хорошо знакомо нам по собственному опыту. Величественная сцена на небесах в главах 4 и 5 Откровения показывает нам, как церковь вбирает в себя хвалу от всего творения и приносит ее к престолу Бога. Но в этих же самых главах есть объяснение, в чем основная трудность естественного мистицизма и как с ним обращаться. Мир не в порядке. Если мы просто постараемся настроиться на гармонию с творением в его нынешнем состоянии, мы заключим союз со смертью: это не только природа с окровавленными зубами и когтями, но и вселенная, приближающаяся к холодной ночи энтропии. Да, сказано в Откр 5: благое творение заставляет задаться вопросом, как выполнить Божий замысел о нем. Как открыть свиток от Бога и прочесть его, чтобы это произошло? Никто не достоин это сделать. И раздается ответ, который открывает иное измерение для молитвы и поклонения Богу церкви и творения: Лев, а Он же и Агнец, победил, и через Него можно осуществить Божьи планы. И потому молитва и поклонение Богу приобретают новое звучание. Небо и земля встречаются новым образом.

Смерть и воскресение Иисуса положили начало новому творению, а также новой песни: «Достоин Агнец», которая становится сутью нового христианского поклонения. [259]

И одновременно мы не отказались от недовольства псалмопевца, который отчаянно стучится в дверь Бога. Павел в одном из самых ярких текстов из всего им написанного (Рим 8) объясняет нам, что христиане живут между творением и новым творением, и именно это показывает нам, как мы молимся и о чем просим. Точнее, сам факт, что мы не знаем, о чем молиться, очень важен. Мы увидели, как в Иисусе к нам пришло новое творение. Мы слегка ощутили его силу, через Духа, в собственной жизни. Но это не дает нам простого и ясного ответа на загадки и проблемы молитвы. Скорее, это дает нам неотъемлемое право участвовать во внутренней жизни триединого Бога. Дух взывает из нашей глубины, Он взывает к Отцу, Он приносит Ему боль всего мира, боль церкви, боль наших сердец. И этот зов Духа и ответ на него любящего Отца делает нас, по словам Павла, подобными образу Мессии, Сына Божьего (Рим 8:26–30), того, кто пережил на себе страдания мира, а потому может стать истинным ходатаем за этот мир. Между Рим 8 и Прощальной беседой у Иоанна существуют многообразные и глубинные связи, и особенно ярко это показывают, как внутренняя жизнь самого Бога, Отца, Сына и Духа, приходит к нам, передается нам из Божьего будущего в то настоящее время, когда мы живем.

Посмотрите, как это все меняет. Допустим, кто-то мог бы сказать: «Знаете, все это несколько сложно, тут слишком много всего. Я не уверен, что действительно это понимаю. Мне достаточно чувствовать единение с морем и

небом, с листьями, с любовью в этом мире. Этого мне достаточно, чтобы выходить за рамки одномерного секулярного мира». Если бы мы сказали нечто подобное, авторы Нового Завета ужаснулись нашим словам: «Как? – сказали бы они. – Божье будущее дано тебе в настоящем, оно может преобразить твою туманную молитву, сделав ее участием во внутренней жизни Самого Бога. И ты хочешь удовольствоваться жизнью неискупленного мира? Того мира, который не затронут будущим, ворвавшимся в наш мир с воскресением?»

Конечно, это дорогого стоит. Невозможно участвовать в жизни Бога, не получив при этом ни единой царапинки. Посмотрите, что произошло с самим Иисусом. Но посмотрите и на то, что случилось, когда важнейшая иудейская молитва, «Шма», вошла в молитвы христиан в форме Отче наш. Да придет Царство Твое и на земле, как на небе. Не об этом ли мы говорили на протяжении всей книги? Должны ли мы отказаться от всего пройденного пути, столкнувшись с одним из последних препятствий? Или же дойдем до конца и превратим это богословие в молитву?

Г. Писание

В-четвертых, нам надо поговорить о Писании. Это может показаться странной темой в контексте размышлений о том, как воскресение и новое творение должны отражаться в духовности и в поведении христиан и как будущая надежда, придающая форму нашей миссии, должна также формировать нашу совместную христианскую жизнь. Но я уверен, что без правильного осмысления этих вопросов мы будем искаженно понимать Писание или даже станем им злоупотреблять. [260]

Писание – Ветхий и Новый Заветы – история о творении и новом творении. А в этих рамках оно также рассказывает историю о завете и новом завете. И когда мы, христиане, читаем Писание, мы читаем его именно как представители народа нового завета и нового творения. Другими словами, для нас Писание не есть сборник банальных однообразных правил или доктрин. Мы видим в нем историю, в которой ныне и сами должны принять участие. Мы читаем его, чтобы понять: «что случилось до нынешнего момента», а также «как все должно закончиться». Иными словами, мы живем между окончанием Деяний и завершающим событием Откровения. И если мы хотим понимать Писание, если хотим, чтобы оно должным образом действовало в нас и через нас, то следует научиться читать и воспринимать его в свете этой великой истории.

Когда мы это делаем – в малых группах, в храме или лично, – мы должны дать место обещанному Богом будущему, чтобы его сила коснулась нас. Когда мы читаем Евангелия, мы должны снова и снова – господствующие течения западной культуры настолько сильны, что если им не сопротивляться, мы можем погрузиться в дуализм, – напоминать себе, что это история о том, как царство Бога было установлено на земле, как и на небе, через жизнь Иисуса, в которой достигла завершения великая история Израиля, была сокрушена власть зла и положено начало новому Божьему миру. Читая послания апостолов, мы должны постоянно помнить, что эти тексты были созданы, чтобы строить и направлять общину нового завета, людей, призванных осуществлять дело нового творения. Когда мы читаем Откровение, нам не стоит останавливаться на удивительном небесном видении, описанном в главах 4 и 5, думая, что это финальная сцена всей истории (как это звучит в гимне Чарльза Уэсли), когда искупленные повергают свои короны перед престолом. Нет, это видение относится к нынешней реальности, точнее – к ее небесному измерению. Нам следует дочитать Откровение до глав 20 и 21, где представлено окончание, придающее смысл всему произошедшему ранее, да и всему библейскому канону.

Подобным образом Ветхий Завет надо читать – к чему явно призывают сами эти тексты – как многовековую, причудливо развивающуюся историю о том, как Бог избрал народ ради выполнения Своего замысла спасти Своим творением, а не как историю о том, как Бог попытался призвать народ, чтобы избавить его от мира, а затем отбросил этот план и был вынужден взяться за другой (это, конечно, карикатура, но в ней можно распознать знакомые черты). А это означает, что хотя мы, христиане, должны читать Ветхий Завет как часть «нашей истории», это не означает, что мы все еще находимся на том этапе развития повествования. История Ветхого Завета указывает на нечто, стоящее вне ее, она подобна набору непересекающихся линий, которые сойдутся в необычайно богатом повествовании евангелий и обернутся неожиданной вспышкой новой жизни в Деяниях и посланиях. [261]

Поэтому назначение Библии в целом будет осознано более глубоко, если читать

ее в свете нового творения. Священное Писание рассказывает о деле нового творения как бы для постороннего наблюдателя, и не только для того, чтобы дать нам верную информацию о новой жизни воскресения, дарованной Богом. На самом деле она поддерживает дело нового творения в церквях, малых группах и отдельных людях, которые стремятся найти свое место в мире, созерцая Иисуса, открывающегося в Библии, и строят свою жизнь на основе Писания. Таким образом, Библия – это история творения и нового творения, и она сама, через действие породившего ее Духа, есть орудие нового творения в жизни общины и каждого человека.

Другими словами, Библия – не только перечень истинных доктрин или сборник здравых нравственных повелений, хотя в ней масса того и другого. Библия – не просто собрание мыслей разных людей, которые стремились познать Бога и слушаться Его, хотя там есть и такое. И это не просто заповедь об откровениях в прошлом, чтобы читатель, изучая их, надеялся сам получить откровение. Вся эта книга посвящена новому творению, то есть воскресению, и потому, когда мы видим, что каждое евангелие заканчивается рассказом о воздвигнутом из мертвых Иисусе, а Откровение завершается описанием нового неба и новой земли, населенных народом Бога, воздвигнутым из мертвых, это не должно нас удивлять – ведь это и есть конечная цель всей этой продолжительной истории. (И именно по этой причине так называемые другие евангелия не вошли в канон. Не потому, что это были какие-то поразительные и подрывные тексты, которые церковь первых веков отбросила ради сохранения своей власти и поддержания контроля. Но эти книги не утверждали новое творение, а вместо того предлагали приватную и обособленную духовность. Неожиданная вспышка энтузиазма относительно «других евангелий» в западном мире сегодня отражает не желание заново открыть подлинное христианство, но отчаянную попытку спастись от него бегством. Новое творение требует от человека куда большего – хотя в итоге дает и намного больше жизни, – нежели гностический эскапизм.)

Весть о том, что Иисус стал Господом, приводит к тому, что мужчины, женщины и дети начинают верить Ему и слушаться Его силою Духа, так что их жизнь преобразуется через спасительную власть Христа; подобным образом, история творения и нового творения, завета и нового завета не просто дает слушателям информацию. Эта история призывает слушателей к участию в ней, погружает их в свой поток, утверждает их право находиться внутри нее и дает им силы для выполнения задач, направленных на достижение ее целей.

Все это подводит нас к одной из самых сложных проблем нашего времени.

д. Святость

Наша пятая тема – святость. Об этом упорно твердит Павел в начальных главах Первого послания к Коринфянам, и христиане Коринфа именно потому сталкиваются с трудностями в этой сфере, что они не принимают воскресения. То, как вы в настоящем относитесь к своему телу, настаивает Павел, имеет значение, потому что Бог воздвиг из мертвых Господа и подобным образом воскресит и вас своей силой. Прославляйте Бога в телах ваших, потому что настанет день, когда Бог прославит само тело. То, что истинно относительно будущего, должно быть истинным уже в настоящем, иначе можно усомниться: верным ли путем вы идете изначально? Далее я буду опираться преимущественно на главу 6 Послания к Римлянам и главу 3 Послания к Колоссянам, чтобы показать, что означает жизнь человека, ставшего участником нового творения.

Отрывок из Послания к Римлянам дает ключ к многочисленным проблемам, но, похоже, этот ключ теряют участники недавно прошедших дискуссий по святости. Данное послание разворачивается перед нами подобно сложной, но целостной симфонии. Это не просто серия последовательно расположенных тезисов, касающихся то отдельных доктрин, то этических вопросов. В частности, анализ положения человечества в Рим 1:18–2:16 не есть наспех созданная галерея пороков, как часто думают. Этот фрагмент тщательно разработан и хорошо вписывается в целостное здание послания. Размышляя над поведением, которое стало нормой для язычников, Павел говорит, что Бог «предал их безрассудному уму», а самое худшее, что он может сказать о языческой безнравственности, находится в последнем стихе главы 1: они «не только то творят, но и делающих одобряют». [262] Одно дело поддаваться соблазну греха, и совсем другое перенаправить моральный компас и называть добро злом, а зло добром. И это тесно перекликается с важным призывом 12:2: не сообразуйтесь с настоящим миром, но преобразуйтесь обновлением вашего ума. Это эсхатология инаугурации, именно так выглядит воскресение, когда оно касается

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
нравственной жизни верующего. Павел никогда не говорит, что святость заключается лишь в том, чтобы понять, каким ты был создан, и затем верить в то, что Бог хочет тебя всегда видеть именно таким. И это не слепое послушание случайным или устаревшим правилам. Святость связана с преображением человека, а начинается оно с его ума.

Вот почему, если мы снова обратимся к Первому посланию к Коринфянам, именно воскресение – как Иисуса, так и наше собственное, – в главах 5 и 6 служит основанием христианского поведения. «Христианская нравственность» отнюдь не состоит из набора странных инструкций и запретов, с которыми должны считаться христиане, все еще живущие в одном и том же мире со всеми прочими людьми, подобным образом и воскресение Иисуса не было просто крайне странным «чудом» в рамках старого тварного мира. Но с воскресением в этот мир полновластно вступило новое Божье творение, а потому «христианская нравственность» есть образ жизни, в котором это новое творение воплощается и прославляется. Путь христианской святости обретает смысл – очень точный – в рамках нового Божьего мира, того мира, в который нас вводит крещение и в котором мы питаемся евхаристическим хлебом. И, конечно, попытка жить по-христиански вне этого контекста становится крайне трудной, просто бессмысленной; это все равно, как если бы музыкант оркестра играл свою партию независимо от других исполнителей посреди лязга и грохота автомобильного завода. Разумеется, мы призваны оставаться учениками в суровом внешнем мире, который своим шумом пытается нам доказать, что Иисус не воскрес. Но если мы хотим хранить верность воскресшему Господу, нам надо снова и снова настраивать наши музыкальные инструменты и обрабатывать нашу партию вместе с другими оркестрантами.

Все это подводит нас еще к одной теме: к теме пути, который, по словам Павла, превосходит все остальное.

е. Любовь

И наконец, мы переходим к вершине духовности – к любви. Подумайте о прекрасном гимне 1 Кор 13, который обращен к главе 15, где речь идет о воскресении. Этот гимн обладает совершенством и целостностью. Однако он говорит о том, что мы не достигли полноты, о нашем трагическом несовершенстве:

Ибо мы знаем отчасти и пророчествуем отчасти. Когда же придет совершенное, – то, что отчасти будет упразднено. Когда я был младенцем, я говорил, как младенец, рассуждал, как младенец. Когда я стал мужем, я упразднил младенческое. Ибо теперь мы видим гадательно в зеркале, тогда же – лицом к лицу; теперь я знаю отчасти, тогда же познаю подобно тому, как и я был познан. [263]

Этот текст звучит неожиданно в столь удивительной главе. Конечно, в своем гимне Павел выражает радость о том, что любовь есть величайшее переживание в Божьем мире. Он объясняет, как любовь проявляется в жестокой реальности жизни (она терпелива, добра, не завидует, не превозносится и так далее). И он не просто хочет показать нам правильный образ жизни или представить еще одну цель, следуя к которой, мы выражаем послушание Богу или даже уподобляемся Христу. Павел идет немного дальше: он указывает на то, что наш опыт любви, как и любой другой, несовершенен по самой своей сути. В нашем теперешнем положении, если сравнить его с тем, где мы должны находиться по замыслу Божьему, мы лишь отчасти соответствуем своему предназначению. Но Павел призывает нас уже в нынешнем мире быть людьми, которые предназначены обрести полноту жизни в будущем. И знаком этой полноты, знаком будущей цельности, мостом от одной реальности к другой является любовь.

Вспомним главную тему Первого послания к Коринфянам. В молодой церкви воцарился беспорядок. Там возникают культы разных христианских учителей. Там существует социальная рознь между богатыми и бедными. Там наметились духовные разделения, и одни люди завидуют особым дарам других. Они снисходительно смотрят на безнравственность. В богослужении царит хаос; они нетверды в понимании Благой вести. Да, им хватает энергии, энтузиазма, они куда-то движутся, хотя не всегда понимают, в каком направлении. Я бы предпочел иметь дело с живой церковью, обремененной проблемами, нежели с мертвой церковью, где царит мир – но это мир надгробной плиты, и он недорого стоит. Однако тут же добавлю, что мне бы решительно не хотелось сталкиваться со всеми проблемами коринфян одновременно, это уже слишком.

Павел разбирает эти проблемы одну за другой, как будто проглядывая список необходимых покупок. Так, на наковальне Писания и глубокого христианского мышления рождаются великие слова. А затем, среди всего этого, подобно звукам Ave Verum Моцарта, которые вдруг зазвучали на фоне шума завода, так что все машины постепенно умолкают, мы слышим тихую музыку главы 13. Давайте послушаем:

Если я языками человеческими говорю и ангельскими, но любви не имею, – сделался я медью звучащей и кимвалом звенящим. И если я имею пророчество и постигаю все тайны и все знание, и если имею всю веру так, чтобы и горы переставлять, но любви не имею, – я ничто...

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не ревнует, любовь не кичится, не надмевается, не поступает бесчинно, не ищет своего, не раздражается, не ведет счет злу, не радуется неправде, но сорадуется истине; все покрывает, всему верит, на все надеется, все переносит...

Ибо теперь мы видим гадательно в зеркале, тогда же – лицом к лицу; теперь я знаю отчасти, тогда же познаю подобно тому, как и я был познан. Но теперь пребывают вера, надежда, любовь, эти три, но большая из них любовь.

Это не просто великая поэзия, которую автор поместил в свое письмо, чтобы изменить тон послания. Этот гимн – и по своей интонации, и по содержанию – подобен тихо бьющемуся сердцу, которое придает смысл всему остальному. Здесь собрано воедино сказанное Павлом в других главах послания.

Но это еще не все. Последние строки гимна, говорящие о несовершенстве нашего нынешнего состояния, указывают на последний в послании великий разбор важнейшего вопроса – на главу 15, где апостол рассматривает подробнее, чем где бы то ни было еще в раннехристианской литературе, воскресение Иисуса и его значение для нас. Воскресение означает, что среди старого мира открылся мир новый. Божье будущее вошло в настоящее в лице воскресшего Иисуса, и это – призыв, обращенный ко всем людям, стать народом будущего, народом Христа, народом, преобразующимся уже сейчас, чтобы в будущем стать участниками жизни Бога. Наш нынешний опыт, даже опыт христианской жизни, несовершенен. Но во Христе мы услышали звучание полноты, мы уже знаем, на что это похоже, и знаем, что однажды будем петь песнь в гармонии с ним. Нынешняя жизнь с ее несовершенством призвана указать на то, что однажды мы пробудимся и воспрянем ото сна. Вот в чем главный смысл воскресения для нас.

Именно устремленность в будущее, указание на то, что мы пока еще несовершенны, позволяет Павлу говорить о любви, не сводя ее к чистому морализму («приложите побольше усилий, чтобы вести себя именно так!»), так что в его гимне слышится нечто более удивительное и сильное. Все мы знаем, что просто призывать людей любить друг друга достаточно бесполезно. Да, очередной призыв к любви, терпению или прощению напоминает нам о наших обязанностях. Но когда мы думаем об этом как о нашем долге, мы вряд ли изменим свое поведение.

В главе 13 Первого послания к Коринфянам Павел утверждает, что любовь не есть наша обязанность, но наше предназначение. Это язык, которым говорил Иисус, а потому и мы призваны говорить таким языком, чтобы разговаривать с Ним. Это пища будущего Божьего мира, и нам надо научиться различать ее вкус уже здесь и сейчас. Это песнь, написанная Богом, которую будет петь все Его творение, и мы призваны разучить ноты и прорепетировать ее уже сейчас, чтобы быть готовыми к тому моменту, как дирижер взмахнет палочкой. Это жизнь воскресения, и воскресший Иисус призывает нас начать жить так с Ним и ради Него прямо сейчас. Суть этой поразительной надежды – любовь: когда люди в подлинном смысле лелеют ту надежду, что соответствует воскресению, они обретают способность любить по-новому. Можно сказать и так: когда люди живут такой любовью, их надежда возрастает.

Именно это стоит за евангельской заповедью о прощении – что, разумеется, имеет прямое отношение и к прощению долгов, о чем я уже говорил раньше. Прощение нельзя понимать как «правило нравственности», которому сопутствуют определенные санкции. Бог не опирается на подобные абстрактные правила или принципы. Прощение – это путь жизни, Божий путь жизни, Божий путь к жизни; если человек закрывает сердце для прощения – что же, значит, его сердце

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
закрывается для прощения. Об этом говорит ужасающая притча в главе 18 Евангелия от Матфея, где раба простили миллионный долг, а затем он потащил в суд такого же раба за долг копеечный. Если ты запер пианино, потому что не желаешь играть для других людей, может ли Бог сыграть музыку для тебя?

Вот почему в молитве мы говорим: «прости нам долги наши, как и мы простили должникам нашим». Это не сделка с Богом. Это факт жизни человека. Отказываясь прощать, мы отказываемся от некоего глубинного измерения своего бытия – причем именно в этом измерении мы можем принять прощение от Бога. И то же самое измерение позволяет нам переживать подлинную радость и подлинную скорбь. Любовь все покрывает, всему верит, на все надеется, все переносит.

Конечно, когда Бог в нашем не достигшем полноты мире кротко предлагает нам прощение или призывает нас прощать, мы можем чувствовать страх или даже угрозу. Но, предлагая нам принимать и давать прощение, Бог не угрожает нам, не хочет нас напугать. Бог в своей кроткой любви желает освободить нас из тюрьмы, в которой мы оказались, – в тюрьме, где мы лишены милосердия, потому что и сами не принимаем прощения, и не прощаем другим. Пред Ним мы похожи на испуганную птичку, которая сжимается от страха. Мы боимся, что жесткие требования нас раздавят. Но если мы, наконец, сдаемся – когда Он делает наше положение безвыходным, а затем берет нас в Свою руку, – мы с удивлением открываем, что эта рука бесконечно милосердна и что Бог пожелал лишь выпустить нас из тюрьмы, освободить, чтобы мы стали такими, какими были задуманы. Но затем, когда мы вылетели на солнечный свет, как мы можем не предложить тот же дар свободы, дар прощения тем, кто нас окружает? Вот что такое воскресение, ставшее молитвой, прощением и оставлением долгов, ставшее любовью. Оно всегда нас поражает и наполняет надеждой, оно постоянно приходит к нам из Божьего будущего, чтобы претворить нас в людей, через которых Бог может продолжать свои деяния в мире.

Вместо эпилога: две пасхальные проповеди [264]

Если бы я страдал склонностью заключать пари, я бы поставил немалые деньги на то, что вы могли услышать в церкви на пасхальной службе во время проповеди. Есть два основных варианта.

Пастор по прозвищу Прямолинейный страстно верит в такие вещи, как телесное воскресение Иисуса, пустая гробница, ангелы и подобные сверхъестественные явления. И на каждую Пасху он клеймит порочных либералов – не в последнюю очередь своего соседа и коллегу пастора Джереми, которого прозвали Сладкогласный: эти люди, говорит Прямолинейный, не желают признать правоту Библии и что Бог действительно творит чудеса, а потому не верят, что Иисус – что доказывают две приведенные выше истины – действительно воскрес. Иногда он использует трюки, чтобы убедить прихожан в том, что хотя свидетели и рассказывают невероятные истории, они говорят истину: так, однажды он съел нарцисс перед своей аудиторией [265].

Пастор Прямолинейный ссылается на слова старинных гимнов: «Вы спросите: откуда я знаю, что Он жив? Он живет в моем сердце!» Да, Иисус воистину восстал из мертвых, и потому он жив и мы можем его познать.

Переходя же к вопросу «что из этого следует?», пастор не теряет пыла. Воистину существует жизнь после смерти! Иисус ушел приготовить нам место на небесах! В ином блаженном мире, наполненном славой, нас ожидает спасение. В конце концов, по словам Павла, мы «граждане небес», так что когда-нибудь мы расстанемся с этим порочным миром и наши души всегда будут жить на небе. Там мы снова воссоединимся с теми, кого мы любили (не кажется ли вам, что стоило бы придумать для этого выражение или хотя бы клише получше?). Мы станем участниками жизни Нового Иерусалима. «Тут я временный гость, а затем наверх, о Агнец Божий, ввысь я отправлюсь». «И склонятся наши венцы пред Тобой, и мы, изумленные, будем Тебя любить и прославлять».

Увы: пастор Прямолинейный упустил из виду самую суть. В его словах немало истины, но в основном это не та истина, которую стремились передать другим те, от кого дошла до нас весть о воскресении Христа.

Неподалеку, подкрепив свои силы шампанским после ночной пасхальной службы («Почему бы не отметить окончание Великого поста подобающим образом, даже если сам этот пост носил, так сказать, достаточно случайный характер?»), свою прекрасную проповедь произносит пастор Сладкогласный. Разумеется, все

мы понимаем, что грубый, поверхностный смысл этих событий не соответствует реальному замыслу тех, кто их описал в Новом Завете. Современная наука доказала, что чудес не бывает и мертвые не воскресают. И в самом деле, можно ли представить себе Бога, который вмешивается в историю только однократно, чтобы спасти одного-единственного любимца, но который стоит в сторонке и бездействует в разгар холокоста? Верить в такие банальные, такие вульгарные, такие... бездуховные вещи, как пустой гроб и телесное воскресение, – это противоречит здравому смыслу. Это означало бы (как, разумеется, думает его приятель, пастор Прямолинейный, да благословит Бог его фундаментализм), что христианство превосходит все прочие религии, но мы знаем, что Бог обладает радикальной терпимостью, так что все религии, все вероисповедания, любого рода мировоззрения могут быть одинаково прекрасными путями к богопознанию.

Итак... рассказы о пустой гробнице были созданы, вероятнее всего, много лет спустя. Ученый пастор стремится подчеркнуть это как можно доходчивее: это ремифилогизация начальной эсхатологической драмы, с которой столкнулись ученики из-за своей социоморфной, можно даже сказать социопатической, эмпатии, направленной на апокалиптическое разрешение идеи о райском блаженстве. Гм. Нет, кажется, прихожане это не слишком ясно уловили. Но они, по крайней мере, также закончили великий пост должным образом.

Переходя к вопросу «что из этого следует?», пастор Сладкогласный также полон энтузиазма. Теперь, отказавшись от этой чепухи – от примитивной веры в сверхъестественное, – мы расчистили дорогу для «истинного воскресения». Оно заключается в новом подходе к проектам человечества, к преодолению старых запретов и табу (он имел в виду традиционную нравственность в сфере пола, но из деликатности не упомянул об этом), в открытии нового образа жизни: к принятию всего, о да, всего. «Камень» легализма отвален в сторону, и «воскресшее тело», истинная искра жизни, подлинное Я, скрытое в каждом из нас, может выйти на свободу. И разумеется, такая новая жизнь должна проникнуть во все наши взаимоотношения, во все сферы общественной деятельности. Воскресение – это не единичное событие в прошлом, как его себе представляли непросвещенные люди и как его представляют консерваторы, но это постоянное событие освобождения человечества и всего мира.

Тут пастор Сладкогласный действительно приблизился к чему-то значимому, но он сам не знает, что это такое и зачем оно нужно.

Действительно, пастор Скажу-Со-Всей-Прямотой никогда не замечал, что евангельские повествования о воскресении не говорят о том, что мы отправимся на небо после смерти. А фактически об этом молчит и весь Новый Завет. Да, он называет христиан «гражданами небес» (Флп 3:20), но отсюда не следует, что мы в итоге окажемся именно там. В Филиппах проживало немало римских граждан, но Рим не ждал, что они, состарившись, вернутся жить в столицу. У них была иная задача: распространять римскую культуру в Филиппах.

Все Евангелия, каждое по-своему, утверждают одно и то же: Иисус воскрес, а потому уже наступило начало нового Божьего мира. Иисус воскрес, а потому Израиль и весь мир были искуплены. Иисус воскрес, а потому перед его последователями встает новая задача.

Какая же это задача? Сделать так, чтобы новая небесная жизнь стала актуальной физической, земной реальностью. Вот о чем никогда не задумывался пастор Прямолинейный (хотя его проповедь случайным образом может приносить такие плоды). Телесное воскресение Иисуса – не просто доказательство того, что Бог творит чудеса или что в Библии все правда. Это не просто возможность для христианина познать Иисуса на своем опыте (скорее об этой истине говорит не Пасха, а Пятидесятница). И это невообразимо важнее, чем утверждение, что после смерти нас ждет небо (Павел говорил о своем желании «уйти и быть со Христом», но главным для него было снова вернуться в воскресшем теле к жизни в заново рожденном творении Божьем). С воскресения Иисуса вступил в действие новый план Бога. Он замыслил не забирать людей с земли на небеса, но колонизировать землю, распространить по ней небесную жизнь. Об этом прежде всего говорит нам молитва Отче наш.

Именно поэтому заключительные положения проповеди пастора Сладкогласного содержат в себе зерно истины, хотя его отказ от веры в телесное воскресение не позволяет ему понять, почему это истина и какую форму она должна обрести. В самом деле, воскресение лежит в основе новой жизни в этом мире и

для мира. Но чтобы перейти к этим социальным, политическим и культурным последствиям, необходимо действительно верить в телесное воскресение, а не просто в «духовное» событие, которое произошло с Иисусом или только с Его учениками. И когда пастор Сладкогласный ссылается на «современную науку» (хотя он в последнее время наверняка ничего не читал из области физики), он просто опирается на риторику Просвещения. Ведь мы и без Галилея или Эйнштейна знаем, что умершие не возвращаются к жизни.

И Павел, написав великую главу о воскресении – 1 Кор 15, – не заканчивает ее словами: «Итак, будем радоваться тому, что в будущем нас ждет прекрасная жизнь». Вместо этого он в самом конце говорит: «Итак, примемся за работу, потому что вы знаете, что в Господе она не останется тщетной». И когда совершится общее воскресение, этот важнейший момент нового Божьего творения, мы увидим, что все, сделанное в нынешнем мире силою воскресения Иисуса, обернется славой и, преображенное должным образом, войдет в новый мир.

Разумеется, когда пастор, мысли которого весьма туманны, пытается показать, что Пасха есть «освобождение от моральных табу» и «раскрытие искры подлинного огня в каждом из нас», он переворачивает христианство с ног на голову, чтобы то выкидывало фокусы вроде льва в цирке, делает из христианства очередную форму гностицизма. Пасха возвещает новое творение, это невероятно щедрый, поразительный и новый дар благодати, которая все преображает, это вовсе не идея, что люди неправильно понимали старый мир, которому просто необходимо позволить быть в подлинной мере таким, каков он есть. Тексты Рим 6, 1 Кор 6 и Кол 3 определенно утверждают прямо противоположное тому, что проповедует по этому поводу пастор Сладкогласный.

А теперь поднимите руки те, кто слышал одну из этих двух проповедей. Спасибо. Сколько же я выиграл денег?

Теперь же поднимите руки те, кто слышал проповедь, которая отражала бы мысли Павла, изложенные в Рим 8, или мысли евангелистов из последних глав Евангелий, или мысли Иоанна из глав 21 и 22 Откровения: что на Пасху в изумленный мир вступило новое творение и это событие указывает на будущее обновление, искупление, возрождение всего тварного мира. Поднимите руки те, кто услышал на проповеди о том, что любое дело любви, всякое дело, совершенное во Христе и через Духа, каждый акт подлинного творчества – когда осуществляется справедливость и строится мир, когда получает исцеление семья, когда мы противостояим искушению, когда стремимся к истинной свободе и добиваемся ее, – всякое такое земное дело занимает свое место в продолжительной истории тех событий, которые претворяют в жизнь воскресение Иисуса и предвосхищают окончательное новое творение, а потому служат тем дорожным знаком надежды, что указывает путь от Пасхи к новому миру...

Ну вот. Этого я и ожидал. Спасибо.

Указатель библейских ссылок

Ветхий Завет

Книга Бытия

1 180, 269

2 180, 269

5:25 355

Книга Исхода

3:6 364

Первая книга Царств

4–5 313

Четвертая книга Царств

2:11–12 355

Книга Иова

13:15 366

Псалтирь

2 181

8 138, 366

71:8 365

87 331

88 331

95 359
 97 359, 361
 97:8 361
 109:1 359
 Книга пророка Исайи
 9 365
 11 140, 181, 365
 11:9 359
 26 191
 42 365
 52:7-12 247
 55:11-13 365
 65 140
 66 140
 Книга пророка Иезекииля
 37 80, 191
 Книга пророка Даниила
 7 166, 173
 12 78, 191, 196
 12:3 71
 Книга пророка Аввакума
 2:14 359
 Книга пророка Агтея
 2:6 358
 Книга пророка Захарии
 14:5 360
 Книга пророка Малахии
 3:1 360
 Вторая книга Маккавейская
 7 76

Новый Завет

Евангелие от Матфея
 6:20 362
 8:25 364
 9:22 364
 13:43 70, 355
 14:30 364
 19:28 355
 22:23-33 355
 22:30 355
 22:44 359
 25:14-30 360
 25:31-46 363
 28:18 359, 364
 Евангелие от Марка
 5:23 364
 5:28 364
 5:34 364
 6:14-16 355
 6:16 355
 6:56 364
 9:10 355
 10:52 364
 12:18-27 355, 364
 12:24 263
 13:26 360
 14:62 360
 16:8 365
 16:9-20 365
 16:19 359
 19:21 362
 Евангелие от Луки
 8:36 364
 8:50 364
 12:21 362
 12:31-48 360
 12:35-59 363
 13:3 363

14:14	71	
16:19-31		363
17:19	364	
18:42	364	
19:11-27		360
19:17	362	
19:19	362	
19:27	359	
20:27-40		355
23:43	355, 362	
24	284, 365	
24:36-49		285
24:44-46		285
24:21	72	
Евангелие от Иоанна		
4:24	366	
5	183	
5:22-30	361	
5:25-29	362	
5:29	71	
11:24	355	
13-17	331	
14:2	355, 362	
16	184	
16:8-11	361	
16:27	366	
20	105, 287	
20:1	287, 366	
20:17	147, 366	
20:19	287, 366	
20:19-23		289
20:21	365	
20:28	365	
21	108, 287, 288, 28'	
Деяния святых Апостолов		
1:6	355, 365	
1:8	365	
1:11	156, 360	
2:34	359	
3:19-21	360	
4:2	365	
4:9	364	
10:42	361	
12	292	
12:15	356	
14:9	364	
16:30	364	
16:31	364	
17	293	
17:31	361, 365	
23:24	364	
27:20	364	
27:31	364	
27:34	364	
27:43	364	
27:44	364	
28:1	364	
28:4	364	
28:31	365	
Послание Иакова		
1:18	358	
5:7-8	360	
Первое послание Петра		
1	193, 194	
1:3	362, 366	
1:20	360	
3:22	359	
4:5	361	
5:4	360	
Второе послание Петра		
3	177	

3:10	360
Первое послание Иоанна	
2:28	176
3:1	362
3:2	176
Послание к Римлянам	
1:18-2:16	338
1:32	366
2:1-16	221
2:8	363
2:16	181
5	298
5:9-10	243
5:17	362
6	267, 275, 298, 323, 349
6:2-4	299
6:5-7	299
6:6	338
6:8-10	299
6:9-11	362
6:11	299
8	108, 141, 213, 267, 268, 270, 327, 333, 349
8:1	182, 363
8:9-11	190
8:18-25	128
8:18-26	358
8:19	142, 364
8:21	141
8:22	142
8:23	142, 188, 358
8:24	243
8:26-30	333
8:34	359
8:38	363
10:9-10	366
11:15	355
11:16	358
11:31	363
12:2	338
14:9-10	181
16:5	358
Первое послание к Коринфянам	
1:8	360
3	209, 212
3:10-17	186
5	339
5:5	360
6	339
6:2	362
6:3	362
6:14-15	57
10	324
11:26	314
11:27-34	361
13	339, 341, 342
13:9-12	366
15	77, 78, 87, 88, 108, 135, 138, 139, 197, 198, 339, 341, 349
15:12	355
15:17	296
15:19	364
15:20	358
15:21-28	296
15:23	169, 297, 358
15:23-27	172
15:24-26	297
15:25	359
15:28	139
15:44	355, 362
15:50	362
15:51-54	172

15:58	57, 205, 236, 252
16:2	366
16:15	358
16:22	360
18	343
Второе послание к Коринфянам	
1:14	360
4	194, 195
4:5	359, 361
4:17	202
5	194, 195
5:10	181, 191, 196
5:17	362
6:17	365
Послание к Галатам	
4:26	359
Послание к Ефессянам	
1:10	143
1:15–23	145
1:19–20	139
1:20	359
2:6	156, 359
4:21–5:20	366
5:14	302
Послание к Филиппийцам	
1	358
1:6	360
1:10	360
1:23	355, 362, 363, 365
2:6–8	185
2:10–11	185
2:15	355
2:16	360
3	139, 143, 190
3:9–11	355
3:20	174, 347, 358
3:20–21	138, 172, 355
3:21	172
4:8	366
Послание к Колоссянам	
1	358
1:15–20	121, 134
1:23	135
2	275, 299, 323
2:12	299
2:16–23	300
3	175, 275, 299, 300, 338, 349
3:1	359
3:1–4	156, 190, 360
3:5–9	366
3:11	302
Первое послание к Фесслоникийцам	
1:6	360
2:14	360
3:3	360
4	174
4:15	169
4:16–17	169, 172
5	173
5:2	360
Второе послание к Фессалоникийцам	
2:13	358
Первое послание к Тимофею	
1:18	363
6:12	363
6:16	59, 362, 363
6:19	362
Второе послание к Тимофею	
1:10	59
2:12	362
2:18	355

4:1	361
4:7	363
Послание к Евреям	
1:13	359
2:8	366
7:25	359
9:24	359
9:28	360
10:12	359
11	144
12	145
12:22–24	359
Откровени е Иоанна Богослова	
1:6	362
1:7	360
2:25	360
3:11	360
3:21	359
4	44, 332, 335
5	44, 332, 335
5:10	362
5:12	366
11:15	364
16:15	360
20	335
20:4	362
21	228, 335, 349, 353
21:22	144
21–22	44, 128, 142
22	228, 349
22:5	362
22:7	360
22:12	360
22:20	360

Приложение к русскому изданию Воскресение Христа и будущее воскресение мертвых

Новый Завет об основе христианской веры[266]

1 Кор 15:1–58

Пространное наставление апостола Павла 1 Кор 15:1–58 в богословской литературе именуется Евангелием воскресения. Очевидно, что в нем Павел повторяет то, что неоднократно говорилось им в тех аудиториях, где ему доводилось проповедовать. Тем не менее это единственный текст в Новом Завете, где дается наиболее подробное приведение свидетельств воскресения Христа и самое развернутое учение о воскресении мертвых. По Павлу, без веры в воскресение Христа жизнь христианина теряет смысл. Само же Христово воскресение есть начаток (первый плод) будущего воскресения в теле верящих в Бога через Христа Иисуса. Именно здесь раскрывается учение о воскресении тела как об изменении его природы – душевной (иначе, плотской), подчиненной законам животного мира, главным из которых выступает смертность, на духовную, что означает – свободную от власти этих законов, а следовательно, от смерти и тления. Ср. со сказанным Господом Иисусом в Мф 22:23–33; Мк 12:18–27; Лк 20:27–40.

Воскресение Христа

15 Сообщаю вам, братья, добрую весть, которую уже вам благовествовал, которую вы восприняли, в которой утвердились

2и которой спасаетесь, если вы привержены тому слову, которое я вам возвестил, в противном случае, вы поверили напрасно. 3Во-первых, я передал вам так, как и сам принял, что Христос умер за наши грехи согласно Писаниям, 4что Он был погребен, и что был воскрешен на третий день согласно Писаниям, 5что явился Кифе, потом двенадцати, 6затем явился сразу более чем пятистам братьям, из которых большая часть до сих пор живы, а некоторые уже умерли, 7потом явился Иакову, затем всем апостолам, 8наконец, последнему из всех явился и мне, как недоноску. 9Ведь я наименьший из апостолов, тот, кто не достоин называться апостолом, потому что я преследовал церковь Божью.

10Тем не менее, благодатью Бога я являюсь тем, кто есть, и Его благодать не оказалась во мне напрасной, но я более их всех потрудился, впрочем не я, а Божья благодать, которая со мной. 11Итак, я ли, они ли – мы так возвещаем, и вы так поверили.

Воскресение мертвых

12А если о Христе возвещается, что Он воскресен из мертвых, то как среди вас некоторые говорят, что нет воскресения мертвых? 13Ведь если нет воскресения мертвых, то и Христос не был воскресен. 14А если Христос не был воскресен, то, стало быть, напрасны и наша проповедь, и ваша вера. 15К тому же мы оказываемся и лжесвидетелями о Боге, поскольку засвидетельствовали против Него, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, раз, стало быть, мертвые не воскрешаются. 16А раз мертвые не воскрешаются, то и Христос не был воскресен. 17А коли Христос не был воскресен, то напрасна ваша вера: вы все еще в своих грехах, 18и, стало быть, умершие во Христе погибли. 19Так что если мы только в этой жизни возложили надежду на Христа, то мы несчастнее всех людей.

20Но Христос воскресен из мертвых, будучи начатком из умерших. 21Ведь поскольку через человека смерть, то и через человека воскресение мертвых. 22Как в Адаме все умирают, так во Христе все будут оживотворены. 23Причем каждый в своем порядке: начаток – Христос, потом Христовы в Его пришествие, 24затем конец, когда Он передаст Царство Богу и Отцу, и упразднит всякое начало, всякую власть и силу. 25Поскольку Ему надлежит царствовать до тех пор, пока Он не положит всех врагов Себе под ноги. 26Как последний враг будет повержена смерть.

27Ведь Бог все положил Ему под ноги. А когда Он скажет, что все подчинено (понятно, что за исключением Того, Кто все Ему подчинил); 28когда Ему будет подчинено все, тогда и Сам Сын будет подчинен Тому, Кто подчинил Ему все, чтобы Бог был всем во всех.

29А как же те, кто принимает крещение за умерших? Если мертвые, вообще, не воскрешаются, то зачем тогда за них принимают крещение? 30Ради чего, в свою очередь, мы ежечасно подвергаемся опасностям? 31Я каждый день умираю, клянусь, братья, похвальбой вами, которая есть у меня во Христе Иисусе Господе нашем. 32Если я в Эфесе боролся со зверями из человеческих побуждений, то какая мне с того польза? Раз мертвые не воскрешаются, то

Станем есть и пить, ведь завтра умрем.

33Не обманывайтесь:

дурные сообщества портят добрые нравы.

34Как следует отрезвиться и не грешите. Ведь некоторые невежественны в том, что касается Бога! Говорю это к вашему стыду.

Воскресение тела

35Но кто-то скажет: А как будут воскресены мертвые, и в каком теле придут? 36Неразумный, то, что ты сеешь, не будет оживотворено, если не умрет. 37И когда ты это сеешь, то сеешь не будущее тело, а голое зерно, какое придется пшеничное или какое другое. 38Но Бог дает ему тело, то, какое захотел, и у каждого из семян свое собственное тело. 39Не всякая плоть одна и та же плоть, но одна плоть у людей, другая у скотов, иная у птиц, иная у рыб. 40Есть тела небесные, а есть земные. И одна слава у небесных, а другая у земных. 41Иная слава у солнца, иная у луны, иная у звезд; да и звезда от звезды различаются славой **.

42Так же и воскресение мертвых: сеется в тлении, воскрешается в нетлении; 43сеется в бесчестии, воскрешается в славе; сеется в слабости, воскрешается в силе; 44сеется тело душевное, воскрешается тело духовное. Раз есть тело душевное, то есть и духовное. 45Так и написано: Стал первый человек Адам живой душой, а последний Адам животворящим духом. 46Но не духовное сначала, а душевное, потом духовное. 47Первый человек от земли из пыли, второй человек – с неба. 48Каков тот, кто из пыли, таковы и те, кто из пыли, а каков Тот, Кто с неба, таковы и те, кто с неба. 49И как мы носили образ

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
того, кто из пыли, так будем носить и образ Того, Кто с неба.

50Но то скажу вам, братья, что плоть и кровь не могут наследовать Царства Божьего, равно как тление не наследует нетления. 51Скажу вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся. 52Вдруг, во мгновение ока, при последней трубе: она затрубит и мертвые будут воскрешены нетленными, а мы изменимся. 53Ведь этому тленному телу надлежит одеться в нетление, и этому смертному телу надлежит одеться в бессмертие. 54А когда это тленное тело оденется в нетление, и это смертное тело оденется в бессмертие, тогда сбудется написанное слово:

Поглощена смерть победой.

55Где твоя, смерть, победа?

Где твое, смерть, жало?

56Жало же смерти в грехе, а сила греха в законе. 57Но благодаренье Богу, дающему нам победу через Господа нашего Иисуса Христа. 58Итак, любимые мои братья, будьте твердыми и непоколебимыми, всегда усердствующими в деле угодном Господу, зная что ваш труд ради Него не напрасен.

Деян 2:1-47

Представленный ниже текст повествует о событии сошествия на апостолов посланного им Сыном Божьим от Отца Святого Духа, движимые которым, они стали возвещать о спасении, принесенном искупительной смертью Христа, и о Его воскресении.

Центральное место здесь занимает речь апостола Петра, где в качестве богодухновенных пророчеств приводятся библейские цитаты, касающиеся как имеющего место события сошествия Святого Духа на апостолов [Петр цитирует пророчество Иоила (2:28-32 – Масоретский текст, 3:1-5 – Септуагинта) об излиянии Духа Божьего на «всякую плоть»], так и о воскресении Иисуса как обещанного евреям Мессии. При этом Пс 16(15): 8-11 становится отныне тем самым пророчеством, которое затем позволит говорить, что Иисус был воскрешен «согласно Писаниям» (см. 1 Кор 15:4). Далее цитируется Пс 110(109):1, что позволяет отныне говорить об Иисусе как о Христе и Господе, чем полагается основание всей дальнейшей новозаветной христологии – учению о Христе как о Сыне Божьем. Эта речь завершается массовым обращением слушателей и их крещением, что и считается началом исторического бытия церкви Христа (Деян 2:14-42).

Сошествие Святого Духа

2 При наступлении дня Пятидесятницы все они вместе были там же. 2Тут с неба внезапно раздался шум словно несущегося урагана, и весь дом, где они сидели, наполнился им. 3И им стали видны разделяющиеся языки, будто огня, и он опустился на каждого из них по отдельности. 4Тогда все, будучи наполненными Святым Духом, стали говорить на иных языках так, как Дух давал им вещать.

5А в Иерусалиме находились иудеи – благоговейные люди из всякого народа под небом. 6И когда раздался этот звук собралось множество людей, придя при этом в смятение, поскольку каждый из них на своем собственном наречии слышал тех, кто им возвещал. 7Они были вне себя от удивления и говорили: Смотрите, разве все говорящие не галилеяне? 8Но как же каждый из нас слышит свое собственное наречие, в котором мы рождены? 9Парфяне и мидяне, эламиты и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Азии, 10ригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, что рядом с Киреной, а также пришельцы из Рима, 11иудеи и прозелиты, критяне и арабы – мы слышим, как они на наших языках говорят о великих делах Божьих. 12Так что все они изумлялись и недоумевали, говоря друг другу: что это может значить? 13При этом другие говорили с издевкой: они упились сладким вином.

Речь Петра

14Тогда Петр встал с одиннадцатью и, возвысив свой голос, возвестил им: Муже иудеи и все живущие в Иерусалиме, да будет вам это известно,

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
выслушайте мои слова. 15 Они не пьяны, как вы думаете, ведь теперь только
третий час дня. 16 А это есть то, о чем сказал пророк Иоиль:

17 И будет в последние дни, говорит Бог, –

изолью Мой Дух на каждую плоть,

тогда ваши сыновья и ваши дочери станут

пророчествовать,

и ваши юноши увидят видения,

а вашим старцам будут сниться вещие сны. 18 Воистину на моих рабов и на
моих рабынь Я в те дни изолью Мой Дух,

так что они будут пророчествовать.

19 И покажу чудеса наверху в небе

и знамения внизу на земле:

кровь, огонь и куренье дыма.

20 Солнце будет превращено в тьму,

а луна в кровь,

прежде чем придет день Господень – великий

и славный.

21 И будет: каждый, кто призовет имя Господа, будет спасен.

22 Мужа израильтяне, выслушайте эти слова: Иисуса Назорея, Мужа указанного
вам Богом великими чудесами и знамениями, которые через Него Бог сотворил
среди вас, как вы сами знаете. 23 Так вот, Его, выданного вам вследствие
определенного Божьего решения и предведения, вы убили, пригвоздив руками
беззаконных. 24 Но Бог Его воскресил, разрушив муки смерти, поскольку ей
было невозможно Его удержать. 25 Ведь Давид о нем говорит:

Всегда я пред собою видел Господа,

потому что Он справа от меня,

дабы я не был поколеблен.

26 Поэтому мое сердце возрадовалось,

а мой язык возликовал,

и, более того, моя плоть найдет пристанище

в надежде,

27 потому что Ты не оставишь мою душу в аду

и не дашь Твоему святому увидеть тление.

28 Ты мне дал познать путь жизни,

Ты меня наполнишь весельем пред Своим лицом.

29 Мужа братья, да будем мне позволено вам прямо сказать о праотце Давиде,
что он умер и был погребен, а его гробница сохраняется у нас до сего дня.
30 Однако, будучи пророком и зная, что Бог клятвою ему поклялся посадить на
его трон его потомка, 31 Он, провидя, сказал о воскресении Христа, что

Он не оставлен в аду

и Его плоть не увидела тления.

32Этого Иисуса Бог воскресил, чему мы все свидетели. 33Так что Он, будучи вознесенным правой рукой Бога и получив от Отца обещание Святого Духа, излил то, что вы видите и слышите. 34Ведь Давид не поднялся на небеса, тем не менее, он говорит:

Сказал Господь моему Господину:

Сиди справа от Меня

35до тех пор, пока я не положу Твоих врагов к Твоему подножью.

36 Итак, да твердо знает весь дом Израиля: этого Иисуса, которого вы распяли, Бог сделал Господом и Христом.

37Услышав это они, будучи пораженными в самое сердце, сказали Петру и остальным апостолам: Так что же нам делать, мужи братья? 38Раскайтесь, – говорит им на это Петр, – и да будет каждый из вас крещен во имя Иисуса Христа ради прощения ваших грехов, и вы получите дар Святого Духа. 39Ведь это обещание дано вам и вашим детям, а также всем дальним, кого бы ни призвал Господь Бог наш. 40И многими другими словами он свидетельствовал и увещевал их, говоря: Спасайтесь от этого развратного поколения. 41Тогда те, кто принял его слово, были крещены, и в тот день прибавилось порядка трех тысяч душ. 42И они прилежно внимали учению апостолов и были усердны в общении, разламывании хлеба и молитвах.

Жизнь первоначальной церкви

43Было же в каждой душе благоговение, и через апостолов творилось много чудес и знамений. 44А все верящие находились вместе, и все у них было общим. 45Они продавали принадлежавшие им земли и имущество, а вырученные средства разделяли между всеми по нужде каждого. 46Они ежедневно вместе усердно молились в храме и, разламывая по домам хлеб, принимали пищу в радости и простоте сердца, 47хваля Бога и пользуясь расположением у всего народа. И Господь каждый день прибавлял к ним спасаемых.

Деян 17:15–34

В представленном ниже тексте повествуется о пребывании апостола Павла в Афинах – тогдашнем духовном и культурном центре греко-римского мира, где он перед лицом местной интеллектуальной элиты свидетельствует о единственном Боге – Творце, Промыслителе и Судии, и о Христе и Его воскресении из мертвых. Однако лишь немногие откликаются на проповедь Павла. Для большинства его слушателей она оказывается неприемлемой ввиду их дуалистических воззрений (признания двух начал мира доброго – духовного и злого – материального), когда материя воспринимается ими как безусловное зло, а соответственно воскресение тела представляется им просто абсурдным.

15Провожатые довели Павла до Афин и отправились назад, получив указание передать Силе и Тимофею, чтобы те как можно быстрее пришли к нему.

Павел в Афинах

16Ожидая их в Афинах, Павел был возмущен духом при виде города полного идолов. 17В синагоге он вел беседы с иудеями и чужеземцами, а, кроме того, каждый день разговаривал с людьми, которых встречал на рыночной площади. 18При этом некоторые из философов – эпикурейцев и стоиков вступали с ним в спор. Одни из них говорили: Что же хочешь сказать этот пустослов? Другие на это отвечали: Он, кажется, проповедует о чужеземных божествах. Тогда как Павел благовествовал об Иисусе и воскресении. 19Так что его взяли и привели в ареопаг, говоря: Можем ли мы узнать, что это за новое учение тобой проповедуется? 20Ведь ты произносишь нечто странное для нас. Вот мы и хотим знать, что все это значит. 21Дело в том, что все афиняне и живущие там иностранцы ни на что другое не тратили столько времени, как на то, чтобы

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
что-то обсуждать или слушать что-нибудь совсем новое.

22На это Павел, поставленный посредине ареопага, сказал: Мужичины афиняне, по всему вижу, что вы весьма набожны. 23Когда я проходил, осматривая ваши святилища, то нашел алтарь, на котором было написано: «Неизвестному Богу». Так вот, как раз то, что вы, не зная, чтите, я вам и возвещаю. 24Бог, сотворивший мир и все, что в нем, будучи Господом неба и земли, обитает не в рукотворных храмах 25и не нуждается в услужении человеческих рук, Сам всему все подавая – и жизнь, и дыхание. 26Так, от одного единственного человека Он произвел все народы, обитающие по всему лицу земли, определив им назначенные сроки и границы их обитания, 27чтобы они искали Бога, – может, нащупают Его и найдут, – тогда как Он недалеко от каждого из нас.

28Именно в Нем мы живем, и движемся, и существуем, – как сказали и некоторые из ваших поэтов:

Ведь мы же Его род.

29А раз мы род Божий, то нам не пристало считать, что Божество подобно золоту, серебру или камню, человеческим искусством и по человеческому замыслу ставшим изображением. 30Итак, Бог, оставивший людей без наказания в те времена, когда Его не знали, теперь повелевает людям, чтобы все повсюду каялись, 31потому что Он установил день, в который намерен судить вселенную по справедливости посредством Мужа, которого Он определил и представил всем в удостоверение этого, воскресив Его из мертвых.

32Услышав о воскресении мертвых, одни стали насмехаться, а другие сказали: Послушаем тебя об этом в другой раз. 33Так Павел покинул их среду. 34Но все же несколько человек присоединились к нему, поверив. Среди них были ареопагит Дионисий, женщина по имени Дамарь, и с ними другие.

Примечания

1

См., в частности, мои книги *The New Testament and the People of God* (1992); *Jesus and the Victory of God* (1996) [Русское издание: *Иисус и победа Бога*, 2004. – Прим. ред.]; *The Resurrection of the Son of God* (2003) [Книга готовится к изданию на русском языке под названием «Воскресение Сына Божьего» – Прим. ред.]; *Paul: Fresh Perspectives* (2005), первые три работы образуют серию *Christian Origins and the Question of God*. Все они опубликованы издательствами SPCK в Лондоне и Fortress Press в Миннеаполисе; в США первая книга вышла под названием *Paul in Fresh Perspective*. Ниже в ссылках эти работы сокращенно именуются соответственно: NTPG, JVC, RSG, Paul.

2

См. *The Cross and the Colliery* (London: SPCK, 2007).

3

См. David Edwards, *After Death? Past Beliefs and Real Possibilities* (London: Cassell, 1999), 101f, где приводится современная версия подобных представлений.

4

Nigel Barley, *Grave Matters: A lively History of Death around the world* (New York: Holt, 1997; в недавнем переиздании: *Dancing on the Grave: Abacus*, 1995), 97.

5

Стихотворение *Crossing the Bar* из книги *The works of Alfred Lord Tennyson*
Страница 147

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
(London; Macmillan, 1898), 894. (Перевод Г. Кружкова.)

6

Стихотворение *When Earth's Last Picture is Painted* из книги Rudyard Kipling, *Verse: Inclusive Edition 1885–1926* (London: Hodder & Stoughton, 1927), 223f. (Перевод В. Топорова.)

7

Удивительный взгляд на кризис веры и не менее важный (хотя о нем куда меньше размышляют) феномен кризиса сомнения представлен в книге Timothy Larsen, *Crisis of Doubt: Honest Faith in Nineteenth-Century England* (Oxford: Oxford University Press, 2007). Тезисы автора прекрасно резюмирует Anthony Kenny (*Times Literary Supplement*, 1 June 2007, 33): «Радикалы из простых людей очень быстро заразились сомнением. На удивление большое количество из них выздоровело после какого-то периода недомоганий и оказалось в первых рядах христиан. В это же время представители социальной элиты заболели куда позже особо тяжелой формой викторианского сомнения, так и не выздоровев от него до самой своей смерти».

8

«Мера за меру» в переводе М. Зенкевича, действие iii, сцена первая. Два наиболее известных отрывка, где Шекспир трактует данный вопрос, это его знаменитые монологи: «О, если б этот плотный сгусток мяса...» и «Быть или не быть...» (Гамлет, действие i, сцена 2; действие iii, сцена 1).

9

Перси Биши Шелли, *Адонаис*. Перевод К. Бальмонта.

10

Руперт Брук, *Солдат* (1914). Перевод В. Сирина.

11

Цитируется по Edwards, *After Death?*, 44.

12

M. Edson, *Wit: A Play* (London: Faber and Faber, 1999).

13

См. замечания Pat Jalland, 'Victorian Death and its Decline: 1850–1918' in P. C. Jupp and C. Gittings (eds). *Death in England: An Illustrated History* (New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1999), 230–255, со ссылкой на Thomas Huxley – 245.

14

Dylan Thomas, 'Do not go gentle into that good night' (1952) in *The New Oxford Book of English Verse*, chosen and edited by Helen Gardner (Oxford: Oxford University Press, 1972), 942. Перепечатано с любезного разрешения David Higham Associates. (Перевод О. Седаковой.)

15

Will Self, *How the Dead Live* (London: Bloomsbury, 2000); например, 390.

16

Стихотворение нередко приписывают Mary Elizabeth Frye (1904–2004), но такая атрибуция спорна. (Перевод мой. – М.З.)

17

Цитируется по Ted Harrison, *Beyond Dying: The Mystery of Eternity* (Oxford: Lion, 2000), 68, 72.

18

Philip Pullman, *His Dark Materials*, трилогия, состоящая из: *Northern Lights*, *The Subtle Knife* и *The Amber Spyglass* (London: Scholastic, 1997, 2000).

19

Nick Hornby, *Fever Pitch* [London: Penguin, 2000 (1992)], 63. (Русское издание: Ник Хорнби. Футбольная горячка: Иностранка. М., 2003.)

20

Hornby, *Fever Pitch*, 64. «Хайбери» до недавнего времени был основной базой «Арсенала».

21

См., например, Harrison, *Beyond Dying*, 17.

22

Barley, *Crave Matters*, 84.

23

Henry Scott Holland, 'The King of Terrors' in *Facts of the Faith: Being a Collection of Sermons Not Hitherto Published in Book Form*, ed. Christopher Cheshire (London: Longmans, Green & Co., 1919), 125–134.

24

'Death, be not proud' in Helen Gardner (ed.), *The New Oxford Book of English Verse* (Oxford: Oxford University Press, 1972), 197. Пунктуация последней строки стала важной темой пьесы Эдсон *Wit* (см. выше, глава 1, прим. 11). (Перевод Д. В. Щедровицкого.)

25

Сравните со знаменитой молитвой Донна: «Приведи нас, Господи, в момент нашего последнего пробуждения в дом ко вратам небесным». Тут мы можем задуматься о точном смысле слова «небеса» в описании жизни по воскресении, но я лишь хотел подчеркнуть, что Донн, без сомнения, верит в два этапа посмертного существования, где отношение первого этапа ко второму описывается в образах сна и пробуждения.

26

Вот почему меня поразили слова подлинного ученого Дугласа Дэвиса о том, что

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
«христианство прославляет смерть» и что «сам факт Пасхи» заставляет людей
«сравнивать человеческую жизнь с путешествием по жизни к небесному граду». Douglas J. Davies. A Brief History of Death' (Oxford: Blackwell, 2005), 7. Книга Дэвиса примечательна тем, что воскресение там или остается второстепенной темой, или смешивается с загробной жизнью на небесах.

27

Brian Innes, Death and the Afterlife (New York: St Martin's Press, 1999).

28

Шекспир, «Гамлет», действие 3, сцена 1.

29

Maria Shriver, What's Heaven? (New York: St Martins Press, 1999).

30

Страницы не пронумерованы. Приведенные выдержки отражают основное содержание всей этой маленькой книжки.

31

Здоровую коррекцию подобных представлений дает серия книг Randy Alcorn, особенно Heaven (Carol Stream, IL: Tyndale House, 2004). Alcorn принадлежит к традиции, в рамках которой легко принимаются банальности в стиле детской книжки Шрайвер, но изучение писания привело его к более здоровым библейским представлениям, хотя он все равно использует слово «небеса» и при этом говорит о новом небе и новой земле.

32

Этот вопрос я подробно рассматриваю в книгах Jesus and the Victory of God (London: SPCK; Minneapolis: Fortress Press, 1996) и The Challenge of Jesus (London: SPCK; Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2000).

33

«Пока не склонятся наши венцы пред Тобю / И пока мы, изумленные, не будем Тебя любить и прославлять» (из гимна «Love divine, all loves excelling»).

34

Удивительно, что, несмотря на ясные и недвусмысленные слова Откр 21 о «новом небе и новой земле» и Новом Иерусалиме, сходящем с небес, некоторые авторы продолжают утверждать, что все это всего лишь описание «небес».

35

См., например, Peter Stanford, Heaven: A Traveller's Guide to the Undiscovered Country (London: HarperCollins, 2003); или даже Alister E. McGrath, A Brief History of Heaven (Oxford: Blackwell, 2003). Гораздо серьезнее и подробнее, но с теми же недостатками: McDanpelt and Bernhard Lang, Heaven: A History (New Haven and London: Yale University Press, 2nd edn, 2001 [1988]); Jeffrey Burton Russell, A History of Heaven (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997). Старая работа Ulrich Simon, Heaven in the Christian Tradition (London: Rockliff, 1958), это – отчаянная попытка соединить традиционные представления о небесах с реальностью воскресения («В Библии небо и земля образуют единый мир. Если земля имеет пространственную природу, таковы же и небеса», p. 126), но хотя данная

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
книга богата мыслями, она никак не разрешает вопрос таким же образом, как
именно это делает Новый Завет.

36

Ярким примером этого является: David Edwards, *After Death? Past Beliefs and Real Possibilities* (London: Cassell, 1999), 78. Подробнее данный вопрос рассматривается в главе 8.

37

Классический пример такого подхода: John Hick, *Evil and the God of Love* (London: Fontana, 1974).

38

John Keble, 'Sun of my soul, thou saviour dear'.

39

J. H. Newman, 'Lead, kindly Light'.

40

Я благодарен пастору Peter Tyreus за то, что он указал мне на отличия английской версии от шведского оригинала.

41

Похоже, это упущено из виду у Stephen Smalley, *Hope for Ever: The Christian View of Life and Death* (Milton Keynes: Paternoster Press, 2005), 79, который полагает, что «отдых» и «покой» говорят об окончательном блаженстве на небесах. Это созвучно его представлениям о том, что после смерти нас ожидает «духовное воскресение» (17, 78); см. 65; «Это будет воскресение духовное, воскресение в сфере взаимоотношений, но не физическое».

42

См. мою книгу *For All the Saints? Remembering the Christian Departed* (London: SPCK; Harrisburg, PA: Morehouse Publishing, 2003).

43

R. Anne Horton, *Using Common Worship Funerals: A Practical Guide to the New Services* (London: Church House Publishing, 2000). Если быть точным, слово «воскресение» там встречается один-два раза, но только в цитатах из текста службы; о нем молчит «богословское введение», оно отсутствует в указателе, несмотря на заверение в том, что авторы «старались отразить то направление богословской мысли, которого придерживается Церковь Англии» (61).

44

Common Worship: Funeral (London: Church House Publishing, 2000), 6 (260 in the full *Common Worship* book).

45

Common Worship: Funeral, 39f. (373f. in the full *Common Worship*).

46

Common worship: Funeral, 51 (330 in the full Common worship). Данным молитвам предшествует «исповедание веры», где есть слова о «твердой и непреложной надежде воскресения к вечной жизни». Но, на мой взгляд, другие слова и общая направленность службы способствуют тому, что слышащие трактуют традиционные выражения как метафору для «отправиться на небеса после смерти».

47

См., например, D. G. Rowell, *The Liturgy of Christian Burial* (London: Mcluin/SPCK, 1997); P. C. Jupp and A. Rogers (eds), *Interpreting Death: Christian Theology and Pastoral Practice* (London: Cassell, 1997); Paul P.J. Sheppy, *Death, Liturgy and Ritual: Vol. 1, Pastoral and Liturgical Theology; Vol. 11, A Commentary on Liturgical Texts* (London: Ashgate, 2003); *In Sure and Certain Hope: Liturgies, Prayers and Readings for Funerals and Memorials* (Norwich: Canterbury Press, 2003).

48

Sheppy, *In Sure and Certain Hope*, 26. Богословский базис подобного смешения категорий ясно представлен в книге Sheppy's *Death, Liturgy and Ritual*, 8 If., где автор отрицает идею телесного воскресения, хотя в другом месте заверяет, что не придерживается дуалистического разделения тела и души: «воскресение тела означает, что после смерти мы в конечном счете соединимся с Богом и со Христом». На это можно ответить лишь одно: нет, «воскресение тела» имеет совершенно иной смысл.

49

См. мою книгу *Scripture and the Authority of God* (London: SPCK, 2005; US title, *The Last Word*, San Francisco: HarperSanFrancisco, 2005).

50

Wright, *For All the Saints?*

51

K. R. Popper, *The Open Society and its Enemies* [Princeton, NJ: Princeton University Press, rev. edn, 1971 (1945)]. (Русское издание: Карл Поппер, «Открытое общество и его враги». В 2-х тт, 1992. – Прим. ред.)

52

David Edmonds and John Eidinow, *Wittgenstein's Poker: The Story of a Ten-Minute Argument between Two Great Philosophers* (London: Faber and Faber, 2001). (Русское издание: Дэвид Эдмонтс, Джон Айдиноу, «Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами», 2004. – Прим. ред.)

53

Обо всем этом и о многом другом см. мою книгу *The Resurrection of the Son of God* (London: SPCK; Minneapolis: Fortress Press, 2003). Предположение Ирода Антипы, что Иисус – это, быть может, восставший из мертвых Иоанн Креститель (Мк 6:16), исключение, которое лишь подтверждает правило.

54

Мк 6:14–16 и пар.

55

ин 11:24. (Здесь и далее, если не оговорено особо, Новый Завет цитируется по переводу епископа Кассиана (Безобразова), Ветхий Завет – по Синодальному переводу. – Прим. пер.)

56

См. значимый труд на эту тему: J. D. Levenson, *Resurrection and the Restoration of Israel The Ultimate Victory of the God of Life* (New Haven and London: Yale University Press, 2006).

57

Мк 12:18–27, Мф 22:23–33, Лк 20:27–40.

58

Мк 9:10; любопытно, что это упоминание встречается только у Марка.

59

И никто не мог повторить об Иисусе слова, которые Иоханан бен Заккай произнес по поводу разрушения Храма в 70 году: «Не беспокойтесь о его разрушении, у нас есть нечто не менее прекрасное – Тора».

60

David Lawrence, *Heaven: It's Not the End of the World! The Biblical Promise of a New Earth* (London: Scripture Union, 1995).

61

Лк 23:43, ин 14:2, Флп 1:23, а также 3:9–11, 20–21.

62

1 Кор 15:12.

63

2 Тим 2:18.

64

См. Wright, RSG, 534–551.

В библеистике – эпоха священной истории от построения Второго Храма в Иерусалиме (515 г. до н.э.) до разрушения его римлянами (70 г. н.э.). – Прим. ред.

65

Stephen Patterson в своей рецензии на RSG [Journal of Religion. 84 (2004), 636L] называет это новаторской трактовкой 1 Кор 15:44. Ничего новаторского здесь нет, что я подробно объясняю (347–360).

66

Мф 13:43.

67

Флп 2:15.

68

Быт 5:25; 4 цар 2:11–12.

69

Обратите внимание на то, как Иисус говорит «в воскресении», подразумевая «в новом мире». Мф 19:28; 22:30.

70

Деян 1:6, см. также Рим 11:15.

71

Иосиф Флавий, Иудейские древности, глава 20. См. об этом мою книгу *The New Testament and the People of God* (London: SPCK; Minneapolis: Fortress Press, 1992), 353f. О различных движениях сопротивления см. NTRG, 170–181.

72

См. Иосиф Флавий, Иудейская война, книга 7.

73

См. мои книги *Paul: Fresh Perspectives* (London: SPCK, 2005; US title, *Paul in Fresh Perspective*, Minneapolis: Fortress Press, 2005), ch. 4.

74

См. мою книгу *Judas and the Gospel of Jesus* (London: SPCK; Grand Rapids, MI: Baker, 2006), esp. ch. 5. Особого внимания заслуживают слова язычников, объяснявших гонения христиан в Лионе в 177 г. н.э. Любопытно также, как «воскресение» теряет значимость в Средние века, когда сама церковь все теснее сливается с империей.

75

Я не рассматриваю здесь совершенно иное повествование так называемого Евангелия Петра: см. N.T. Wright, *The Resurrection of the Son of God* (London: SPCK; Minneapolis: Fortress Press, 2003), 592–596.

76

Тут я кратко суммирую RSG, 599–608.

77

В одной рецензии на RSG писали, что я не представил достаточных доказательств тому, что эти четыре повествования независимы одно от другого. Внимательное изучение греческого текста позволяет это утверждать вполне обоснованно: даже когда разные авторы говорят об одном и том же событии, они используют совершенно разные слова.

78

Слово «докетизм» происходит от греческого dokeo – «казаться».

79

Обо всем этом см. RSG, 697–701.

80

Обо всем этом см. RSG, 701–706.

81

John Updike, 'Seven Stanzas at Easter' in Telephone Poles and Other Poems (New York: Alfred A. Knopf, 1964), 72f.

82

Данный аргумент, вызывающий насмешки даже иных скептиков, недавно нашел своего серьезного приверженца; см. S.J. Patterson, *The God of Jesus: The Historical Jesus and the Search for Meaning* (Harrisburg PA: Trinity Press International, 1998), ch. 7. Автор приводит свои аргументы также в *Journal of Religion*, 84 (2004), 637: «Люди поверили в воскресение Иисуса, вероятно, из-за ревностного почитания убитого мученика, которое было свойственно многим благочестивым иудеям, думавшим, что правда Божья не оставит последнего слова за врагом». Кратко на это можно ответить: мы знаем о множестве благочестивых иудеев, оказавшихся именно в такой ситуации, но ни один из них не заговорил о том, что убитый праведник уже был воскрешен из мертвых.

83

Деян 12:15, см. также RSG, 134.

84

Два автора уделили много внимания этим вопросам, и их многочисленные труды продвинули далеко вперед соответствующую апологетику. Это: William Lane Craig [например, *Assessing the New Testament Evidence for the Historicity of the Resurrection of Jesus* (New York: Edwin Mellen Press, 1989)] и Gary Habermas [например, *The Case for the Resurrection of Jesus* (Grand Rapids, MI: Kregel Publications, 2004)]. Сожалею, что не цитировал этих авторов в моей книге RSG.

85

Мне однажды удалось наблюдать два заката за один день: зимним вечером я покинул Абердин вскоре после заката, и тогда солнце снова взошло на западе, пока мы поднимались на холм, чтобы величественно закатиться второй раз. Тут я, конечно, смошенничал.

86

См., например, Lesslie Newbigin, *Living Hope in a Changing World* (London: Alpha International, 2003), 36.

87

Хотя некоторые люди именно таким путем пришли к полноценной вере: например, Frank Morison, *Who Moved the Stone?* (London: Faber and Faber, 1930, затем часто переиздавалась).

88

Easter Oratorio, музыка Пола Спайсера, слова Тома Райта, исполняет Баховский хор Бирмингема (Birmingham Bach Choir), Farringdon Records: см. сайт www.easteroratorio.com/

89

См., в частности, Gerald O'Collins, *Easter Faith: Believing in the Risen Jesus* (London: Darton, Longman & Todd, 2003), 32f., 106f.

90

L. Wittgenstein, *Culture and Value: A Selection from the Posthumous Remains*, ed. G. H. von Wright et al, tr. Peter Winch (Oxford: Blackwell, 1998), 39. Весь этот отрывок замечателен и заслуживает пристального внимания.

91

И опять же у Витгенштейна есть глубокие размышления на эту тему. См, например, L. Wittgenstein, *Lectures and Conversations on Aesthetics, Psychology and Religious Belief*, ed. C. Barrett (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, no date).

92

Patterson в своей уже упоминавшейся рецензии (*Journal of Religion*, 84,637) называет подобные рассуждения ироничными, полагая, что" тут я, подобно тирану, хочу навязать читателям мою точку зрения. Но люди, страдающие от бремени идеи о том, что мы как дети Просвещения не можем верить в эти древние басни, прекрасно поймут, о чем я говорю.

93

Оскар Уайлд, Саломея.

94

Богослову нетрудно заметить, что в этой части книги я косвенно веду диалог с двумя величайшими немецкими богословами последнего поколения: с Вольфхартом Панненбергом (см., например, *Wolthart Pannenberg, Systematic Theology*, vol. 3 (Grand Rapids, MI: Eerdmans; Edinburgh: T. & T. Clark, 1993), ch. 15 и многие другие места) и Юргеном Мольтманом [например, *Jurgen Moltmann, Theology of Hope* (London: SCM Press); *The Coming of God: Christian Eschatology* (Minneapolis: Fortress Press, 1996)]. Такому диалогу можно было бы посвятить целую книгу. О Мольтмане см. особенно R.J. Bauckham, *God Will Be All In All: The Eschatology of Jurgen Moltmann* [Edinburgh: T.&T. Clark, 2005 (1999)].

95

Среди наиболее ценных работ на данную тему следует упомянуть следующие: John Polkinghorne and Michael Welker (eds), *The End of the World and the Ends of God: Science and Theology on Eschatology* (Harrisburg, PA: Trinity Press International, 2000); John Colwell (ed.), *Called to One Hope: Perspectives on Life to Come* (Carlisle: Paternoster Press, 2000). Последняя включает в себя мою лекцию 'New Heavens, New Earth', прочитанную в 1993, в которой уже были намечены некоторые аспекты данной книги. См. также мою книгу *The Myth of the Millennium* (London: SPCK, 1999), вышедшую в США под названием *The Millennium Myth* (Louisville, KY: Westminster John Knox Press). Из других авторов особого упоминания заслуживает Richard Bauckham,

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
который, на мой взгляд, высказывает в основном верные мысли; см., например,
его книгу (в соавторстве с Trevor Hart) *Hope against Hope: Christian
Eschatology in Contemporary Context* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1999).

96

см. Bauckham in Colwell (ed.). *Called to One Hope*, 240–251.

97

О причинах некритичного принятия идей Дарвина см. любопытное замечание
Витгенштейна: L. Wittgenstein, *Lectures and Conversations on Aesthetics,
Psychology and Religious Belief*, ed. C. Barrett (Berkeley and Los Angeles:
University of California Press, no date), 26f.

98

Ursula King, 'Teilhard de Chardin, Pierre' in *The Oxford Companion to
Christian Thought*, ed. A. Hastings (Oxford: Oxford University Press, 2000),
694–696, at 695.

99

King, 'Teilhard de Chardin, 696.

100

Эта молитва (она начинается словами: «Боже непреложной силы и вечного
света...»), вероятнее всего, впервые появилась в 1912 году в *Scottish Book of
Common Prayer*.

101

см. мою книгу *Evil and the Justice of God* (London: SPCK; Downers Grove, IL:
InterVarsity Press, 2006).

102

Обо всем этом см. Polkinghorne and Welker, *End of the World*, 1–13; W. R.
Stoeger in *End of the World*, ch. 1 (19–28); and Polkinghorne in *End of the
World*, ch. 2 (29–41).

Polkinghorne в начале написанной им главы ставит вопрос о «научной» стороне
теории Тейяра де Шардена.

103

см. также мою книгу *Judas and the Gospel of Jesus* (London: SPCK; Grand
Rapids, MI: Baker, 2006), там же есть ссылки на другие работы по данной
теме.

104

Joni Mitchell, *Woodstock'* (1970).

105

см. Stuart Holroyd, *The Elements of Gnosticism* (Shaftesbury: Element,
1994), esp. chs 1 and 7.

106

о Флп 3:20 слл; 1 Петр 1 и т. п. см. далее в этой книге.

107

см. Аг 2:6 слл; ср. Рим 8:18–26.

108

Относительно Кол 1 см. мою книгу *The Climax of the Covenant* (Edinburgh: T. & T. Clark; Minneapolis: Fortress Press, 1992), ch. 5. Весь отрывок приведен в конце данной главы.

109

1 Кор 15:20, 23; ср. Рим 8:23; 11:16; 16:5; 1 Кор. 16:15; 2 Фес. 2:13; Иак 1:18.

110

Время от времени появляются попытки представить само воскресение Иисуса как очередной эволюционный переход на новый этап: развитие Иисуса опередило развитие всех прочих людей, поэтому, с помощью «естественных» средств, он мог пройти через смерть и обрести новую жизнь. См., например, Stephen Holt in S.E. Porter, M.A. Hayes and D. Tombs (eds), *Resurrection*, JSNT Supplement Series 186 (Sheffield: Sheffield Academic Press, 1999), 11.

111

Contra Kathryn Tanner in John Polkinghorne and Michael Welker (eds). *The End of the World and the Ends of God: Science and Theology on Eschatology* (Harrisburg, PA: Trinity Press International, 2000), 232.

112

Так, например, это понимает Alister E. McGrath, *A Brief History of Heaven* (Oxford: Blackwell, 2003), 12f. Более того, данный автор утверждает, что это «одна из главных тем богословия Павла», не замечая, что строит свои рассуждения на неверной интерпретации.

113

Относительно Флп 3:20 слл см. мою книгу *The Resurrection of the Son of God* (London: SPCK; Minneapolis: Fortress Press, 2003), 229–236.

114

см., например, Jürgen Moltmann, *God in Creation: An Ecological Doctrine of Creation* (London: SCM Press, 1985), 86–93.

115

ис 11:9; см. также Авв 2:14.

116

Разумеется, Павел также не чужд подобной мысли: Гал 4:26. См. также Евр 12:22–24.

117

Этот перевод взят из моей книги: Paul for Everyone: The Prison Letters (London: SPCK; Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2002), 148.

118

Пс 109:1, любимый текст первых христиан: см. Мф 22:44 и пар.; Мк 16:19 (разумеется, в так называемом пространном окончании); Деян 2:34 слл; Еф 1:20, Кол 3:1, Евр 1:13; 10:12, 1 Петр 3:22, Откр 3:21; ср. также Лк 19:27, 1 Кор 15:25.

В свете современных научных данных самая ранняя книга Нового Завета – Первое послание к Фессалоникийцам, написанное апостолом Павлом в 50 или 51 году. – Прим. ред.

119

Например, Рим 8:34, Еф 1:20; 2:6.

120

Douglas Farrow, *Ascension and Ecclesia: On the Significance of the Doctrine of the Ascension for Ecclesiology and Christian Cosmology* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1999). См. также G. S. Dawson, *Jesus Ascended: The Meaning of Christ's Continuing Incarnation* (London: T. & T. Clark International, 2004).

121

См., в частности, T.F.Torrance, *Space, Time and Resurrection* (Edinburgh: Handsel Press, 1976), 110, 123–126; T.F.Torrance, *Space, Time and Incarnation* (London: Oxford University Press, 1969).

122

Мф 28:18.

123

2 Кор 4:5.

124

О продолжении человеческой работы Иисуса см. особенно Послание к Евреям (например, 7:25; 9:24); а также, например, Torrance, *Space, Time and Resurrection*, 130, 133.

125

Farrow, *Ascension and Ecclesia*, 130–132, 153f. подробнее см. J. Pelikan, *The Christian Tradition: A History of the Development of Doctrine*, 5 vols (Chicago and London: University of Chicago Press, 1971–1989), 3.160ff. (Русское издание: Ярослав Пеликан. Христианская традиция. История развития вероучения. В 5 тт. Т. 1, 2007.)

126

Подобным образом, лишь когда мы понимаем, что Иисус уже стал Господом мира, а также что при его последнем явлении пред ним преклонится всякое колено, мы видим, что праздник Христа Царя нужно праздновать либо в сам день вознесения, либо в воскресенье Адвента, а если этому празднику посвящен

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
какой-то иной день, это не просто смешение разных категорий, но опасная богословская путаница. Иисус не стал царем мира постепенно, и его царство невозможно точно отождествить со свидетельством и властью церкви, что косвенно предполагают недавние нововведения в Римско-католической и Англиканской церквях, где данный праздник перенесли на последнее воскресенье перед Адвентом. См. мою книгу *For All the Saints? Remembering the Christian Departed* (London: SPCK; Harrisburg, PA: Morehouse Publishing, 2003), 63–70.

127

См. снова Torrance, *Space, Time and Resurrection*, 133f.

128

Hal Lindsey, *The Late Great Planet Earth* (Grand Rapids, MI: Zondervan, 1971).

129

Очень ценное описание и критика всего данного направления – одно из многих достоинств книги Craig C. Hill *In God's Time: The Bible and the Future* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2002), 199–209.

130

См., например, Пс 95 и 97.

131

См. мою книгу *Simply Christian* (London: SPCK; San Francisco: HarperSanFrancisco, 2005), ch. 2.

132

Подробнее этот вопрос рассматривается в книге *The New Testament and the People of God* (London: SPCK; Minneapolis: Fortress Press, 1992), ch. 10; и особенно в *Jesus and the Victory of God* (London: SPCK; Minneapolis: Fortress Press, 1996), 207–209. Совершенно иные представления о смысле и историческом контексте термина можно найти тут: J. D. Crossan, *The Birth of Christianity* (San Francisco: HarperSanFrancisco, 1998), esp. chs 15–18. Ценное исследование предмета в статье Richard Bauckham из книги A. Hastings (ed.), *The Oxford Companion to Christian Thought* (Oxford: Oxford University Press, 2000), 206–209.

133

И если уж мы занялись критикой этого популярного гимна, следует сказать еще одну вещь: ни в Библии, ни в христианской традиции (единственное исключение мы найдем в Евр 2:13, где приведена цитата из Ис 8:18) последователей Иисуса никогда не называют Его детьми. Вернее говорить о «Его братьях» (или, в нашу политкорректную эпоху, о «Его братьях и сестрах»). Возможно, в этом отражается скрытый докетизм данного гимна, из-за чего тут (причем не один раз) стирается критически важное отличие Иисуса от Отца.

134

См. мои книги *Jesus and the Victory of God* (London: SPCK; Minneapolis: Fortress Press, 1996), chs 8, 13; *The Challenge of Jesus* (London: SPCK; Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2000), chs 2, 5.

135

Мк 13:26; 14:62 (и пар).

136

Например, Мф 25:14–30, Лк 19:11–27, а также сюжеты Лк 12:31–48 и др. Об этом см. JVG, 632–639.

137

Например, Мал 3:1; ср. Зах 14:5; другие тексты приведены в JVG, 615–624.

138

Деян 1:11.

139

См., например, Деян 3:19–21.

140

См. особенно Paul: Fresh Perspectives (London: SPCK, 2005; в СИИА под названием: Paul in Fresh Perspective, Minneapolis: Fortress Press, 2005), ch.7.

141

См., например, Josephus, Antiquities 3.80, 203.

142

1 Фес 5:2, 1 Кор 1:8; 5:5, 2 Кор 1:14, Флп 1:6, 10; 2:16, 2 Петр 3:10.

143

См. C.J. Setzer in J.T. Carroll (ed.), The Return of Jesus in Early Christianity (Peabody, MA: Hendrickson, 2000), 169–183.

144

См. Paul, ch. 4, там же есть ссылки на другие материалы.

145

О гонениях в Фессалониках см., например, 1:6; 2:14; 3:3 слл.

146

1 Кор 16:22.

147

Кол 3:1–4.

148

Откр 1:7; 2:25; 3:11; 16:15; 22:7, 12, 20.

149

Тут можно упомянуть Иак 5:7–8, а также в Евр 9:28. 1 Петр 1:20 слл и 5:4 использовано слово «явится» при упоминании как первого, так и второго пришествия Иисуса.

150

См. С. Н. Talbert in *Vigilae Christianae*, 20 (1966), 142 (цитируется по J. S. Siker, 'The Parousia of Jesus in Second and Third Century Christianity' in Carroll (ed.), *The Return of Jesus*, 148). Обо всех таких отрывках см. соответствующие места в моей книге *The Resurrection of the Son of God* (London: SPCK; Minneapolis: Fortress Press, 2003), в частности относительно 2 Петр 3:5–13, RSG, 462f.

151

См. Siker in Carroll (ed.) *The Return of Jesus*; и особенно мою книгу *The New Testament and the People of God* (London: SPCK; Minneapolis: Fortress Press, 1992), 459–464.

152

Пс 97:8. Весь Пс 97 посвящен этой теме, как и некоторые другие из этой части Псалтири.

153

См., в частности, Miroslav Volf, *Exclusion and Embrace: A Theological Exploration of Identity, Otherness and Reconciliation* (Nashville, TN: Abingdon Press, 1994).

154

Деян 17:31; ср. 10:42.

155

Об этом см. мои книги *What Saint Paul Really Said* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1997; Oxford: Lion, 2003), ch. 7; *Paul: fresh Perspectives* (London: SPCK, 2005; в США под названием *Paul in Fresh Perspective*, Minneapolis: Fortress Press, 2005), ch. 6. См. также: 'Redemption from the New Perspective' in S. T. Davis, D. Kendall, G. O'Collins (eds), *Redemption* (Oxford: Oxford University Press, 2004), 69–100; '4QMMT and Paul: Justification, «works», and Eschatology' in Sang-won (Aaron) Son (ed.), *History and Exegesis: New Testament Essays in Honor of Dr E. Earle Ellis for his 80th Birthday* (New York and London: T. & T. Clark, 2006), 104–132; 'New Perspectives on Paul' in Bruce L. McCormack (ed.), *Justification in Perspective: Historical Developments and Contemporary Challenges* (Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2006), 243–264.

156

См. мои труды: *Romans in the New Interpreter's Bible*, vol. X (Nashville, TN: Abingdon Press, 2002), 393–770; тома серии *Paul for Everyone* (London: SPCK; Louisville, KY: Westminster John Knox Press: *Galatians and Thessalonians*, 2002; *The Prison Letters*, 2002; *1 Corinthians and 2 Corinthians*, both 2003; *Romans* (2 vols), 2004); *The Climax of the Covenant* (Edinburgh: T. & T. Clark; Minneapolis: Fortress Press, 1992), esp. chs 7, 8, 10 and 13.

157

См., например, 2 Тим 4:1; 1 Петр 4:5.

158

ин 5:22–30.

159

Например, ин 16:8–11; к этой теме нам еще предстоит обратиться позже.

160

См. Douglas Farrow, *Ascension and Ecclesia: On the Significance of the Doctrine of the Ascension for Ecclesiology and Christian Cosmology* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1999), 271.

161

1 Кор 11:27–34.

162

См. особенно T.F.Torrance, *Space, Time and Resurrection* (Edinburgh: Handse1 Press, 1976), 158.

163

2 Кор 4:5.

164

Подобная логика содержится, например, в 1 Кор 15:58; см. мою книгу *The Way of the Lord: Christian Pilgrimage in the Holy Land and Beyond* (London: SPCK; Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1999), ch. 9, а также главу 13 этой книги.

165

Разумеется, это моя книга *The Resurrection of the Son of God* (London: SPCK; Minneapolis: Fortress Press, 2003).

166

1 ин 3:1 слл.

167

ин 5:25–29.

168

ин 14:2.

169

лк 23:43.

170

Происхождение слова «рай» подробно и блестяще описано в книге J.N.Vremmer, *The Rise and Fall of the Afterlife* (London and New York: Routledge, 2002), 109–127. Я сожалею, что слишком поздно обнаружил эту работу и не смог воспользоваться ею при написании RSG.

171

Флп 1:23.

172

Мф 6:20; 19:21; лк 12:21; ср.. 1 Тим 6:19.

173

1 Петр 1:3.

174

См. RSG, chs 6, 7.

175

См., например, 2 Кор 5:17.

176

Из гимна «Обитель света, Небесный Салим», приписываемого Фоме Кемпийскому. Английский перевод J.M.Neale. (К сожалению, Neale опубликовал его в сборнике под названием «Небесная страна: радостные и славные гимны рая» (*The Celestial Country: Hymns on the Joys and Glories of Paradise* (London: Seeley&Co., 1866)), и такая неудачная подача, как мы уже говорили, настраивает на неверное восприятие.

177

1 Кор 15:44.

178

1 Кор 15:50. См., например, Irenaeus, *Against Heresies* 5.9.1–4, и обсуждение этого текста в RSG, 515.

179

подробнее см. RSG, ch. 11.

180

C.S. Lewis, *Miracles* [London: Fontana, 1960 (1947)]. 155. Глава «Чудеса нового творения», на которую я тут ссылаюсь, остается одним из величайших сжатых описаний этой библейской картины.

181

Jeffrey Burton Russell, *A History of Heaven* (Princeton, NJ: Princeton University Press, new edn, 1998), 119f.

182

C.S.Lewis, *The Great Divorce* (London: Macmillan, 1946, многократно переиздавалась).

183

1 Тим 6:16.

184

Например, Рим 5:17, 1 Кор 6:2, 3, 2 Тим 2:12, Откр 1:6; 5:10; 20:4; 22:5. Возможно также (в зависимости от интерпретации) Лк 19:17, 19.

185

Такую позицию, по всей видимости, занимает, например, D.J.Davies, *Death, Ritual and Belief: The Rhetoric of Funerary Rites* [New York: Continuum, 2002 (1997)], 128: «для христиан воскресение означает вход в небесную сферу, где спасение станет полноценной реальностью». Тут собрано вместе несколько неверных мнений.

186

Откр 6:9–11.

187

Упомянутое песнопение ['when the trumpet of the Lord shall sound', by James M. Black (1893)] само же вступает в противоречие с платонизмом первых строк, когда в нем вдруг появляются слова: «и наступает вечное, светлое и ясное утро». Если утро наступает, вряд ли можно говорить о том, что время остановилось.

188

Lewis, *Miracles*, 153. (Цитирую в пер. Н. Трауберг – Чудо. М.: Гнозис-Прогресс, 1991, с. 150. – Прим. пер.)

189

См. все обсуждение данной темы тут: J. Polkinghorne, *The God of Hope and the End of the World* (London: SPCK, 2002), esp. 107–112.

190

1 Тим 1:18; 6:12; см. также 2 Тим 4:7.

191

Лучше всего этот вопрос рассмотрен в блестящей работе Stephen Greenblatt, *Hamlet in Purgatory* (Princeton: Princeton University Press, 2001), esp. ch. 2. Автор приходит к выводу, что Гамлет – сын протестантизма (он обучался в Виттенберге), столкнувшийся с призраком отца, все еще страдающего от посмертных мук, что косвенно отражает католический характер этого феномена. Данный вывод интересен, но не менее интересно там описано зарождение и развитие идеи чистилища, утвердившейся в Позднем Средневековье. См. также очень ценную работу J. N. Breramer, *The Rise and Fall of the Afterlife* (London and New York: Routledge, 2002), ch. 5.

192

См. K. Rahner, *On the Theology of Death* (ET, New York: Herder & Herder, 1961). Ценное краткое изложение идей Ранера в работе William J. La Due, *The Trinity Guide to Eschatology* (New York and London: Continuum, 2004), 51–57.

193

См. Joseph Ratzinger, *Eschatology: Death and Eternal Life* (vol. 9 of Johann Auer and Joseph Ratzinger, *Dogmatic Theology*) (ET, Washington: Catholic University of America Press, 1988), 218–233. См. также, например, мудрый разбор Dermot A. Lane, *Keeping Hope Alive: Stirrings in Christian Theology* [Eugene, OR: Wipf & Stock, 2005 (originally pub. Paulist Press, 1996)], 143–148. Lane говорит, что богословы «отказались от идеи чистилища как некоего места в пользу того, что это момент личной встречи с преображающей любовью Бога» (148).

194

Похоже, именно такой путь представлен как оптимальный в знаменитой проповеди Генри Скотта Холленда, которую мы обсуждали в главе 2.

195

Флп 1:23.

196

Рим 8:1.

197

Рим 8:38 слл.

198

Лк 13:3, 5. Об этой теме в целом см. мою книгу *Jesus and the Victory of God* (London: SPCK; Minneapolis: Fortress Press, 1996), ch. 8.

199

Лк 12:35–59; 16:19–31.

200

Мф 25:31–46.

201

Miroslav Volf, *Exclusion and Embrace: A Theological Exploration of Identity, 'Otherness' and Reconciliation* (Nashville, TN: Abingdon Press, 1994); Desmond Tutu, *No Future Without Forgiveness: A Personal Overview of South Africa's Truth and Reconciliation Commission* (London: Rider, 2000).

202

См. 1 Тим 6:16.

203

Рим 2:8; 11:31.

204

О моих последних спорах с J. D. Crossan см. Robert B. Stewart (ed.). *The Resurrection of Jesus: John Dominic Crossan and N. T. Wright in Dialogue* (Minneapolis: Fortress Press, 2006).

205

Во многом мои выводы близки к выводам работы Richard Bauckham and Trevor Hart, *Hope against Hope: Christian Eschatology at the Turn of the Millennium* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1999), хотя мы пришли к ним независимо друг от друга. Этот и многие другие труды Bauckham [например, *Viwe and Mission: Christian witness in a Postmodern world* (Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2004)] отличаются убедительностью и новизной.

206

1 Кор 15:19.

207

Mission-Shaped' Church (London: Church House Publishing, 2004).

208

Adrian Plass, *Bacon Sandwiches and Salvation: An A-Z of the Christian Life* (London: Authentic Media, 2007).

209

Plass, *Bacon Sandwiches*, p. 163.

210

Plass, *Bacon Sandwiches*, pp. 164f., курсив наш.

211

Мк 5:23, 28, 34.

212

Мф 9:22.

213

Новый Завет чрезвычайно богат материалом по этому вопросу, см., например, Мф 8:25; 14:30, Мк 6:56; 10:52, Лк 8:36; 8:50; 17:19; 18:42, Деян 4:9; 14:9; 16:30, 31; 23:24; 27:20, 31, 34, 43, 44; 28:1, 4.

214

См., для начала, мою книгу *Evil and the justice of God* (London: SPCK; Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2006), ch. 3.

215

Рим 8:19.

216

Мф 28:18; Откр 11:15.

217

Подробнее об этом я писал в книге *Jesus and the Victory of God* (London: SPCK; Minneapolis: Fortress Press, 1996).

218

См. особенно мою книгу *Paul: Fresh Perspectives* (London: SPCK, 2005; в США под названием *Paul! in Fresh Perspective*, Minneapolis: Fortress Press, 2005), ch. 2.

219

См. об этом, например, мои книги *Evil and the Justice of God*, ch. 3; *The Challenge of Jesus* (London: SPCK; Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2000), ch. 4; *JVC*, ch. 12; *The Meaning of Jesus: Two Visions* (with Marcus Borg, London: SPCK; San Francisco: HarperSanFrancisco, 1999), ch. 6.

220

Так называемые другие евангелия – Фомы и прочие – отличаются именно тем, что никогда не рассматривают царство Божье на земле, как и на небесах, а одновременно не желают говорить о спасительной смерти Иисуса. Вот почему они так привлекательны для тех, кто сегодня, как и во времена создания этих текстов, предпочитает эскапизм и духовность самопознания. Об этом из современных работ см., например, *Nicholas Perrin, Thomas: The Other Gospel* (London: SPCK, 2007); *Darrell L. Bock, The Missing Gospels: Unearthing the Truth Behind Alternative Christianities* (Nashville, TN: Thomas Nelson, 2006).

221

Мк 12:18–27 и пар, где содержится ссылка на Исх 3:6; см. мою книгу *The Resurrection of the Son of God* (London: SPCK; Minneapolis: Fortress Press, 2003), 416–429.

222

Из современных работ см. *Eric Metaxas, Amazing Grace: William Wilberforce and the Heroic Campaign to End Slavery* (San Francisco: HarperOne, 2007).

223

Например, *F. A. Hayek, The Road to Serfdom: Text and Documents*, ed. Bruce Caldwell (Chicago: University of Chicago Press, 2007).

224

Слово «саддукей» использовалось как наименование интеллектуального движения в немецком Просвещении, которое, следуя по стопам Спинозы, вело к атеизму, позволявшему человеку делать все, что он хочет. Об этом см. *Jonathan I. Israel, Radical Enlightenment, Philosophy and the Making of Modernity 1650–1750* (Oxford: Oxford University Press, 2001), 154, 367 и др.

225

Об этом см. мою книгу *Simply Christian* (London: SPCK; San Francisco: Harper-SanFrancisco, 2005), Part I.

226

2 Кор 6:17.

227

Я написал эту главу до знакомства с трудом С.Д. Н. Wright, *The Mission of God: Unlocking the Bible's Grand Narrative* (Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2006). Данная работа Christopher Wright (мы не родственники) показывает, что это один из ведущих авторов из тех, кто пишет о миссии церкви, опираясь на Библию.

В древних рукописях Евангелие от Марка заканчивалось стихом 16:8. Исследователи Нового Завета считают, что аутентичная концовка могла быть утрачена, либо ее просто не существовало, и Евангелие от Марка в своей древнейшей редакции завершалось рассказом о бегстве женщин из гробницы и охватившем их страхе. Эпилог: стихи 9–20 были добавлены переписчиками в текст при включении Евангелия в канон. – Прим. ред.

228

О лк 24 см., например, мою книгу *The Challenge of Jesus* (London: SPCK; Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2000), ch. 7.

229

Подробнее об этом см. мои работы: *Challenge*, ch. 8; *The Resurrection of the Son of God* (London: SPCK; Minneapolis: Fortress Press, 2003), ch. 17; а также, в совершенно ином жанре, *Easter Oratorio*, музыка Paul Spicer, слова Tom Wright, исполняет Birmingham Bach Choir, запись издана Farringdon Records: см. www.easteroratorio.com.

230

ис 55:11–13.

231

ин 20:21.

232

Интересные ответы на те же вопросы см. в работе J. L. Martyn, 'Epistemology at the Turn of the Ages' in W. R. Farmer, C. F. D. Moule and R. R. Niebuhr (eds), *Christian History and Interpretation: Studies Presented to John Knox* (Cambridge: Cambridge University Press, 1967) 269–287.

233

ин 20:28.

234

Ludwig Wittgenstein, *Tractatus Logico-Philosophicus* (London: Routledge & Kegan Paul, 1974), 74.

235

Деян 1:6. О деяниях см. мою книгу Acts for Everyone (London: SPCK; Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2008).

236

Пс 71:8. Сравни с представлениями о всемирном царствовании Давида, например Ис 9; 11; 42 и др.

237

Деян 1:8.

238

Иосиф Флавий, Иудейские древности, глава 19.

239

Деян 28:31.

240

Деян 4:2.

241

Деян 17:31. См. Эсхил, Емениды 647 слл. (обсуждение в RSG, 32).

242

Флп 1:23.

243

Ср. Евр 2:8 слл, где также используется Пс 8.

244

Так в переводе New Revised Standart Version, но и тут может показаться, что речь всего лишь идет о мнении, которое может оказаться неверным, тогда как Павел подчеркивает, что это правда относительно каждого человека, живущего во Христе.

Тут лучше поставить глагол вроде «подсчитайте», потому что речь идет не об очевидной истине, но надо совершить некоторое исследование, «подсчет», чтобы убедиться в ее справедливости.

245

Ср. Рим 10:9–10.

246

Кол 3:5–9.

247

Еф 4:21–5:20.

248

См., в частности, John Inge, *A Christian Theology of Place* (London: Ashgate, 2003).

249

Ин 4:24.

250

См. мою книгу *The Myth of the Millennium* (London: SPCK, 1999; в США под названием *The Millennium Myth*, Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 1999).

251

См. Ин 20:1, 19, 1 Кор 16:2.

252

Яркое и трогательное описание христианской жизни с этой точки зрения содержится в книге Samuel Wells, *God's Companions: Reimagining Christian Ethics* (Maiden, MA and Oxford: Blackwell, 2006).

253

Флп 4:8.

254

1 Петр 1:3.

255

Здесь я в целом следую ходу мысли, который был начат в книге *Simply Christian* (London: SPCK; San Francisco: HarperSanFrancisco, 2005), ch. 12.

256

Иов 13:15.

257

Ин 16:27.

258

Ин 20:17.

259

Откр 5:12.

260

Главная тайна Библии. Том Райт filosoff.org
См. мою книгу *Scripture and the Authority of God* (London: SPCK, 2005; в США под названием *The Last Word*, San Francisco: HarperSanFrancisco, 2005).

261

Уже написав эти строки, я нашел такое утверждение у Витгенштейна (который сам был евреем): «Ветхий Завет [следует] рассматривать как тело без головы, Новый [Завет] как голову, а Послания апостолов как венец на голове. Когда я размышляю о Еврейской Библии, Ветхом Завете, отдельно, мне хочется сказать, что тут пока еще не хватает головы. Не хватает разрешения проблем, обозначенных Ветхим Заветом. Не хватает исполнения его надежд. Но я не обязательно представляю себе голову с короной». *Culture and Value: A Selection from the Posthumous Remains*, ed. G. H. von Wright et al., tr. Peter Winch (Oxford: Blackwell, 1998), 40e.

262

Рим 1:32.

263

1 Кор 13:9–12.

264

Несколько измененный текст, опубликованный на Пасху 2003 года на сайте *Ship of Fools*: www.shipoffools.com.

265

Намек на одного англиканского священника, который, взойдя на кафедру, перед началом проповеди на глазах у изумленных прихожан съел нарцисс в дидактических целях. – Прим. пер.

266

Тексты Нового Завета даны в переводе игумена Иннокентия (Павлова). Вводные статьи к ним взяты из: Игумен Иннокентий (Павлов), *Что такое христианство?* – М.: Эксмо, 2008.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!